

Дэвид Игнатиус Совокупность лжи

Посвящается Еве

Предисловие автора

Описанные в книге события слишком похожи на реально происходящие в наши дни, но тем не менее это произведение целиком и полностью художественное. Персонажи романа, организации, в ней упомянутые, являются вымышленными. Я дал разведывательному ведомству Иордании название, совпадающее с настоящим, но лишь для колорита, а все остальное — выдумка. Я в большом долгу перед моими друзьями из самых разных стран, которые разделяют со мной смешанное чувство восхищения и отчаяния, возникающее при мысли о Ближнем Востоке, и которые в течение многих лет старались направить меня на путь истинный. Они, отважные, рискующие собой ради того, чтобы сделать жизнь в этой части света лучше, и есть настоящие герои книги.

Нескольким людям я хочу выразить особую благодарность. Джонатану Шиллеру, с которым мы дружим уже более сорока лет и который любезно предоставил мне рабочее место в своей юридической фирме «Бойе, Шиллер и Флекснер», где я долгими месяцами украдкой работал над книгой. Еве Игнатиус и Гаррету Иппсу, прочитавшим первые варианты рукописи. Моим несравненным литературным агентам, Рафаэлю Сагейлину, Бриджит Вагнер и Эбену Гильфенбауму, которые постоянно подбадривали и подгоняли меня. Бобу Букмэну из «Кризис-артист эдженси», который дал мудрые советы по поводу сюжета и персонажей. Моему редактору Стерлингу Лоуренсу из издательства «Нортон», который проводил настоящие мастер-классы по писательскому искусству, покрывая поля рукописи едкими примечаниями. И наконец, моему другу и начальнику из «Вашингтон пост» Дональду Грэхэму.

Обман и введение противника в заблуждение всегда были одним из основополагающих принципов войны. Рюс де гер, военные хитрости, в том или ином виде фигурируют практически во всех историях войн, начиная с троянского коня, а может, и раньше. В эти игры играют столь долго, что в настоящее время непросто выдумать новые методы маскировки намерений и концентрации сил. Более того, при разработке и осуществлении подобных планов следует действовать с максимальной тщательностью. В противном случае люди не только не обманут врага, но и выставят себя на посмешище.

Лорд Исмей, предисловие к книге «Человек, которого никогда не было», 1953

На то, чтобы найти правильное тело, ушел почти месяц. Роджер Феррис выдвигал совершенно четкие требования: мужчина тридцати с небольшим лет, физически крепкий, предпочтительно — светловолосый, но совершенно определенно — европеоид. Без очевидных следов физических травм и заболеваний.

И конечно же, без пулевых ранений. Иначе впоследствии все окажется чересчур сложным.

Большую часть этого времени Феррис находился на задании, на Ближнем Востоке, так что со всеми тонкостями пришлось разбираться его боссу, Эду Хофману. А Хофман не мог поручить поиск тела своим коллегам без риска того, что они оповестят комитет конгресса или еще где-нибудь напортачат. Однако в наши дни вы без труда можете найти среди военных человека, который сделает для вас почти всё. Так что Хофман связался с одним амбициозным полковником из штаба Джей-2 в Командовании спецопераций на базе ВВС Мак-Дилл во Флориде, который уже помогал ему в других делах. Он объяснил, что ему нужна услуга, и на сей раз весьма странная. Нужен мужчина, белый, ростом примерно метр восемьдесят, среднего возраста, достаточно мускулистый, чтобы можно было поверить, что это оперативник, но не слишком, чтобы не быть похожим на простого стрелка. В идеале кандидат также не должен быть обрезанным. И он должен быть мертв.

Полковник нашел тело спустя три недели в море на юге Флориды. Для этого он воспользовался услугами отставных офицеров, работающих частными охранниками и заявлявших, что они могут сделать буквально все. Найденный мужчина погиб за день до этого — он утонул, катаясь на доске у побережья Мексиканского залива. Он был юристом из Чикаго, а здесь проводил отпуск. Физически крепкий, шатен, без всяких болячек и с крайней плотью. Его звали Джеймс Борден, ему было (пока он не умер) тридцать шесть. Тело абсолютно подходило им по всем параметрам, за исключением одного — через два дня его должны были кремировать в Хайленд-парке в штате Иллинойс. Это было проблемой. Хофман спросил полковника, приходилось ли ему когда-нибудь инсценировать незаконное вторжение с подменой трупов. Полковник ответил, что нет, но он с энтузиазмом сделает все. В ЦРУ Хофман не часто слышал такие заявления.

Они разработали операцию, по сути напоминавшую подтасовку карт. Один труп отправился в грузовом отсеке самолета в Форт-Майерс, другой — в О'Хэйр. Гробы были одинаковыми, но во втором лежало тело семидесятивосьмилетнего пенсионера, бывшего сотрудника страховой фирмы, умершего от сердечного приступа. Полковник отправил на похороны в Хайленд-парк сержанта, который должен был проследить за тем, чтобы в последний момент кому-нибудь не пришло в голову при всем народе открыть гроб. Конечно, они придумали страховочный вариант и на такой случай — рассказать что-нибудь об ужасной ошибке, которую допустила авиакомпания, перепутав два гроба при транспортировке, но поменять уже ничего нельзя, поскольку второе тело уже кремировано в Милуоки... Но этого не потребовалось.

Труп Джеймса Бордена не был идеален, но совсем чуть-чуть. Торс мускулистый, однако животик уже немного отвисает, да и на темени залысина. Кроме того, выяснилось, что у него было неопущение одного яичка. Чем больше Хофман размышлял по поводу этих несовершенств, тем больше они ему нравились. Это нормальные, обычные для человека небольшие отклонения, и за их счет обман станет куда более правдоподобным. В идеальной ловке всегда должны быть мелкие ошибки.

Теперь предстояло создать этому трупу историю. Он сменил имя, став вместо Джеймса Бордена Гарри Микером. Они сняли квартиру на имя Гарри Микера в Александрии, оформили на него домашний и мобильный телефоны. Взяв фотографию Бордена из его водительского удостоверения, выданного в Иллинойсе, они получили удостоверение личности из штата Виргиния, а затем и паспорт. Сотрудник вспомогательного отдела нанес на них все необходимые

печати. Чтобы вставить в паспорт хорошую фотографию, коллега Хофмана Сами Азхар зашел на интернет-сайт фирмы, в которой работал Борден, и скачал его портрет, который фирма использовала для рекламных рассылок.

Легальной работой Гарри Микера стал пост в американском Управлении международного развития, поэтому пришлось изготовить идентификационную карточку ЮСЭЙД. Они также изготовили его визитные карточки, с личным добавочным номером на рабочем телефоне. Префикс был правильный, 712, но при звонке записанный звук звучал глухо, не как голос реального секретаря, а скорее как некоего человека, прикрывающего Микера. Они забронировали за Микером место на парковке у штаб-квартиры ЮСЭЙД в Рейган-билдинг на Пенсильвания-авеню и положили в его бумажник карточку с ее номером. Это было самым простым. Обычная процедура, когда ЦРУ создавало для сотрудника комплексное прикрытие. Теперь предстояло сделать из Гарри Микера реального человека.

Гарри была нужна одежда. Хофман совершенно игнорировал моду и надевал все, что покупала ему в «Таргете» жена, поэтому он не стал отправляться за такого рода покупками. Азхар направился в «Нордстром», чтобы подобрать одежду, соответствующую стилю жизни современного и легкого на подъем человека, типичного жителя Северной Виргинии. Одежда должна была быть стильной и удобной. Согласно разработанной легенде, Гарри Микер представлял собой многообещающего молодого сотрудника ЦРУ из Контртеррористического центра, располагавшегося в штаб-квартире в Лэнгли. Парень на средней ступени карьерной лестницы, старающийся поймать свой шанс, сообразительный, немного знающий арабский язык и смекалистый, — достаточно, чтобы возиться с деликатными поручениями. Они пока не знали точно, куда в конечном счете отправится это тело, но, скорее всего, это будет где-нибудь у северной границы Пакистана, а там бывает холодно. Поэтому Азхар купил блейзер из ткани средней плотности, широкие брюки в складку из шерстяной ткани фирмы «Докерс», белую рубашку, которую можно носить без галстука, и ботинки на рифленой резиновой подошве, в которых с одинаковым успехом можно было ходить и в городе и в горах. Всю одежду он несколько раз постирал, пока не сошел глянец новых вещей, но с ботинками дело обстояло сложнее. Они выглядели слишком новыми, даже после того, как их усиленно помяли. А нужно было, чтобы ботинки выглядели реально, так, будто в них не один день находились ноги, которые, между прочим, потеют. Азхар надел две пары носков, чтобы не стереть ноги, и неделю носил ботинки.

Что же с частной жизнью Гарри Микера? Феррис практически настоял на том, что Гарри Микер должен быть разведен, и это была вполне естественная мысль, которая возникла бы у любого, когда речь заходит о сотруднике ЦРУ. Итак, он бросил первую жену и сейчас находится в свободном полете. Чтобы сделать намерения на это, Азхар изготовил письмо от некоего юриста, представляющего интересы «Эми», в котором юрист сообщал Микеру новый адрес бывшей жены для высылки алиментов, а также предостерегал его от попыток личных контактов с «Эми». То ли Микер дерьмо, то ли его жена нашла себе кого-то нового? В любом варианте это должно было сработать.

Что ж, теперь Гарри Микеру нужна подружка. Она должна быть хорошенькой, сексуальной и уравновешенной. Фильмы про Джеймса Бонда смотрели все, и джихадисты — не исключение, поэтому все люди считают, что у настоящего американского шпиона под рукой всегда должна быть хорошенькая «штучка». Хофман предложил фотографию блондинки с пышным бюстом в бикини, но Азхар возразил, что такие образы, наподобие Памелы Андерсон, — это чересчур. Да, девушка должна быть вполне сексуальной, но такой, о которой можно подумать, что она тоже может работать в Управлении. Феррис добавил к этому идеальный

штрих — она должна быть афроамериканкой. Это несколько необычно и именно потому абсолютно правдоподобно. Хофман предложил кандидатуру своей секретарши, прелестной девушки с кожей цвета шоколада и ослепительной улыбкой. Он спросил ее, не возражает ли она против того, чтобы сфотографироваться в блузке с глубоким вырезом. Ее звали Дениз, что вполне укладывалось в их концепцию, и, когда фотография была готова, Хофман попросил ее подписать снимок: «Люблю тебя, милый. Дениз» — и нарисовать маленькое сердечко.

Феррис подумывал о том, чтобы сочинить для Микера любовное письмо, но затем решил, что это будет выглядеть надуманно. Ведь люди уже не пишут любовных писем на бумаге, они посылают их по электронной почте. Конечно, у Гарри Микера вряд ли будет при себе компьютер, но Азхар составил несколько текстовых сообщений и записал их в мобильный. Эти два сообщения были отправлены с телефона Дениз. Первое состояло из двух простых слов — «мой сладкий». «Возвращайся, милый, очень скучаю по тебе, целую» — было в следующем. Сексуально, но не грубо. Хофман сказал, что хорошо бы положить Гарри в бумажник презерватив, подразумевая, что он не прочь гульнуть на сторону, оказавшись вдали от дома.

Дело с мобильным оказалось хлопотным. Азхар ввел в него номера Дениз, штаб-квартиры ЮСЭЙД, а затем вписал имя и телефон еще одной воображаемой подружки, Шейлы, а также вымышленного друга Расти, не став выдумывать для него чего-то сложного и попросту вписав свой домашний номер. Чтобы подбросить кусок мяса для наживки, Азхар сделал несколько звонков на мобильный Микера с внутренних телефонов ЦРУ, в которых был хорошо известный префикс 482. Еще несколько приманок во «Входящие» и «Исходящие» — пара ресторанов в «Маклин», неподалеку от Управления, несколько номеров из Пентагона, номера посольств США, в Исламабаде и Тбилиси. Мобильный телефон — это своего рода цифровой дневник жизни любого человека. И не надо было долго возиться с телефоном Гарри Микера, чтобы заподозрить, что у этого человека была жизнь, полная секретов.

В один из дней поздней осенью они принялись одевать труп. Это происходило в специально оборудованной холодной комнате, которую Хофман распорядился устроить в подземном помещении ЦРУ под поверхностью Северной стоянки. Кожа Гарри была цвета пожелтевшей слоновой кости или гаснущей неоновой лампы и ледяная на ощупь. Волосы слегка спутаны, поэтому их пришлось сбрить почти полностью, так что труп стал немного напоминать Брюса Уиллиса. Обнаженный Гарри лежал на каталке, со своим неопустившимся яичком и всем прочим.

— Боже, наденьте на этого парня хоть какую-то долбаную одежду! — сказал Хофман.

Он подразумевал короткие трусы, но Азхар дернул головой. «Думаю, нет», — сказал он. Они нашли застиранные «боксеры» и натянули их на тело. С минуту они думали, следует ли Гарри носить майку, потом решили, что это будет слишком изнеженно. Надеть на него рубашку и брюки было просто, но вот ботинки оказались еще одной проблемой. Ноги были холодными и твердыми от трупного окоченения и совершенно не гнулись в пальцах и голеностопе. Хофман послал секретаршу купить портативный фен, при помощи которого они слегка прогрели ступни, чтобы они хоть как-то сгибались.

Наконец настала очередь карманного мусора — всяких мелких бумажек в карманах и бумажнике, которые либо сделают Гарри Микера правдоподобным, либо выдадут его с головой. У них был чек из «Афганской долины», ресторана в «Маклин», куда часто ходили на ланч сотрудники ЦРУ, чек, проплаченный с карточки «Виза», оформленной на Микера. Хофман добавил еще один чек, из

любимого ресторана сотрудников Управления, где их счета оплачивались как накладные расходы, — «Колвин ран таверн» Кинкида, в Тайсон-Корнер. Примерно двести долларов за обед на двоих. Возможно, у Гарри появились серьезные намерения относительно Дениз. Феррис добавил к этому карточку из ювелирного магазина в Фэйрфаксе с припиской от руки: «2 карата — 5000 баксов???» Гарри подумывал о том, чтобы обручиться, но денежный вопрос его беспокоил. Азхар советовал положить квитанцию из химчистки «Паркс фабрик кэа» в торговом центре «Маклин». Люди постоянно забывают забрать вещи из стирки, отправляясь в поездку. Да, и еще чек с заправки «Экссон» на шоссе 123, перед въездом в Управление. Хороший штрих. Как и купон на бесплатную мойку на заправке в Александрии, неподалеку от квартиры Гарри.

Хофман подумал, что у Гарри должен быть плеер, iPod, и они принялись спорить, какую музыку должен был предпочитать их воображаемый сотрудник. И тут Азхара осенило — в плеере не должно быть музыки, там должен быть курс арабского языка. Кто бы ни нашел тело, он часами будет вслушиваться в эти фразы, ища в них тайный код, пока не догадается, что это всего лишь курс разговорного арабского. Именно это должно было быть в плеере у амбициозного, заботящегося о самосовершенствовании оперативного сотрудника — до раздражения по-американски. У Хофмана оказался старый корешок билета с матча «Вашингтон Редскинс» в плей-офф, и он положил его Гарри в один из карманов куртки.

Финишные штрихи будут позднее. Документы, которые Гарри собирался передать своему связному в «Аль-Каеде». Фотографии и телеграммы, которые взорвутся, как виртуальные бомбы замедленного действия, когда они распространятся по Сети. Свидетельства того, что враг начинает разлагаться, его предадут собственные сотрудники. Со всей тщательностью они создавали ядовитую пилюлю, аккуратно обернутую, выглядящую искушающе достоверно, так, чтобы враг сразу ее заглотил. Гарри Микер был этой пилюлей, которая могла отравить и взорвать все тело врага, от артерий до капилляров. Но сначала враги должны были поверить в эту ложь.

Глава 1

Берлин

Спустя четыре дня после взрыва заминированного автомобиля в Милане Роджер Феррис отправился в Берлин вместе с шефом иорданской разведки Хани Саламом. На базе в Аммане творился настоящий хаос: весь седьмой этаж стоял на ушах, крича и требуя хоть какой-то информации о подрывниках в Милане, которую директор смог бы представить президенту. Ну, да в штаб-квартире всегда вопят по любому поводу, подумал Феррис. Поездка с Хани куда важнее. И на этот раз он был прав.

Феррис слышал много историй о могуществе иорданского разведывательного ведомства. Но до поездки в Берлин ему еще не приходилось видеть его сотрудников в деле. Вербовка планировалась и готовилась месяцами, но на стадии выполнения оказывалась проще пареной репы. Проблема, имеющая единственное решение. Феррис не задумывался о том, сколь много сложных деталей не попадало в поле его зрения, лабиринт выглядел столь совершенным, что не приходило в голову спросить, не является ли он частью другого, куда более сложного. Путь к выходу был ярко освещен, так что вы даже и не думали о том, не вход ли это куда-то еще.

Они отправились в многоквартирный дом в восточном пригороде Берлина. Бледное октябрьское солнце придавало облакам металлический отблеск, квартал был окрашен в цвета грязно-коричневой штукатурки, масляных луж на выбоинах в

асфальте и старых ржавых «трабантов», припаркованных у бордюра. Вдалеке посреди улицы несколько мальчишек турецкой внешности пинали футбольный мяч, доносился шум машин с Якобштрассе, находившейся в квартале отсюда. Кроме этого ничто не нарушало тишину. Впереди виднелся квартал мрачных многоквартирных домов, построенных десятилетия назад для рабочих близлежащего завода. Теперь они стали городскими руинами, пристанищем иммигрантов, незаконных поселенцев и немногих стареющих немцев, слишком оцепеневших или деморализованных, чтобы переехать отсюда. Из немногих открытых окон доносились запахи еды, но не шницелей и капусты, а чеснока и дешевого оливкового масла.

Феррис был ростом под метр восемьдесят, с блестящими черными волосами и мягкими чертами лица. Он часто улыбался, а искорка в его глазах создавала впечатление интереса даже тогда, когда этого и близко не было. Единственным изъяном в его внешности была хромота, результат ранения, случившегося полгода назад, когда в его машину, ехавшую к северу от Балада в Ираке, выстрелили из РПГ. Феррису повезло. Ногу изрешетило осколками, но он выжил в отличие от агента-иракца, который вел машину. Все говорят, что настоящие разведчики — неприметные люди, которых трудно выделить из толпы в людном месте. С этой точки зрения Феррис выбрал себе неправильную профессию. Он был жаден до нового и нетерпелив, всегда ища того, чего у него еще не было. И это тоже делало его заметным.

Он шел позади Хани и Марвана, его помощника. Аккуратно перешагивая через всевозможный хлам, рассыпанный вокруг переполненного мусорного бака, они направились к черному ходу. Стена была испещрена причудливо выписанными буквами граффити на смеси немецкого и турецкого языков. Слово рядом с дверью, похоже, означало «Аллах». А может, «АББА». Хани приложил палец к губам и показал на окна на третьем этаже. Сквозь коричневые занавески пробивался свет. Их цель дома, ничего странного. Люди Хани следили за квартирой несколько месяцев, и они не были склонны ошибаться.

Хани Салам был худощавым, элегантно одетым иорданцем с блестящими черными волосами, слишком черными для человека, которому уже под шестьдесят, но седина в усах выдавала его возраст. Он возглавлял Управление общей разведки — так называли иорданское разведывательное ведомство. Властный, учтиво говорящий мужчина; люди обычно почтительно обращались к нему, называя его Хани-паша. Феррис поначалу считал его опасным, но после пары недель общения стал воспринимать как эстрадного певца Дина Мартина, только в арабском обличье. Хани Салам был крут, от сверкающих ботинок и до дымчатых темных очков. Как и большинство преуспевающих людей на Востоке, он вел себя сдержанно и даже несколько застенчиво. Его изящные манеры напоминали британские, знакомые Феррису по семестру, давным-давно проведенному на стажировке в Сандхерсте. Но фундаментом характера этого человека был дух вождя племени бедуинов, великодушного, но скрытного. Такие люди никогда не расскажут вам всего, что они знают.

Однажды, когда Хани впервые показывал Феррису штаб-квартиру УОР в Аммане, он пошутил насчет того, что иорданцы так боятся его, что называют его ведомство «подноготной фабрикой».

— Сам понимаешь, эти люди очень глупы, — сказал он тогда, отмахиваясь.

Конечно же, он не позволял своим людям выдирать у заключенных ногти. Это не срабатывает. Ведь такие пленники скажут все, что угодно, чтобы только прекратить боль. Хани не обращал внимания на то, что его считают кровожадным, ему куда больше не понравилось бы, если бы о нем подумали, что он плохо работает. Во время того первого визита Хани рассказал Феррису, как они обращаются с пленниками из «Аль-Каеды». Они держат этих молодых мужчин пару дней без сна в

«синем отеле», как называют иорданцы комнату для допросов, а затем показывают им фотографию кого-нибудь из родителей, братьев или сестер. Часто уже этого бывает достаточно. Мысли о семье могут сделать с человеком то, чего не сделает тысяча ударов надзирателя, уверял Хани. Они ослабляют волю к смерти и пробуждают волю к жизни.

Люди из Лэнгли всегда называли Хани профессионалом. Было, конечно, в этом что-то от снисхождения, как у белых людей, называющих внятно говорящего негра человеком с грамотной речью. Но похвалы в адрес Хани маскировали тот факт, что Управлению приходилось полагаться на этого человека больше, чем следовало. В качестве нынешнего главы иорданского отделения Феррис должен был установить постоянные взаимоотношения с главой союзнической службы. И когда пару дней назад Дин Мартин собственной персоной в личной беседе предложил ему участвовать в операции в Германии, это стало большим шагом вперед. Бумагомаратели ближневосточного отдела считали, что ему следует оставаться на рабочем месте и отвечать на все телеграммы относительно взрыва в Милане, но вмешался Эд Хофман, начальник отделения.

— Они идиоты, — сказал он про подчиненных, пытавшихся воспрепятствовать поездке Ферриса. И попросил Ферриса позвонить по окончании операции.

Иорданец аккуратно открыл дверь черного хода и махнул рукой Феррису и Марвану, чтобы они проходили внутрь. В коридоре было темно, стены пахли плесенью. Идя на цыпочках в своих кроссовках «Джермин Стрит», Хани начал подниматься по бетонным ступенькам лестницы. Единственным звуком был лишь свист в его прокуренных легких. Марван пошел следом. Он больше походил на уличного громилу, которому приказали привести себя в порядок, чтобы не шокировать Ферриса. Шрам на правой скуле у самого глаза, поджарое и жесткое тело, как у бродячего пса из пустыни. Феррис последовал за ним. Хромота была почти незаметна, но нога все равно болела.

У Марвана был с собой автоматический пистолет, его очертания угадывались под курткой. Когда они поднимались по лестнице, Марван осторожно вынул оружие из кобуры. Все трое держались рядом и шли практически в ногу. Хани замер, услышав звук открывающейся двери этажом выше, и повернулся к Марвану. Тот кивнул и прижал руку с пистолетом к бедру. Но это оказалась всего лишь старая женщина-немка, отправившаяся за покупками с сумкой-тележкой в руках. Она прошла мимо троих стоявших на лестнице мужчин, даже не посмотрев на них.

Хани снова двинулся вверх по лестнице. Все, что он сказал Феррису в Аммане, — это то, что они многие месяцы готовили операцию.

«Пошли, посмотришь, как я спущу курок», — сказал он тогда. Феррис не знал, собираются ли Хани и Марван в самом деле кого-нибудь застрелить. С технической точки зрения это было бы незаконно, но в штабе не будут беспокоиться, если он напишет свой доклад в правильном ключе. Они уже перестали быть привередливыми в такого рода делах. Америка ведет войну. А законы военного времени отличаются от обычных. По крайней мере, Хофман всегда высказывался именно так.

Когда они дошли до третьего этажа, иорданец жестом приказал им остановиться. Достав из кармана мобильный, он приложил его к уху и прошептал что-то по-арабски. Затем кивнул, и все трое тихо подошли к двери квартиры с номером «36». Хани знал, что в этот день Мустафа Карами будет дома. На самом деле он знал об этом человеке почти все — работа, привычки, одноклассники по школе в Зарке, семья, оставшаяся в Аммане. В какую мечеть в Берлине он ходит молиться, какими номерами мобильных пользуется, какая *хавала* посылает ему средства из Дубай. Самое главное, он знал, когда именно Мустафа Карами побывал в Афганистане и вступил в «Аль-Каеду», кто из членов организации выступает его доверенным лицом

и кто с ним на связи. Хани, так сказать, изучил его с головы до ног, и теперь настала пора экзамена по курсу.

Когда Хани приблизился к двери, Марван поднял пистолет. Феррис стоял в тени в паре метров позади. У него под пальто в нагрудной кобуре тоже был пистолет, и сейчас он положил правую руку на его рифленую металлическую рукоять. Из другой квартиры, этажом выше, донеслись едва различимые звуки арабской музыки. Хани поднял руку, давая сигнал готовности. Затем он один раз громко стукнул в дверь, сделал паузу и постучал еще.

Дверь со скрипом открылась. «Простите?» — буркнул кто-то по-немецки. У Карамии на двери была цепочка, и он обеспокоенно смотрел наружу. Увидев незнакомые лица, он попытался захлопнуть дверь, но Хани молниеносно подставил ногу, помешав ему.

— Привет, Мустафа, друг мой, — сказал Хани по-арабски. — Аллах велик. Мир тебе.

Марван поставил ногу так, чтобы при необходимости вышибить дверь.

— Что вам нужно? — раздался голос из квартиры. Цепочка на двери все еще была на месте.

— Я знаю человека, который хочет поговорить с тобой, — сказал Хани. — Возьми телефон, пожалуйста. Это всего лишь телефон, не бойся.

Он медленно передал мобильный телефон сквозь приоткрытую дверь. Поначалу Карамии даже не прикоснулся к нему.

— Возьми телефон, дорогой, — тихо сказал Хани.

— Зачем? Кто мне звонит?

— Поговори со своей матерью.

— Что?

— Поговори со своей матерью. Она хочет услышать тебя, хотя бы по телефону.

Молодой араб приложил трубку к уху и услышал голос, которого не слышал уже три года. И не сразу понял, что ему говорят. Мать сказала, что гордится своим сыном и всегда знала, что он преуспеет в жизни, даже тогда, когда он был мальчишкой-школьником в Зарке. А сейчас он делает великое дело. Он прислал ей деньги, холодильник и даже новый телевизор. С этими деньгами она сможет найти новую квартиру, где будет сидеть в кресле, глядя на закат над холмами. Она так гордится тем, что он достиг успеха. Благодарение Аллаху, он отличный сын. Мечта матери, благословение Аллаха. Она плакала. Когда она попрощалась с ним, Мустафа тоже расплакался. От счастья, что услышал мать, и от ужаса, что его все-таки поймали.

— Ты — мечта твоей матери, — сказал Хани.

— Что вы с ней сделали? — спросил Мустафа, вытирая слезы. — Я не делал ничего из того, о чем она говорила. Вы ее разыграли.

— Разрешите мне войти, и мы поговорим.

Мустафа замешкался, словно ища пути к бегству, но понял, что он теперь полностью во власти Хани. Отцепив цепочку, он открыл дверь. Трое мужчин вошли в квартиру. Мрачная комната, ни следа мебели и отделки, только матрас у стены и молитвенный коврик в стороне, обращенной к Мекке. Худощавое тело Мустафы обмякло и согнулось, словно брошенная одежда.

— Чего вы хотите? — спросил он. Его руки тряслись.

— Я помог твоей матери, — ответил Хани, угрожающе надвигаясь на молодого человека. Ему даже не пришлось говорить очевидное — что он может причинить зло его матери точно так же, как помог.

— Вы разыграли ее, — повторил Мустафа с дрожью в голосе и теле.

— Нет, мы помогли ей. Мы дали ей множество подарков и сказали, что их прислал ее любимый сын. Мы свершили *хасана*, доброе дело, — сказал Хани и

сделал паузу.

— Она в тюрьме? — спросил Мустафа. У него все так же дрожали руки. Хани дал ему сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Конечно нет. Разве она говорила с тобой как человек, сидящий в тюрьме? Она в радости. И я хочу, чтобы она так же радовалась до скончания дней своих.

Феррис смотрел на все это из угла широко открытыми глазами. Он боялся шелохнуться, чтобы не сбить заданный Хани настрой. В своем роде, его начальство оплатило это шоу, но сейчас он был лишь одним из зрителей.

Пауза затянулась, пока Мустафа обдумывал услышанное. Они добрались до его матери. Они выставили его героем перед ней. Они могут уничтожить и его, и его мать, если пожелают. Таковы факты.

— Чего вы от меня хотите? — наконец спросил Мустафа.

Феррис тщательно прислушивался к его арабской речи, стараясь не пропустить ни слова. У него было ощущение, что он присутствует на премьере мастерски поставленного спектакля. Хани пальцем не прикоснулся к жертве, не угрожал ей открыто и даже не давил на нее, если быть откровенным. В этом и была вся прелесть операции. Хани выстроил колею, реку, по которой жертву несло, помимо ее воли и абсолютно неотвратно.

— Мы хотели бы, чтобы ты помог нам, — сказал Хани. — И это будет очень просто. Мы хотим, чтобы ты жил так же, как и до сегодняшнего дня. Мы не хотим, чтобы ты стал предателем, или плохим мусульманином, или совершил что-то из того, что называют *харам*. Мы только хотим, чтобы ты был нашим другом. И хорошим сыном.

— Вы хотите, чтобы я стал вашим агентом.

— Нет-нет, ты не понял. Об этом мы поговорим позднее. Для начала я хочу дать тебе специальный телефон, чтобы ты мог выходить на связь со мной, — сказал Хани, протягивая ему небольшой радиотелефон.

Мустафа поглядел на аппарат так, будто это была готовая взорваться граната.

— Я встречусь с тобой завтра, в безопасном месте, где мы сможем поговорить, — продолжил Хани, передавая ему визитную карточку с адресом в пригороде Берлина. — Пожалуйста, запомни адрес, а потом верни мне карточку.

Мустафа отвернулся, словно пытаясь найти выход из сетей, в которые он попался.

— А что, если я скажу «нет»? — спросил он дрожащим голосом.

— Твоя мать будет опечалена. Она гордится тобой. Ты — благословение Аллаха для старой женщины. Именно поэтому, я уверен, ты не откажешься.

Слова были очень мягкими в отличие от взгляда. Мустафа должен был понять, что у него нет выхода. Он повернулся обратно и смотрел на карточку секунд десять, а потом закрыл глаза.

— Верни мне карточку, если ты уже готов, — сказал Хани.

Молодой человек еще раз проглядел карточку и отдал ее.

— Хороший мальчик, — сказал Хани, ободряюще улыбаясь. — Значит, мы договорились. Мы встретимся завтра в четыре, на Гендельштрассе, сто четырнадцать. Ты постучишься в комнату пятьсот семь и спросишь, на месте ли Абдул-Азиз. В ответ я спрошу, не Мохсен ли ты, и ты ответишь «да». Я буду под именем «Абдул-Азиз», а ты будешь Мохсеном. Если не сможешь прийти по этому адресу завтра днем, приходи туда же послезавтра в десять утра. Ты понял?

Мустафа кивнул.

— Если ты попытаешься обмануть нас и сбежать, мы тебя выследим. Если ты попытаешься выйти на связь со своими друзьями, мы узнаем об этом. Мы день и ночь следим за тобой. Если ты сделаешь какую-нибудь глупость, ты причинишь вред себе и тем, кого любишь. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Молодой человек снова утвердительно кивнул.

— Повтори имена, время и адрес.

— Абдул-Азиз, Мохсен. Четыре часа дня завтра или, если не смогу прийти, десять утра послезавтра. Адрес — Гендельштрассе, сто четырнадцать, комната пятьсот семь.

Глава иорданской разведки взял Мустафу за руку и потянул к себе. Мустафа послушно поцеловал старшего в обе щеки.

— Храни тебя Аллах, — сказал Хани.

— Благодарение Аллаху, — ответил младший едва слышно.

Вечером, за столиком в опустевшем ресторане на Курфюрстендам, Феррис наконец задал Хани вопрос. Ему не хотелось говорить ни слова, просто наслаждаться последними нотами музыки, которые сыграл маэстро, когда остальной оркестр затих. Но он был обязан задать этот вопрос.

— Парень поможет нам разобраться с миланским делом?

Это единственное, что волновало бы штабных клерков ближневосточного отдела.

— Ну, надеюсь, что да. Если не с Миланом, то со следующим случаем или тем, что последует за ними. Это долгая война, ударов будет много. У нас в руках оказалась новая ниточка, и мы за нее потянем. Посмотрим, что из этого получится. Когда мы узнаем это, возможно, мы сможем разобраться со всеми делами, подобными миланскому. А ты так не думаешь?

Феррис кивнул. По сути, это не было ответом, по крайней мере не такого рода ответом, какой смогли бы понять болваны из ближневосточного отдела. Конечно, они спросят, зачем это Феррис отправился с иорданцами в Берлин, если ему не удалось узнать ничего определенного. И это будет вполне резонный вопрос.

— В самом деле, зачем вы взяли меня с собой? — поинтересовался Феррис. — Я был просто в роли багажа.

— Потому, Роджер, что ты мне нравишься. Ты смысленнее тех людей, которых Эд Хофман обычно присылает в Амман. Я хочу, чтобы ты увидел, как мы работаем, и не делал тех ошибок, которые делают остальные. Я не хочу, чтобы ты был высокомерным. Это же обычная болезнь американцев, не так ли? Я не хочу, чтобы ты тоже умер от нее.

Хани взмахнул рукой, отгоняя сизый дым сигареты. Феррис посмотрел на него. Червь извивается. За месяц до взрыва в Милане был такой же, в Роттердаме. Теперь они начали регулярно применять в Европе заминированные автомобили. Конечно, такая тактика позволяет более легко ловить членов сети, но они становятся все изворотливее. Враг сменил боевой порядок. Его оперативное планирование перешло на новый уровень интенсивности. Чья-то новая рука. Феррис был уверен в том, что Хани тоже понимает это. Вот она, эта ниточка, именно из-за нее они сегодня прибыли в Берлин.

— Кого вы отслеживаете? — тихо спросил Феррис.

— Не могу сказать, дорогой, — ответил Хани, улыбаясь и выпуская клуб дыма.

Но Феррис подумал, что он сам это знает. Хани преследовал того же человека, что и он. Человека, чье присутствие Феррис впервые почувствовал несколько месяцев назад, на конспиративной квартире на севере от Балада, за пару дней до того, как ему изрешетило ногу осколками. Закрывая глаза, Феррис видел, как перед его мысленным взором мелькает чей-то образ — образ человека, посылающего людей с бомбами в столицы государств, тех, которые их граждане по-прежнему считают цивилизованной частью мира. *Это* не было фотографией человека или места, не было даже уверенности в том, что *это* реально существует. Только имя, которое украдкой, шепотом произнес его иракский агент в тот день. Сулейман. Агент

чуть не поперхнулся этим словом, будто само оно, произнесенное вслух, может убить его. Это было личное имя террора.

Глава 2

Амман

Когда на следующий день Феррис вернулся в Амман, город показался ему беспокойным и тревожным. Но в эти дни нервная обстановка царила почти везде. Америка разворошила осиное гнездо в Ираке, и осы жужжали — на каждом базаре, в каждой мечети, по всему арабскому миру. Вскоре то же самое будет во всех торговых центрах на Западе. И это распространение терроризма из Ирака аналитики в Лэнгли называли «умирающим от кровопотери». Когда Феррис летел из Берлина на самолете «Роял Иорданиан эрлайнз», он услышал разговор двух хорошо одетых арабов, летевших, как и он, первым классом и сидевших впереди него, о взрыве в Милане. Говорили со знанием дела. Заминированный автомобиль, да, как в Роттердаме, но побольше. Да, и еще баллоны с пропаном, чтобы усилить взрыв. Наверное, дело «Аль-Каеды», или нет, шиитов, маскирующихся под «Аль-Каеду», да нет, новая группа, еще ужаснее, чем все предыдущие. Они не были уверены ни в чем, кроме одного — во всем виновата Америка.

Даже стюардесса выглядела какой-то испуганной. На ней была обтягивающая задницу красная юбка, облегающий красный жакет и красная круглая шапочка, какой не увидишь ни на ком, кроме как на стюардессах. Было что-то очаровательное в этих «Роял Иорданиан эрлайнз», как и во всей Иордании. Они были словно посреди гигантского прыжка из прошлого в будущее. Но девушка не поддержала его идею поболтать, слегка отвернувшись с гримасой на лице, когда подавала ему еду. Ее лицо словно говорило: «Это ваша вина, американцы».

Феррис чувствовал на себе враждебные взгляды и на паспортном контроле в Аммане. Одновременно с ними прибыл рейс из Тель-Авива, и иорданцы мрачно смотрели на всех, похожих на американцев и израильтян. Евреи. Крестоносцы. Для арабов эти слова стали синонимами. Феррису не терпелось взяться за работу, сделать хоть что-нибудь, чтобы удержать этих сердитых людей, чтобы они не натворили чего-нибудь еще. Дело к вечеру, но в посольстве большинство людей еще работают. Ему нужно позвонить Хофману, просмотреть почту и подумать, что ответить людям, которые спросят, что он, Роджер Феррис, сделал для того, чтобы остановить террористов прежде, чем они объявятся где-нибудь в Пеории или Питаламе.

Шоссе из аэропорта в Амман пестрело множеством рекламных щитов, которые могли бы одурачить вас, заставив думать, что мир все еще на подъеме: реклама конкурирующих компаний мобильной связи, недвижимости в Дубай на берегу моря, Сити-банка, отелей «Фор сизонс» — рог изобилия, простертый всемирным рынком над этими высохшими холмами аравийских пустынь и готовый осыпать их всеми благами цивилизации. Но затем вы видите огромный портрет молодого короля в одежде вождя племени, которую он, конечно же, в жизни не надевал, одного или в обнимку со своим покойным отцом, национальный талисман, словно пытающийся убедить всех, что старый король не умер. Только после этого вы начинаете чувствовать степень нервозности людей, здесь живущих. Эта земля так и осталась землей тайн и лжи, где единственным настоящим вопросом любой политики является вопрос выживания.

Но Феррису нравился Амман именно за это. Беленные мелом здания, словно город был одним большим монастырем, совершенно сбивающие с толку, бесплодная в своей чистоте пустыня, которая каждое тысячелетие сводит людей с ума настолько,

что они придумывают новую религию. Даже в послеполуденную жару Амман был больше похож на обволакивающую сауну, чем на изнуряющую парную Йемена или безжалостную печь Балада. В нем осталось немало от причудливого мира арабов: здесь, на дороге в аэропорт, мальчишки, стоящие за самодельными прилавками, крича, продавали фрукты, овощи и наливали в крошечные чашечки обжигающе-горячий горький и ароматный арабский кофе. Иногда шоссе пересекали отары овец, ведомые пастухами в развевающихся одеждах, будто выброшенных сюда из другой эпохи машиной времени. Как бы она ни старалась выглядеть по-западному, Иордания все равно оставалась Востоком. Сидящие по рынкам продавцы пряностей, предсказатели судьбы и торговцы оружием. Полная тайн жизнь, подключенная к совсем иным, нежели «мир Макдоналдса», источникам энергии.

Жить хорошо было, возможно, не самым главным способом мести миру Запада, но это было единственной целью жизни палестинцев, которые ныне составляли основную часть населения. Они возвращались сюда из Дохи и Рияда, поймав свою небольшую удачу, за счет которой в Аммане можно было построить огромные виллы. Там эти люди веселились, заключали деловые соглашения и хвастались друг перед другом женами, одетыми по западной моде. В современном Аммане самой развивающейся отраслью стала косметическая хирургия. Уважающая себя женщина не могла появиться в свете прежде, чем она приведет в порядок свой нос и грудь. Как в Лос-Анджелесе, только океана рядом нет. В Аммане даже издавался журнал «Хорошая жизнь», с приложениями, где юным арабским девушкам объясняли, где покупать бикини и DVD «Секс в большом городе», а также старинные украшения. Беженцы из Ирака, появившиеся здесь совсем недавно, добавили в этот аромат свой собственный резкий привкус. Они осаждали фирмы по продаже недвижимости и обеспечивали работой тысячи бандитов, которые охраняли их от других бандитов.

Молодой король, похоже, понимал, что алчность стала национальной идеей Иордании. В его правление нация прошла путь от убогой коррупции прошлого к вычурной и сложной коррупции ливанского типа, такой, при которой у некоторых армейских генералов даже появились собственные сборщики дани. Главные шпионы были хорошо известны всем, их секретность не была ни для кого секретом, и их имена разве что не публиковали в газетах. Лицемерие здесь впитывали с молоком матери.

А еще у Иордании был ислам, тайный источник вдохновения и мучений одновременно, как и в любой другой арабской стране. Это было главной причиной для озабоченности в отделении ЦРУ в Аммане, помимо помощи молодому королю. Иорданцы были суннитами, и иерархия мечетей, находящихся на содержании государства, была не менее окостенелой, чем англиканская церковь. Огромная мечеть Хуссейна в старой части города, разукрашенная розовыми и белыми полосами, по пятницам пустовала. Истинно верующие люди шли в небольшие мечети в трущобах и лагерях беженцев за городом или в Зарку — большой промышленный город на севере от Аммана, центр страны, где подполье набирало в свои ряды новых членов. Иногда создавалось впечатление, что шейхи, принадлежащие к фундаменталистским течениям ислама, — единственные в этом государстве, кто способен говорить правду. Они высмеивали коррупцию и упадок, царящие среди новой элиты, открыто выражая гнев, возникающий у каждого бедняка при виде проезжающего «мерседеса» или «БМВ», гнева, который никто, кроме них, не рисковал проявить открыто. Молодой король мог принимать в своих расчудесных отелях у Мертвого моря лидеров Всемирной торговой организации, но на задворках Зарки продавали ковры с портретами Усамы бен Ладена и слушали кассеты с записями его речей, где он объявлял войну Америке.

Феррис назвал это «Магистралью», когда написал доклад Хофману через пару недель после прибытия в Амман. Конспиративная сеть джихадистов пронизывала

Амман, они доставляли людей из Ирака, внедряя их в лимфатические узлы арабского мира, а оттуда — в мировую систему кровоснабжения. Феррис разыскивал эту сеть, сеть, у которой было имя, доставшееся ему в Ираке столь дорогой ценой, разыскивал все два месяца, проведенные в Аммане. Он знал адрес конспиративной квартиры, где вербовали его агента, погибшего в Ираке, знал пару имен людей, курсировавших между Заркой и Рамади. Эти осколки информации едва не стоили ему жизни, но давали хоть какую-то стартовую позицию.

С самого первого дня в Аммане Феррис вцепился в эти немногие факты, как в долото, которое может пробить дыру в подземную пещеру. Он организовал постоянную слежку за конспиративной квартирой в Аммане. УНБ прослушивало телефонные и компьютерные каналы связи всех людей, которые хоть раз появлялись поблизости от этого дома. Наружная разведка следила за всеми автомобилями, выезжающими со двора дома. Феррис не говорил Хани, кого он выслеживает, но подозревал, что в этом и нет необходимости. Побывав в Берлине, он почти уверился в том, что они преследуют одного и того же человека.

Американское посольство в окраинном районе Абдун напоминало разукрашенную крепость с белым мраморным фасадом, в середине которого был въезд во внутренний двор, отделанный камнем цвета красной рыбы. Приятную для глаза, но недоступную. Перед въездом стоял ряд иорданских бронетранспортеров, в которых сидели крюконосые солдаты королевского спецназа в голубой пятнистой форме. Ничего не скажешь, это было посольство нации, находящейся в осаде. Посольский автомобиль въехал внутрь, Феррис вышел и пошел вверх по лестнице, туда, где находились тщательно охраняемые помещения отделения ЦРУ. Когда он вошел, большинство людей все еще сидели за своими столами. Возможно, они хотели произвести впечатление упорной работы, но для Ферриса это было всего лишь знаком того, что они не способны ни на что, кроме как просиживать штаны в посольстве.

Закрыв за собой дверь кабинета, Феррис связался с Хофманом по защищенной телефонной линии. Он уже посылал телеграмму из Берлина, но возможности напрямую поговорить с начальником отдела у него еще не было. За последние несколько лет он понял, что было бы ошибкой предполагать, что ты знаешь, чего именно хочет от тебя Хофман. Как и все Управление, его начальник был человеком многослойным. Ты можешь находиться в одной из коробок и считать, что видишь всю картину, а затем вдруг узнаешь, что истинные интересы Хофмана находятся в другой, о существовании которой ты мог даже и не подозревать. Феррис привык, что, для того чтобы найти шефа, надо звонить дежурному, поскольку остальной народ из ближневосточного отдела частенько не мог найти Хофмана. Непонятно, то ли они настолько не желают ему помогать, то ли действительно ничего не знают. Дежурный переключил Ферриса на номер шефа.

— Я ждал, — сказал Хофман. — Где ты был, черт тебя дерит?

— В самолете. Потом в машине. А теперь на месте.

Феррис собирался сделать устный доклад о берлинской операции, но по резкому тону Хофмана понял, что, очевидно, это сейчас не нужно.

— Что ищет Хани? Вот что я хочу знать. Это берлинское дело поможет нам забраться к ним в палатку?

— Пока не уверен. Хани не слишком много говорит. Вы знаете его лучше меня, но, как мне кажется, он просто придерживается собственного темпа работы. Он не любит, когда его подгоняют.

— У Хани две скорости — медленная и задний ход. Но это не то, что нужно сейчас. Все это дерьмо типа «потихоньку-потихоньку» надо прекращать. Нам надо заставить его включить другую передачу. Взрыв в Милане перепугал всех. Президент

орет на директора, спрашивая, почему мы не можем остановить этих парней, а директор орет на нас. Точнее, на меня. Мы должны разрушить эту сеть. Немедленно. Скажи это Хани.

— Он еще не вернулся из Берлина.

— Чудесно! Это значит, что он работает с этим новым парнем без нас. Так не пойдет. Он помнит, кто тут платит по счетам?

Феррис на секунду задумался и решил высказать Хофману свои подозрения.

— Я думаю, он охотится на того же парня, что и я. Не могу быть уверен, но думаю, берлинская операция направлена именно в эту сторону.

— Сулейман?

— Да, сэр. Иначе я не понимаю, зачем было все это устраивать с такой тщательностью. И зачем было брать меня с собой. Похоже, он хочет внедриться в сеть Сулеймана.

— Решено, — ответил Хофман. — Я приеду к тебе. Мы должны поймать его. Иначе президент надерет мне задницу. И тебе заодно. Я пришлю тебе каких-нибудь подарков для Хани, чтобы показать, как мы его любим. Когда он вернется, попытайся задобрить его. А Большой Папочка скоро приедет, чтобы завершить дело.

— Вы уверены, что в этом есть смысл?

Феррис почувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Отчасти потому, что он потеряет контроль над продолжением берлинской операции, а еще по другой причине, которую он пока не мог выразить словами, даже для самого себя. В этой части мира дела так не делаются. Нельзя надавать кому-то пинков, а потом ждать, что он будет с тобой сотрудничать. Это же не КГБ. Арабы помогают вам лишь тогда, когда доверяют. Они сделают все для друга и ничего не сделают для чужака. И меньше чем ничего для того, кто проявил неуважение к ним. Он уже собирался отговорить Хофмана от поездки, когда услышал щелчок. Босс повесил трубку.

Глава 3

Балад, Ирак

Феррис впервые услышал имя «Сулейман», когда только приступил к своим обязанностям на иракской базе ЦРУ в Баладе. Предполагалось, что он проработает здесь год. Хофман сначала не хотел посылать его в Ирак, поскольку желал, чтобы Феррис выполнял оперативную работу под его непосредственным руководством, но Феррис настоял на своем. Если кто и должен отправиться в Ирак, то именно он. Он знает язык и культуру. Он уже, тем или иным способом, почти десятилетие выслеживает эту цель — с тех самых пор, когда, еще будучи студентом Колумбийского университета, он заинтересовался радикальными исламистами.

— Ирак просрали, — сказал тогда Хофман.

— Ну и что. Тогда это еще интереснее, — ответил Феррис.

Политика Ферриса не интересовала. Пусть этим занимаются чиновники Госдепартамента или публики на ток-шоу. Он был одним из немногих в Америке, у кого не возникало желания говорить об иракской катастрофе. Он хотел быть там. Работая с Хофманом, он помогал налаживать дело так, чтобы молодые сотрудники в Ираке остались в живых. Арабские головные уборы и костюмы, усы, подкрашенные в темный цвет, дешевые ботинки, старые автомобили с мусульманскими четками, свисающими с зеркал заднего обзора, арабская музыка, несущаяся из динамиков стереомагнитолы. Это была единственная работа, которая интересовала таких, как он. Хофман понял, что не сможет остановить своего протеже, поэтому постарался найти для него действительно значимое задание.

— Твоя работа в том, чтобы кормить машины, — сказал Феррису Хофман перед отправкой.

Феррис не понял, о чем речь, пока не прибыл на место, в Балад, авиабазу в восьмидесяти километрах к северу от Багдада. Здесь была расквартирована небольшая эскадрилья «Предаторов», принадлежащая Управлению, и большинство сотрудников проводили время, глядя на то, что они называли «Предпорно». Кадры транслировались в реальном времени с видеокамер, установленных на трех небольших беспилотных самолетах, неторопливо кружащих над Ираком. Ферриса ввел в курс дела сам начальник базы, приведя его на оперативный пост и показав огромный экран, нависающий над ними.

— Мои звездные агенты, — сказал он.

В нижней части экрана крупными печатными буквами отображались три названия: «Чили», «Шпик» и «Нитрат». Прямо как клички домашних животных или героев мультфильмов, но это были кодовые имена трех «Предаторов», которыми управляли из Балада. На менее крупных экранах были изображения с камер трех других аппаратов: «Коробейника», «Птички» и «Рулетки», которые базировались в Афганистане. Картины приковывали взгляд даже тогда, когда ты не знал, на что, в сущности, смотришь. Феррис глянул на съемку с территории Ирака. Автомобиль темного цвета ехал по двухполосной дороге, а затем свернул на второстепенную, ведущую прямо в пустыню. «Предатор» неторопливо последовал за ним, невидимый и неслышимый, в нескольких сотнях метров над землей. Феррис поинтересовался, что это такое.

— Запад Ирака, неподалеку от границы с Сирией, — ответил начальник базы. — Мы считаем, что этот автомобиль должен подобрать там какую-то важную персону.

Они минут десять смотрели на картинку, а затем экран стал темным. Начальник базы что-то спросил у одного из операторов.

— Впустую, — сказал он Феррису. Это значило, что персоны, если она и была хоть сколько-то важной, в автомобиле не оказалось. До Ферриса начала доходить суть проблемы.

Начальника базы вызвали на видеоконференцию с Лэнгли, и он оставил Ферриса сидеть в своем кресле, посреди оперативного центра. В комнате не утихал шум, люди вглядывались в ряды экранов плоских мониторов, занимаясь обычной рутинной работой. Планирование, назначение целей, оценка информации. Вахтенный, сидящий рядом с Феррисом, отслеживал с полдюжины чатов, где передавалась самая свежая информация от птичек и жучков по всему миру. Тупая обыденная работа разведки, пока все вдруг не зашумели, глядя на экран с изображением из Афганистана.

— Проверить «Коробейника», — пробормотал сержант ВВС, сидевший за столом рядом с Феррисом.

В тот день «Коробейник» курсировал над Вазиристаном, на северо-западе Пакистана, выискивая одного из изворотливых главарей «Аль-Каеды». Аппарат почти что завис в нескольких сотнях метров над входом в пещеру высоко в непроходимых горах. Он ждал, когда появится его добыча, неторопливо кружа над скалистыми утесами и покрытыми снегом вершинами.

— По-моему, в пещере что-то движется! — сказал один из вахтенных, и в большой темной комнате воцарилась тишина.

Операторы «Коробейника» сидели в Лэнгли, в здании неподалеку от автостоянки. Они тоже вглядывались в передаваемые камерами изображения, готовые тут же запустить «Хеллфайер», если увидят в полутьме пещеры рослого худощавого мужчину. Феррис разглядел, как внутри что-то движется. Вот оно, подумал Феррис.

Но это был всего лишь як, вышедший из темноты пещеры на свет божий. В комнате раздались стоны досады. «Коробейник» снова привел их к сокровищнице, состоящей из летучих мышей, клопов и навоза. Но Феррис продолжил следить за

изображением, когда «Коробейник» отправился к следующему пункту назначения и в поле зрения камеры попали предгорья Гиндукуша, ущелья, обрывы и ревущие горные реки. Картины, которые обычно открываются лишь глазам сокола или ястреба, ввели его в транс. Вот они, гении американской разведки, запускающие своих механических хищных птичек в самых суровых местах этого мира. Идиотизм в том, что эта птичка понятия не имеет, на что смотрит. Птичка с идеальным зрением и абсолютно безмозглая.

«Кормить машины». Теперь Феррис понял, о чем говорил Хофман перед этим заданием. Заняться настоящей разведкой, чтобы операторы знали, куда послать аппараты, чтобы они точно знали, кто именно сидит в седане, едущем вдоль сирийской границы, знали, в каком именно раздолбанном автобусе едет из дамасского аэропорта на конспиративную квартиру в Багдаде новая группа джихадистов и на каком из потрепанных джипов «Дженерал моторс» ездит их оперативный руководитель. Если Феррис сможет собрать такую информацию, то «Предаторы» смогут отслеживать все перемещения целей, каждого сообщника, который помог им по дороге, каждое место, где они останавливались поесть и поспать или опорожнить кишечник. Но эти машины кто-то должен «кормить».

— Ты идеально подходишь для этой работы, бедолага, — сказал тогда Хофман, и это было чистой правдой. Феррис сдал тесты на разговорный арабский по четвертому уровню, его темные волосы и кожа вполне позволяли ему сойти в толпе за араба, если надеть просторные арабские одежды и куфию, и, самое главное, он жаждал работы и знал, что сможет удовлетворить эту жажду, лишь испытывая судьбу.

Феррис неделю общался с начальником оперативного отдела в Багдаде, входя в курс здешних дел. Джек был дородным ирландцем с рыжими волосами и усами, но когда он красил их в черный цвет и надевал просторную галабию, то становился похожим на суннитского шейха. Джек ознакомил Ферриса со всеми лазейками, устроенными Управлением в «зеленой зоне»: мастерской, где они по ночам перекрашивали машины и снабжали их фальшивыми номерными знаками; тайными ходами, которыми Управление пользовалось, чтобы выводить оперативников в окружающий мир; десятками побитых автомобилей, принадлежащих Управлению и припаркованных в различных местах «красной зоны», один неряшливее другого; конспиративными квартирами, вернее, домами по всему Центральному Ираку, которые предстояло использовать Феррису. Они пили и шутили, чтобы избавиться от страха.

— Не попадай в плен, — сказал Джек в последний день этого вводного инструктажа. Завтра Феррису предстояло отправляться на север. — Это здесь главное правило. Если они поймут тебя, то достаточно быстро убьют, но сначала все кишки из тебя повыдергивают. Так что не попадайся. Вот и все. Если ты видишь, что дорога заблокирована и тебе показалось, что они хотят тебя остановить, начинай стрелять. И стреляй до тех пор, пока не смотаешься оттуда или пока тебя не убьют.

— Я вполне хорошо говорю по-арабски, — сказал Феррис.

Джек потряс головой:

— Еще раз говорю, не попади в плен. Тебе незачем пытаться убедить этих людей в чем-либо, если ты влип в дерьмо. Сначала стреляй. Это они понимают. И не умничай. Если ты перестреляешь достаточное количество врагов, будет не так уж важно, хорошо ты говоришь по-арабски или плохо.

К тому дню, когда Феррису улыбнулась удача, он провел в Ираке уже почти три месяца. Практически каждый его день здесь давал повод испугаться, и этот день не был исключением. Рано утром, когда он залез в душ, базу обстреляли из минометов.

Ему пришлось выскочить из душа, стоявшего рядом с его трейлером, с голой задницей. Едва прикрыв срам полотенцем, он нырнул за бетонный барьер, служивший убежищем. Упала пара минометных мин, одна из них — метрах в четырехстах от него. Отбой тревоги никто и не объявлял, поскольку здесь круглые сутки существовала опасность обстрела. Феррис вернулся в душ и домылся. Тогда он подумал, что такое начало дня — плохое предзнаменование. Как оказалось позже, он ошибался.

Тем утром он снова отправился в «Дерьмо» — так его коллеги называли все, что находилось за пределами стен комплекса базы. По распорядку он проводил неделю за пределами базы, следующую — на базе. Хофману не нравился такой распорядок. Самым опасным моментом был переход этой границы туда и обратно, поэтому он хотел, чтобы Феррис встречался со своими агентами на охраняемой территории. Начальник ближневосточного отдела просто боялся потерять Ферриса, не будучи уверен в том, стоит ли все это дело в Ираке такого риска. Но Феррис знал, что эти меры предосторожности бесполезны. Лучше уж вообще не иметь никаких агентов, чем полагаться на тех, которые слоняются туда-сюда, в американскую зону и обратно. Так уж обстояло дело в Ираке. Сюда нельзя войти наполовину.

Феррис надел пропотевший халат и куфию из похожей на вельвет ткани. За время пребывания в Ираке он отпустил усы и колючую бороду — не то чтобы бритый и не то чтобы небритый. С его цветом кожи и волос он вполне походил на араба. Возможно, не на иракца, но на египтянина, а именно такой была его легенда. На самом деле он действительно учил арабский в Каире, когда, еще будучи студентом Колумбийского университета, отправился туда на стажировку на целый семестр. С тех пор в его речи осталась мягкая «г» из египетского диалекта. Интересно, подумал Феррис, что бы сказала Гретхен, его жена, увидев мужа в таком обличье. Она всегда думала о его работе как о чем-то наподобие фильмов о Джеймсе Бонде, с изящными костюмами и бокалами мартини. Увидь она его сейчас, наверняка бы посоветовала сменить работу. Гретхен в Феррисе нравилось все, кроме его настоящей жизни.

Феррис покинул зону вместе с другими арабскими рабочими, на пересменке между ночной и дневной сменами. Он не ждал, что с ним кто-то станет разговаривать. Иракцы, работавшие на американских базах, не разговаривали ни с кем. Они рисковали жизнью ради того, чтобы заработать деньги для семей. Если повстанцы их раскроют, то им уготована смерть. Поэтому, пройдя через ворота базы, они быстро разбежались в разные стороны. И Феррис вместе с ними.

Снаружи его ждала машина с иракскими номерами, побитый «мерседес», модель середины семидесятых, купленный в те времена, когда Ирак купался в деньгах. За рулем был один из агентов Ферриса, молодой мужчина по имени Бассам Самараи. Он был родом из иракской общины в Дерборне в штате Мичиган, и у него хватило дури, чтобы в 2003 году поддаться на американскую пропаганду и отправиться в Ирак в обмен на щедрый оклад от ЦРУ. Его семья вела свой род из этих мест, поэтому они оказывали ему поддержку и делали вид, что верят в его рассказы о возвращении на родину для того, чтобы открыть многообещающий бизнес — импортировать в Ирак спутниковые телеантенны и декодеры. Когда-нибудь этот парень получит свою пулю в лоб, подумал Феррис. Но с этим ничего не поделаешь.

— *Йа* Бассам, *мархаба*, — поздоровался Феррис с агентом, плюхнувшись на переднее сиденье и подымая стекло. Иракец был одет в дешевую кожаную куртку, его волосы были зачесаны назад с помощью геля.

— Как ты, мужик? — сказал в ответ Бассам. — Все круто?

Он любил американскую уличную манеру речи и разговаривал так, сколько бы Феррис ни убеждал его в том, что это опасно. Эта речь напоминала Бассаму о его доме и семье в Дерборне. Но сейчас в этом было и что-то еще. Судя по огоньку в глазах, Бассам сгорал от нетерпения, желая что-то рассказать Феррису.

— Я в порядке, — сказал Феррис. — Здорово будет отсюда выбраться. Балад достал. Слишком много чокнутых американцев. Я готов пообщаться с чокнутыми иракцами.

— Хорошо, босс, сегодня у меня есть для тебя что-то клевое. Такое, что даже не поверишь. Реально. В полный рост.

Речь Бассама все больше напоминала крики диджея.

— Что ты нарыл? — спросил Феррис.

— Реальное дело, мужик. Парень из «Аль-Каеды», родом из-под Тикрита. Я с ним общался еще ребенком, до того, как мы уехали. Его зовут Низар. Он тоже хотел уехать в Америку, но не мог собрать нужных бумаг, поэтому пошел работать в саддамовский «Мухабарат». После этого «освобождения» у него каша в голове, как и у многих в Тикрите, сам знаешь, поэтому он начал работать на Заркави. По крайней мере, так он сказал. А сейчас он обосрался до смерти, мужик.

У Ферриса загорелись глаза. Он потуже натянул куфию, чтобы люди в соседних машинах не видели его лица. Если это правда, то это то, чего он ждал все последние три месяца.

— Как ты вышел на этого парня, Бассам?

— Он сам меня нашел. Он боится, что плохие парни убьют его. Из него хотели сделать смертника, но он испугался. Он знает много всякого дерьма и хочет помочь нам, сам понимаешь, для того, чтобы мы вытащили его отсюда.

— А, черт, — сказал Феррис, помотав головой. — Ты же не сказал ему, что работаешь на Дядю Сэма, так ведь?

— Без вариантов, мужик, я же не тупой. Нет, он пришел ко мне потому, что я жил в Штатах, вот и все. Он думает, что я помогу ему выбраться из дерьма. Я сказал, что посмотрю, что смогу сделать. Он сейчас в доме моего дяди, на полпути отсюда в Тикрит. Я сказал, что мы с ним встретимся сегодня.

Феррис поглядел на своего иракского хип-хоп-агента:

— Ты реальный парень, Бассам, знаешь? Я тобой горжусь.

Они влились в утренний поток машин на шоссе 1, главной магистрали, ведущей на север вдоль берега Тигра и к Тикриту. Мимо прогрохотала колонна американских машин службы обеспечения. Как и все иракцы, Бассам сбросил скорость и принял вправо, чтобы пропустить быстрых на стрельбу американских солдат. Было бы хуже некуда, подумал Феррис, сдохнуть от пули какого-нибудь сержанта-резервиста из Небраски, охраняющего грузовики, везущие солдатам на севере стейки и газировку. У Бассама в магнитоле играло «Радио Сава», американская станция, транслирующая смесь американской и арабской музыки. Единственный реальный успех американской пропаганды. Подпевая речитативу Эминема, Бассам вел машину.

— Мы должны быть осторожны, Бассам, — обратился к нему Феррис. — Если этот парень так хорош, как ты говоришь, его постараются убить сразу же, как только поймут, что он собрался бежать. Брат, ты должен реально серьезно относиться к таким делам. Ты меня слышал?

— Да, босс. Все круто.

— Нет, не круто. Ты можешь втравить нас в дело, где нас всех порешат, заодно с твоим приятелем Низаром. Так что послушай. Нам надо поехать до вечера. Я не могу останавливаться дважды в одном месте в течение одной недели, и ты тоже. Если этот твой Низар подтвердит то, о чем говорит, то он — просто чистое золото. Нам не надо, чтобы он погиб из-за какой-нибудь ерунды. Такой шанс предоставляется нечасто, и я не собираюсь потерять его. Ты меня слышишь? А? Слышишь меня, мать твою?

— Да, босс, — снова ответил Бассам. Но на этот раз Феррис был уверен, что его

поняли.

Дядя Бассама жил рядом с грунтовой дорогой, протянувшейся вдоль Ад-Даура, в нескольких километрах южнее Тикрита. Когда-то здесь была ферма, от нее осталось ирригационное оборудование, но поля превратились в заросли бурьяна, усеянные остатками ржавых сельскохозяйственных машин. Феррис посоветовал Бассаму припарковать машину позади дома, чтобы ее не было видно с дороги. Позади главного здания, метрах в пятидесяти, в тени эвкалиптов стоял небольшой домик. Бассам сказал, что он свободен. Феррис попросил отвести Низара в домик, не говоря ни дяде, ни кому-либо еще. Бассам подмигнул в ответ, стараясь держаться бодро, но Феррис видел, что он испуган.

Феррис направился в домик. Внутри воняло дерьмом, то ли человеческим, то ли от животных, непонятно. Грубая иракская действительность — люди ходят в туалет в любом помещении, если там никто не живет. Он открыл окна, чтобы помещение проветрилось, и расставил стулья так, чтобы говорить с Низаром, находясь вне его поля зрения, а затем сел и стал ждать.

Бассам пришел минут через десять, ведя за руку Низара и разговаривая с ним на арабском в том же музыкальном стиле, которого он придерживался в английской речи. Низар был невысокого роста, телосложением он напоминал пожарный насос. Поверх его губ свисали длинные усы. Феррис не понимал всех тонкостей иракского жаргона, но чувствовал, что Низар нервничает. Даже в разговоре с Бассамом его голос дрожал, а взгляд бегал в поисках опасности, в существовании которой он был уверен. Войдя в дом, он уставился на Ферриса, пытаясь разглядеть его лицо, теряющееся в темноте.

— Это мой друг из Египта, — Бассам показал на Ферриса. — Возможно, он сможет помочь тебе.

Они обменялись традиционными исламскими приветствиями. Мир тебе, да одарит тебя Аллах здоровьем. Бассам принес из дома своего дяди бутылку воды и церемонно налил ее в три грязных стакана. Начало затягивалось, но в этой части света торопливость никогда не приводит к успеху.

— Я могу помочь тебе, друг мой, — сказал Феррис по-арабски с египетским акцентом.

— Хвала Аллаху, — ответил Низар.

— Но зачем тебе нужна помощь? Чего ты боишься?

— Я слишком много знаю, господин. Я путешествовал с Абу Мусабом. Я знаю его тайны. Они мне верили. Собирались послать за пределы Ирака. Готовили. Но пару дней назад извинились и сказали, что я должен стать смертником, проведя операцию в Багдаде. Думаю, они более не доверяют мне. Не знаю почему. Может, слухи. Может, они услышали, что я знаком с Бассамом. Поэтому я сбежал. У них и так много смертников. Я не хочу умирать. Я хочу уехать в Америку.

— Я могу помочь, — повторил Феррис. — Я знаю людей, которые могут переправить тебя в Соединенные Штаты. Деньги, виза, грин-карта. Все. Но ты же знаешь этих американцев. Они жадные. Ты должен дать им что-то взамен, иначе они никогда не станут помогать тебе. Так что ты можешь им дать? Скажи мне, и я отвечу, смогу ли я помочь тебе.

Низар покачал головой.

— Это слишком опасно, — сказал он. — Я скажу это только американцам. Я не могу верить арабам. Они предадут меня.

Феррис на мгновение задумался. Все, что говорит этот человек, вполне логично. И он прав в том, что не доверяет арабам. Предложение должно исходить от американца. Феррис понимал, что раскрыться и сказать, что он американец, на такой ранней стадии работы будет нарушением плана операции, но ему не приходило в

голову других вариантов действий. Наклонившись вперед, чтобы солнечный свет осветил его лицо, он снял куфию, чтобы Низар разглядел его получше.

— Я американец, Низар. Я работаю на Совет национальной безопасности, — сказал Феррис по-английски, а затем повторил то же самое по-арабски. — Я могу помочь тебе попасть в Америку, но ты должен рассказать мне все, что знаешь. Тогда мы сможем составить хороший план.

Низар разглядывал лицо Ферриса, собираясь с мыслями. Затем он сделал то, чего Феррис никак от него не ожидал. Он бухнулся на колени и поцеловал ему руку. В его глазах стояли слезы. Столь сильно он боялся, что люди Заркави убьют его.

— Расскажи, что ты знаешь, — медленно и терпеливо повторил Феррис. — Тогда я смогу помочь тебе. Скажи мне что-нибудь, что сильно порадует моего большого босса из Вашингтона, президента.

Низар закрыл глаза. Феррис все понял. Это единственная карта, которую он сможет разыграть. Вытянув руку, он коснулся пальцами лба иракца, словно исцеляя его. Он никогда в жизни такого не делал, ни с кем, но чувствовал, что сейчас самый подходящий момент для такого жеста.

— Они хотели, чтобы я уехал из Ирака, — сказал Низар.

— Да. Ты уже сказал это. А зачем им это было надо? — спросил Феррис.

— Из-за того, что я прошел подготовку в «Мухабарате». Я знаю, как изготавливать бомбы. Как проводить операции. Все умею. Они сказали, что им это нужно, для операций в Европе. Заминированные автомобили. Это их план, заминированные автомобили в Европе, так же как в Багдаде. Но им не хватает людей. Я был им нужен.

Он замер, не решаясь продолжить.

— Кому ты был нужен? — спросил Феррис, глядя ему в глаза. — Кому ты был нужен, Низар? Ответь, или я уйду прямо сейчас.

— Человеку, который руководит новой оперативной сетью «Аль-Каеды». Который планирует взрывы в Европе. Которого больше всего боятся американцы. Люди, находящиеся здесь, на связи с ним. Они хотели послать меня к нему.

— И кто же это?

Низар снова умолк. Он сидел, трясая головой, испуганный, не зная, что делать.

Феррис почувствовал, что, если срочно что-то не сделать, он потеряет этого человека. Он встал со стула, словно собираясь уйти.

— Пошли, Бассам, — сказал он. — Мы уходим.

Низар что-то сказал, едва слышно.

— Громче, — сказал ему Феррис.

— Сулейман, — прошептал Низар. — Это не настоящее имя, но они так его называют. Сулейман Великолепный. Он планирует задания.

О боже мой, подумал Феррис. *Вот оно.* И как же мы ухитримся сохранить жизнь этому парню?

Глава 4

Балад, Ирак

Прямо из обветшалого домика на берегу Тигриса Феррис позвонил Эду Хофману по спутниковому телефону. В Вашингтоне сейчас четыре часа утра, но это не важно. Если Хофмана не разбудят и он узнает о находке Ферриса с опозданием, он взбесится.

Феррис стал звонить в оперативный штаб ближневосточного отдела. Голос дежурного был раздраженным, как будто его оторвали от раскладывания пасьянса на компьютере, но он переадресовал звонок на домашний номер Хофмана.

— Какого хрена? — выругался для начала Хофман. — И сколько сейчас

времени?

— Извините, что разбудил вас, — ответил Феррис. — Но похоже, мы тут в нашем Додж-Сити кое-что нашли.

— Да ну? — спросил Хофман, окончательно проснувшись. — И что же?

— Я допрашиваю иракского перебежчика. Он суннит, из Самара, работал в разведке Саддама. Сейчас он член иракской сети «Аль-Каеды», по крайней мере был им пару дней назад, когда они собирались послать его для проведения операций с заминированными автомобилями. Сейчас он в бегах, и он рассказал мне кое-что действительно интересное.

— Да? Хорошо, я жду.

— Он сказал, что люди «Аль-Каеды» собирались послать его за пределы Ирака, к человеку, планирующему операции в Европе. Они создают новую сеть, чтобы взрывать в Европе заминированные автомобили. Так он сказал. И он назвал имя руководителя. Сулейман.

— Ты прав, это действительно чертовски интересно, — сказал Хофман, тихо рыкнув от заполонивших его эмоций. — Что еще он сказал?

— Черт, этого что, мало? Я хочу вытащить его отсюда, Эд. Нам надо получше допросить его.

— Извини, не понял.

— Я сказал, что хочу его отсюда вытащить. Если он здесь останется, он труп. Я обещал ему вытащить его, если он скажет мне что-нибудь хорошее.

— Хрена с два. Это золотой парнишка. Подои его. Но тебе придется на время оставить его там, чтобы мы смогли отследить сеть. Пусть за ним следит один из «Предаторов». Мы увидим всех, с кем он разговаривает, и пригвоздим их.

— Но они убьют его, я же говорю, он в бегах.

— Крутое дерьмо. Если они убьют его, по крайней мере мы увидим, кто спустит курок.

Феррис посмотрел в окно, на Низара. Тот стоял на улице, освещенный лучами солнца. На его лице была едва заметная улыбка. Он думает, что сейчас его увезут, под защиту американцев.

— Мне это не нравится, Эд. Думаю, что так дело не пойдет. Это мое задание, позвольте мне раскручивать его самому.

— Извини, не могу. Допроси его сейчас. Вытани из него все, на случай, если он действительно на крючке. Но отпусти его сегодня же. Мы немного проследим за ним, а потом заберем. Не люблю быть сволочью, но работать приходится именно так.

— Иисусе, — сказал Феррис, на мгновение убрав трубку от уха. Нет смысла спорить по поводу проведения операции, по крайней мере с Хофманом. — Могу я хотя бы пообещать ему деньги и смену места жительства?

— Конечно, без проблем. Что хочешь.

Хофман даже не спросил о сумме, которую Феррис собирался предложить иракцу. Просто знал, что ему не придется платить эти деньги.

Феррис снова привел Низара в дом, усадил на стул и сказал, что у него есть еще пара вопросов. Иракец теперь был в более хорошем настроении, он расслабился и перестал быть зажатым, думая, что мучающий его кошмар близится к завершению. Феррис включил портативный цифровой диктофон, чтобы записать процедуру допроса. Он спросил Низара об именах людей из «Аль-Каеды», с которыми он контактировал в Ираке. О местах встреч с людьми из его ячейки. О процедуре вербовки. Иракец рассказал, что это произошло в Аммане, в доме неподалеку от Джебель аль-Ахтар, служившем конспиративной квартирой, на южной окраине города. Он назвал адреса, и Феррис тщательно переписал всю информацию в свой блокнот. Если они смогут следить за домом в Аммане, возможно, они смогут накрыть всю сеть. Феррис попросил у него SIM-карту его мобильного телефона, и Низар отдал ее.

Миниатюрный иракец говорил несколько часов. Феррис послал Бассама принести какой-нибудь еды, и тот принес кебаб и пиво «Хайнекен», сваренное на египетском заводе. Низар с жадностью накинулся на еду. Они закончили уже ближе к вечеру. Феррис начал нервничать по поводу того, что они провели слишком много времени в доме дяди Бассама. Соседи заметят это и расскажут другим. А к ночи здесь станет просто опасно.

Когда Феррис закончил свои расспросы, Низар внимательно посмотрел на него.

— Теперь мы готовы отправиться в «зеленую зону», сэр? — спросил он.

— Не совсем, Низар.

Улыбка тут же сошла с лица иракца.

— Моим друзьям потребуется некоторое время, чтобы устроить твой отъезд из Ирака. Сейчас можешь заняться своими делами. Будь осторожен и не паникуй. Все будет хорошо.

— Но, сэр, они убьют меня. Я же сразу вам об этом сказал.

— Они не смогут. Мы будем следить за тобой и защищать тебя. У нас большие глаза и уши.

Низар покачал головой:

— Сэр, извините, но вы никого не можете защитить. Даже себя. И как вы защитите меня?

— Мы позаботимся о тебе. Твой друг Бассам будет рядом. Но он не сможет быть вместе с тобой, как и я. До тех пор, пока мы не заберем тебя, тебе придется самому позаботиться о себе.

Иракец тихо застонал. Он отдал все и ничего не получил взамен. Феррис не мог оставить его в таком состоянии. В такой депрессии этот человек сам вляпается в любую ловушку и не доживет даже до захода солнца.

— Я открою счет в американском банке на твое имя. Это нормально?

Глаза иракца просветлели.

— Да, сэр. На какую сумму?

— Для начала на сто тысяч долларов. Плюс жилье для тебя, твоей жены и детей, когда мы переправим вас в Америку.

Иракец едва не вскипел.

— Миллион. А жены у меня нет.

Иисусе, подумал Феррис. Секунду назад этот человек чувствовал себя обреченным, а теперь он торгуется.

— Мы подумаем насчет миллиона. Главное, о чем я хочу поговорить сейчас, — это о том, как обеспечить твою безопасность.

Он позвал Бассама, и они оговорили все конспиративные процедуры, которые Низар должен будет соблюдать в течение ближайшей недели. Феррис дал ему другой мобильный телефон, для использования в чрезвычайных ситуациях. Иракец жадно схватил трубку, будто это был первый платеж из обещанного миллиона.

— Я хочу жить в Лос-Анджелесе, — сказал он. — В доме на берегу. Как в «Спасателях Малибу».

— Конечно, — ответил Феррис. — Без проблем.

Он пожал руку иракцу, тот выскользнул за дверь и быстро пошел через пыльный дворик к своему черному «БМВ», уже мечтая о девочках в бикини. Помахав им рукой на прощание, он быстро уехал. Это был последний раз, когда Феррис видел его.

Через своих агентов Бассам узнал, что Низара убили на следующее утро. Он завтракал в придорожном кафе в Самара, где его хорошо знали. Идиотизм, ровно наоборот от того, что сказал ему Феррис. Когда он вышел из кафе, вслед ему поехали две машины. Единственной хорошей новостью была лишь та, что он не попал в плен. У него был пистолет, и он ухитрился выпустить в преследователей достаточно много

пулю для того, чтобы им пришлось стрелять в ответ и убить его. А значит, они не получили возможности его допросить.

Феррис дождался вечера и позвонил Хофману. В это время Роджер скрывался на вилле, находящейся позади полицейского участка. Не то чтобы он был зол. Просто он знал, что ему скажет Хофман, и не хотел этого слышать. Когда время в иракском часовом поясе приблизилось к полуночи, он достал спутниковый телефон и позвонил в Лэнгли. Дежурный переадресовал звонок напрямую Хофману.

— Он мертв, — сказал Феррис. — Мальчишка, которого я завербовал. Они достали его сегодня утром.

— Уже? Черт! Быстро справились. Они допрашивали его, прежде чем убить?

— Насколько я знаю, нет. Но когда он получил свою пулю, нас не было рядом. У меня информация через вторые руки, от агентов моего агента.

— Твою мать! — выругался Хофман. — Что ты успел от него узнать?

— Много стоящего. Он болтал пару часов, прежде чем я отпустил его. О том, как его завербовали в Аммане. Адрес дома, служащего конспиративной квартирой. Имена членов ячейки. Я все записал на пленку. Он был так возбужден, его было просто не остановить. Бедный придурок.

Даже Хофман смог почувствовать, насколько виноватым чувствует себя Феррис.

— Очень жаль, Роджер. Дерьмо случается. Я мог бы извиниться, а смысл? Его бы в любом случае убили, что бы он ни делал. А то, что он рассказал тебе, возможно, спасет не одну человеческую жизнь.

— Возможно, — ответил Феррис. — Но дерьмо случается, как вы сами сказали.

— Сейчас суть вопроса в том, что тебе надо сваливать. Нам приходится принять, что ты провален, вне зависимости от того, сказал им что-то этот парень или нет. Возвращайся в Балад. Потом подумаем, куда тебя отправить. Ты слишком ценен, чтобы рисковать твоей жизнью.

— Я не уеду. Идет война. У меня есть другие агенты. Я не собираюсь бросать их только потому, что мы прокололись. Это наша главная проблема здесь, если вы не заметили.

— Не надо сентиментальничать, Роджер. Это опасно. Я не собираюсь терять своего лучшего молодого оперативника только потому, что он чувствует себя виновным в смерти иракца и готов пойти на самоубийство. Извини, но черта с два.

— Я не уеду, — повторил Феррис.

— Я хочу, чтобы завтра ты вернулся в Балад, Феррис, — медленно, отчетливо и холодно сказал Хофман, с трудом сдерживая гнев. Феррис посмел с ним спорить. — Это приказ. Если ты не подчинишься, ищи другую работу. Конечно, если не вернешься домой в пластиковом мешке. Понял?

Феррис не знал, что ответить, и нажал кнопку отбоя. Когда Хофман перезвонил сам, он не стал отвечать. Уже одного этого было достаточно, чтобы выгнать его с работы, но сейчас Феррису было плевать на это. Он попытался уснуть, но не смог и достал из кармана потрепанный томик Чарльза Диккенса, который носил с собой на такой случай.

Бассам подобрал Ферриса следующим утром на выходе с его небольшой виллы. Феррис надел халат и куфию. На первый взгляд он выглядел обычным неряшливым иракцем тридцати с небольшим лет. Бассам, как обычно, уложил волосы с гелем, но по его лицу было видно, что спал он не слишком много. Глаза запали, лицо нервное, щеки без обычного для них румянца. Но стоицизм перед лицом опасности был одной из основ мужского кодекса чести иракцев, и парень старался выглядеть бодрым, насколько мог.

— Хэй, начальник, — сказал он Феррису, когда тот залез в машину. — Все круто.

— Сегодня никакого английского, Бассам, — ответил Феррис по-арабски. —

Слишком опасно.

Он глянул в боковое зеркало. Позади них тронулся с места «БМВ», в котором сидели трое иракцев.

— Сбавь газ, пусть эта машина проедет вперед.

Бассам молча повиновался. «БМВ» тоже сбросил газ. Феррис уже собирался приказать Бассаму жать на газ, чтобы смыться, но в этот момент ехавший позади иракец дал газ и проехал вперед. Один из сидевших в «БМВ» повернул голову и внимательно посмотрел на Ферриса. «Черт. Они знают. Они меня вычислили».

— Едем на юг, — сказал Феррис. — К тому дому, о котором говорил Низар, где, как он сказал, один из штабов местной ячейки. Если там хоть кто-то есть, я вызову «Предатора», чтобы сделать съемку. Посмотрим, кто там ошивается.

— Ты уверен? — спросил Бассам. Феррис видел, что он нервничает. Он думает: «Вот, этот американец решил испытать судьбу». Он прав, но плевать. Сейчас он хочет закончить работу. Он все еще зол, из-за этого маленького иракца, Низара. Этот человек поверил ему и умер. Они поехали на юг вдоль берега Тигра, большой и уродливой реки, в которой, похоже, грязи было больше, чем воды.

Бассам знал, куда ехать, и даже знал нужный дом. В таких странах семейные кланы хорошо знают, где какая семья живет. Все места на шахматной доске расписаны. Они свернули с шоссе, проехали мимо оливковой рощи и увидели недостроенную виллу, где-то в полутора километрах. Стало жутковато. Пугающая тишина раннего утра, на дорогах почти нет машин, в воздухе ни одной птицы. Феррис достал спутниковый телефон и проверил координаты по GPS, чтобы выдать целеуказания одному из «Предаторов», базирующихся в Баладе.

Когда до виллы оставалось меньше полукилометра, Феррис увидел впереди небольшое облачко пыли. Машина либо подъезжала, либо уезжала, сложно сказать, но определенно какое-то движение.

— Медленнее, — сказал он Бассаму.

Связавшись по телефону с начальником базы в Баладе, он сказал, что необходимо отправить «Чили», «Шпик» или «Нитрат», и дал координаты. Добавил, что надо поторапливаться. Это реальная цель, действующая база террористической сети.

Бассам сбросил скорость до двадцати с небольшим километров в час.

— Может, сейчас лучше развернуться? — спросил он.

— Зачем? — спросил в ответ Феррис. — Мы почти приехали. Давай осмотрим место.

— Но, сэр, они идут за нами, — сказал иракец. Феррис услышал дрожь в его голосе, которой еще не слышал ни разу.

Феррис посмотрел на облако пыли вдалеке. Оно становилось все больше, и уже можно было разглядеть машину. Бассам прав. Кто бы ни был в машине, они едут навстречу. Неизвестно, станут ли они их преследовать, но решение надо принимать немедленно.

— Разворачивайся, — сказал Феррис. — Жми на газ, — добавил он по-английски.

Бассам крутанул руль, развернув машину на сто восемьдесят градусов, и утопил педаль газа в пол. «Мерседес» завизжал колесами, выбросив облако пыли, закрывшее обзор едущей сзади машине.

Когда они достигли выезда на шоссе, Феррис понял, что они хорошо влипли. Их преследовала машина, едущая сзади, но впереди, на обочине гравийной дороги, стояла еще одна машина, «шевроле» бледно-желтого цвета. Засада. Феррис пнул кнопку ящика, в котором Бассам хранил оружие, и достал оттуда пистолет. Автоматический пистолет, малокалиберный. Практически бесполезная игрушка в такой ситуации. Они приближались к перекрестку.

— Что делать, босс? — спросил Бассам.

— Сворачивай на юг, к Баладу, — ответил Феррис.

Бассам заложил крутой поворот, едва не врезавшись в мусоровоз, ехавший по встречной полосе. Стоявший на обочине желтый «шевроле» рыкнул мотором и устремился за ними. Следом поехала машина, которая преследовала их еще на грунтовке. Феррис снова связался с Баладом по спутниковому телефону.

— Вы подняли птичку? У нас проблемы на шоссе один.

— Вас понял, сэр, — ответил дежурный. — «Шпик» движется в район, указанный вами. В паре минут лету.

— Слушай, мы тут влипли в серьезное дерьмо, мать его. Думаю, плохие парни вычислили меня и одного из моих агентов. Мы едем в старом красном «мерседесе», к югу от Самара, по шоссе один. Нас преследуют две машины. Первая — желтый «шевроле». Если сможете поднять в воздух вертушки, возможно, спасете пару человек.

— Вас понял, — повторил дежурный. — Оставайтесь на связи. Связываемся с вертолетами, находящимися в воздухе. Посмотрим, что сможем сделать.

Феррис обернулся, посмотрел на желтую машину, едущую сзади, и увидел, как из заднего окна на водительской стороне высунулся человек. У него в руках было что-то большое, прямо как телекамера. Хрен тебе, понял вдруг Феррис. РПГ.

— Быстрее, — сказал он Бассаму. — Как только можешь.

Бассам и так разогнал машину по полной, стрелка спидометра перевалила за сто тридцать километров в час, сто сорок, начала подбираться к ста пятидесяти. Но впереди ехали другие машины, и надо было сбрасывать скорость, чтобы не врезаться в них.

В следующее мгновение свет перед глазами Ферриса померк. Он не слышал грохота гранатометного выстрела и увидел лишь вспышку света слева от себя, рядом с Бассамом, а затем раздался грохот разрыва гранаты в районе переднего моста машины. Все стало белым и пошло словно в замедленном действии. Взрыв подбросил машину вверх, она грохнулась обратно, подскочила снова, грохнулась второй раз и, наконец, снова поехала вперед на всех четырех колесах. Он услышал пронзительный вопль. Бассам что-то кричал по-арабски. Феррис увидел, как из ран на его груди хлещет кровь. А, черт, подумал Феррис и медленно, словно в высвеченных стробоскопом кадрах, протянул руку к Бассаму, но тут же в ужасе отдернул ее. На месте живота Бассам был мешанина из крови и внутренностей. Осколки гранаты вскрыли ему живот не хуже скальпеля хирурга. Бассам кричал от боли, но каким-то чудом продолжал сжимать руками руль и давить ногой на педаль газа. Затем Феррис почувствовал, что его ногу что-то жалит, будто ее сверху донизу искусают осы. Посмотрев вниз, он увидел, что осколки гранаты задел и его. От середины бедра и до икроножной мышцы нога превратилась в кровавое месиво с проглядывающими сквозь него костями. Он ощупал пах, чтобы убедиться в том, что хоть там все на месте.

— Вести можешь? — крикнул Феррис.

В ответ он услышал лишь крик боли, но тем не менее Бассам как-то ухитрился лавировать между машинами, остановившимися после прогремевшего взрыва. Проехав, он снова начал набирать скорость.

— Вести можешь? — снова спросил Феррис, но уже знал ответ на этот вопрос. Машину начало водить из стороны в сторону, жизнь в глазах Бассамы угасала с каждой секундой, он обмяк и упал на руль.

Феррис схватился за руль и выровнял машину, но вот поставить левую ногу на педаль газа поверх ноги Бассамы он уже не мог, поскольку она не повиновалась ему. Машина начала сбавлять скорость. Вот, значит, какая мне смерть уготована, подумал Феррис. Он вспомнил мать, вспомнил покойного отца. Но не жену. Машина ехала все

медленнее, преследователи настигали. Роджер услышал новый громкий звук, но ему было слишком дурно, чтобы понять, что это. Звук становился все громче, а затем раздался взрыв, будто еще одна граната попала в его машину, но у него перед глазами поплыло, и он начал отключаться, не в состоянии осознать происходящее. «Вот оно, — подумал Феррис. — Я сделал это». Это была последняя мысль, промелькнувшая в его голове перед заполнившей сознание чернотой. «Я сделал это».

Шум, услышанный Феррисом, был грохотом винтов ударного вертолета, взлетевшего из Балада сразу же, как дежурный принял его сообщение. «Апач» в мгновение ока разнес желтый «шевроле», а затем и второй автомобиль преследователей. По сторонам шоссе приземлились еще два вертолета, создав зону охранения. Они вытащили Ферриса из машины, положили на носилки, а потом хотели сделать то же самое с Бассамом, но увидели, что тот уже мертв, и положили его в пластиковый мешок. Спустя несколько минут Ферриса доставили в Балад, в охраняемую зону, за границу, отделяющую жизнь от смерти. Его сразу же отнесли в палату интенсивной терапии полевого госпиталя, и врачи принялись за дело, стараясь спасти не только его жизнь, но и раненую ногу.

Когда Феррис очнулся, первым телефонным звонком, на который он ответил, был звонок от Хофмана. Хофман сказал в точности то же самое, о чем подумал Феррис перед тем, как потерять сознание. «Ты сделал это». Это звучало как эпилог, но, по сути, явилось лишь прологом случившейся с ними истории.

Глава 5

Вашингтон

Феррису повезло. Его ногу собрали по частям, его вывезли из Ирака и поместили в отдельную палату в Центральном военном госпитале имени Уолтера Рида. Большинство солдат, лежавшие с ним в одной палате полевого госпиталя, не были столь удачливы. Они оставались без руки, ноги, части лица или черепа. И такое везение заставляло Ферриса чувствовать себя неловко. Его вывезли из Ирака на грузовом С-130 вместе с останками погибшего солдата, рядового Моралеса, как сказал ему кто-то. Солдат погиб от прямого попадания минометной мины на передовой базе к югу от Багдада. Коробка, в которой лежало то, что от него осталось, не являлась гробом в прямом смысле этого слова. Просто металлический ящик, правда обернутый американским флагом. Контейнер погрузили на борт в Кувейте, совершив при этом скромный ритуал, который кто-то назвал патриотическим, но после отдания чести останкам погибшего солдата почетный караул схватил ящик и запихнул его в самолет, словно контейнер с мясом в рефрижератор. Солдаты быстро выбрались наружу, и грузовик уехал.

Директор ЦРУ лично посетил Ферриса, уже после того, как его самолетом доставили в госпиталь. Он выглядел изящным и застенчивым, словно венецианский дож. Вместе с ним пришел и Эд Хофман, с его большим пузом, короткой солдатской стрижкой и твердой походкой, как у футбольного тренера пятидесятих годов. Феррис все еще сидел на мощных обезболивающих и проснулся лишь тогда, когда директор взял его за руку.

— Как ты, сынок? — спросил директор.

Феррис застонал, и директор крепче сжал его руку:

— Мы тобой гордимся. Слышишь меня?

Ответа не последовало, и директор продолжил говорить:

— Я тебе кое-что принес. Это медаль за отвагу на поле боя. Ее дают не часто.

Ценная.

Феррис почувствовал, как ему на грудь положили что-то тяжелое. Он попытался

сказать «спасибо», но лишь с трудом кивнул. Директор снова заговорил. Он завел речь о незримых войнах. Феррис пытался что-то ответить, но директор сказал, что ему, судя по всему, надо уходить, чтобы дать больному отдохнуть.

— Отдохни немного, старина, — весело сказал напоследок директор.

— Спасибо, — наконец-то смог ответить Феррис и закрыл глаза. Прежде чем провалиться в сон, одурманенный лекарствами Феррис увидел перед собой лица двух погибших. Двух агентов, оставшихся в Ираке.

Хофман навестил его спустя пару дней. Феррис поправлялся, дозы обезболивающих пошли на спад, так что нога болела сильнее, но в мозгах просветлело.

— Хорошо поработал, — сказал начальник ближневосточного отдела. — Твой отец мог бы гордиться тобой.

Феррис повернулся так, чтобы лучше видеть Хофмана.

— Мой папа ненавидел ЦРУ, — ответил он.

— Знаю. Именно поэтому он гордился бы тобой. Ты отчасти вернул нам былое величие.

Это было правдой. Том Феррис работал в научно-техническом отделе Управления, создав несколько поколений систем связи для спутников-шпионов, и каждая минута этой работы была наполнена отвращением. После того как Стэн Тернер устроил чистку в конце семидесятых и его уволили, он работал в вашингтонском офисе аэрокосмической фирмы, но начал сильно выпивать и устраивать матери Ферриса ночные скандалы. Феррис понимал, что отец считает себя неудачником, талантливым инженером, потратившим свою жизнь на борьбу с бюрократами Управления, прикрывающимися требованиями секретности. Когда он был пьян, он начинал говорить сам с собой об этом. «Посредственности». «Лживые твари». Его речь была неразборчива. Когда он узнал, что его единственный сын встал на сторону врага, с ним случился сердечный приступ. Возможно, отец Ферриса порадовался бы, узнав, что его мальчик получил медаль из рук людей, мучивших его всю жизнь. Неизвестно.

— Я хочу вернуться в Ирак, — сказал Феррис.

— Без вариантов, — тут же ответил Хофман. — Не обсуждается. Ты прокололся. Плохие парни знают тебя, так что забудь об этом.

— Тогда я ухожу. Пошлите меня обратно, или я начинаю искать другую работу.

— Не веди себя как задница, Роджер, и не пытайся мне угрожать. Это не сработает. В любом случае, у меня есть для тебя другое предложение. Не хотел бы ты сделать для меня нечто, так скажем, необычное?

— На штабной работе? Никогда. Если вы попытаетесь меня заставить, то я не просто уволюсь, я дезертирую.

— Если быть точным, это не совсем штабная работа. Она даже не входит в официальный план работы. Как я уже сказал, она необычная. Обещаю, она тебе понравится. Она просто создана для таких приключенцев, как ты.

— И что же это?

— Не могу рассказать, пока не согласишься.

— Тогда забудьте об этом. Я хочу вернуться в Ирак. Как я уже сказал, либо это, либо ничего.

— Прекрати. Будь взрослее. Я же сказал тебе, возвращение в Ирак невозможно. Ты ошибаешься, отказываясь от моего предложения, но это твоя проблема. Если ты настаиваешь на том, чтобы вернуться к оперативной работе, я готов предложить тебе ближайшее к Багдаду место, Амман. На самом деле это лучше, поскольку там ты сможешь проводить реальные операции, а не сидеть на корточках в надежде, что тебе не отстреляют задницу. Я хочу послать тебя туда в качестве заместителя начальника отделения, что для твоего возраста просто неслыханно. Так что заткнись.

Нет, не затыкайся, а скажи: «Спасибо, Эд. Амман — лакомый кусочек, и я действительно признателен тебе за доверие ко мне».

Феррис поскреб отросшую щетину.

— Когда отправляться? То есть если я соглашусь работать в Аммане.

— Как только сможешь ходить и не падать. Мне сказали, это будет где-то через месяц.

Феррис посмотрел в окно, на газон и 16-ю улицу с ее плотным движением. Мальчишки из службы доставки «Пицца Хат», машины «Федэкс», жители пригородов, спешащие с работы домой, чтобы посмотреть любимые телепередачи. Обычная Америка. А кровавое месиво, творящееся в Ираке, — словно кадры с другой планеты. Он снова повернулся к Хофману, который явно ждал его ответа. Несмотря на внешнюю грубость, Хофман ничем не отличался от остальных людей. Он хотел слышать от людей хорошее. А у Ферриса было неподходящее для этого настроение. Нога слишком сильно болела.

— Мы проигрываем эту войну, Эд. Вы это понимаете, ведь так?

— Конечно, если ты имеешь в виду мелкую войну в Ираке. Но мы не проигрываем глобальную войну, пока по крайней мере. Ту, которая разрушит все, от большого Лос-Анджелеса до маленького Бангора в штате Мэн, и заставит обычных людей постоянно гадить в штаны от страха. В этой войне мы все еще удерживаем позиции. Почти что. Вот почему я хочу отправить тебя в Амман. Пока тебе как следует не разнесли ногу, ты в Ираке делал реальные дела. Я говорю про эту сеть и Сулеймана. За последние пару дней мы получили сведения из других источников. Мы должны уничтожить его. *Должны*. Так что переставай жалеть себя и поправляйся. Лечись. А я переправлю тебя в Амман, как только смогу. Мы поняли друг друга?

Феррис едва улыбнулся:

— У меня есть выбор?

— Ни фига, — ответил Хофман, вставая, но потом передумал и снова сел. Он хотел, чтобы Феррис понял все. Это не утешительный приз. Сощутив один глаз, словно вглядываясь в даль, он снова обратился к нему: — Помнишь тот день, когда ты в первый раз пришел в мой кабинет, после того как тебя выпустили с «Фермы»?

— Еще бы. Вы меня напугали.

— Ты мне льстишь. Но суть не в этом. С той самой первой встречи я знал, что хочу, чтобы ты у меня работал. Знаешь почему? Конечно, ты все хорошо делал на тренировках. Они прислали мне доклад. Ты преуспел во всем.

Феррис кивнул. Он встретился с Хофманом через пару дней после выпускного экзамена в тренировочном центре, который все называли «Фермой». Возможно, самым секретным тренировочным центром в мире. Он представлял собой огороженную пустынную полосу земли в болотистой пойме Тайдуотера, неподалеку от Уильямсбурга, наполненную змеями, паразитами и отставными оперативниками, которых послали сюда работать инструкторами после того, как они прокололись на агентурной работе. Феррису это место показалось похожим на роскошный лагерь скаутов с развлечениями типа ориентирования по карте, скоростного вождения автомобилей, упражнений в стрельбе и даже прыжков с парашютом. Все это было призвано тщательно замаскировать тот факт, что большинство выпускников никогда не будут ходить и ездить дальше посольских приемов. Но Феррис преуспел во всем. Он был тренированным мужчиной, что давало плюс в таких зачетных дисциплинах, как, например, рукопашный бой. А инструктор по профессиональной подготовке сказал ему, что он «прирожденный вербовщик».

— Ты был просто звездой, — продолжал Хофман. — Но суть не в этом. Большинство людей, хорошо проявивших себя на «Ферме», становятся сущим бедствием, когда превращаются в оперативников. Это как с выпускными классами. Своего рода обратная зависимость между первоначальными успехами и

последующими реальными достижениями. Нет, меня привлекло нечто другое. Такое, от чего я, боюсь, почти отвык в нашей работе.

— Хорошо, сдаюсь. Так что же?

— Ты был естественен. Это единственное слово, каким я могу передать свои ощущения. Ты даже еще не начал, но уже четко знал, что ты будешь делать. Ты знал, что где-то живут ужасные люди, которые собираются убивать американцев. Ты изучал их. Ты говорил на их языке. Ты знал, что они уже вышли в свой поход против нас, в отличие от девяноста девяти процентов сотрудников Управления в те времена. И у тебя была эта хватка журналиста. Большинство людей приходят к нам из ФБР, морской пехоты и тому подобного. Там их учат выполнять приказы и приспосабливаться к ситуации. А ты выделялся на их фоне. Ты был ловким и непокорным мальчишкой, изучавшим арабский еще с колледжа, работавшим с журналом «Тайм», и все такое, который понял, что этот чертов дом горит и ты должен с этим что-то сделать. Вот что мне в тебе понравилось. Ты уже тогда понимал, что происходит. Как и сейчас.

— Я всегда думал, что вы ненавидите журналистов.

— Конечно. Они неудачники. А ты мне нравишься.

Феррис покачал головой, вспоминая всех хвастунов и кабинетных стратегов, с которыми ему приходилось работать в «Тайм». Индустрия новостей все еще была на подъеме, когда он пришел в нее в 1991 году. Они послали его в Детройт, чтобы он написал цикл статей о том, что осталось от американской автомобильной промышленности. Его это достало до смерти, уже через год он начал думать об увольнении, но властители «Тайм» вдруг решили послать его за границу, очевидно чтобы использовать его знание арабского. Для начала они вернули его в Нью-Йорк, и он принялся заниматься темой Уолл-стрит. Это было еще хуже Детройта. Феррис уже было окончательно решил уволняться, когда «Тайм» дал ему заказ на небольшую статью о радикальных исламистах, следы которых всплыли при расследовании попытки подрыва Всемирного торгового центра в 1991 году. Феррис принялся читать арабские газеты и посещать мечети. Чем больше он говорил с шейхами, тем яснее для него становилась ситуация. Эти люди Америку ненавидят. Они больше не хотят никаких переговоров. Они хотят убивать. Феррис понял, что влез во что-то чрезвычайно важное, но «Тайм» поставил лимит статьи в тысячу слов, и, когда он пожаловался на это ограничение, редактор прочел ему лекцию о «работе в команде». Феррис подумывал о том, чтобы написать книгу о радикальных течениях ислама, но не смог найти издателя, который пообещал бы ему публикацию.

Тогда он бросил работу и пошел в аспирантуру. Преподаватели Колумбийского университета были рады вновь увидеть его, хотя и не одобряли его исследований по теме исламского экстремизма, проводимых вместо объяснений в любви несчастным и обездоленным палестинцам. А потом, спустя полгода, случилось событие, которое теперь выглядело для него заранее спланированным. Бывший декан факультета, заинтересовавшись работой Ферриса, пригласил его на ланч. Он долго ходил вокруг да около, а затем, за чашкой кофе, прямо спросил Ферриса, не думал ли тот когда-нибудь о работе в Центральном разведывательном управлении. Сначала Феррис расхохотался. Не думал ли? Черт, он всю жизнь бежал от этого. Хватит бежать, вдруг понял он. Вот кто ты есть. А сейчас, спустя десять лет, лежа на больничной койке, с ногой, собранной на стальных спицах, он умоляет о том, чтобы ему позволили вернуться на поле боя.

Хофман улыбался.

— Ты помнишь, что сказал мне при первой встрече?

Феррис попытался вспомнить. В день выпускного экзамена на «Ферме» директор тренировочного центра вызвал его к себе и сказал, что его хочет видеть начальник ближневосточного отдела. Прямо сейчас. Он говорил об этом как о чем-то

весьма важном. Феррис хотел провести недельку во Флориде, поджариваясь на солнышке и попивая пиво, но, очевидно, от этого придется отказаться. Он уселся за руль и с сумасшедшей скоростью поехал по Девяносто пятой магистрали, заведя музыку на полную громкость и думая о том, какой он крутой. Когда он приехал в штаб-квартиру, охранник отправил его в кабинет на четвертом этаже. Внезапно до него дошло, сколь обычным было то место, в которое он попал. Доски объявлений с заметками о встречах в неурочные часы, словно в университете. Маленькие таблички на дверях — «Щитовая», «Сантехническая». Словно они боятся, что люди по ошибке войдут не в ту дверь. На «Ферме» стажерам Управления тайных операций говорили, что их готовят к службе в самом лучшем в мире разведывательном ведомстве. Но, глядя на неуклюжих мужчин и женщин, с пустыми глазами снующих по коридорам штаб-квартиры ЦРУ, Феррис понял, что эти слова были не совсем верны. И начал думать о том, не совершает ли он величайшую в своей жизни ошибку.

А потом он встретился с Эдом Хофманом. При первой встрече его поразили размеры Хофмана. Не лишний вес, просто массивное телосложение. Хофман был из тех людей, что занимают много места, даже сидя за столом. Коротко стриженные волосы, как у морпеха-новобранца, но, судя по всему, ему пятьдесят с небольшим. Он уставился на вошедшего в кабинет Ферриса поверх небольших лекторских очков, со смесью удивления и нетерпения, словно забыл, что сам его вызвал. Но тут было другое. Его просто раздирало любопытство.

Хофман все так же сидел рядом с больничной койкой госпиталя Уолтера Рида, ожидая ответа. С тех пор он стал несколько крупнее, помягче в районе живота. Но удивленный прищур глаз был все тот же, как и живой взгляд.

— Если быть честным, Эд, я не слишком помню, что тогда говорил, кроме разве что «Да, сэр» и «Нет, сэр». Я пытался произвести хорошее впечатление. Помню, вы сказали мне, что у нас есть что-то общее. Да, что у нас у обоих есть родственники, которых выгнали из ЦРУ. Я никогда не слышал, чтобы папа высказывался о себе именно так, хотя это было бы правильным определением. Вы рассказали мне про своего дядю Фрэнка, который руководил отделением ЦРУ в Бейруте, пока не взъярился на своего босса и не уволился. Мне это понравилось. Как он сейчас, дядя Фрэнк?

— С кем-нибудь играет в гольф во Флориде. Ты ушел от ответа, Роджер. Ты помнишь, что ты сказал в конце разговора, когда я спросил тебя про исламистские группировки и мы принялись говорить про бен Ладена? Судя по всему, ты тогда был единственным человеком во всей штаб-квартире, который знал, кто это такой, а тебе ведь еще и не начинали платить зарплату. Ты помнишь, что сказал в конце беседы, в ответ на мое предложение послать тебя в Йемен работать над проблемой «Аль-Каеды»? Помнишь, что ты ответил?

— Честно говоря, нет, Эд. Давно это было.

— А я помню. «С этим надо что-то делать», — сказал ты, глядя мне в глаза. Никогда не забуду. Когда настало одиннадцатое сентября, я подумал: давайте мне сюда этого парнишку Ферриса. Забирайте его из Йемена, он должен быть моим оперативником. Ты знаешь, что я выбрал тебя из более чем тридцати человек? Одиннадцатое сентября стало национальной трагедией Америки, но для тебя оно означало хороший прыжок в карьере.

— Дайте мне передохнуть, Эд. Я же лежу на больничной койке с наполовину отстреленной ногой.

Хофман оставил его слова без внимания.

— То, что ты сказал тогда, верно и сейчас. Сейчас у нас на прицеле Сулейман, и ты отправишься в Амман. Эти люди — убийцы. Они хотят вести войну с нами в Америке, в каждом торговом центре и супермаркете. Так что я возвращаю тебе твои слова, Роджер. *С этим нужно что-то делать.*

Гретхен Феррис посещала мужа в госпитале через день. Темноволосая красавица с роскошной фигурой, все мужчины в госпитале смотрели ей вслед и качали головой. Но она никогда не задерживалась надолго. Каждый раз ей надо было срочно возвращаться назад на работу, в Министерство юстиции. Но она была предана Феррису, в рамках своей упорядоченной жизни. Они повстречались еще студентами в Колумбийском университете. Она была умнее его, по крайней мере с общепринятой точки зрения. Пока Феррис болтался в «Тайм», она сгребла в охапку свои юридические аттестаты и окончила Высшую юридическую школу в университете. Когда он пошел работать в ЦРУ, она устроилась на работу в Вашингтон, к окружному судье, завзятому консерватору. Когда республиканцы получили большинство на выборах, ей предложили работу в Министерстве юстиции. Она спросила Ферриса, не станет ли проблемой то, что они оба работают на правительство. Он сказал, что нет. Он ею гордился, равно как и она им.

А еще она была верующей. В этом состояло их главное различие. Для Ферриса большинство жизненных вопросов были открытой темой, допускающей трактовки, обсуждение и пересмотр. Гретхен действовала в обратном направлении, от идеалов к действительности. Возможно, когда они были моложе, она была не столь уверена в незыблемости своих принципов, а может, Феррис со временем порастерял часть своих. Эта дистанция во взглядах уже начала слегка беспокоить его, когда он отправлялся в Ирак, но сейчас она лишь увеличивалась. Гретхен знать не хотела ничего того, что могло бы разочаровать ее в ее идеалах. Если бы Феррис попытался объяснить, что именно так беспокоит его в ситуации с Ираком, она бы лишь покачала головой, сочтя его доводы неубедительными.

Но как бы они ни различались, Гретхен хорошо знала, как навести мосты через разделяющее их расстояние. Она была на редкость жадна до секса и по-своему творчески подходила к этому. Это было то, что не укладывалось в стереотип образа юриста. Когда она первый раз пришла к нему в госпиталь, она слегка распахнула плащ, чтобы показать ему свой новый бюстгальтер, пояс для чулок и молочно-белую кожу. Ей хотелось, чтобы он помедленнее раздел ее. Феррис сначала воспротивился, думая, что предает других раненых, лежащих в госпитале, но сопротивлялся недолго.

Когда он сказал ей, что отправится в Амман, она расплакалась. Не от горя, что снова будет в разлуке с ним, а от гордости за то, какую работу он делает. Она принялась говорить о том, что оба они сражаются в одной и той же войне, принося личное счастье в жертву чему-то большему. Безумие, подумал Феррис. Никто и никогда еще не сохранял счастливый брак во имя блага страны. Он уже начал думать о том, как долго это будет продолжаться. Для нее он стал скорее героем, чем реальным человеком. В день отбытия, в аэропорту, он попытался сказать ей, что не может быть уверен в том, что сможет сохранять супружескую верность, столь долго находясь вдали от нее.

— Просто никогда и ничего не говори мне об этом, и у нас все будет хорошо, — перебила она его.

Затем она поцеловала его и сказала, что любит. Феррис тоже сказал «Люблю тебя», но для него эти слова, похоже, становились пустым звуком.

Глава 6

Амман

На следующий день после возвращения из Берлина Феррис отправился в Управление общей разведки к Хани Саламу. Охранник на пропускном пункте сначала остановил его бронированный джип на въезде, а затем махнул рукой, разрешая ехать дальше. Очевидно, уже прошли слухи, что он — друг паши. В такой стране, как

Иордания, это дорогого стоило. Вся жизнь вращалась вокруг королевского двора, слухи распространялись беспрепятственно, как вода. Придворные, казалось, знали все и обо всем. Например, в течение пары дней весь дворец знал, что Феррис назначен исполняющим обязанности начальника отделения ЦРУ уже через пару недель после его прибытия, после высылки из страны Фрэнсиса Элдерсона. Предполагалось, что это должно быть большой тайной, но весь этот город был как одна большая компания. Или «Компания», «контора», как сотрудники ЦРУ называли свое ведомство.

Штаб-квартира УОР находилась на вершине отвесно вздымавшейся горы в Абдуне, неподалеку от посольства США. Само здание не было видно с дороги, но, сделав очередной поворот, вы внезапно натыкались на него, словно на выросший из земли замок. Во внутреннем дворе развевался зловещий черный флаг «Мухабарата» с надписью на арабском «Суд грядет». В ясную погоду ночью можно было увидеть вдали огни Иерусалима. УОР было огромной организацией. Никто в точности не знал, сколько людей находится на жалованье у тайной полиции, так что оставалось предполагать наихудший вариант: человек, сидящий рядом с тобой в ресторане, не информатор ли он? А что насчет *баваба*, охраняющего дом, где находится твоя квартира, или человека, работающего рядом с тобой в офисе? Любой из них мог быть информатором, а еще есть десяток других, тщательно записывающих все события твоей жизни. Кто знает? Сидя в баре, молодые иорданцы иногда начинали играть в игру, пытаясь угадать, кто же работает на «Мухабарат», но они осмеливались заниматься этим лишь в тех случаях, если имели богатых папочек, которые смогли бы при надобности замять дело. В этом была главная сила Хани. В отсутствие реальной информации людям приходилось предполагать, что его соглядатаи притаились повсюду.

Феррис принес с собой запечатанный портфель, в котором были протоколы нескольких радиоперехватов, сделанных УНБ. Беседы некоторых членов королевской семьи, недавно пытавшихся выкачать из королевской казны побольше денег. Это была идея Хофмана — сделать подарок Хани, через некоторое время после начала встречи. Смысл был таков: долг платежом красен.

Секретарь Хани встретил Ферриса у входной двери и повел его внутрь. Феррис миновал прихожую на первом этаже, расписанную яркими фресками. На них был изображен молодой король в окружении членов семьи. Потом они стали подниматься по огромной лестнице. Что-то в этом было от причудливого и роскошного холла дорогого отеля, отделанного полированным тиком и блестящим хромированным металлом. Изящество внутреннего убранства поражало большинство иорданцев, которые представляли себе штаб-квартиру разведки тюрьмой в стиле Кафки. Но служащие УОР всегда любили хорошую жизнь, иногда даже чрезмерно. Один из предшественников Хани сам отправился в тюрьму, когда стало известно о том, что он помогал своим друзьям получать выгодные контракты в обмен на крупные суммы, поступавшие на секретный счет в банке.

Ферриса проводили в кабинет гостеприимного заместителя Хани, который угостил его чаем и немного поболтал с ним. Директор освободится через пару минут, сказал он. Вскоре адъютант сообщил, что начальник готов встретить посетителя. Феррис пересек огромный холл и вошел в просторный кабинет, в котором висели большие портреты молодого короля и его покойного отца. Хани встал из-за стола и пошел навстречу американцу.

— Салам алейкум, Хани-паша! — сказал Феррис.

Наклонившись, американец поцеловал иорданца в обе щеки.

Хани был польщен таким знаком уважения. Затянувшись сигаретой, он выпустил почти идеальное кольцо дыма в сторону Ферриса.

— Мы всегда рады тебе, Роджер. Ты должен был родиться арабом. У тебя такие

хорошие манеры, за это ты нам так нравишься.

— Я не араб. Просто американец, хорошо говорящий на вашем языке.

— Все может быть, все может быть, — улыбнулся Хани. — Может, какая-нибудь бабушка или дедушка. Я это вижу, а я никогда не ошибаюсь в таких делах.

— На этот раз ошиблись, — ответил Феррис, дружески улыбаясь.

Он никогда не говорил о своих предках. Управление вообще не одобряло разглашения какой угодно конкретной информации, но тут дело было даже не в этом. Просто Феррис не считал, что его личная жизнь касается кого-либо, с кем он общается по работе.

— Слава Аллаху! Садись, — сказал Хани, показывая на софу.

Этим утром он был в особенности похож на Дина Мартина. Твидовый пиджак, рубашка без галстука и замшевые мокасины, которые он, должно быть, купил во время недавней поездки в Лондон.

— Хорошо выглядите, — сказал Феррис.

Это было чистой правдой. Человек, находящийся перед ним, просто светился отменным здоровьем. Должно быть, в награду за свои усилия в Берлине он попил там какой-нибудь особо классной выпивки.

— Как твоя нога, дорогой? В Берлине ты хромал. Ты пытался скрыть это, но я заметил. Надеюсь, ты поправился. Я переживаю за тебя.

— Отлично. Самое лучшее — это снова вас видеть, Хани-паша.

— Я вернулся из Германии вчера. Отличная страна, но никудышная разведка. Не думаю, что они хотя бы узнали, что я там побывал. А когда я вернулся, мои люди сразу сказали, что ты хочешь со мной увидеться. Сразу! — сказал Хани, приподняв брови.

— Это все Милан. Европейцы с ума сходят. И Белый дом с ума сходит. И все орут на нас.

— И на меня, — ответил Хани, всплеснув руками. — Чтобы встретиться с тобой этим утром, мне пришлось отменить визиты представителей от Италии, Франции и Великобритании. Все хотят результатов уже через день. Думаю, они не слишком понимают суть работы разведки. Это не микроволновая печь. Эд Хофман тоже понимает. Он-то знает, что быстро хорошо не бывает.

— Ваша операция в Берлине определенно заинтересовала мистера Хофмана. Он поручил мне поздравить вас. Думаю, он весьма впечатлен ею.

Феррис умолк, решив не скатываться до откровенной лжи.

— Скажи Эду, что я благодарен ему за похвалу. Будь она от кого другого, я счел бы ее за обычную лесть, просто из желания что-то выгадать, — ответил Хани. Его губы тронула легкая улыбка. Словно плавник акулы, прорезавший водную гладь.

— Но нам надо быстро разбираться с этим, Хани-паша. Как вы можете догадаться, у мистера Хофмана есть куча вопросов по поводу Мустафы Карами, того человека, к которому мы приходили в Берлине.

— О да, могу себе представить.

— В особенности мистера Хофмана интересует, как прошла ваша вторая встреча.

Феррис старался не слишком напирать, сразу переходя к делу, но с Хани никогда нельзя было понять, сколько у тебя есть времени. У молодого короля была привычка появляться в самые неподходящие моменты, в результате чего глава разведки был вынужден тут же оставлять все прочие дела.

— Сложное дело, — ответил Хани. — Хорошее, но сложное.

— Почему? Вы взяли этого парня тепленьким. «Поговори с матерью». Самая лучшая уловка, какую я когда-либо видел. А направление, в котором вы работаете, интересует и нас.

Феррис оставил Хани ниточку, за которую можно было бы потянуть, но тот лишь

дал понять, что оценил похвалу.

— Да, мы взяли его «тепленьким», как ты и сказал. Вторая встреча прошла хорошо, как и третья, незадолго до того, как я отбыл оттуда. Теперь он наш, можно быть уверенным. Но дело все равно слишком сложное.

Феррис подождал объяснений. Когда их не последовало, пришлось спросить самому:

— Почему оно сложное?

— Потому, что «Аль-Каеда» — штука сложная. Много слоев, один за другим. Каждый, кто пытается перейти из одного слоя в другой, оказывается на подозрении. Нельзя ничего сделать самому, приходится ждать, когда тебе позволят.

— Но мы-то ждать не можем. Вы это знаете. Особенно после Милана. Мы надеемся, что вы быстро введете в игру этого Мустафу.

— Согласен, ждать мы не можем. Ждать, пока снова убьют людей. Но, с другой стороны, мы должны ждать. Я терпеливый человек, даже когда спешу. Я слишком много времени потратил на подготовку этой операции, чтобы сейчас начать торопиться. Даже если этого от меня хочет Эд Хофман.

Феррис помедлил с ответом. Хани слишком осторожен. Самое время отдать припасенный подарок.

— Мистер Хофман поручил мне отдать вам кое-что. Думаю, вам это понравится. Записи телефонных разговоров в Европе и Америке некоторых членов королевской семьи, которые... беспокоят короля. Особенно вас заинтересует запись бесед с ливанским банкиром в Париже, который управляет некоторыми счетами королевской семьи.

Феррис открыл портфель и передал Хани распечатки.

— Ах да.

Хани глянул первые пару страниц, а затем закрыл папку и, прищурившись, посмотрел на Ферриса:

— Что ж, очень хорошо. Уверен, Его Величество это заинтересует. Как хорошо, что Эд столь щедр к нам.

Похоже, подарок привел Хани в некоторое раздражение, хотя Феррис и не мог понять почему. Король сам обмолвился парой слов о своих непутевых родственниках в разговоре с директором во время своего последнего визита в Вашингтон.

— Он хочет встретиться с вами и скоро прибудет в Амман.

— Да, знаю. Ему что-то нужно, и мне интересно что же, — ответил Хани, улыбаясь и прикуривая очередную сигарету.

Феррис не стал спрашивать, откуда ему известно о приезде Хофмана. Может, тот сам ему сказал. Может, Хани только делает вид, что знает. Без разницы.

— Он собирался поговорить об этом деле.

— Добро пожаловать. *Алан ва салан*. Если он только не попытается сам руководить операцией. Тогда он наделает ошибок. Вот почему ты нам нравишься, Феррис. Ты всегда знаешь, чего именно ты не знаешь. Ты молод, умен, говоришь по-арабски и уважаешь старших. Ты араб, втайне.

Хани подмигнул ему.

— Мы можем получить протокол допроса Карами? — спросил Феррис. — Это помогло бы мне в работе с Хофманом.

— Нет. К моему глубочайшему сожалению. Это было бы неправильно. Но я могу изложить информацию в общих чертах. Карами был на связи с человеком из тренировочного лагеря в Афганистане. Сейчас этот человек находится в Мадриде. Они встречались в Будапеште. Человек из Дубай, который присылал ему деньги, получал их от другого, из Карачи, но мы пока не знаем его имени. Карами был курьером во время диверсии на американском корабле «Коул» в двухтысячном году. Он единожды ездил в Йемен, но с тех пор они не привлекали его к операциям. Он

«крот». Они держат его наготове для чего-то другого. А может, просто забыли о нем. Как ни печально, *хабиби*, но сам по себе этот человек не сможет помочь нам пробраться к ним внутрь. Если он попытается выйти на связь с большими боссами, ему откажут. Но насчет него у меня есть другая идея.

— Какая? — спросил Феррис, стараясь не хмуриться.

— Не могу сказать, — ответил Хани. Это гладкое лицо, густые черные волосы и хорошо подстриженные седые усы. — Нет, неправда. Мог бы сказать, если бы хотел, но не хочу.

— Почему же? Мы охотимся за одной и той же целью. Я уверен в этом. Почему же нам нельзя сотрудничать?

— Потому что это моя операция. Мы поделимся с вами ее результатами. Но вам необходимо дать мне возможность провести ее так, как я считаю нужным. Потому что... будем откровенны, дорогой, потому что у вас нет другого выхода.

Хани улыбнулся. Его обаяние неотразимо, подумал Феррис, даже тогда, когда он говорит вещи, которые сильно осложняют тебе жизнь.

— Хофмана это не обрадует, — сказал он.

— *Маалеш*. Очень плохо. Но он с этим справится. Кто же здесь любит американцев больше, чем я?

— Лэнгли оплачивает многие здешние счета.

— Это угроза, мой дорогой Феррис? Как здорово. Ты становишься настоящим начальником отделения. Только не повторяй ошибок своего предшественника, или нам тоже придется вышвырнуть тебя вон.

Иорданец улыбнулся. В его глазах светилась полнейшая уверенность в себе. Никто не собирался обсуждать прегрешения предшественника Ферриса, Фрэнсиса Элдерсона, но никто и не забыл о них. Хани похлопал Ферриса по спине.

— Ты здесь представитель больших ребят из Лэнгли. Я это понимаю. Но, угрожая мне таким образом, ты лишь демонстрируешь свою слабость, так что больше не заводи такие разговоры. И скажи своему начальнику отдела, что, если он во время своего визита будет слишком напирать на финансовый вопрос, он об этом пожалеет. Надеюсь, мы больше не будем говорить на эту тему?

— Не будем, — ответил Феррис. — Но не могу ничего гарантировать насчет возможной реакции мистера Хофмана.

— Все будет хорошо. Вы ведете войну, и вам необходимо доверять своим друзьям. Попей чаю.

Вечером Феррис вернулся в свою квартиру в Шмейсани. Она находилась на верхнем этаже дома, принадлежащего пенсионеру-палестинцу, бывшему инженеру. Из окон открывался прекрасный вид на молочно-белые здания города и холмы вдаль. Феррис вышел на балкон. Солнце еще не зашло, и здания Аммана отбрасывали затейливые тени. Налив себе водки, Феррис сел, глядя на слабое мерцание огней Иерусалима вдаль. Обычно он любил оставаться один, в тепле и пустоте своей надежной квартиры. Людям в реальной жизни нужны безопасные, конспиративные квартиры, но не всегда. Для Ферриса, по крайней мере, этот вечер был иным.

Он подумал о своей жене. Гретхен посылала ему письма со словами любви, в которых романтические фразы, наверное переписанные из «Космополитен», чередовались с описаниями жизни Управления юрисконсультов. У нее все было разложено по полочкам. Секс, закон, политика. И она была экспертом во всех этих областях. Он попытался подумать о Гретхен с нежностью, но ее образ ускользал из его сознания. У Ферриса уже не получалось сосредоточиться на нем. Что-то расклеилось, ее незримый дух уплыл, летя над холмами Аммана, в Америку, к ее большому дубовому столу в Министерстве юстиции. Феррис вдруг понял, что ему безразлично даже то, если она там занимается с кем-то сексом. Наверное, это знак

того, что он сам, в глубине сердца, утратил супружескую верность.

В пустое пространство души Роджера Ферриса ворвалась другая женщина, Алиса Мелвилл. Они повстречались в Аммане три недели назад. Феррису она сразу понравилась, и он снял с пальца обручальное кольцо, когда пригласил ее поужинать. Он сделал это впервые в жизни. Потом он пригласил ее к себе.

— Не испытывай судьбу, — сказала она. Когда Феррис ответил на это мрачным взглядом, она поцеловала его в щеку. — Беру слова назад. Испытай судьбу, но не сегодня, — прошептала она.

Отчасти Алиса так понравилась ему именно тем, насколько она была непохожа на его жену. Гретхен была человеком, чьи жизненно важные вопросы были уже давно решены. Алиса же давала понять, что такие вещи все еще открыты для обсуждения. Она работала с палестинскими беженцами и с жаром рассказывала о страданиях арабов. Если бы сослуживцы Ферриса повстречались с ней, они бы мгновенно прониклись к ней недоверием. Поэтому он был намерен всячески избегать этого. И главное, в Алисе была какая-то загадка. С Гретхен все было просто, что называется, наличными и при вас. Ум, красота, амбиции. Алиса была неуловимой, чем-то напоминая Феррису арабов. Под маской видимой открытости у них крылась хитрость, такой человек никогда не скажет всего, что знает.

Перед тем как Феррис отправился в Берлин, он получил письмо от Алисы. В нем она продолжала тему их разговора во время последней встречи, когда они напились и принялись рассуждать о политике. Тон письма был и серьезным, и ироничным одновременно, Феррис догадывался, что это и составляет стиль общения Алисы, но пока не был уверен, поскольку еще недостаточно узнал ее. Он хранил это письмо в кармане и сейчас, сидя на балконе, снова достал его и принялся читать в тусклом свете, едва разгонявшем черноту ночи.

«Я ненавижу эту войну, Роджер, — писала она. — В конце концов, когда же она началась, в 2001 году, или во времена Крестовых походов, или когда-то еще? И кто эти „плохие парни“, о которых всю дорогу говорят твои друзья из посольства? Предположим, это не все мусульмане, а только те, которые ненавидят Америку. Все равно, это очень много людей. И что мы собираемся делать? Убить их всех? И как мы собираемся заставить хоть часть их возлюбить нас, если продолжаем убивать их? Может, я глупая, но я не понимаю. Надеюсь, мы сможем снова поужинать вместе. Можем пойти потанцевать в этот новый клуб в Шмейсани. Не переусердствуй с работой. Я по тебе скучаю. А ты по мне скучаешь, хоть чуточку?» Подпись с затейливыми завитками.

Сидя на балконе и допивая вторую рюмку водки, Феррис подумал, что на самом деле очень скучает по ней. Он попытался позвонить Алисе на мобильный, но ответа не было. Может, она с кем-то другим, или куда-то отправилась, или просто напускает загадочности?

Феррис понял, что ему тоже надо написать письмо. Но не Алисе, с которой он достаточно скоро увидится. Гретхен. Они оказались в безвыходной ситуации. Оба знали о ней, но не желали признаваться. Если бы она отправилась с ним в Амман или он бы отказался от назначения и остался в Вашингтоне, у них бы появился хоть какой-то шанс. Но даже в этом случае они бы остались совершенно разными людьми. На самом деле Гретхен не хотела быть его женой. Она никогда не призналась бы в этом, но она слишком занятой человек, чтобы быть чьей-то женой. Сам факт замужества за офицером разведки ей, конечно, нравился. Это подходило под ее образ. Семейная пара воинов. Хотя какая они семейная пара?

Давай, сказал себе Феррис. Он вернулся в дом, сел за компьютер в кабинете и принялся набирать текст. «Моя дорогая Гретхен...» Нет: «Дорогая Гретхен. Когда в июне я уезжал из Вашингтона, мы сказали, что нам надо поговорить, но у нас этого

так и не получилось. Сейчас я понимаю, что нам надо было сделать это. Наш брак распался...» Нет: «Наш брак в опасности. Мы оба знаем это. Мы месяцами живем врозь, и этому конца не видно. Ты не хочешь бросать свою работу, я — свою, особенно после того, что произошло в Ираке. У нас не осталось возможности жить вместе, как мужу и жене. Если мы и дальше будем жить порознь, мы неизбежно встретим других людей...» Нет: «Если мы не собираемся впредь жить вместе, думаю, тебе следует проконсультироваться с юристом...»

Феррис перестал набирать текст. Он задумался о юристах, о драке за деньги, о досадном статусе разведенного. Он нажал кнопку сохранения, а потом стер файл. Сама идея таких разбирательств приводила его в бешенство. Гретхен умнее его, а ее заработок юриста куда больше его жалованья офицера разведки, нынешний или даже будущий. Через пару лет она уволится из Министерства юстиции, пойдет в какую-нибудь расчудесную юридическую фирму и будет иметь четыреста тысяч долларов в год. Феррис смог бы заработать такие деньги, только разворовывая оперативные фонды, но это не для него, по крайней мере пока. А уж она ему спуска не даст.

Проблема Гретхен в том, что она терпеть не может людей слабее себя. А в эту категорию попадают почти все. Когда они познакомились в Колумбийском университете, Гретхен сказала Феррису, что собирается голосовать за республиканцев на следующих президентских выборах. Это была не столько проверка, сколько предупреждение. Феррису было плевать. Политика утомляла его, а Гретхен она приводила в возбуждение. Она была ослепительна в своей выдержке и уверенности — качествах, которые обычно присущи молодым и амбициозным мужчинам. Было ли это тем, за что Феррис полюбил ее? Отчасти да. Она знает, как быть успешной, и в отблеске ее славы он тоже чувствовал себя не последним человеком, просто за счет того, что он рядом с ней. Но и она понимала, что живет у него внутри. Когда он принялся работать над темой радикальных исламистов, еще в «Тайм», она была одной из немногих, кто понял его. «Они опасны, Роджер, — сказала она. — Сделай что-нибудь с этим».

Они оказались вместе потому, что были совершенны. Она всегда так ему говорила. Она яркая женщина, такая, с которой не стыдно пройти по Пятой авеню под Рождество. Она носила красное, слушала «U2» и загорала в бикини в роскошном солярии, до черноты. Когда она выпивала, она становилась сладостно дрянной девчонкой, с темными глазами с поволокой, в которых читалось «Возьми меня». А ее желание получить удовольствие было столь собственническим, как будто она складывала все оргазмы своей жизни на банковский депозит. Когда она не занималась любовью, она спала, как сытая кошка, а Феррис иногда лежал рядом с ней, проснувшись и не понимая, почему чувствует себя одиноким.

Они поженились потому... похоже, потому, что это было правильно. Все их друзья переженились. Это как момент всплеска активности на бирже. Если ты видишь, что все покупают, надо покупать. Но ведь он действительно не любил никого, кроме нее. Она ждала его два года, когда он отправился в Йемен. «Пришло наше время», — сказала она, когда он вернулся. Они подыскиали себе квартиру в Калораме, а незадолго до 11 сентября 2001 года она пошла на работу в Министерство юстиции.

Она всегда была патриотом, но после 11 сентября у нее появилось ощущение личной ответственности. Такое происходит, когда амбиции соединяются с идеалами, некая химическая реакция, которая сделала ее несколько другим человеком. Ее ярость нашла себе применение в Министерстве юстиции, она начала заниматься делами, подобными тем, с которыми Феррис сталкивался в своей карьере разведчика. Его это беспокоило. Как-то вечером она спросила его о методах ведения допроса. Она задавала конкретные вопросы. Насколько сильный вред надо причинить человеку, чтобы он заговорил? Как долго люди приходят в себя после

допроса? Это не была пустая болтовня насчет допросов, если такая вообще возможна. Феррис заподозрил, что она проводит какое-то расследование. Он сказал, что не знает чего-то особенного, кроме того, что им объясняли на «Ферме». Она явно была разочарована.

Но проявила настойчивость, и наконец Феррис рассказал ей, что один раз в жизни был свидетелем жесткого допроса, в Йемене. Местная служба безопасности поймала человека, подозреваемого в связи с «Аль-Каедой», и допрашивающие избивали его более трех суток. Ключкой для крикета — вот что врезалось в память Феррису. Они не давали допрашиваемому потерять сознание, чтобы он почувствовал всё новые удары боли. Наконец, обезумев от страха, заключенный начал выкрикивать ответы. Те, которые, как он думал, желали услышать от него допрашивавшие. Но это лишь разозлило их еще больше, и они принялись бить его еще сильнее. Вскоре он умер от черепно-мозговых травм и кровопотери. Феррис видел все это.

— И ты не приказал им остановиться? — спросила Гретхен.

— Нет. Я думал, что в конце концов это сработает. Но он умер.

— Никогда и никому не рассказывай того, что рассказал мне, — сказала Гретхен. — С технической точки зрения ты нарушил закон.

Когда Феррис спросил ее, с чего это она так заинтересовалась допросами, она не ответила. Она вышла, что-то записала у себя в блокноте, а потом вернулась к нему, и несколько верхних пуговиц на ее блузке были расстегнуты.

Этот разговор вывел Ферриса из равновесия. Ему хотелось верить, что Гретхен чувствует себя так же, но уверенности не было. До него стало доходить, что для Гретхен законы были просто еще одним средством побеждать других. Что-то вроде устранения ограничений, так, чтобы ваш клиент, в ее случае — президент США, мог делать все, что ему вздумается. Было в этом что-то и от секса, садомазохистского. Для нее закон — средство раскрепостить людей, чтобы они действовали по своему усмотрению.

Она гордилась тем, что Феррис получил ранение в Ираке. Он-то думал, что шрамы вызовут у нее отвращение, но она с удовольствием прикасалась к ним, словно во искупление его страданий. Но у нее не было шансов сделать это. В то мгновение на шоссе 1 Феррис заглянул в бездну, думая, что умирает, и понял, что ее нет рядом с ним. Как ей сказать об этом? На протяжении всего лечения он продолжал чувствовать себя разделенным с ней. Он понял, что есть то, чем он никогда не делился с Гретхен и уже никогда не поделится.

Феррис снова набрал номер мобильного Алисы, и после четвертого гудка она наконец взяла трубку. У нее был сонный голос. Она дремала, и поначалу, казалось, даже не вспомнила, кто он такой. Он постарался не выказывать раздражения. Он не имеет права, она же ему не принадлежит.

— Я пытался найти тебя, — сказал он. — Где ты была?

— В основном — здесь, на денек уезжала в Дамаск. Иногда я не отвечаю на звонки на мобильный.

— А что ты делала в Дамаске?

— По магазинам ходила, — коротко ответила она. — На самом деле я думала, а что там с тобой случилось? Думала, может, я тебе разонравилась.

— Я тоже уезжал. Надо было посетить другую страну.

— Ага-а, — с откровенным недоверием протянула она.

— Я хочу увидеться с тобой. Поскорее. Ты свободна завтра вечером?

Завтра четверг, у мусульман начало выходных. Последовала долгая пауза.

— Я не знаю... — начала она.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Феррис, затаив дыхание.

— Я не знаю, смогу ли ждать так долго, — сказала она и засмеялась тому, как ловко над ним подшутила.

Закончив говорить по телефону, Феррис снова вышел на балкон. На город спустилась ночь, повеяло сухой прохладой пустыни. Амман горел чашей огней в черноте ночного неба. Феррис почувствовал себя не то чтобы хорошо, но уже совсем не так плохо.

Глава 7

Амман

Феррис заехал за Алисой Мелвилл прямо к ней домой. Ее квартира находилась в старом квартале, рядом с амфитеатром, построенным еще римлянами. Феррис не знал, живет ли здесь еще хоть один американец. Светловолосая Алиса оделась в открытое платье и сандалии, перекинув через плечо свитер. Казалось, ее волосы просто плывут в воздухе.

— Эй, привет, — сказала она, усевшись на переднее сиденье и пристегиваясь. В следующее мгновение она протянула руку и переключила магнитола на другую радиостанцию. Боже, как она прекрасна, подумал Феррис.

Он повез ее ужинать в итальянский ресторан отеля «Хайат». Это было самое романтическое место, какое ему пришло в голову. Они сидели под открытым небом, при свете звезд. Рядом стоял газовый обогреватель, отгонявший вечернюю прохладу. Он светился желтыми и синими огоньками, словно угли камина. Феррис заказал бутылку вина, а когда они допили ее, заказал еще одну. Вино сделало Алису разговорчивой, хотя Феррис сомневался в том, что это было бы проблемой, даже если бы она была трезвой как стеклышко. Она рассказывала о своей работе с палестинскими беженцами. В неправительственной организации, которая оказывала помощь лагерям беженцев, наполненным людьми с малым достатком. Феррис называл организацию «Детской службой спасения», хотя на самом деле ее название звучало, как «Совет по урегулированию на Ближнем Востоке».

— У беженцев не осталось надежды, Роджер, — прошептала она, словно это было секретом хоть для кого-нибудь. — В этой жизни их удерживает лишь гнев. Они внимают шейхам из «Хамаза» и «Исламского джихада». Они покупают кассеты с записями речей бен Ладена. Думаю, когда они ложатся спать, им снятся сны о том, как они убивают израильтян и американцев. А теперь, спаси Господи, еще и итальянцев.

— Но не тебя, — сказал Феррис. — Они не хотят убить тебя.

Она говорила совершенно серьезно, но все, что он мог делать, — это просто смотреть на нее. Свет горящего газа придавал ее волосам рыжий оттенок. Он наклонился к ней через стол, будто бы чтобы лучше слышать ее. Когда она говорила, он глядел, как в вырезе платья вздымается и опадает ее грудь.

— Нет, не меня. Они меня уважают... потому, что я слушаю их. А ты их слушаешь, Роджер? Американское правительство слушает их? Или мы просто хотим перестрелять их всех?

Ранее Феррис сказал ей, что работает в политическом отделе посольства. Это было его прикрытие.

— Конечно, я их слушаю. И посол их слушает. Мы все их слушаем. А я даже могу говорить с ними.

Он скороговоркой произнес пару изящных фраз на арабском, о том, как прекрасна она в этом свете луны и что он надеется увидеть ее у себя дома этой ночью.

К его удивлению, она ответила ему на достаточно приличном арабском. Сказала, что он красив, но судьба его в руках Аллаха.

— Не пытайся улестить меня, Али-баба, — добавила она на английском. — За мной пытались приударить многие, не только...

Она задумалась.

— ...Курт Шиллинг. И у них ничего не вышло.

— Этот фанат «Ред сокс»?

— Ну да.

— Я не пытаюсь улестить тебя. Просто меня неодолимо влечет к блондинкам, говорящим по-арабски.

Алиса закатила глаза, а потом обвела взглядом мужчин-арабов, сидевших в ресторане.

— Добро пожаловать в большой клуб. На самом деле, Роджер, я серьезно. Что посольские говорят людям? Вы говорите им о том, что сожалеете, что Америка убивает мусульман? Вы говорите им о том, что сожалеете, что их дома сносят бульдозерами, а их детей убивают? Вы говорите им о том, что мы только *на первый взгляд* являемся союзниками этих правых экстремистов в Израиле? Вы говорите им о том, что мы сделали ошибку, вторгнувшись в Ирак и разметав его на миллион частей? Что вы им вообще говорите? Хотелось бы мне знать.

Феррис застонал. Он же офицер разведки, а не дипломат.

— Нам обязательно сейчас обсуждать именно это?

— Нет. Можешь сказать, что это не мое дело, и я спокойно пойду домой.

Мысль о том, что она покинет его, испугала Ферриса.

— О'кей. Дай подумать. Когда люди высказывают жалобы, я говорю им, что понимаю их точку зрения, но я не тот человек, который определяет государственную политику США. Иногда я говорю им, что включу их высказывания в очередной отчет. Как, а? Я включу в отчет твою точку зрения, — попытался пошутить он, но неудачно.

— Ты действительно ничего не понял! Ты целыми днями сидишь в посольстве, а я — снаружи, на линии фронта. Seriously, Роджер. Я каждый день выслушиваю то, о чем кричат эти люди. Ты знаешь, что они в этих лагерях радовались, когда на этой неделе узнали о взрыве заминированного автомобиля в Милане? Радовались. Пришлось прийти моим друзьям, чтобы защитить меня. Они хотят убивать нас. Ты понимаешь это?

От возбуждения кровь прилила к ее щекам, и они тоже стали светиться красным в свете газового камина. Он знал, что может ответить ей куда лучше, но политические споры были его слабым местом. Они напоминали ему обо всем том, что он возненавидел, еще работая журналистом. Политические споры — для служащих Госдепартамента, редакторов газетных полос и таких людей, как эта загадочная Алиса, которая работает в лагере беженцев и при этом может прийти на ужин в открытом платье. Но он должен что-то сказать, иначе она на него совсем рукой махнет.

— Я все это знаю, Алиса. Много больше, чем ты думаешь. Я тоже на линии фронта. Как и все мы. Такая теперь у нас жизнь.

Она посмотрела ему в глаза, пытаясь понять его. Может, она знает, чем на самом деле он занимается? Или догадывается? От этой мысли ему стало не по себе. Извинившись, он отправился в туалет. Идя туда и обратно, он старался скрыть хромоту, но в ночной прохладе нога снова напомнила о себе, и его попытки оказались тщетны. Она заметила.

— Что у тебя с ногой? — спросила она, когда он сел обратно за стол. — Ты ранен?

— Был. Некоторое время назад. Сейчас все нормально.

— Что случилось? Если, конечно, ты не против ответить.

Феррис задумался. Конечно, ему не хотелось отвечать. Но если их отношениям суждено хоть как-то развиваться, ему придется рассказать о себе побольше.

— Меня ранили в Ираке. Это было мое предыдущее задание, перед нынешним. Я ехал в машине, и по нам выстрелили из гранатомета. Ногу основательно посекло осколками. Сейчас я в порядке, только иногда хромаю. Зато это помогает мне в постели.

Она не рассмеялась его шутке, все еще изучающе глядя на него.

— Что ты делал в Ираке?

— Работал в посольстве. Должен был проработать год, но, когда меня ранили, они решили отправить меня сюда, и я встретился с тобой. Понимаешь, как мне повезло?

— Но ты не был в посольстве, когда тебя ранили.

— Нет. Я был за пределами «зеленой зоны». На дороге, к северу от Багдада.

Она взяла его за руку, поддержала, глядя на нее в полумраке, а затем отпустила.

— Ты же не работаешь в ЦРУ, а?

— Конечно нет. Не говори нелепостей. Перед тем как пойти на работу в Министерство иностранных дел, я работал в «Тайм». Можешь посмотреть в «Нексисе». Они бы никогда не взяли в ЦРУ бывшего журналиста.

— Хорошо, — ответила она. — Иначе у нас были бы проблемы.

Феррис почувствовал зуд в руках, мурашки пошли по коже. Обычно он не смущался, когда приходилось лгать насчет его связи с Управлением, но сейчас было по-другому.

— Я восхищена твоей отвагой, Роджер. Вот бы эту отвагу да на какое-нибудь другое дело. У меня такое ощущение, что эта война уничтожит Америку. Люди и хотели бы любить Америку, но они видят, какие ужасные вещи мы творим, и задумываются о том, не превратились ли мы в чудовищ. Я боюсь грядущего.

— Меня тоже это беспокоит, — сказал Феррис, вставая из-за стола и беря ее за руку. — Плохие времена.

Он мягко притянул ее к себе. Всего мгновение, казавшееся бесконечным, она была в его объятиях.

Феррис вез ее по улице Принца Мохаммада, к дому в старом квартале города. В машине она сидела молча, глядя в окно. Феррис уже забеспокоился, не зла ли она на него.

— Сверни налево, — внезапно сказала она. — Я покажу тебе место, в котором ты никогда не бывал.

Затем она быстро заговорила, указывая направления то туда, то сюда. Они запетляли по узким улочкам города и через пару минут оказались в нескольких километрах от центра, в районах, лишенных привычного столичного блеска, к которому привыкли посещающие город иностранцы. Промозглые, плохо освещенные улицы, вдоль тротуаров стоят полуразвалившиеся машины. Дома увешаны палестинскими флагами, потрепанными портретами Ясира Арафата и разрисованы небрежным граффити с антиамериканскими лозунгами.

— Остановись, — сказала она, когда машина въехала на вершину холма.

Впереди была узкая, чуть шире коридора, дорога, ведущая к кварталу плохо оштукатуренных домов из шлакоблоков. Феррис опасливо осмотрелся. Это был лагерь палестинских беженцев, один из самых старых, где жили люди, бежавшие сюда еще во время войн 1948 и 1967 годов. Феррис видел его фотографии на инструктаже по безопасности. Это было одно из тех мест, в которых сотрудникам посольства категорически не рекомендовалось появляться, как сказал шеф службы безопасности.

— Здесь я работаю, — сказала Алиса, открывая дверь машины. — В смысле, это одно из мест моей работы. Я хочу, чтобы ты увидел его. Может, тогда ты лучше поймешь меня. Станешь ближе, что-то вроде, да?

Она что, подшучивает над ним?

Алиса решительно пошла вперед, ко входу в лагерь. Феррис поглядел на запыленную дорогу. На беспорядочно стоящих фонарных столбах, мигая, горели лампочки. Как рождественские украшения. У ворот в стене располагалось кафе, чуть подалее — пара магазинов. В кафе сидели несколько мужчин. Они курили кальян, передавая друг другу мундштук и выпуская клубы дыма. Они о чем-то разговаривали, но замолчали, увидев громадный джип Ферриса. Феррис занервничал. Здравый смысл говорил ему, что им не следует находиться здесь поздно ночью.

— Пошли, — сказала Алиса, направляясь к кафе. — Может, здесь есть кто-то из моих друзей.

Но Феррис медлил. Это как в колледже, когда приятель напился и хочет сесть за руль. Тебе приходится решать, станешь ты врединою, сказав «нет», или согласишься.

— Пошли, глупый. Здесь я тебя защищаю, — сказала Алиса, схватив Ферриса за руку и затаскивая его в кафе.

Они сели на бетонной террасе на пластиковые стулья, стоявшие под деревянным навесом, закрывавшим террасу от солнечного света днем. Мужчины осторожно посмотрели на Ферриса и возобновили свой разговор. Он увидел, как один из них сделал жест в его сторону.

— Что это за еврей? — спросил он по-арабски.

Спустя минуту к ним вышел хозяин кафе. Алиса поздоровалась с ним, и он тепло приветствовал ее. Она спросила его по-арабски, был ли сегодня вечером Хамид. Тот ответил, что нет, он поехал в Рамаллу навестить свою мать, слава Аллаху.

— Скверно, — сказала Алиса, поворачиваясь к Феррису. — Я хотела, чтобы ты встретился с Хамидом. Он один из главных моих связных в лагере. И один из умнейших людей из всех, кого я знаю. Он тебе понравится.

— Думаешь? — спросил Феррис. — Почему же?

— Потому что ты ему понравишься. Он бывалый человек, крутой. Его здесь уважают. Думаю, он мог бы многое объяснить тебе лучше меня.

— Знаешь, Алиса, я не уверен, что твой друг Хамид хотел бы встречаться с человеком из посольства США. Мы здесь, знаешь ли, не слишком популярны.

— Все нормально. Ты со мной. А я здесь популярна. И буду защищать тебя.

В ее глазах читалась уверенность. Да, это ее место.

— Да, но ему могут прийти в голову плохие мысли. Или другим людям.

— Какие? — спросила Алиса. Он с трудом видел ее лицо в темноте. Знает ли она, чем он на самом деле занимается? Не это ли она имела в виду?

— Забудь.

Феррис оставался в напряжении. Оглядевшись, он поискал признаки опасности, но все было тихо. Возможно, беспечность Алисы, ее нежелание признать возможность того, что сидеть среди ночи в лагере палестинских беженцев может быть опасно, была ее главной защитой. Или что-то еще. Возможно, она действительно была здесь своей — здесь и в других местах, закрытых для Ферриса.

Владелец кафе вернулся, принес им сваренный по-турецки кофе, сладкий и горький одновременно, как плитка черного шоколада. Они принялись медленно пить его. Феррис позволил себе немного расслабиться.

— Как получилось, что у тебя нет приятеля? — спросил он. — У такой хорошенькой девушки, как ты, не должно быть отбоя от предложений.

Она ответила не сразу. Выпив последний глоток кофе, она перевернула чашку, давая гуще стечь на край. Потом она повернула чашку к свету, глядя на гущу, как предсказательница.

— Удача? — спросил Феррис.

— Быть может. Если верить, что удачу можно найти в кофейной гуще. Мой бывший приятель верил в это, а также в кучу прочих глупостей.

— Значит, у тебя был приятель.

Она посмотрела в сторону, в тени узкого переулочка, и повернулась обратно секунд через десять, тянувшихся бесконечно долго.

— Я любила его, — сказала она. — Он был палестинцем. Очень гордым и очень вспыльчивым. Я любила его, но он предал меня.

Феррис протянул к ней руку, но она сидела слишком далеко от него.

— Как же он предал тебя?

— Всеми способами, какие ты только можешь себе представить, и еще кучей других.

— Боже мой. Я представить себе не могу, чтобы тебе хоть кто-то причинил вред.

— Он не справился с собой. Он был слишком вспыльчив. Я тут ни при чем. Просто все так сложилось. Именно об этом я и пыталась тебе сказать. Люди действительно очень злы на нас. Мы думаем, что можем лгать им, отнимать у них их земли, обращаться с ними как с грязью, а они возьмут да и забудут об этом. Никогда.

— Почему же ты не уехала из Иордании? Я имею в виду, как ты могла остаться здесь, после того как он плохо обращался с тобой?

— Я упертая, Роджер. Возможно, это нечто общее в нас с тобой. Чем больше я думала о нем, о его злобе, тем чаще я говорила себе: «Нет! Не убегай! Это то, чего он ждет, он и все остальные арабы». Того, что мы делаем вид, что заботимся о них, но, получив от реальной жизни болезненный пинок, убегаем. Поэтому я осталась. Так я преодолела это. Я сохранила любовь к людям, причинившим мне боль. Я не могла сбежать. Не должна была.

Феррис с удивлением почувствовал, что плачет. Потерев глаза, он попытался скрыть слезы, но она взяла его за руку и улыбнулась ему так, как не улыбалась еще ни разу. Он поцеловал ее в щеку. Его щеки были еще влажными от слез.

Оба они не хотели бросать начатое. Феррис спросил Алису о ее работе в лагерях, и она принялась объяснять. Помочь этим людям — элементарная задача снабжения. Закупать школьные учебники и лекарства, финансировать доставку воды и обустройство зубоучебных кабинетов, организовывать учебу в американских колледжах. Работа, которую она делала хорошо. Но ее тон и мимика говорили о том, что она занимается здесь делом своей жизни.

Феррис посмотрел на обветшалые потемневшие дома, укромные места, в которые чужаку заходить не стоит. Хотелось бы ему разделить веру Алисы в то, что достойные люди одержат верх, если у них будут школьные учебники и зубоучебные кабинеты. Но он слишком много знал для этого.

Это мир, наполненный ненавистью. Его улыбки лживы, а правдой является лишь жажда мести. Эти люди искалечены американцами, израильтянами и даже братьями-арабами. Это крысы в клетке. Алиса, как бы отважна она ни была, просто не знает тех ужасов, которые рождаются в таких местах. Она не знает, что эти люди хотят убить ее. Да, ее. Это не простое недопонимание, которое можно разрешить, вложив свою любовь. Это ненависть. И такие люди, как Феррис, знают все это и буднично работают, чтобы разрушать ячейки, сети, уничтожать логова убийц, для того чтобы другие люди, подобные Алисе, оставались в живых.

— Не делай такую серьезную мину, — сказала Алиса. — Испортишь вечеринку.

Феррис попытался улыбнуться:

— Будь осторожна, милая. Вот и все. Будь осторожна. Мир не столь прекрасен, как ты.

— Я знаю, что делаю, Роджер. Ты меня недооцениваешь. Я знаю границы. А проблемы-то у тебя самого. Это тебе чуть не отстрелили ногу, не мне. Это тебе надо быть осторожным.

Феррис снова взял ее за руку.

— Я хочу обнять тебя, но не здесь, — прошептал он ей на ухо. — Поехали к

тебе.

Она улыбнулась, вставая из-за столика. Что-то в ней изменилось.

Они поехали обратно, мимо римского амфитеатра и рынка золотых изделий, а потом вверх по холму, пару кварталов, к дому Алисы. Что-то подсказывало Феррису, что ему и сегодня не следует испытывать судьбу, но он просто не хотел отпускать ее. Проводив ее до двери, он спросил, можно ли ему зайти.

— Не сейчас, но, может, в другой раз, — сказала она. — Сегодня особенный вечер. Я очень долгое время не общалась ни с кем так, как сегодня. Я просто хочу понять, готова ли я сама на самом деле.

— Ты мне очень нравишься, — сказал Феррис. Он хотел сказать «Люблю тебя», но подумал, что это прозвучит совершенно безумно. Ведь он знаком с ней всего пару недель.

— Ты мне тоже нравишься, Роджер. Я рада, что ты этим вечером отправился со мной в лагерь. Теперь ты знаешь, кто я такая. До некоторой степени.

Они вошли в полутьму коридора, подальше от света улиц. Он поцеловал ее в губы, она приняла его поцелуй, раздвинув губы, сначала немного, а потом и шире. Он обнял ее и прижал к себе. Пока они целовались, он чувствовал, как ее тело становится мягче.

— Я хочу тебя, — сказала она тихим, наполненным желанием голосом.

— Бери меня.

— Не сейчас, — сказала она, отходя на шаг, чтобы взглянуть на него. — Ты крепкий человек, но, думаю, одновременно и мягкий. Здесь, — добавила она, прикоснувшись к его груди слева, около сердца. — Ведь так? У тебя мягкое сердце, да?

Он не знал, что ответить, поэтому просто кивнул. Она поцеловала его в щеку, жадно прижавшись губами к его коже, а потом развернулась и пошла вверх по лестнице. Стоя на улице, он смотрел в окна ее квартиры и увидел, как там загорелся свет, а потом увидел в окне ее лицо. Он пошел к машине, ошарашенный. Отчасти это было результатом волны чувств по отношению к ней, охватившей его, отчасти — от ее последних слов. Он никогда не думал о себе как о человеке с мягким сердцем. Интересно, насколько она права в этом.

Глава 8

Амман

Эд Хофман прибыл в Иорданию через пару дней. Большой Американец — с большими руками, широкой грудной клеткой, румяным лицом и жесткой щеткой коротко стриженных волос. На нем были солнцезащитные очки, придававшие ему вид воротилы из Лас-Вегаса, человека, не глядя достаемого стодолларовые купюры из пачки. Он прилетел на белом «Гольфстриме», единственным опознавательным знаком которого был бортовой номер на киле. Феррис встретил его на военном аэродроме, но Хофман отправил его обратно в офис. Начальник отдела поехал в отель, чтобы немного поспать, а потом пошел в свой любимый ресторан, где подавали кебаб. Ближе к вечеру он наконец-то появился в посольстве и тут же вызвал Ферриса в защищенную комнату для переговоров. Когда Феррис вошел, он сидел за столом, потирая виски.

— Голова раскалывается, — сказал Хофман. — Сколько раз зарекался пить красное вино в этом ресторане.

Феррис протянул руку, но вместо рукопожатия Хофман крепко обнял его.

— Как нога? — спросил он.

— Неплохо. Они заставляют меня делать упражнения. Я в порядке. Только жаль

ребят, оставшихся в Багдаде.

— Ну, не стоит. Они бы не смогли так хорошо наладить связь с Хани, как ты. Это берлинское дело — стоящая вещь. Ты все правильно провел.

— Спасибо, но я же ничего не делал, только наблюдал. Это работа Хани.

— Снимаю шляпу перед ним. Честно, — сказал Хофман, доставая из кармана блестящий пакетик с арахисом и отправляя горсть содержимого себе в рот. — Но теперь наша очередь. Я хочу вести операцию.

— Тогда у вас проблема. Хани хочет оставить контроль в своих руках. Он даже не дал мне протокол допроса. Сказал, что это его операция и что поделится с нами результатами. Вот и все.

— Понимаю, понимаю, — сказал Хофман, жуя новую порцию арахиса. — И это здорово, потому что на самом деле нам незачем проводить операцию самим. Нам нужно лишь немного поманипулировать ею. За этим я и приехал.

— Не уловил, — ответил Феррис.

Это было чистой правдой. Феррис понятия не имел, о чем говорит Хофман.

— Играть. Влиять. Использовать.

— Извините. Это значит — накалывать Хани, а я против этого.

Хофман улыбнулся:

— Трогательная симпатия к собратьям по оружию. Еще поймешь. Мы сможем управлять твоим приятелем Хани. Контролируя информацию, которую он получает, чтобы он знал именно то, что мы хотим, чтобы он знал. Проще некуда! На самом деле это не просто, это чертовски сложно. Но сама идея проста. Поверь, он еще нас поблагодарит, когда все закончится.

— Но этот агент принадлежит Хани. Он может направить его туда, куда пожелает. И мы не сможем его облапошить.

— А вот тут ты не прав, младший. У нас есть много больше, чем ты думаешь. Открою тебе секрет. Возможно, ты уже его знаешь, хотя предполагается, что не должен бы. Дело в том, что с одиннадцатого сентября мы поймали намного больше членов «Аль-Каеды», чем ты мог бы себе представить. Мы делали с ними кучу разных нехороших вещей, чтобы заставить их говорить, вещей, которые все считают недостойными, и хрен с ними. Кстати, спасибо большое твоей жене, что помогла нам написать меморандум, чтобы прикрыть наши задницы. Она ведь тебе еще жена, а?

— Да вроде того. Мы, в каком-то смысле, врозь, на расстоянии друг от друга.

— Как бы то ни было. Суть в том, что у нас куча информации. Мы знаем, насколько эти мелкие ублюдки ненавидят друг друга. Мы знаем, кто кому платит, кто считает, что его обделили, кто трахает чужую «временную жену». Мы знаем, кто с кем враждует, чтобы внести туда семена раздора. У нас в руках невидимые ниточки, идущие к этим парням, потому что мы слишком много знаем о них, а они об этом и не догадываются. Пойми, они даже точно не знают, кто попал в плен, а кто — нет. Они не знают, к примеру, попал в плен Абдул-Рахман из Абу-Даби, или вышел из дела, или получил более выгодное предложение, или дурью мается с утра до вечера. Они продолжают получать письма по электронной почте от людей, которых, как они предполагают, мы могли и сцапать, но они *не знают*. Вот в чем суть. Это дает нам определенные возможности для *мошенничества*. Упс, проболтался. Мы никогда не были особо хороши в таких делах, но, знаешь, мы учимся. А при помощи наших иорданских друзей научимся еще лучше. И это приведет нас сам знаешь к кому.

— Сулейману?

— Аминь, брат. Это твое дело. Ты заслужил право вести его, когда тебе изрешетило ногу осколками. Хани преследует ту же цель, что и мы. Мы просто хотим немного помочь ему.

Феррис помолчал, обдумывая услышанное. Под всей этой болтовней был замаскирован тот факт, что они собираются обманывать Хани, а это было скверной

идеей.

— Вы — босс, — ответил он. — Но если собираетесь играть в игры с Хани — не советую. Мы нуждаемся в наших друзьях. После Роттердама, Милана, следующего Милана. Дергать за ниточки там, где работает Хани, по-моему, будет ошибкой. В этой части света ты либо доверяешь людям, либо не получишь ничего и никогда.

— Ошибка. В этой части света нельзя доверять никому, потому что все они — лжецы. Даже Хани. Извини, но это так. Я провел в «Верблюжьем батальоне» гораздо больше времени, чем ты. И ты прав в одном. Я босс.

Феррис сокрушенно покачал головой:

— Если Хани узнает, он не обрадуется. А вся ругань достанется мне. Перед тем, как он меня вышвырнет, как моего предшественника.

— Ну конечно, он не обрадуется, если узнает. Но вряд ли узнает. Мы же ему не скажем, не так ли? Америка здесь все оплачивает, так что, думаю, мы можем делать то, что захотим. И пожалуйста, ты же не Фрэнсис Элдерсон.

Феррис уже несколько месяцев хотел спросить насчет этого, но возможность представилась только сейчас.

— Так почему иорданцы объявили Элдерсона «персоной нон грата»? Мне так никто ничего и не объяснил. Ничего нет в документах, и никто из ближневосточного отдела мне ничего не сказал. Что он наделал?

— Хм, хм, хм...

Хофман на мгновение прикрыл глаза, задумавшись.

— Я тебе не скажу. Ради твоего же блага.

— Почему? Что он сделал? Трахнул чью-то жену?

— Черт подери, нет. В Иордании это делают все. Хотел бы, чтобы все было так просто.

— Так что же?

— Спроси Хани.

— Он мне не скажет.

Хофман улыбнулся, вставая из-за стола и отодвигая стул.

— Добрый знак.

— Да ну? Что ж, вот моя кошмарная версия, основанная на полном отсутствии информации. Я боюсь, что Хани выгнал Элдерсона именно из расчета, что на его место назначат меня. Я молод, неопытен. Он думал, что сможет манипулировать мной, поэтому сфабриковал что-то против Элдерсона. Поэтому он и взял меня в Берлин. Чтобы получить больше власти надо мной.

— Это паранойя, мой мальчик. Иногда — полезное качество, но в данном случае — промах. Хани не надо было что-то фабриковать против Элдерсона, поверь мне.

— Так что же сделал Фрэнсис? Давайте, я хочу знать это. Мне необходимо знать это.

Хофман снова на мгновение задумался, почесав затылок.

— О'кей. Я скажу тебе, только ради того, чтобы ты ничего себе не выдумывал. Фрэнсис Элдерсон облажался, пытаясь завербовать одного из заместителей Хани. Он завел с этим парнем дружбу, пригласил его на ужин. Казалось, парень уже готов клянуть, и Фрэнсис сделал это. Он предложил определенную сумму денег. Это нормально. Мы ежедневно делаем это, по всему миру. Но Хани начал исходить дерьмом. Он сказал, что это — предательство нашей дружбы. Мы изрядно потрудились, чтобы замять это дело. Фрэнсис сказал, что деньги были нужны тому парню на операцию в Штатах, для его ребенка. Но Хани знал, что это чушь. Он взял нас тепленькими. Поэтому, собственно, и объявил Фрэнсиса «персоной нон грата», чтобы показать себя.

— Он показал нам: «Не пытайтесь наколоть меня».

— Именно.

— А сейчас мы снова пытаемся наколоть его.

— Послушай, Роджер, Христа ради, не принимай все так близко к сердцу. Говорю тебе, ты всего лишь должен дать мне поблажку. И, как я уже сказал, в будущем он только поблагодарит нас за это.

Хофман и Феррис отправились к Хани следующим утром. Глава иорданской разведки был само обаяние. Чтобы встретить почетных гостей, он надел темный костюм и галстук, но после пары минут разговора скинул пиджак на спинку стула и ослабил галстук. Судя по взаимному подшучиванию, они с Хофманом знали друг друга давно. Хофман шутливо поинтересовался насчет некоей женщины по прозвищу Фифи, которая, похоже, фигурировала в одной из их прошлых совместных операций.

— Чудо природы, — сказал Хофман, подмигивая Феррису. Тот понятия не имел, о каком именно чуде тут может идти речь.

Когда Хофман предложил Хани сигару, тот достал собственный хьюмидор и сам предложил гостю свои сигары. Они закурили и начали наперегонки пускать клубы дыма, продолжая травить анекдоты о недавних операциях. Но Феррис понимал, что все это дружелюбие — лишь способ выждать, прежде чем перейти к тому делу, ради которого Хофман и прилетел из Вашингтона. Хани не стал сам заводить разговор о берлинской операции, возможно, он считал это невежливым. Или хотел вынудить американца самого задать вопрос. Что Хофман в конце концов и сделал.

— Думаю, следует поговорить о деле, — сказал начальник отдела. — Знаю, вы занятой человек, возможно, король ждет вас по какому-нибудь другому делу.

— Как пожелаете. Я знаю, что американцы всегда говорят только по делу.

Интонация выдавала то, что Хани доволен, что вынудил Хофмана сделать ход первым.

— Вы, конечно же, хотите поговорить о Берлине. Думаю, мистер Феррис ознакомил вас с подробностями.

— Настолько, насколько они нам известны. Должен сказать, вы провернули чертовски трудную работу, выследив и разработав этого парня. Изящная операция. Просто изящная. Но я разочарован.

— Почему же вы разочарованы, Эд? — заботливо спросил иорданец с непроницаемым выражением лица.

— Я разочарован, поскольку хочу большей отдачи. Я хочу помочь вам в выдаче заданий этому парню из Берлина, Мустафе Карамии. Я хочу понять, сможем ли мы направить его в святая святых — центр операций, проводящий все эти взрывы заминированных автомобилей в Европе. Для нас это вопрос жизни и смерти, друг мой. Эти парни хотят убивать американцев. Именно поэтому я хотел попросить вас, в виде особой любезности по отношению к США, проводить эту операцию совместно.

Хани молчал добрые пять секунд. Ему не хотелось огорчать Хофмана.

— Извините, Эд, — наконец сказал он. — Это невозможно. Вы знаете лучше, чем кто-либо, что по-настоящему совместных операций не существует в природе. Одна сторона всегда знает больше, чем другая. Так что позвольте мне самому проводить эту операцию. Я знаю свое дело. Разве когда-нибудь в прошлом я вас подводил?

— Нет, это впервые. И мне это не нравится. Мы хотим помочь вам в этой операции. Мы можем многое добавить по этому делу. Судя по всему, мы немало знаем об этом Карамии. УНБ уже достаточно долго следит за ним.

Хофман достал из портфеля красную папку, на обложке которой были написаны кодовые слова, и положил ее на стол.

— Я хочу, чтобы вы сделали все правильно. Но проблема в том, что я не хочу делиться своими данными, пока вы не поделитесь правом на управление операцией.

Хани посмотрел на папку, а потом на Хофмана. Феррис ясно видел, что в нем идет внутренняя борьба.

— Извините. Я не хочу играть с вами в игры, Эд. Я мог бы сказать, что мы сможем совместно проводить эту операцию, чтобы доставить вам удовольствие, но это не было бы правдой. Мы его нашли, мы его завербовали, и мы будем с ним работать. Вы получите от нас всю информацию, которая нам достанется. Извините. Но мы можем вести дела только таким образом.

Хофман нахмурился. Глянув на Ферриса, словно решая, не приказать ли ему выйти из кабинета, он помедлил, а затем снова посмотрел на иорданца.

— Я бы не хотел, чтобы президент позвонил Его Величеству с жалобой по этому поводу. Мы союзники. Именно поэтому конгресс США с радостью утверждает все ассигнования на секретные операции, покрывающие большую часть расходов вашей службы. Как и другие, скажем так, виды деятельности иорданского правительства. Я чертовски не хотел бы этого. Но вы ставите меня в неприятное положение, Хани. Вы предлагаете мне бутерброд с дерьмом. А мне это не нравится...

— Не угрожайте мне, друг мой, — перебил его иорданец. Его тон, обычно столь чинный, стал жестче. — Даже не пытайтесь угрожать мне, Эд. Это не сработает. Король этого не потерпит, как и я. Лучше мы лишимся всех ваших денег, чем позволим вам думать, что вы можете купить нас за пару сотен миллионов долларов. Я говорил это вашему молодому коллеге Феррису, и я думал, что он рассказал вам об этом.

— Роджер убеждал меня отказаться от этой затеи. Он сказал мне, что вы не обрадуетесь, и был прав. Но я все равно хочу иметь определенный контроль над операцией.

Хани покачал головой:

— Нет. Как я уже говорил мистеру Феррису, эта операция сложна. Она займет время. Если вы попытаетесь форсировать ее, в надежде получить большую отдачу, вы не получите ничего. Именно поэтому вам необходимо набраться терпения.

— Я знаю, что она сложна, я не дебил, — ответил Хофман, похлопав по лежащей перед ним папке. — Я читал записи перехватов. Вам тоже неплохо было бы сделать это, — добавил он, улыбнувшись.

Хани снова посмотрел на папку.

— Хотелось бы, — сказал он.

Это был реальный козырь Америки в большой игре разведок. Не деньги, и уж конечно — не данные агентурной разведки. Способность прослушать практически любой канал связи в мире.

— Насколько качествен перехват? — спросил иорданец.

— Вполне. Из него следует, что в течение последних шести месяцев этот парень Карам был на связи с оперативником «Аль-Каеды» из Индонезии по имени Хуссейн Амари. Мы также знаем о нем от сингапурцев. Он попадал в ваше поле зрения?

— Амари, — повторил Хани, задумавшись на секунду. — Нет. Думаю, нет.

— Что ж, а стоило бы. Поскольку мы считаем, что Амари весьма опасен. Он связан с руководителем операций, который, как мы думаем, планирует все эти взрывы заминированных автомобилей в Европе. Мы называем его Сулейманом. Если же Амари связан и с Карам, это означает, что последний куда больше задействован в операциях, чем считаете вы.

— Очень интересно, — сказал Хани. Похоже, услышанное вывело его из равновесия. — Я могу получить эти записи? — спросил иорданец. — Они были бы нам полезны. Как вы сами сказали, у нас общий враг.

— А что мне за это будет?

— Как я уже сказал, вы получите все данные, которые мы вынесем из этой операции. Суть в том, что, если мы будем знать больше, мы сможем лучше провести

операцию. И вы также получите больше, в виде ее результатов. Если есть способы в большей степени вести совместное оперативное планирование по ходу работы, почему бы и нет? Не думаю, что его величество станет возражать. Но пока операцию будем вести мы. И с превеликой благодарностью примем любую помощь от США.

Хофман взял папку в руки. Феррису уже показалось, что он готов убрать ее обратно в портфель. Но через несколько секунд Хофман отдал папку Хани.

— Вы мне нравитесь, — сказал он. — Вы круто играете.

— *Алан ва салан* — ответил Хани. — Вы наш лучший друг.

— Не пытайтесь наколоть меня, — сказал американец.

— Мы союзники, мой дорогой Эд. У нас общий враг. И мы относимся друг к другу с уважением, — сказал Хани, крепко держа в руках закрытую папку, будто это был приз за победу в бою.

Они пожали друг другу руки, поговорили еще немного, а затем американцы наконец ушли.

Пока Феррис и Хофман ехали обратно в посольство и шли по его коридорам, они не обменялись ни словом. Заговорили они, лишь войдя обратно в защищенную переговорную комнату.

— Как вам это удалось? — спросил Феррис. — Под конец ему пришлось прямо-таки умолять вас дать ему то, что вы, похоже, и так собирались отдать ему.

— Легко. Просто надо быть таким сукиным сыном, который умеет манипулировать людьми. А для меня это никогда не было проблемой.

— Эти перехваты подлинные?

— Более-менее. Амари и Карамии определенно были на связи. Их первый контакт состоялся, как я догадываюсь, вскоре после того, как иорданцы начали слежку за квартирой Карамии в Берлине.

— Откуда вы узнали, что они взяли его под наблюдение?

— Мы не полные идиоты. По крайней мере, я. Знаешь ли, немцы не слишком-то любят людей, которые проводят тайные операции на их территории. Так что, когда они что-то заметили, они решили поставить в известность и нас.

— Хани считает немцев беспомощными.

— Что ж, это одна из его ошибок. Он гениален в привычных для него условиях, но за счет этого он ведет себя самонадеянно и на чужой территории. Как это ни печально.

Феррис поскреб затылок. Он все еще не понимал, как сложить вместе фрагменты этой мозаики.

— Эти разговоры между Карамии и Амари, кто был их инициатором?

— Конечно, Амари.

— Почему «конечно»?

Хофман взял Ферриса за плечи и притянул к себе. Даже в защищенной комнате он не мог быть до конца уверен, что их не подслушивают.

— Потому что Амари — наш человек, — прошептал он. — Вот такая тут игра. Он наш человек. А иорданцы собираются войти в «Аль-Каеду» через него. Внедриться в сеть Сулеймана. Вот тогда-то и наступит черед представления.

— Иисусе Христе, — сказал Феррис. — Это прекрасная работа. Во всем, кроме того, что придется разыграть иорданцев.

— Ничего не поделаешь. Я пытался убедить Хани проводить эту операцию вместе, но твой друг отказался. Ему не следовало делать этого, но он это сделал. Так что мы провернем это по-другому. Я не заставлял его брать у нас записи перехватов. Он сам в них вцепился. В любом случае, это для них большая удача. Эта операция станет лучшей во всей карьере Хани. И твоей тоже. Еще увидишь. Тебе просто надо понять, что наша страна ведет войну. И действуют другие правила.

— Мне жена все время это говорит.

— Что ж, она права. Мы воюем с безжалостным врагом и больше не можем полагаться на милость наших добросердечных иорданских друзей. Мы должны вести нашу собственную войну, а это значит, что нам нужно проводить свои тайные операции против «Аль-Каеды». У нас нет другого выхода. Если мы будем медлить, снова погибнут люди.

— Надеюсь, это сработает, — сказал Феррис, закрыв глаза.

— Сработает. Это хорошая операция. Если не получится, попробуем сделать что-то другое. Именно так действуют во время войны. Импровизируют. Так что хватит беспокоиться, мой мальчик, занимайся выполнением нашего плана. Я на тебя рассчитываю. Я могу рассчитывать на тебя?

— Конечно. Полностью. И я не беспокоюсь. Я думаю. Это разные вещи.

— Хорошо, тогда не думай больше, чем надо. Это вредно для нервной системы, — сказал Хофман, похлопав Ферриса по спине своей мощной ладонью. — Иди принеси бутылку виски и лед. Мне надо хорошо напиться, чтобы поспать во время полета обратно в Америку.

— Вы полетите назад уже вечером?

— Ага-ага. Я обещал Этель, что завтра вечером отведу ее на спектакль. «Король-лев». Честно говоря, не понимаю. В смысле, как можно превратить детский мультфильм в бродвейский спектакль? Но она хочет сходить, и я буду паинькой.

Мысль о том, что Хофман играет в подкаблучника перед своей женой Этель, порадовала Ферриса. Он тоже подумал, правда, не о жене, а об Алисе. Ему хотелось бы сводить ее куда-нибудь — на бродвейский мюзикл, в кино, куда угодно, только бы забыть на мгновение, что они живут на лезвии бритвы здесь, среди этих сухих и пыльных холмов. Феррис отправился за виски, оставив блаженно улыбающегося, словно анти-Будда, Хофмана в комнате для переговоров.

Глава 9

Амман

Алиса Мелвилл улетала в Бостон, на похороны тетки. Феррис вез ее в аэропорт. Она была одета в зеленое, цвета лайма, расклешенное платье и белый пиджак, а в ее волосы была вплетена ленточка. Единственным элементом костюма, не укладывавшимся в стиль, была круглая заколка на волосах.

— Что это за образ девочки из женской общины? — спросил Феррис. Такой он ее никогда не видел.

— Не хочу огорчать мою маму, — ответила она. — Она считает, что со мной в Иордании все будет в порядке, если сам король отправился в Дирфилд.¹

Алиса обожала свою тетку, отважную женщину, юриста, работавшую с неимущими. Она была единственным человеком, похвалившим ее за решение ехать в Иорданию, в то время как все остальные называли это безумием. «Тетушка Эдит была еще безумнее, чем я сама», — написала Алиса Феррису по электронной почте тем же вечером, как прилетела домой. Она написала еще пару дурашливых писем, послав в одном из них мультфильм, найденный в Интернете. В нем была шутовская история о том, как США сводят с ума Усаму бен Ладена, изводя его звонками из телевизионных магазинов. Затем она пропала. Очевидно, она была слишком занята

¹ Дирфилд — городок в колонии Массачусетс, известный тем, что в 1704 году подвергся нападению французских солдат и канадских индейцев. Там произошла жестокая бойня, из 300 жителей 50 были убиты, а 111 — взяты в плен и увезены в Канаду. Части из них разрешили вернуться домой только через несколько лет, в течение которых велись переговоры. Значимое событие в американской истории. — *Примечание переводчика.*

или слишком опечалена смертью тетушки. Или, может, возвращение в теплое родительское гнездышко заставило ее забыть о нем.

Феррис с головой ушел в работу. Визит Хофмана стал для него подлинным шоком. Напоминанием о том, что он работает там, где дозволено все, если это помогает делу. Он спрашивал себя, действительно ли он сделал все возможное, чтобы проникнуть в сеть Сулеймана, если учесть, какие инструменты в действительности имеются в его руках. На самом деле пока только один. Адрес конспиративной квартиры, дома, где один из оперативников Сулеймана завербовал Низара, злосчастного молодого иракца, который ухитрился погибнуть меньше чем через двадцать четыре часа после встречи с Феррисом. Эта вилла в Джебель аль-Ахтаре, на южной окраине Аммана, находилась под постоянным наблюдением с тех пор, как Феррис впервые получил данные о ней. Они скрытно прослушивали телефонные линии и перерыли все в поисках информации об иорданской семье, которая там жила, в поисках связей с известными им агентами «Аль-Каеды». Но пока все было без толку.

Дом представлял собой простую усадьбу, построенную из бетонных блоков и окруженную глинобитным забором. Хозяин, иорданец по имени Ибрагим Алузи, лет шестидесяти с небольшим, долгое время проработал инженером в арабской строительной фирме в Кувейте и недавно вышел на пенсию. Двое его сыновей работали инженерами в той же фирме, но жили здесь, вместе с женами и детьми. Вся семья была истовыми мусульманами, ходившими в мечеть каждую пятницу, каждое утро встававшими рано, чтобы не пропустить утреннюю молитву фаджр, но они не поддерживали сколько-нибудь заметных связей с салафистскими группировками в Иордании. Люди Ферриса наблюдали, ждали и выслеживали, но не смогли найти ни намек на их связь с сетью Сулеймана. Возможно, Алузи были очень осторожны, но глава оперативного штаба ближневосточного отдела посоветовал Феррису прекратить наблюдение. Это было достаточно дорого и не давало никакой информации. Однако Феррису ужасно не хотелось сдавать свою единственную серьезную ниточку в деле, купленную ценой нескольких человеческих жизней. Кроме того, он считал, что семья Алузи выглядит слишком чистой и невинной, что само по себе вызывает подозрения.

И Феррис решил, что пришло время пойти в наступление. До этого он ждал, когда Сулейман проявит себя. Если нет, то надо его спровоцировать. Он кое-что подбросит Алузи, заманчивую приманку, и посмотрит, что они сделают. Похоже, у него есть правильная приманка, которую можно повесить перед носом добычи. Его предшественник Фрэнсис Элдерсон завербовал молодого палестинца по имени Айман, родом из городка Дженин на Западном берегу реки Иордан. Сейчас он жил в Аммане и, как и большинство палестинцев, больше всего хотел получить американскую визу. Консульский отдел передал сотрудникам ЦРУ информацию о нем как о потенциальном объекте для вербовки, и Элдерсон одобрил операцию как раз незадолго до того, как его выгнали из страны. Теперь Айман был зарегистрирован как информатор, но не приписан ни к какой конкретной операции. Феррис решил дать ему задание.

Он встретился с Айманом в номере «Интерконтиненталья» рядом с Третьей кольцевой. В восьмидесятих годах на другой стороне улицы располагалось посольство США, и тогда отель был центром светской жизни Аммана, но сейчас он уже не привлекал столько внимания. Феррис был в номере-люкс на верхнем этаже, когда Айман постучался в его дверь. Солнце ярко светило в окна, отражаясь от налитой в бассейн воды и отбрасывая причудливые блики на потолок. По расширившимся глазам молодого человека Феррис понял, что это самое роскошное жилище, которое он видел когда-либо в своей жизни. У него был обычный для молодого араба грубый внешний вид — жилистые руки, худощавое лицо с

выступающими скулами, немного нездоровая кожа, слегка скрытая короткой бородой. На голове белая вязаная молитвенная шапочка. Просто идеально.

Феррис принялся инструктировать молодого человека. Ему следовало отправиться в дом в Джебель аль-Ахтаре и спросить кого-нибудь из братьев Алузи. Если их не окажется дома, надо спросить, когда будут, чтобы можно было с ними увидеться. Когда он окажется наедине с кем-нибудь из братьев, ему следует сказать всего одну фразу. «У меня послание от Сулеймана». Если спросят, что за послание, он должен сказать, что завтра в семь вечера им надо приехать в дом в Зарке. Вот и весь крючок. Если хоть кто-нибудь в доме связан с сетью, им придется отправиться за посланием. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что это фальшивка.

Когда Феррис принялся по второму разу излагать инструкции, Айман занервничал. Феррис подбодрил его. Сделай все правильно, сказал он Айману, и ты получишь свою визу в Америку. Ошибешься, и мы отдадим тебя в руки УОР.

Двухэтажный дом Алузи стоял на крутом склоне холма. По ржавеющим стальным стяжкам на крыше второго этажа можно было понять, что отставной инженер когда-то хотел построить и третий этаж, но у него не хватило денег. Соседи выходили из домов редко, замотав головы в куфии и абаи. По запыленным улицам со свистом гулял ветер, сдувавший мелкие камешки со склонов холма. Феррис установил пост наблюдения напротив дома, чтобы следить за тем, как Айман войдет внутрь. Дверь открыла женщина, затем вышел старый мужчина. Феррис покачал головой. Видимо, сыновей нет дома. Но вскоре в проеме парадной появился молодой мужчина в грязном синем спортивном костюме. Он с сомнением поглядел на Аймана, а затем пригласил его внутрь.

Айман провел на вилле почти час. Феррис не знал, хорошо это или плохо. За час можно задать достаточно вопросов, чтобы превратить в решето слабенькую легенду, которую создал для новоиспеченного агента Элдерсон. Но когда позже вечером Феррис принялся допрашивать Аймана, тот сказал, что за это время не произошло ничего особенного. На самом деле практически ничего, вообще. Он передал послание, точно так, как сказал Феррис. У меня есть послание от Сулеймана. Встретьтесь с нами по этому адресу в Зарке. Как может быть у него послание от Сулеймана, если они не знают никакого Сулеймана? Должно быть, это ошибка. Феррис спросил, почему же он был там так долго, если они не поняли его послания. Его угостили кофе и чаем, чтобы дружески пообщаться, рассказал Айман, расспросили про семью в Дженине, друзей, спросили, не арестовывали его хоть раз израильтяне. Похоже, Айман был доволен тем, что полностью выполнил задание, чем бы оно ни являлось. Когда он сможет получить визу? Феррис сказал, что через пару недель, максимум — через месяц.

Сотрудники УОР нашли тело Аймана спустя три дня, в металлическом мусорном контейнере неподалеку от дома в Зарке, где должна была произойти предполагаемая встреча. У него был вырван язык, во рту остался лишь окровавленный обрывок. На теле были и другие следы пыток. Сломанные ребра, недостающие пальцы. Один из помощников Хани принес в посольство снимки тела в запечатанном конверте. «К вашему сведению» — только и было написано на конверте. Очевидно, они знали, что Феррис работал с Айманом. Феррис заставил себя посмотреть фотографии. Слишком многим он оказался обязан этому бедному мальчишке.

Феррис позвонил заместителю Хани и сказал, что нуждается в услуге. Он дал ему адрес дома Алузи в Джебель аль-Ахтаре и попросил немедленно выехать на место и арестовать всех, кто там окажется. Сказал, что подробности объяснит позднее, лично Хани. Но когда спустя всего час группа захвата УОР прибыла на виллу, там уже никого не было. Похоже, обитатели дома в спешке уехали еще ночью,

взяв с собой лишь одежду. Заместитель Хани позвонил Феррису и сообщил, что УОР начало поиски семьи Алузи. Но что-то подсказывало Феррису, что беглецы уже пересекли границу. Отправились в Дамаск, Рияд или Фаллуджу.

Приманка сработала. Конспиративная квартира была самой настоящей, нечего сказать. Была. И теперь слежка за ней уже ничего не даст. Хани не звонил, и Феррис слегка расслабился, что ему не пришлось объяснять, почему юноша из Дженина окончил свои дни в мусорном контейнере. «Эта операция кое-чему научила меня, — подумал Феррис. — В ряды противника проникнуть труднее, чем я мог предположить. Стена, и ни один кирпичик не шатается. Возможно, Хофман прав. Единственным способом может стать только хорошая уловка. Только непонятно какая».

Феррис ждал возвращения Алисы. Он ненавидел бюрократические обязанности, свойственные его работе. Обо всем надо докладывать, писать сообщения, получать разрешения. И все это — под псевдонимами, которые сотрудники ЦРУ называли «чудными именами». При отправке сообщений Феррис пользовался псевдонимом Хэнфорд Дж. Слоун, за которым стояла воображаемая личность, которой можно было бы выдумать полноценную жизнь — с фиктивными операциями, вербовками агентов и тому подобным. Если бы он захотел сделать это. Но Феррис предпочитал заниматься непосредственно шпионской работой. А всю эту канцелярщину он считал тупым занятием.

Офисную скуку развеяло очередное послание по защищенной линии от Энди Козна, его лучшего друга еще со времен «Фермы». Он работал под псевдонимом Эверетт М. Фаркас. Козн тоже был аспирантом, только специализировался по китайскому языку. Как и Феррис, он едва не сдох со скуки в библиотеках и пошел в Управление. Он был высокого роста и с реденькой бородкой, которую инструкторы поначалу потребовали сбрить, но по окончании курса он вновь ее отрастил. Козн с удовольствием ругал всё и вся. В отличие от Ферриса, знавшего от отца, насколько обыденной может быть работа в Управлении, Козн представлял себе ЦРУ миром из фильмов с Пирсом Броснаном и Шэрон Стоун.

«Похоже, нас одурачили» — прошептал он на ухо Феррису, когда они увидели инструкторов, унылых мужчин среднего возраста. Жизнь на «Ферме» породила в Козне глубочайшее убеждение в том, что в ЦРУ все очень плохо. «Знаешь, эти люди — полные *неудачники*», — сказал он Феррису в ночь перед выпускными экзаменами. Но остался работать, регулярно посылая Феррису отчеты, в которых описывал глупость и некомпетентность своих коллег.

Первой его заграничной командировкой стал Тайвань, где он сразу же проигнорировал предостережения начальника отдела и в буквальном смысле слова вышел на улицу и принялся вербовать тайваньцев. За такую непростительную инициативу его наказали, отправив работать в Управление по контролю за информаторами, в штаб-квартире в Лэнгли. Созданное в начале девяностых, УКИ должно было снизить бюрократические издержки и нецелевую трату средств, но со временем превратилось в отдел надомной работы, в котором работали десятки оперативных сотрудников, переключаящих бумаги с места на место. Они занимались проверкой и отправкой на пенсию агентов, в которых уже не было нужды. Поскольку Козн считал практически всех информаторов Управления никчемными, он был готов выгонять всех подряд, но бумагомарательство УКИ и занудное копание в персональных анкетах агентов его не интересовали. Поэтому он работал по принципу «чем меньше, тем лучше», оставляя себе достаточно времени для игры на валютных рынках в интернет-системе «И-Трэйд». И для писем Феррису.

«Мои коллеги в УКИ тупы, как *дерево*, Роджер».

Так начиналось его последнее письмо.

«Они меня пугают. В смысле, что я попал туда, где оканчивают свои дни те люди с „Фермы“, которые оказались слишком глупы даже для того, чтобы понимать топографические карты. Самое ужасное, что именно *они* решают, кого стоит оставить на работе. Потрясающе. В соседнем кабинете сидит мормон из Солт-Лейк-Сити по имени Стэн. Вчера он сказал мне, что одного из оперативников, которого он проверял, надо выгнать. Потому, что при допросе на „детекторе лжи“ он признался, что еще ребенком, на ферме в Небраске, имел половой контакт с овцой. Какая нелепость, а? Но Стэн был вне себя, реально. Он сказал, что этот парень представляет угрозу режиму секретности. Та овца решит шантажировать этого оперативника — так он, что ли, думает? Можешь себе представить? Еще не все. Помнишь Аарона Финка из нашей группы по боевой подготовке? Стэн решил, что завербованные Финком в Лиме агенты могут быть вымышленными, поскольку у многих из них еврейские имена. Твою мать! Понятно, Аарон, конечно, не чурается своих соплеменников, но Стэн что, думает, что Аарон вербует агентов в соответствии с приказами барона Ротшильда? Ужас. Я посмотрел список агентов Аарона. Большинство — нормальные испанские имена, типа Санчес, Руис. Ради бога, это же не Шикльгруберы или Готбаумы. „Эй, приятель, думаю, тут ты ошибся, — сказал я Стэну. — Это не еврейские имена, а даже если еврейские, то какого хрена?!“ — „Надо сменить имена“, — ответил Стэн. Блин. Вот так мы тут и работаем. Не просто идиоты, а мормонские идиоты-антисемиты, в полный рост. Знаешь, думаю, все разваливается на куски. Не возвращайся сюда. Оставайся на оперативной работе столько, сколько сможешь. А потом по полной стряси с них денег за раненую ногу, как за потерю трудоспособности. А я собираюсь уйти на работу в „Фокс ньюс“, чтобы зажигать по-настоящему!

С любовью, Эверетт М. Фаркас».

Феррис отправил короткий ответ, разбавив его несколькими найденными в Интернете шутками. Коэн в чем-то прав. Большинство сотрудников Управления до смешного некомпетентно. Но не Феррис и, уж конечно, не Хофман. Так что об этом можно забыть и заняться делом.

Чтобы развлечься, Феррис пошел в библиотеку британского консульства. Он с удовольствием читал о разведывательных операциях времен Второй мировой. Он прочел почти все книги, посвященные «Блетчли-парк» и «волшебной войне» ученых, системе «Двойной крест», которую британцы использовали, чтобы дурачить немцев при помощи плененных в Британии немецких шпионов. Британцы проигрывали войну, постоянно говорил себе Феррис. Они испытали позор поражения в Дюнкерке и ужасы налетов. Противник был сильнее и безжалостнее, чем они. У англичан не было никаких козырей, кроме одного. Они отлично умели составлять и решать головоломки.

Феррис брал с полки одну книгу за другой, надеясь, что они воодушевят его. Или хотя бы отвлекут.

Спустя неделю после отлета Алисы Феррис сидел один в своей огромной и пустой квартире, поедая очередной обильный ужин. В стекла бился октябрьский ветер, холодный и сухой бриз пустыни, который у него уже в печенках сидел. Как обычно в это время, позвонила Гретхен. Она делала это раз в неделю. Разговор получился еще более пустым, чем обычно. Феррис не мог говорить о работе, а о чем еще говорить, он не знал. Гретхен хрипло шептала, рассказывая, чем она хочет заняться в постели, когда он вернется домой. Феррис остановил ее. Сказал, что,

возможно, линия прослушивается. Но похоже, это лишь еще больше воодушевило ее. «Терпеть не могу», — сказал Феррис. На самом деле это относилось не только к разговорам о сексе, но и к их взаимоотношениям вообще. «О, милый, ты просто не в настроении», — сказала Гретхен. — Позвони, когда не будешь таким *брюзгой* ».

Признайся, сказал он себе, когда они закончили разговор. Ты тоскуешь по Алисе. И еще. Он понял, что беспокоится. Что она потеряет к нему интерес, побыв в Бостоне, среди своего сверхталантливой окружения. А его жизнь — как в кривом зеркале. Он женат на одной женщине, которую не любит, влюбился в другую, которая, как он боялся, заинтересуется каким-нибудь другим мужчиной.

Феррис лежал в кровати, пытаясь заснуть. Как это иногда бывает, нахлынули воспоминания, возвращая его к особо запомнившимся моментам жизни. Да, это был борцовский поединок, в выпускном классе школы имени Джорджа Маршалла, в Фэйрфаксе. Он уверенно опережал соперника по очкам и после третьего раунда определенно победил бы. Соперник выдохся. Но Феррис не мог оставить все как есть. Он хотел победить безоговорочно, положив парня на лопатки. Удерживая зажим, он резко надавил на руку соперника, чтобы прижать к ковру его лопатки. Парень не сказал ни слова, только застонал. А затем внезапно раздался щелчок и пронзительный крик. Я сломал парню руку, понял он. Толпа ошеломленно молчала. Соперник пошел к краю ковра, придерживая другой рукой искалеченное запястье. Кто-то в зале засвистел. Немногие, но все люди поняли, что произошло нечто нехорошее. Феррис хотел не победить соперника, а уничтожить его. Феррис на всю жизнь запомнил этот момент, за мгновение до щелчка ломающейся кости. Парень застонал, видимо, собираясь попросить у Ферриса пощады.

Феррис попытался вытолкнуть из памяти этот образ. Он прожил с этими воспоминаниями уже почти двадцать лет, и они все так же выводили его из равновесия. Проблема не в насилии, самом по себе, а в непреднамеренном, случайном причинении вреда другому человеку. Феррис заставил эту мысль покинуть его сознание, он умел делать это усилием воли. И вскоре заснул.

Спустя десять дней Алиса вернулась. Первое, что она сделала, когда самолет сел в аэропорту имени королевы Алии, — это позвонила Феррису.

— Извини, но я по тебе соскучилась, — сказала она, будто признаваясь в дурной черте характера. — Я много думала о тебе, Роджер, пока была в отъезде. Почти все время, если быть точной. Именно поэтому я и не звонила. Нервничала.

— Ага, — ответил Феррис. — Я тоже. Это хорошо или плохо?

— Не знаю. Думаю, хорошо. Но нам придется это выяснить.

— Хорошо. Когда начинаем?

— Ну...

Она замолчала, видимо, задумалась.

— Как насчет завтрашнего вечера? Сейчас мне надо немного поспать. Мужчина, сидевший в соседнем кресле, храпел всю дорогу, от Бостона до Лондона. И от него плохо пахло.

— Когда я могу заехать за тобой?

— Ненавижу все эти «встречи». Ты готовишь?

— В некотором роде. Не слишком хорошо.

— Без разницы. Купи по стейку и паре картофеля и красного вина, думаю, этого нам хватит. Сделаешь? И стручковой фасоли, если она у них есть. Или брокколи. Или моркови. Хорошо?

Феррис пообещал сходить в магазин. Закончил разговор он в хорошем настроении. Следующие двадцать четыре часа он провел в радостном томлении — не то чтобы именно в ожидании занятий любовью, но предвкушая удовольствие от

того, что она снова будет рядом, это ярко-синее бездонное море по имени Алиса. Он позвал домохозяйку, чтобы она выбросила старые газеты и прочий хлам, а потом попросил ее сходить в магазин за едой и кучей цветов. В спальне он поставил небольшие свечи, но потом решил, что это уже слишком.

Алиса пришла, опоздав на полчаса. Когда Феррис глянул на нее, открыв дверь, он только покачал головой. Ее лицо светилось собственным светом, в предвкушении, а светлые волосы, казалось, искрились на фоне сине-черного вечернего неба.

— Боже, как ты прекрасна, — сказал он.

— Дай войти в эту чертову дверь. На улице холодно.

Войдя в квартиру, она поцеловала его.

— Постой здесь. Я хочу сама осмотреть дом.

Она прошла по всем комнатам, задержавшись в спальне, чтобы осмотреться там получше. Вернувшись, она посмотрела на Ферриса, качая головой:

— Боже! Ты, должно быть, большая шишка. Эта квартира просто громадна.

— От посольства. Подразумевается, что человек живет с семьей, поэтому квартиры должны быть достаточно большими.

— Достаточно большими? Она огромна. Не стану читать тебе лекцию о том, сколько семей палестинских бедняков смогли бы здесь разместиться. Ну, давай принимай гостей! Что ты взял выпить?

— Как насчет шампанского?

Она кивнула, и Феррис достал бутылку «Дом Периньон», доставшуюся ему из запасов уезжавшего в спешке Элдерсона. Алиса изучающе посмотрела на этикетку.

— Это должно было произвести на меня впечатление? «Дом Периньон»? Вынуждена признать, произвело, причем неизгладимое. Девушка не станет доверять мужчине, покупающему дешевое шампанское. И почему? Это то же самое, как если женщина покупает дешевое белье. Понимаешь, о чем я? Конечно, нет.

Феррис налил шампанского в два фужера, и они сели на диван. Шампанское «испарилось» быстро, пока Алиса рассказывала про свою поездку домой, про родителей и родственников. Феррис наполнил фужеры снова, а потом и еще раз, а она все говорила. Она рассказала домашним про Ферриса, сказала она, правда, сама не понимает зачем. Поэтому она так хотела поскорее увидеть его, едва вернувшись в Амман. Хотела понять, почему же она так по нему соскучилась.

Феррис подвинулся к ней ближе и обнял. Она прижалась к нему, а потом снова отодвинулась и посмотрела ему в глаза.

— Я знаю тебя, Роджер. Ты думаешь, что не знаю, но я знаю. Ты открытый, но не рассказываешь о себе. Ты отважен, но чего-то боишься. Тебя беспокоит, что тебе приходится заботиться обо всем, но ты не делаешь этого. Поэтому сегодня вечером тебе надо быть со мной.

Феррис не ответил. Он нежно прикоснулся пальцами к ее лицу, проведя по щекам и губам, а потом убрал волосы с ее лба. Такие тонкие, почти как у ребенка. Он притянул ее к себе. Она на мгновение напряглась, но потом расслабилась и приоткрыла губы. Он поцеловал ее мягко, едва касаясь. Потом их языки коснулись друг друга. Ферриса охватило возбуждение, и он прижал Алису к себе.

Ее глаза сначала расширились, а потом закрылись.

— Не сейчас. Мне надо приготовить нам ужин.

Алиса принялась готовить стейки с картошкой и лимской фасолью, то, что принесла Феррису с рынка домохозяйка. Работая, Алиса напевала песенку, достаточно хорошим голосом, к удивлению Ферриса.

Это наименее застенчивый человек из всех, кого я когда-либо знал, подумал он. Интересно, какова такая женщина в постели?

Она уловила выражение его лица.

— Открывай вино! Сделай что-нибудь полезное.

Феррис отправился на поиски штопора.

Они сели ужинать на огороженной веранде.

— Выключи свет, — попросила она.

Эта сторона дома была обращена не к городу, а к пустыне, и, казалось, в чернильном небе можно разглядеть каждую звездочку.

— Возьми меня за руку, — сказала она.

— Зачем? — спросил Феррис.

Он был голоден.

— Потому, что мы должны восхвалить Господа. Будь добр, Роджер. Моя семья вот уже три столетия благодарит Господа. Я хочу сделать это и сегодня, поскольку у нас особенный вечер. Ты бы должен был сам знать это, по празднику Благодарения. Закрой глаза. За нежную заботу Твою, Отче наш, за безмерное милосердие Твое, ныне с любовью в сердце благодарим Тебя. Аминь. Скажи «аминь».

— Аминь, — сказал Феррис.

Она сжала его руку в своей, а затем отпустила. Феррис открыл глаза, посмотрел на нее и внезапно почувствовал себя виноватым. Она такая любящая, доверчивая, а он точно знает, что не сможет быть с ней честен в чем-то важном — возможно, в самом важном. Они начали есть, и Алиса продолжила рассказ о своей поездке домой. Между делом она расправилась со стейком и картошкой, но к фасоли не притронулась. Закончив есть, она отодвинула тарелку, мечтательно посмотрела на звезды и снова повернулась к Феррису. Скинув с ноги туфлю, она принялась тихонько щекотать его ногу.

— Я должен тебе кое-что сказать, — запинаясь, начал Феррис.

— В чем проблема? Ты не любишь девочек? — спросила она, рассмеявшись.

— Нет, посерьезнее.

— О, ладно. Так что же?

Он помотал головой:

— Не знаю, как и сказать об этом. Мне так стыдно. Я женат.

— Я *знаю*.

Она покачала головой.

— Боже! Неужели ты считаешь меня столь тупой?

— Откуда ты знаешь? Я никогда даже не намекал на это и не ношу обручальное кольцо с тех пор, как встретил тебя.

— Это очевидно. Одиноким мужчиной попытался бы залезть на меня при первой же встрече. Но ты терпеливый. Зрелый. Скорее всего, женатый. Это первое.

— Я хотел залезть на тебя и в первую встречу, и во вторую, и в третью.

— Не совсем то. В тебе есть какая-то печаль, даже тогда, когда у тебя вроде бы все хорошо. Как будто тебе что-то нужно, а тебе этого не дали. Не секс, а любовь. Мне это говорит, что передо мной мужчина, несчастливый в браке.

— Это правда. Мне нужна любовь. И я мужчина, несчастливый в браке.

— Кроме того, я спросила.

— Что ты имеешь в виду — «спросила»?

— Спросила, в посольстве. Одна из секретарш ходит со мной в одну группу на йогу. Я сказала, что встретила реально классного парня, Роджера Ферриса. «Смотри, он женат», — сказала она. Поэтому я знала. Но в остальном обмана нет. Собственно, почему я и ждала так долго. Я хотела понять, стоишь ли ты того, чтобы с тобой связаться.

— Ты не зла на меня, что я сразу не сказал тебе, что женат?

— Нет. Рано или поздно ты сказал бы. Иначе я бы не согласилась лечь в постель с тобой. Нет, не так. Я бы все равно сделала это, но лучше так, как получилось. И ты собираешься бросить жену.

— Точно. Я попрошу ее о разводе. Я собираюсь поговорить с ней об этом, когда

в следующий раз отправлюсь в Вашингтон.

— Тебе надо разводиться, Роджер, если ты несчастен. Но это касается лишь тебя, не меня.

— Сейчас я счастлив.

— Да, но не настолько, насколько мог бы, — сказала она, беря его за руку.

Она повела его в спальню. Рядом с кроватью стояла свечка. Она тайком поставила ее, когда осматривала комнату. Сейчас она зажгла ее.

— Обними меня, — сказала Алиса.

Феррис коснулся губами ее волос, потом губ и притянул ее к себе. Они стали целоваться, тем временем она принялась расстегивать ремень его брюк. Когда она стала стягивать с него брюки, он приподнял платье, проводя руками по ее коже.

Они скинули одежду в одну кучу, Роджер взял Алису на руки и аккуратно положил на постель, а потом посмотрел на нее, в свете свечи. Она скромно прикрыла грудь одной рукой, но потом опустила ее. Посмотрела на раны на его ноге. Бугры шрамов были похожи на небольшие кочки, мягкие на ощупь.

Она отдалась ему, его глазам, ласковым рукам и жару тела.

— Хочу тебя, — глухо сказала она сквозь прерывистое дыхание, наполненное желанием. Опустив руки вниз, она повела его к себе.

Он вошел мягко, но она потянула его к себе, глубже. Ее тело двигалось быстро, и она застонала от удовольствия. Прежде чем он успел сделать то же самое, их тела внезапно и одновременно достигли вершины блаженства. Он почувствовал, как она все туже обхватывает его, а потом сознание растворилось в пульсе страсти, вынесшем их обоих в наполненное светом пространство. Он положил голову на ее грудь, влажную от его поцелуев, и вслушивался в биение ее сердца.

Глава 10

Амман

Спустя несколько дней Хани вызвал Ферриса к себе. Роджер прибыл один, снова проехав по тому же изгибу дороги, ведущему к крепости, стоящей на склоне горы. Наверх его сопровождали два сержанта, шедшие так близко, будто они не охранники, а конвоиры. Впервые ему не пришлось ждать в приемной заместителя, его сразу проводили к паше. Что-то происходит, подумал Феррис. Не было никаких признаков того, что Хани был чем-то недоволен. На самом деле на протяжении всех этих дней он вообще ни слова от него не слышал.

Когда Феррис вошел в кабинет, он сразу понял, что дела плохи. В иорданце не было ни капли его привычного лоска. Он зарос щетиной, под глазами темнели круги, будто он не спал несколько ночей подряд. Хани жестом показал ему садиться в кресло по другую сторону стола, а не на диван, как обычно. Он подождал, пока дверь закроют, а потом еще немного, видимо, собираясь с мыслями.

— Мустафа Карами мертв, — холодно произнес иорданец. — Наш человек из Берлина. Его убили неделю назад.

Хани произнес это с нескрываемой яростью. Разочарование, боль, сожаление о потраченных впустую силах. Даже не столько скорбь по потерянной человеческой жизни, сколько по долгой работе многих людей, готовивших операцию, по человеческим жизням, которые мог бы спасти ее успех.

Феррис даже не знал, что и сказать.

— Кто его убил? — наконец спросил он.

— Мы считаем, что это один из его связных в «Аль-Каеде». Они сцапали его в Мадриде. А вот чего мы не понимаем, так это *почему* его убили, — сказал иорданец, глянув Феррису прямо в глаза. — У тебя есть идеи?

— Абсолютно никаких, — ответил Феррис после паузы, возможно слишком

долгой.

— *Абсолютно никаких.* Это больше, чем простое «нет», и заставляет меня задать следующий вопрос. Зачем люди добавляют слова к простым словам отрицания? Когда можно просто сказать «нет», зачем говорить «абсолютно нет»? Странно, как думаешь?

— О'кей, Хани. Я выскажусь проще. Я не знаю, кто убил Мустафу Карами. Пока я не пришел в ваш кабинет, я не знал, что он мертв.

Хани все еще размышлял о смысле слов.

— В арабском что-то есть, сам знаешь, каждая фраза становится не совсем правдивой. Даже когда говоришь чистую правду. Наш язык — язык поэтов, а не инженеров. Но с английским проще. Это язык, состоящий из «да» и «нет». Если люди что-то добавляют, этому есть причина. Когда кто-то говорит мне: «Откровенно говоря, Хани...» или «Честно говоря, Хани...» — я всегда подозреваю, что мне лгут. Если бы мне хотели сказать правду, то не потребовалось бы этих слов, чтобы усилить фразу. Можно было бы сказать проще. Я прав?

— Да, Хани, вы правы.

— Но тебе я верю, в том, что ты сказал, что не знаешь, почему убили Карами. Откуда бы тебе знать? Если я сам не знаю.

— Спасибо.

— Однако, дорогой, мы это выясним. Это здорово, правда? Я и ты выясним, почему убили Мустафу Карами.

— И как мы это сделаем? — спросил Феррис.

Он занервничал и почувствовал, как сердце начало биться чаще.

— Допросим того, кто это сделал. Испанцы поймали его в Мадриде и передали нам. Его зовут Зияд. Он здесь уже почти неделю. Здесь, в тюрьме, прямо под этим зданием.

— Во Дворце призраков, — сказал Феррис. Иорданцы иногда так называли тюрьму, находящуюся под зданием штаб-квартиры УОР. Говорили, что однажды вошедший в эту тюрьму никогда не выходил обратно таким же, каким был.

— Ерунда, мой дорогой Феррис. Никаких призраков, как и переломанных костей. Ты это знаешь лучше многих. Мы не пытаем людей. Лучший метод допроса — вынудить человека сломаться самого. Позвать шейха, чтобы он почитал с ним Коран. Они ладят с людьми намного эффективнее, чем мы.

— Не тогда, когда информация нужна срочно.

— Нет, дорогой мой Феррис. Терпение особенно необходимо именно тогда, когда ты спешишь. Я вел себя с Зиядом именно так. Когда мы привезли его сюда неделю назад, он орал сквозь натянутый ему на голову мешок, что никогда не заговорит. Да простит его Аллах, он скорее нагадит на усы королю, чем скажет нам хоть слово. Он брыкался и орал, чтобы показать, как круто он будет противостоять тому, что, как он думал, его ожидает. Думаю, он сам хотел, чтобы я начал бить его, чтобы адреналин не покидал его. Но я ушел. Не сказав ему ни слова.

— Ни слова, Хани?

— Ничего. Только молчание. И молитва, в положенные часы. Я вернулся следующим вечером. Он оставался все такой же, но уже не настолько безумный. Я сел позади него в комнате для допросов и смотрел на него, больше часа. Там в коридоре слышны крики, у нас так всегда. Крики записаны на пленку. Он еще немного поболтал, рассказывая, какой он крутой. Как он рад, что убил Карами, потому что это предатель. Он рад. Он кричал это мне. Он ждал пыток, а их все не было. А я ничего не ответил. Лишь помолился перед тем, как уйти. Но не сказал ему ни слова.

— Он был сбит с толку. Вы ранили его чувство собственного достоинства.

— Ты абсолютно прав, Роджер. Это говорит араб в тебе. Зияд считал, что он столь важная персона, что мы будем бить его, как собаку, чтобы выколотить

информацию. А мы его игнорировали. Он не может понять этого. Это оскорбление его достоинства, как ты правильно заметил. Вчера вечером я снова пришел и сидел с ним. Он уже не кричал. Я снова сидел позади него, почти вплотную, так, что он мог слышать мое дыхание. Я молчал долго, многие минуты, может, час, может, и больше, не знаю. Наконец он заговорил. Он спросил, буду ли я задавать ему вопросы. Я понял, что теперь он готов к разговору. Он сам просит, чтобы его допросили.

— И что он сказал?

— Ничего, поскольку я все так же не говорил с ним. Я прошептал ему на ухо, что у него большие неприятности. А потом снял мешок с его головы и показал ему фотографию.

— Его матери.

— Конечно. Будь осторожен, прошептал я. И снова ушел. Я хотел, чтобы он провел в пустоте еще двадцать четыре часа. Тогда ему станет просто необходимо исповедаться мне. Сейчас, думаю, он готов к этому. Он снова не спал всю ночь. Да, думаю, сейчас подходящее время. Пойдем проверим?

— Да, — ответил Феррис. Он понимал, что в любом случае у него нет выбора. — Только один вопрос.

— Какой?

— Я могу позвонить в штаб-квартиру, чтобы сообщить им, что Карамии мертвы?

— Нет, — сказал Хани, печально, по-собачьи посмотрев на Ферриса. — Боюсь, что ты не можешь позвонить в свою штаб-квартиру. Это совершенно неприемлемо.

— Почему? — спросил Феррис.

Хани не ответил. Феррис впервые за все время пребывания в Иордании испугался его. Он пленник Хани, и нет никакого сомнения, что, несмотря на все эти тонкости арабской словесной игры, он убьет его, если сочтет это необходимым.

Хани встал из-за стола и пошел к двери. Адъютанты немедленно сорвались с мест, чтобы помочь ему, но начальник махнул рукой. Охранник в конце коридора почтительно поклонился, когда Хани проходил мимо него. Хани кивнул в ответ, набрал код на электронном замке и открыл массивную дверь. Феррис пошел за ним внутрь. Во Дворец призраков.

За дверью был небольшой лифт, без всяких кнопок. Хани вставил в замочную скважину ключ, и двери лифта открылись. На стене кабины было всего две кнопки, вверх и вниз. Это был личный лифт Хани, на котором он спускался в тюрьму. Они опускались долго. Феррис не понял, то ли лифт двигался медленно, то ли они опустились очень глубоко под землю, но спуск занял почти тридцать секунд. Наконец двери открылись, и Феррис увидел длинный коридор с бетонными стенами и потолком. Пахло сыростью.

В коридоре стояли несколько арабов мощного телосложения. У них был такой вид, что они, казалось, в любую секунду могут застрелить вас, просто из прихоти. Хани подошел к ним и что-то сказал, неслышно для Ферриса. Американец поежился. В этой подземной бездне было холодно. Если не одеться как следует, можно просто замерзнуть. Хани махнул ему рукой, давая знак следовать за ним по коридору. Через каждые десять метров стены коридора прерывались массивными стальными дверьми с крошечными окошками.

— Можешь глянуть, если хочешь, — сказал Хани.

Феррис посмотрел в одно из окошек. Он увидел истощенного человека в нижнем белье. Его глаза были настолько остекленевшими, что нельзя было с уверенностью сказать, жив ли он вообще. Из камеры пахло мочой и нечистотами.

— Сложное дело, с этим, — прокомментировал Хани. — Но он тоже когда-нибудь сломается.

У Ферриса не возникло желания заглядывать в другие камеры. Его нельзя было назвать сентиментальным, да и он уже не раз видел, что способны сделать друзья и

союзники Америки с теми людьми, которых они хотят подчинить себе. На общем фоне Хани был вполне умеренным. Но Феррису не хотелось даже находиться здесь. Они дошли до перекрестка коридоров, простиравшихся на сотни метров в каждую сторону, а потом до следующего. Иисусе, подумал Феррис, в эту тюрьму можно засадить половину населения страны.

— Вот мы и пришли, — сказал Хани, когда они дошли до третьего перекрестка.

Он свернул влево. Здесь не было камер, только небольшие комнаты, видимо используемые для допросов. Феррис услышал крик. Мужской голос. Сначала внезапный вопль, будто человеку сломали какую-нибудь кость, потом еще сильнее, будто сломанную конечность принялись вертеть туда-сюда. Феррис не знал, настоящий это крик или записанный на пленку. Пауза, потом следующий пронзительный вопль и тирада на арабском, плачущим, умоляющим голосом.

Хани открыл дверь и жестом показал Феррису на стул. Перед ними было зеркальное стекло, за которым и находилась комната для допросов, ярко освещенная люминесцентными лампами, закрепленными на потолке. Там стояли стол и два стула. Стены покрашены в синий цвет. Вот оно. Синий отель. В той части комнаты, где находился Феррис, был небольшой динамик, передававший звук из-за стекла.

— Хорошо, что ты знаешь арабский, — сказал Хани. — А то было бы трудно тебе все переводить.

Хани перешел в другую часть комнаты, взял стул и поставил его спинкой к стене, метрах в десяти от другого. Спустя секунду дверь в комнату открылась, и двое конвоиров ввели заключенного. Он был небрит и изнурен бессонными ночами, но видимых признаков повреждений у него не было. Конвоиры усадили его и привязали его руки и ноги к металлическому каркасу стула, а потом вышли. Заключенный посмотрел на Хани почти что жалобно.

Феррису хотелось, чтобы Хани сказал хоть что-нибудь, но иорданец безмолвствовал.

— Чего вы от меня хотите? — спросил заключенный. Потом он повторил это еще раз, чуть не плача.

Хани продолжал молчать.

Прошло несколько минут. Заключенный затравленно глядел на Хани. По его щекам катились слезы. Потом он сглотнул, чтобы подавить свои всхлипывания.

— Чего вы хотите? — взмолился он.

Хани наконец-то решил ответить:

— Скажи мне, Зияд, зачем ты убил Мустафу Карами?

Он произнес это тихо и мягко. Из коридора продолжали доноситься непрекращающиеся крики.

— Потому что он предатель, — ответил заключенный. — Потому что он предатель. Потому что он предатель.

Хани молчал. Тишина в камере нарастала и давила, как вода, которая сдавливает голову ныряльщика, когда он погрузится слишком глубоко. Спустя минут десять Зияд совсем отчаялся и заговорил снова:

— Пожалуйста. Это правда. Мустафа Карами был предателем.

— Но, Зияд, откуда ты *знаешь*, что Мустафа был предателем? — спросил Хани почти что насмешливо.

— Вы меня разыгрываете. Вы сами знаете!

— Это не розыгрыш. Скажи.

— Потому, что он работал на американцев. Он был предателем, работал на американцев.

Хани помолчал, записывая его слова.

— А почему ты уверен в этом? — спросил он своим обволакивающим голосом, из которого нельзя было вырваться, как из сна.

— Вы знаете ответ. Знаете, знаете.

— Конечно, знаю, но хочу услышать это от тебя. Ты важный человек. Я должен услышать ответ от искреннего человека, которого я уважаю. Такого, как ты.

— Спасибо, *сиди*. Мы уверены в том, что он предатель, поскольку он был на связи с их человеком, Хуссейном Амари. Который работает на американцев, в Индонезии. Вот так мы и узнали, что Карами работал на американцев.

— Да, американцев, — повторил Хани. Его глаза сузились от ярости. — Но откуда вы узнали?

— Мы узнали, что Карами вышел на связь с Амари. Сначала все было наоборот. Амари позвонил Карами. Карами даже спросил нас об этом. Кто этот Хуссейн Амари? Зачем он мне позвонил? Но потом мы узнали, что Карами вышел на связь с Амари. Он хотел помочь Амари отправиться в Европу, чтобы встретиться с кем-нибудь из нас. Он спрашивал о ком-то по имени Сулейман. Вот тогда мы и поняли, что вы и американцы пытаетесь внедрить его в нашу сеть. Это был ваш план. Вы хотели использовать Карами, чтобы кто-то получил доступ к нашим тайнам, самым важным. Мы поняли, что нельзя доверять Карами. Что он работает на американцев. И на вас.

Хани поглядел на заключенного. Феррис видел, насколько он напряжен и старается держать себя в руках.

— А почему же вы не убили Амари? — спросил Хани.

— Мы пытались, но не смогли найти его. Он исчез. Американцы умные. Они спрятали его. Они очень умные, эти американцы. Но они — слуги шайтана, и Аллах покарает их.

Хани посмотрел на зеркальное стекло, туда, где, как он знал, сидит Феррис.

— Да, — спокойно сказал он. — Американцы очень умны.

Затем он встал со стула и вышел из комнаты. В его походке была скрытая угроза, как у профессионального боксера, идущего к рингу.

Он открыл дверь и вошел в отделение для наблюдателей, где сидел Феррис. Может, он пристрелит меня прямо здесь, подумал Феррис. Но Хани стоял со сжатыми кулаками. Не для того, чтобы причинить ему вред, а чтобы сдерживать эмоции.

— Я больше и слышать вас не желаю, — сказал он слегка дрожащим голосом. — У нас был хороший и тщательно разработанный план относительно Карами. Он был бы отличным информатором и для нас, и для вас. Возможно, он даже дал бы нам возможность проникнуть туда, куда мы стремимся. А теперь мы потеряли его, из-за вашей лжи и глупости.

Он глянул на Ферриса, все еще не отойдя от шока. Как эти американцы могут быть столь тупы? Он покачал головой. Хватит. Развернувшись к двери, он вдруг остановился и снова посмотрел на Ферриса:

— Я знаю, что вы делаете. На арабском это называется *такия*. Со времен Пророка. Ложь, необходимая, чтобы защитить себя от неверных. Они же неверные, поэтому им можно лгать, если это необходимо. Именно это и сделали ты и Эд Хофман по отношению ко мне, со всеми вашими уловками. *Такия*. Но вы очень сильно ошиблись.

— Мне очень жаль, — сказал Феррис.

— Ни слова больше, мистер Феррис. Если вы скажете мне еще хоть слово, я вас убью.

Хани снова развернулся к двери и вышел, оставив Ферриса одного в этой мерзкой преисподней в глубинах горы.

Глядя сквозь зеркальное стекло, Феррис видел, как конвоиры отвязали заключенного Зияда от стула и увели его. Теперь, когда он сломался, они используют его по полной. Все контакты, которые когда-либо у него были, вплоть до каждого горшка, на который он когда-либо садился. Но американцы уже ничего не узнают об этом.

Феррис ждал. Интересно, придет за ним кто-нибудь или он так и останется здесь, став еще одной человеческой развалиной, гниющей в этих подземельях? Через некоторое время за ним пришли двое солдат. Те же, которые сопровождали его, когда он только приехал. Они повели его другой дорогой, по грязным и плохо освещенным коридорам, воняющим дерьмом. Из камер доносились крики. Крики боли или крики людей, столь долго здесь находящихся, что это свело их с ума.

Наконец они дошли до старого лифта с распашными дверьми, большого, в который, казалось, можно загнать отару овец. Лифт для заключенных, понял Феррис. Пахнущий мочой людей, обгадившихся от страха, когда они спускались в обитель мертвецов.

Лифт медленно поехал вверх, лязгая. Охранники открыли дверь, и Феррис снова увидел перед собой грязь и хлам, смрад тюрьмы и редкие лица людей в мертвенном люминесцентном свете. Его подвели к двери, закрытой на засов. Заключенный принялся о чем-то умолять Ферриса, думая, что это иностранец, который сможет спасти его. Охранники открыли дверь и толкнули Ферриса наружу. На город уже спустилась ночь, черная, безлунная.

Джип Ферриса стоял на другой стороне дороги. Включая зажигание, он был почти готов к тому, что машина взорвется. Нет, это не в стиле Хани. Феррис поехал в посольство. Приехав, он отправил Хофману сообщение по специальному каналу связи, а затем, спустя час, быстро переговорил с начальником отдела по спутниковому телефону. Хофман был разочарован, но каяться явно не собирался.

На следующее утро Феррис отправился в Вашингтон. По дороге в аэропорт он заехал к Алисе, разбудив ее. По его виду она сразу поняла, что произошло что-то ужасное.

— Что случилось, дорогой? — спросила она. Алиса впервые так назвала Ферриса.

— Неприятности по работе. Они хотят, чтобы я слетал домой и поговорил с людьми из Госдепартамента.

— У тебя неприятности? Ведь случилось что-то ужасное, так? Я это чувствую.

Он посмотрел на пряди волос соломенного цвета, свисающие поверх ее сонного лица.

— Ничего особенного. Но мне придется разобраться с этими проблемами. И поговорить с женой.

Она кивнула:

— Когда вернешься?

У Ферриса дернулось лицо, и он перенес вес тела с раненой ноги. Он не знал, когда он вернется. Если Хани говорил всерьез, то возможно, что и никогда.

— Как только смогу, — ответил он. — Я позвоню тебе оттуда сразу же, как смогу. Хорошо?

— Конечно. Если ты действительно собираешься вернуться.

Он даже не знал, что ответить. По его опыту, клятвы в верности обычно произносились именно тогда, когда возникали сомнения в чьей-то искренности. Все лишние слова говорят о неискренности, вспомнил он фразу Хани.

— Я не хочу покидать тебя, — сказал он, вложив в каждое слово все свои чувства по отношению к ней.

— О Роджер! — ответила она, качая головой. В ее глазах стояли слезы. — Пообещай мне кое-что. Если ты решишь, что у нас все не всерьез, честно скажи мне об этом. Я не хочу, чтобы мне причиняли боль. Сейчас я живу хорошо и счастливо и не хочу снова стать несчастной.

— Я никогда не причиню тебе боль, — ответил Феррис.

Она кивнула, разворачиваясь к нему спиной. Так вот как это бывает, подумал

Феррис, глядя, как Алиса уходит. Это безнадежное чувство и есть любовь?

Глава 11

Лэнгли, Вашингтон

Пока Феррис летел домой, во Франкфурте взорвался еще один заминированный автомобиль. Во время пересадки в Лондоне Феррис позвонил дежурному ближневосточного отдела и спросил, не следует ли ему возвращаться в Иорданию. Нет, ответил дежурный, Хофман хочет видеть его в Вашингтоне, чем быстрее, тем лучше. Уже просто глядя на людей в Хитроу, можно было понять, насколько они напуганы. Стоят толпами вокруг телевизоров в вестибюле аэропорта и смотрят новости. Из-за повышенных мер безопасности отменили несколько вылетов.

Феррис позвонил Алисе из Лондона. Она еще не слышала про Франкфурт. Феррис сказал ей, что надо быть поосторожнее. В ответ она громко расхохоталась:

— Мне? Это тебе надо быть осторожнее. Я тут ни при чем.

Феррис рассмеялся в ответ, но сквозь боль. Он хотел бы отправиться домой вместе с ней. Ни разу за всю их совместную жизнь с Гретхен ему не хотелось спрятаться вместе с ней от всего остального мира. Гретхен сама была миром, его неотъемлемой частью, вот в чем дело. Его монетой, отчеканенной со всем совершенством. А Алиса — словно из другого мира, все такого же загадочного для Ферриса. В который сейчас ему хотелось бы уйти вместе с ней.

Во время перелета из Лондона в Вашингтон Феррис предался размышлениям. У ЦРУ почва из-под ног уходит. Они упустили те немногие драгоценные шансы внедриться во вражескую сеть. И сам Феррис тут не лучше Хофмана. Он жадный, нетерпеливый и потерял след противника. Сама мысль о возвращении в штаб-квартиру навевала уныние. Даже не блеклое, линолеумное ощущение от здания, построенного в стиле модернизма шестидесятых. Ощущение атмосферы госучреждения, пронизывающей все, как сухая гниль. Когда Феррис пришел сюда, ему говорили об элите, братстве и прочем. Он думал, что Управление не может быть столь же чопорным и бюрократическим, как «Тайм», откуда он только что ушел. И ошибся. Оно оказалось еще хуже. Это был стиль жизни, где столь долго лгали себе, что полностью потеряли границу между реальностью и выдумкой. Сама мысль о неудаче была неприемлема, поэтому в любой ситуации, где было замешано ЦРУ, ошибки списывались на кого-то еще. Это были люди, которые сами верили в свои презентации, сверстанные в «Пауэр пойнт».

Феррис взял с собой книгу из библиотеки британского консульства и сейчас принялся читать ее, чтобы успокоиться. Британцы тоже прокололись, оказавшись на грани поражения после хаоса Дюнкерка в 1939 году. Но когда они осознали, что ставкой в игре является само их выживание, они открыли в глубине своей души чистую безжалостность. Неуклюжие шахматисты и салонные оригиналы доказали, что могут быть убийцами. Вот истина истории разведки, в которой Феррис каждый раз с удовольствием убеждался. Встретившись с врагом, которого они не могли одолеть в открытом бою, британцы нашли новые способы работы. Они возвели ложь в ранг военной стратегии. Они украли у врага шифровальные машины «Энигма» и наняли самых одиозных и умных специалистов, чтобы разгадать шифры. Они брали в плен немецких агентов и вели через них двойную игру, создав столь сложную и правдоподобную паутину лжи, что для немцев она стала реальностью. Зная, что они не смогут выиграть войну, если в нее не вступит Америка, они развернули тайные операции на американской территории, чтобы дискредитировать изоляционистов. Распространяя ложь и слухи, они расправлялись с неудобными им членами конгресса. И продолжали изображать из себя добродушных аристократов-увальней, пока вразвалочку не дошли до Берлина. Так они достигали успеха, день за днем, ложь за

ложью.

Феррис читал небольшую книгу, в которой описывалась одна из наиболее дерзких операций по распространению дезинформации. Листая страницу за страницей, он думал, как можно применить нечто подобное против их нынешнего противника. За именем «Сулейман» не скрывалось никакого лица. Закрыв глаза, он видел перед собой черноту. И слышал грохот взрывов. В Роттердаме, Милане, Франкфурте. Скоро будут новые, скоро они доберутся до Питсбурга и Сан-Диего. Неспособность найти Сулеймана — не вина Управления, это его собственная вина. В начале года в Ираке он ухватился за дальнюю ниточку, завербовав Низара. В Берлине, вместе с Хани, он вплотную подобрался к одному из узлов этой сети. Судя по всему, Хофман попытался воткнуть свой зонд прямо в бок противнику. Ослепленный своим растущим разочарованием, он решил, что сможет выманить врага из его убежища в Аммане. Но все, чего достигли он и Хофман, — это потеря тех немногих нитей, которые были в их руках. А тем временем бомбы продолжали взрываться.

Они вернулись туда, откуда начинали, а времени не хватало. Взрыв во Франкфурте снова повергнет людей в панику. Этот теракт был особенно наглым, посреди финансовой столицы Европы. Это заставит людей думать, что сеть организована и замаскирована столь умно, что ни ЦРУ, ни их друзья даже не знают, в какую сторону смотреть. Ваш щит исчез, говорили людям эти взрывы. Вы беспомощны перед лицом ваших врагов.

За долгое время перелета Феррис задремал. В полусне он вспомнил о словах Хани. *Такия*. Ложь во спасение. В исламских текстах, с которыми он работал в университете, этот термин обычно ассоциировался с шиитами. Их учили обманывать, чтобы избежать опасности. В самом деле, эта увертливость была главной причиной того, что сунниты считали шиитов неисправимыми лжецами. Но в Коране эта проблема приобретала более глубокий смысл. Там упоминался товарищ Пророка по имени Аммар бен Ясир, которого посадили в тюрьму в Мекке вместе с семьей после того, как Пророк сбежал в Медину во время *хиджры*. Родителей бен Ясира пытали и убили за приверженность исламу. Бен Ясир повел себя более изворотливо. Он обманул неверных, сделав вид, что поклоняется их идолам, а потом сбежал в Медину и присоединился к Мохаммаду. Когда он спросил Пророка, правильно ли он поступил, солгав, Мохаммад успокоил его, заверив в том, что он выполнил свой долг. Бен Ясир защитил правду при помощи лжи. Британцы сделали то же самое много столетий спустя. Он отнесся к неверным так, как они того заслуживали. Оказавшись среди них, в самом их сердце, он обманул их, чтобы вновь выйти на бой с ними, но потом.

Во времена Пророка обман часто становился вопросом выживания. В другой истории рассказывалось о вожде арабского племени, который организовал заговор с целью убить Мохаммада. Пророк сказал своим друзьям, что слабостью убийцы стало его тщеславие. Когда они пришли к нему, они польстили шейху, похвалив его утонченные духи, и спросили разрешения подойти поближе. Еще поближе, благородный шейх, и еще. А потом отрубили голову тщеславному человеку. Вот извечная истина войны. Встретившись с сильным противником, иногда хорошо сыграть на его высокомерии. Выманить его, привлечь. А потом правильно нажать в правильную точку, и противник развалится сам. Ведь именно так мусульмане поступили с Америкой в Ираке, не так ли? Но это можно обернуть и против них самих.

Английская книжка все так же лежала, открытая, на коленях у Ферриса, и он вновь принялся читать ее, с еще большим вниманием. Описанная в ней операция больше походила на театральное представление, чем на боевые действия. В 1943 году британцам надо было скрыть факт подготовки к высадке на Сицилии, для чего было необходимо убедить немцев, что атака пойдет на Грецию. Иллюзия подготовки была столь совершенна, что немцы клюнули на нее, думая, что открыли величайшую

тайну. Которая была ложью. Это сработало.

Феррис выпрямился, сидя в самолетном кресле. Он попросил стюардессу принести ему кофе и принялся писать заметки. К тому времени, как самолет приземлился в аэропорту имени Даллеса, его идея начала принимать очертания.

Когда Феррис приехал в Управление, Хофман сидел у себя за столом с мрачным видом. Он выглядел ужасно. Его румяное лицо опухло, под глазами виднелись темные круги, от недосыпа, перепоя или и того и другого одновременно. Даже коротко стриженные волосы лежали на голове как-то вповалку. Он уже не напоминал воротилу, скорее букмекера, у которого провалились ставки. Его заместитель сидел рядом, за столом для переговоров, уставившись на толстую папку. Когда Феррис вошел в кабинет, Хофман приказал заместителю уйти и закрыть дверь.

Он начал говорить тихим скрипучим голосом, больше глядя на стол перед собой, чем на Ферриса:

— Я мог бы извиниться, но это чушь. Тем не менее мне следовало тебя предупредить заранее, что с этим Мустафой Карами ты можешь вляпаться в дерьмо. Это было ошибкой.

— О чем вы? — удивленно спросил Феррис. — Вы знали, что Карами мертв? Еще до того, как я увиделся с Хани?

— Угу. Я узнал об этом от испанцев, они оповестили одновременно и нас, и иорданцев. Поэтому мы успели спрятать Амари. У нас была фора.

— Черт! Вы это знали, Эд? Вы правы. Вам следовало сказать мне. Почему же вы этого не сделали?

Феррис был взбешен. Он думал, что ситуация и так хуже некуда. Оказалось, что есть куда.

— Потому что ты сказал бы иорданцам. В этом ничего плохого. Я бы тоже сделал это, будь я на твоём месте. Но я не мог рисковать. И не дуйся. Я же извинился.

— На самом деле, Эд, думаю, эти извинения — ерунда. Но это не имеет значения.

— Почему? Все имеет значение.

— Потому что Хани больше не станет разговаривать со мной. Я думал, что он хотел убить меня после того, как понял, что мы натворили. Он был в ярости. Меня там больше не будет.

— Не будь столь уверен в этом. Ты ему нравишься. И ты — намного лучшая ставка, чем тот, кого бы мы могли послать на замену тебе. Может, он одумается. И еще раз я извиняюсь, официально, — добавил Хофман, наморщив свое помятое и усталое лицо и чмокнув губами. Потом он наставил палец на Ферриса.

Феррис неохотно рассмеялся. Каким-то странным образом его успокаивало, что Хофман может дурачиться даже после такого ужасного происшествия. Он позволил своему гневу уняться.

— Вы действительно думаете, что они позволят мне вернуться в Иорданию?

Назад, домой. К Алисе.

— Совсем не исключаю. Поживем — увидим.

— Хани стоит того, чтобы с ним возиться, Эд. Если мы сможем уладить этот прокол. Не то чтобы вам очень требовалось мое мнение, но я видел, как он сломал человека, застрелившего Карами. Это что-то невозможное. Парень признался во всем. Что он стрелял, что они знают, что мы работаем с Амари, все. При том, что Хани к нему пальцем не притронулся. Он хорош.

— Ага-ага, знаю. Суперзвезда. А мы его накололи. И так далее. Извини, что тебе пришлось быть там и принять на себя его гнев. Уверен, это было не смешно. Он позвонил мне и наорал на меня, благо было за что. Я сказал ему, чтобы он

успокоился. На войне иногда случаются неприятности. Например, обстрел со стороны своих. Это надо пережить.

— Он успокоился?

— Не совсем. Но заткнулся. Я попросил его принять тебя назад, но он, судя по всему, витал где-то в другом мире. О чем-то думал. Долгие и очень странные паузы. Ничего, он снова пойдет на сотрудничество. Он профессионал.

Феррис с интересом посмотрел на босса, ожидая, скажет ли тот что-нибудь еще.

— Если честно, это-то меня и беспокоит. Хани *действительно* профессионал. Он много работал над этой операцией. Подготовка, вербовка. У нас наладилось хоть какое-то доверие, у меня с ним. Это главное, что я узнал об арабах. Все или ничего, полное доверие или ноль. Но мы это потеряли. Мы стали... ничем, — опустив глаза, сказал он.

Хофман закрыл помятое лицо руками и потер заспанные глаза. Когда он заговорил снова, в его голосе был оттенок раздражения:

— О'кей. Мы накололи этого парня. Это было сделано с благими намерениями, но, будь я Хани, я бы не обрадовался. И будь я тобой, я бы тоже не обрадовался. У тебя были предчувствия. Ты мне говорил. О'кей? С этим все ясно.

— Но я не *Хани*, будь я проклят! И не ты. Я — это я, у меня есть работа, которую я должен делать. И я не собираюсь зарываться в чувство вины из-за того, что уронил мяч. Ради бога, мы же на войне. Эти дерьмоголовые закладывают по бомбе, считай, каждый день, а мы фигней страдаем. Мы занимаемся делами, о которых ты понятия не имеешь, знаешь ли. Но это пока тоже не срабатывает. Сегодня на брифинге президент спросил директора, не ушло ли все ЦРУ в отпуск.

— Иисусе Христе, — пробормотал под нос Хофман, мотая головой. — Эти парни делают все, чтобы убивать нас, а у нас кончились все возможные трюки, которыми их можно остановить. Это дело с Амари отняло у меня не меньше сил и времени, чем у Хани — его мелкая операция, а теперь и оно провалилось. Так что я уж буду заботиться об этом, благодарю покорно, а не о том, насколько болезненно мы накололи наших иорданских друзей.

В комнате воцарилась тишина. Феррис ожидал, что Хофман продолжит метать громы и молнии, но тот сидел молча, мрачный и замкнутый. Босс проигрывал. Все они проигрывали. Хофман прав. У них кончился запас трюков. Они ждали следующего удара, надеясь, что смогут поймать кого-нибудь из этих террористических сетей и выбьют из него всю подноготную вовремя, чтобы предотвратить следующую атаку. Это не стратегия, это дорога к поражению. Хофман продолжал молчать, и Феррис понял, что он ждет от него совета. Феррис снова вспомнил те идеи, которые бродили в его голове во время долгого и унылого перелета в Вашингтон. Слово, которое сказал Хани. *Такия*. Если правда не помогает, приходится лгать. Если ты проигрываешь на одном игровом поле, надо создать другое.

— У меня есть идея, — сказал он. Ответом ему было гробовое молчание. — Возможно, она безумна.

— Что ты сказал? — переспросил Хофман.

Он не привык, чтобы Феррис выдвигал предложения по оперативному планированию.

— Я говорю, что у меня есть идея. Она пришла мне в голову, когда я летел сюда. Я уже думал об этом раньше, но все это представлялось мне слишком причудливым. А сейчас, возможно, уже не настолько. Хотите выслушать?

— Ага, конечно. Что нам терять? Кроме этой долбаной страны.

— О'кей. Нам надо добраться до Сулеймана. Если мы этого не сделаем, он сожрет нас с потрохами. Посмотрите на нас. Мы в дерьме. И нам надо что-то делать. Так ведь?

— Очевидно. Так что за идея?

— Кое-что, что сказал мне Хани, перед тем как я улетел. В самом конце, перед тем как вышвырнуть меня. Он говорил об этом мусульманском понятии, *такия*. Ложь, которая позволяет добиться желаемого результата. Я стал думать. Предположим, мы просто солжем. Заставим Сулеймана думать, что нам уже удалось это — удалось проникнуть в их сеть. Мы знаем, что мы провалились, но он — нет. Он думает, что мы уже у него под кроватью и просто выжидаем удобный момент. Мы лжем, вот и все. Делаем вид, что уже схватили его за задницу. А потом начинаем использовать его страх. Это хоть сколько-нибудь логично?

— Возможно, — ответил Хофман. — Если я правильно тебя понял.

— Я говорю об обмане. *Такия* — единственный способ внедриться в сеть Сулеймана. Мы уже пытались, и ничего не вышло. Можем пытаться и дальше. Поставить шпиков у салафистских мечетей по всему миру и ждать, пока кто-нибудь клюнет на приманку. Это даже может сработать, со временем. Но времени у нас нет. Так что, если мы не можем завербовать реального агента, давайте изобразим все так, что он у нас уже есть. И будем работать с ним как с виртуальным агентом. Это не будет реальным внедрением в «Аль-Каеду», только виртуальным. *А какая разница?* Пусть у нас нет нужной карты, но мы делаем вид, что она у нас есть. Будем блефовать. Пусть он думает, что мы уже внедрились. Черт, если мы хотим, мы можем представить дело таким образом, что мы завербовали самого Сулеймана. Мы можем изобразить все, что угодно. Если мы сделаем это с нужной наглостью, оно сработает.

Хофман покачал головой и снова улыбнулся. Грозовая туча ушла.

— Знаешь, мне придется пересмотреть свое мнение о тебе. Я и не знал, насколько ты изворотлив. Это перемещает тебя в другую часть реестра в книжечке Эдди.

— Я в отчаянии, — ответил Феррис. — Как и вы.

— Факт. Так как нам приняться за все эти финты? Допустим, что меня это заинтересовало.

— Это то, о чем я думал, сидя в самолете. Я читал одну из этих книжек про дезинформацию, которую распространяла Британия во времена Второй мировой. Тогда им было необходимо переиграть немцев. Может, нам тоже можно поиграть в такие игры, подумал я.

— Хорошо, мистер Пибоди. А что за книжка?

— «Человек, которого никогда не было».

Хофман закрыл глаза и погрузился в мысли. И увидел сразу все. Мертвое тело, сфабрикованное послание, наслоения лжи. Потом он встал, пошел к книжному шкафу и достал оттуда зачитанный до дыр экземпляр той книги, о которой только что сказал Феррис.

— Операция «Мясорубка». Британцы так ее называли, да? Должно быть, я старый и глупый, если я сам до этого не додумался.

— Всего лишь старый, — сказал Феррис.

— Знаешь, Феррис, ты мне нравишься. Ты сорванец. В самом деле.

— Спасибо.

— Чтобы правильно проверить это, нам надо будет подключить тебя к другой сети. У меня есть люди, которые уже занимаются весьма необычными делами. Я пытался отправить тебя к ним после твоего ранения в Ираке, но ты не дал мне сделать этого. Но мы можем сделать это и сейчас, если ты хочешь поиграть по-настоящему. Но не соглашайся на это слишком быстро. Это не отдел подготовки тайных операций или какая-нибудь подобная чушь, о которой болтают на «Ферме». С этим ты согласен?

Феррис ответил, не раздумывая. Мы никогда не раздумываем, принимая решения, переворачивающие нашу жизнь.

— Мы должны добраться до Сулеймана. Это должно сработать.

— *Такия* — повторил Хофман, не переставая радоваться ценности предложения, выдвинутого Феррисом. Он положил свою большую ладонь на предплечье своего младшего товарища. — Ты сказал это очень давно, Роджер. Это должно сработать. Нам нельзя проиграть. Если мы не развалим сеть Сулеймана, умрет еще очень много людей.

Отпустив руку Ферриса, он добавил, что в течение пары дней ему позвонит секретарь Хофмана и укажет время следующей встречи. Пока что ему надо отдать некоторые распоряжения и кое-что переделать, чтобы дать Феррису возможность подключиться к этой новой сети.

Глава 12

Вашингтон

В первую ночь после прилета в Вашингтон Феррис спал в отеле. Это была покосившаяся загородная гостиница неподалеку от Дюпон-серкл, которая напомнила ему те места, где он жил до того, как пошел на работу в ЦРУ. А еще ему надо было побыть одному. Не видеть никого знакомого. Особенно он не хотел встречаться с Гретхен, до тех пор пока не сформулирует то, что надо сказать ей. Она всегда находила способы разрушить его планы или просто проигнорировать их. На этот раз он хотел четко выдержать свой собственный курс. Он позвонил ей следующим утром, в шесть тридцать. В это время, как он знал, она как раз выходит из душа, перед тем как заняться макияжем.

— Хай, Гретхен.

— Роджер? — удивленно, но с радостью переспросила она.

— Я приехал домой, — сказал он.

— Еще нет. Ты определенно еще не дома. Дом — это я. А ты где-то еще. Где ты?

— В отеле.

— Ради бога, что ты там забыл?

— Объясню позже. Мы можем встретиться и поужинать?

— Что за нелепость, дорогой? Приезжай домой, в твою квартиру к твоей жене. Я сегодня работаю, но вернусь домой к семи. Ключи у тебя есть. Еще бы. Это же твой дом. Так что приходи. И отдохни. Силы тебе потребуются попозже.

Феррис хотел было предупредить, что его визит будет иметь совсем другой характер, но она столь спешила, готовясь к отъезду на работу, что уже повесила трубку, сказав напоследок, что любит его и *насколько* она рада, что он вернулся. Всерьез. Сделать все по-простому не получится. Ему надо сказать ей все и сразу же убраться.

Квартира у них была в элитном доме в Калораме, неподалеку от Коннектикут-авеню. Это в стиле Гретхен. По соседству жили богатые люди, люди, разбогатевшие давно, имевшие вес в обществе. А Гретхен походила на еще одну их дочь. Она познакомилась с соседями, навещала их, когда они болели, привозила им мелкие сувениры из своих поездок. Она отделала квартиру с роскошью, а когда они стали жить вместе, она принялась таскать Ферриса по аукционам и антикварным магазинам, чтобы продолжать пополнение своей коллекции произведений изящного искусства. Когда они приглашали соседей на коктейль, мужчины сразу подмечали, что Феррис, видимо, хорошо обеспечивает семью. Даже не спрашивая об этом.

Гретхен была аристократом-самоучкой. Это нравилось соседям старшего поколения, — то, что эта хорошенькая молодая штучка старается войти в их круг. Ее отец был крепко стоящим на ногах человеком, он работал страховым агентом в Индиане, но даже в мыслях не мог себе представить, что его дочь войдет в этот

салгрэйвский клуб. Ее старший брат остался жить в Индиане, он работал региональным представителем по продажам в «Джон Дир». Но такая жизнь была не для Гретхен. Она включила ракетный ускоритель в восемнадцать лет, полетев в сторону Колумбии и начав новую жизнь. Феррис с уважением относился к ее успехам, но более не желал жить с таким человеком.

Феррис поздоровался со швейцаром, который, судя по всему, удивился, увидев его. Сев в лифт, он поднялся на свой этаж и осторожно открыл дверь. В холле стоял новый письменный столик в античном стиле, вычурная французская штукавина с кривыми ножками, вряд ли хорошо подходящая для использования по прямому назначению. Внутри было убрано. Никаких следов той жизни, которую она вела здесь в его отсутствие. Он пошел в спальню. Фотографии в серебряных рамках на двух прикроватных столиках. Он поглядел на свою. Расхлябанный и неопределенный человек, такой, каким он был до свадьбы, когда работал журналистом. Пыли на рамке нет. Вытерла или просто только что достала из шкафа?

Вот что он заметил, войдя в квартиру, так это то, что признаки его жизни здесь куда-то подевались. Нет пива в холодильнике. Подписка на «Спортс иллюстрэйтед», видимо, закончилась. Его одежда убрана из гардероба, видимо, чтобы освободить место для ее одежды. Возможно, все окажется проще, чем он ожидал. По сути, он уже ушел отсюда.

Гретхен позвонила где-то полседьмого, только для того, чтобы сказать, что немного задержалась на работе и будет полвосьмого. Потом полвосьмого, сказав, что только что выехала. Она приехала домой без чего-то девять.

— Милый, я пришла, — сказала она, распахивая дверь, словно он никуда и не уезжал от нее. Потом извинилась за опоздание.

У генерального прокурора было срочное дело, которое надо было завершить сегодня, и смыться ей не удалось. Попыталась, но это было просто невозможно. Не то чтобы извинение, скорее констатация факта своего призвания.

Феррис внимательно посмотрел на нее. Она выглядела такой же, как прежде, даже еще лучше: обрамляющие ее лицо волосы были выкрашены в сверкающий черный цвет, как у итальянских кинозвезд. Крупная грудь — первое, что замечали в ней люди, как мужчины, так и женщины, — служила ей, по надобности, либо для соблазнения, либо для устрашения. Стильный костюм, шелковая блузка с достаточно низким вырезом, чтобы слегка показать ложбинку на груди.

Она ждала объятий и поцелуя, но, когда Феррис замешкался, сама обняла его, прижав к себе. Он попытался отстраниться, но не слишком уверенно. Она понимала, что произошло что-то нехорошее, но попыталась заиграть это, надеясь, что все уйдет в прошлое.

— Что такое, Родж? — спросила она. — Разница во времени?

— Нам надо поговорить, — ответил он.

— О чем? — спросила она, встревоженно глядя на него.

— Давай сядем.

— Хочешь выпить? Я тебе что-нибудь сооружу.

— Нет. Не сейчас. Я хочу поговорить.

— Давай, любимый, — сказала она, садясь на диван и взбивая подушку. Она ждала, что он присоединится к ней.

Феррис посмотрел на подушки. Новые, с парчовой окантовкой, в тон к шнурам на портьерах. Он сел в кресло рядом с диваном. Нужна хоть какая-то дистанция, иначе он ничего не сможет сделать. Феррис задумался, с чего начать. Тем временем Гретхен решила заполнить тишину и принялась о чем-то болтать. В этот момент он наконец-то смог выдать из себя нужные слова.

— Я хочу развестись, Гретхен, — выпалил он. — По сути, мы уже не живем вместе.

— Что ты сказал? — переспросила она. Последняя линия обороны: сделать вид, что не слышала.

— Я говорю, что хочу поговорить о разводе. Мы живем врозь, потому что мы выросли разными. Думаю, пора покончить с этим.

У нее был такой вид, будто ей дали пощечину.

— Ты ублюдок, — сказала она, покраснев, а потом принялась плакать.

Феррис почему-то не был готов к этому. Он думал, что она начнет орать на него. Она встала и пошла в ванную, чтобы умыться. Вернулась она оттуда с обновленным макияжем и собравшаяся с силами. Она снова была готова идти в наступление.

— Ты не можешь так поступить, Роджер, — начала она. — Я не позволю тебе разрушить то, что построили мы оба. У нас семья, о которой многие люди могут только мечтать. Мы идеально подходим друг другу. У тебя был сильный стресс, я это понимаю. Не знаю, что ты считаешь неправильным, но мы сможем справиться с этим.

— Мы не можем справиться ни с чем, если мы не живем вместе. А я не слышал от тебя, чтобы ты хотела отправиться со мной в Иорданию.

— Я не могу бросить работу в министерстве. Ты это знаешь. Я знаю, как тебе тяжело. Я бы хотела просто собрать вещи и поехать в Амман, как это делают другие жены. Но не могу. И не заставляй меня чувствовать себя виноватой за то, что я исполняю свой долг.

Он покачал головой. Вина тут ни при чем.

— Ты не поняла меня, Гретхен. Я не хочу сохранить семью. Наша семья распалась. И не думаю, что тут можно что-то уладить.

— Уладить можно все, если люди хотят этого. Если что-то испортилось, надо это исправить, а не бросать все и сразу. Ты должен больше верить в себя.

Она не слушает меня, подумал Феррис. Она ведет себя так, будто его требование развода — знак слабости, которую можно преодолеть силой воли, ее воли, если не его. Он понял, что надо было бы попробовать подойти к делу по-другому, но у него не получилось.

— Я встречаюсь с другой, Гретхен, — сказал он и замолчал. Он ждал нового приступа плача, но ее глаза остались сухими. — Это скверно, поскольку мы еще женаты.

— Я тебе *говорила*... — начала она и замолчала. В ее голосе слышалась сдерживаемая ярость. — Я тебе говорила, что мне плевать, с кем ты там встречаешься, когда мы врозь. Можешь завести себе сколько угодно шлюшек. Я просто не хочу знать об этом.

— Это... не шлюшка. Она мне нравится.

— Не говори ерунды, Роджер. Мне плевать, кто она, но она не сможет сделать тебя счастливым настолько, насколько это могу я. И ты это знаешь.

— У меня нет счастья с тобой, Гретхен. И уже достаточно давно.

Она проигнорировала его слова. Она была где-то не здесь, в своем мире, планируя, как вернуть Роджера себе.

— Я уже начала беспокоиться. Подумала, что ты разлюбил меня. А это всего лишь другая женщина. Честно говоря, я этого ожидала. Даже удивилась бы, если бы этого не произошло. Я знаю, что все мужчины одинаковы. В том числе и ты, Роджер. Ты не столь честен, как пытаешься себя выставить.

Феррис попытался возразить, но она не слушала его.

— Пойди налей мне martini, — сказала она. — Я тоже скоро вернусь.

Она направилась в спальню, прежде чем Феррис успел хоть как-то выразить свой протест. Он немного посидел в кресле, а потом решил, что ему тоже не помешает выпить. Даже несмотря на то, что идею подала она. Он пошел к бару и сделал два коктейля из martini с водкой. Размешивая их, он почувствовал, как пальцы буквально примерзают к обжигающе-холодному шейкеру. Он положил в один

стакан маслину, для нее, и кусочек лимона себе. Теперь он действительно дома, только в каком-то извращенном смысле слова. Интересно, сможет ли он продолжить разговор, или ему просто надо уйти?

Вернувшись в гостиную с напитками, он некоторое время ждал ее. Чего так долго тянуть? Он догадывался. И не двинулся с места. Отпил martini, потом еще раз. Будто холодная ртуть на языке. И вскоре он услышал, как открылась дверь спальни.

Она вышла, одетая в черную кружевную ночную сорочку. Ее массивная грудь колыхалась из стороны в сторону, когда она медленно пошла к нему. Роджер покачал головой, пытаясь отказаться, но не мог оторвать взгляд от ее тела.

— Я больше не хочу спорить, — сказала она, сев рядом с ним и позволив сорочке слегка распахнуться и обнажить сладострастный изгиб ее груди.

Потом она откинулась на спинку дивана. Сорочка распахнулась окончательно, открыв ее во всей наготу. Волосы между ногами сбриты, заметил Феррис. Что-то новое. Он не хотел возбуждаться, глядя на нее, но не мог пересилить себя.

— Я хочу тебя, — сказала она. — Я хочу своего мужа.

Наклонившись вперед и проведя грудью по его груди, она принялась расстегивать ширинку его брюк.

— Не надо, — сказал он, отводя ее руку. — Совсем неподходящее время для этого.

— Хватит дразнить меня. Я хочу тебя, — сказала она, снова взявшись рукой за молнию и расстегнув ее.

Я не могу остановить ее, вдруг понял Феррис. Слишком поздно. С того самого момента, как он согласился сделать коктейли и дал ей выйти из комнаты. Из последних сил он попытался сопротивляться и оттолкнул ее. На этот раз она разозлилась.

— Что с тобой? — спросила она, отодвигаясь. — Я ждала тебя пять месяцев, а ты не хочешь ко мне прикасаться?

Задумавшись на мгновение, она сменила стратегию.

— Мне так одиноко, — сказала она, бросив на него обиженный взгляд. Ее ноги медленно раздвинулись. Ее кожа была гладкой, словно полированный розовый мрамор.

Феррис попытался отвести взгляд, но она уже победила его.

— Прекрати, Гретхен, — сказал он, но это были последние слова побежденного.

Вот так она всегда и выигрывала споры с ним.

Она принялась расстегивать пуговицы рубашки, потом сняла с него брюки, ботинки и носки. Он был просто беспомощен. Она начала ласкать его ртом, а потом села на него так, что его голова оказалась между ее грудей. Соски касались его глаз. Она начала раскачиваться, двигаясь вверх и вниз, и еще, пока не застонала. Потом она отвела его в спальню и заставила делать это еще. И еще.

Рано утром, когда Гретхен пошла в душ, Феррис сгреб в охапку одежду и выскочил из квартиры. Он презирал себя за случившееся. Он оказался слишком слаб, чтобы противостоять необузданной силе плоти своей жены. В следующий раз с ней будет разговаривать не он, а его адвокат. Закрывая за собой дверь, он знал, что делает это в последний раз.

Глава 13

Лэнгли

Следующие два дня Феррис провел в неуправляемой бильярдной машинке под названием штаб-квартира ЦРУ в ожидании того, что его вызовет Хофман. После взрыва во Франкфурте все датчики движения на потолках и детекторы допуска мигали красным. Повсюду проходили встречи, брифинги и срочные собрания высших

должностных лиц. Взрыв во Франкфурте произошел напротив центрального отделения Сити-банка, днем, в час пик. Погибло около двух десятков людей, втрое больше получили серьезные ранения. Феррис отыскал отдельный кабинет в ближневосточном отделе и попытался заняться делами своего отделения в Аммане отсюда. Каждые пару часов он подходил к кабинету Хофмана, располагавшемуся на другой стороне холла, но начальника отдела все не было. Заместитель настойчиво спрашивал, не может ли он чем-то помочь, но Феррис только качал головой. Через некоторое время ситуация стала несколько неловкой, и он перестал заходить в кабинет. Если Хофман захочет найти его, сделать это несложно.

Вскоре Хофман передал короткое сообщение по внутренней защищенной линии электронной почты. «Встречаемся в 9.00 в Минсмит-парке. „Мясорубка“». Феррис улыбнулся. Хофман опять украл у него идею. Затем пришло другое сообщение, от секретаря Хофмана. Там было указание направиться в ту часть штаб-квартиры, где Феррис еще не бывал ни разу. В новом здании, с другой стороны от кафетерия, рядом с северным дебаркадером. Почему бы им было не встретиться проще, в офисе ближневосточного отдела на четвертом этаже, подумал он.

Когда на следующее утро Феррис подошел к двери указанного ему помещения, он встретил там секретаря Хофмана. Оказалось, что это не было истинное место назначения. Ложное. Секретарь провела его по длинному коридору и подвела к другой двери, без каких-либо табличек.

Набрав кодовую комбинацию, она приложила к биометрическому датчику большой палец. Вскоре раздался щелчок замка. Внутри был лифт с кнопочным управлением. Они спускались вниз примерно пятнадцать секунд. Когда двери открылись, они пошли к следующей двери с кодовым замком. За ней оказался большой рабочий зал, целая подземная пещера без окон со стенами, раскрашенными синим и зеленым, наполненная множеством компьютеров и огромных мониторов. Десятки людей работали здесь, сидя за столами и в отдельных кабинетах-ячейках. Помещение было размером с поле для бейсбола.

Феррис посмотрел на люминесцентные светильники на потолке, заливавшие зал своим холодным светом. Похоже, они где-то под поверхностью северной автостоянки. Посреди зала, у входа в один из кабинетов, стоял Хофман. Он призывно помахал Феррису рукой.

— Парк «Мясорубка»? — спросил Феррис.

Хофман просиял.

— Классное название, не правда ли? Как Блетчли-парк, и все такое. Я уже собирался назвать это место «Такия-парк», но побоялся, что это мало кто выговорит.

Он жестом показал на огромный зал и людей, работающих в нем. Похоже, он был доволен собой, несмотря на все недавние неприятности.

— Этого офиса просто не существует. Если ты кому-нибудь расскажешь, что был здесь, я поклянусь, что ты лжешь, и тут же выгоню тебя. Это для ясности.

— Усек. Но *что же* это за «Мясорубка», раз уж я здесь оказался?

— Мы называем это консультативной оперативной группой ближневосточного отдела. КОГ БО. Это звучит формально и бюрократически. Проще говоря, здесь мы проворачиваем операции втемную. Настоящие тайные операции.

— А говоря сложнее?

— Не веда себя как задница, Роджер. Под «тайными» я подразумеваю операции, которые не регистрируются в журналах учета. Проводимые отсюда контртеррористические операции можно назвать, так сказать, «неофициальными». Они незаконны, поскольку президента о них не извещают каким-либо официальным, задокументированным способом. А раз, с формальной точки зрения, президент о них ничего не знает, то может ли он сказать о них конгрессу? Парк «Мясорубка» — это то, чем должно было бы быть ЦРУ, если бы его не профукали так позорно. Тайная

разведывательная организация. Поэтому она может рисковать, нарушать законы, игнорировать бюрократические препятствия и посылать на хрен тех, кому не положено о ней знать. А еще она невидима, поскольку расположена под «зеленой» автостоянкой. Мы — как та платформа 9¾ в этом дурацком фильме про Гарри Поттера. Кирпичная стена, которая и останется таковой, если ты не наберешь невидимый код на одном из ее кирпичей. Вот тогда ты увидишь, что здесь на самом деле находится. А потом — хлоп, и ты уже в другом мире, где колдуны все еще применяют кой-какую магию. Ну, что думаешь? Давай! Признавайся! Тебя же это впечатлило.

— Это то место, где вы находитесь всякий раз, когда я не могу вас найти?

— Угу, — сияя, ответил Хофман.

Феррис осмотрелся. Ощущение как в оперативном центре в Баладе, только еще функциональнее. Огромные экраны на стене, на всех эти дрожащие изображения, которые ни с чем не спутаешь. «Предпорно». Но настоящая работа кипела в партере перед этими экранами, где сидели оперативники. Совсем не такие, какими Феррис привык видеть сотрудников ЦРУ. Большинство — молодые, от двадцати до тридцати с небольшим, в джинсах, футболках и облегающих куртках. Ни одного человека в галстуке. Стены ячеек-кабинетов — как в студенческом общежитии, с психами-студентами. Портреты бородатых людей, врагов, карты с местами дислокации оперативников, помеченными флажками, паутины диаграмм «анализа связей», описывающие взаимодействие членов подпольных организаций. Аналитики, сгорбившиеся за своими столами, как гидроакустики, следящие за подводными лодками противника. Ищущие невидимых убийц и пытающиеся заставить их всплыть на поверхность.

— Вы создали свое собственное ЦРУ, — сказал Феррис.

Хофман кивнул:

— Да, я сделал это. Говоря официально, этих ребят не существует, но они не зря просиживают здесь свои невидимые задницы. Объясню почему. Потому что они — наша последняя и самая большая надежда. Они знают, что однажды бомба, которую взорвут в Милане, Франкфурте или Нью-Йорке, окажется ядерной. И если они не найдут ее вовремя, она унесет жизни миллионов людей. Поэтому они работают, час за часом и день за днем, чтобы найти эту бомбу, найти тех людей, которые собираются установить ее, и убить их. Вот почему я так их люблю, неорганизованных, но работающих сверх всякой меры. Они не похожи на убийц, но являются ими.

Феррис посмотрел на сидящих в кабинетах-ячейках. Не меньше половины — женщины. Работают как проклятые, это видно. Шумно жуют жевательную резинку, притопывают ногами. Если бы здесь было разрешено курить, наверное, рядом с ними стояли бы пепельницы, доверху забитые окурками. Некоторые — крутого вида, с ярким макияжем, их можно было бы представить за столом для «блэк-джека» в Лас-Вегасе. Другие — обманчиво миловидные, но с холодным и жестким взглядом, как у змеи.

— Эй, Гвен, — обратился Хофман к брюнетке, на вид — тридцати с небольшим лет, сидящей за ближайшим столом. — Скажи ему, с чем ты работаешь.

Женщина насмешливо поглядела на Ферриса. Хофман кивнул.

— Я слежу за ячейкой в Сирии. Этой ночью они были в Дамаске. Сегодня они в Дайраль-Зоре, на дороге к иракской границе. Но мне почему-то кажется, что они не станут пересекать границу у Хузбайи. У нас рядом есть ниндзя. Мне кажется, что, как только я четко засеку их, они — мертвецы.

Она улыбнулась холодной улыбкой профессионального убийцы. Феррис посмотрел на Хофмана.

— А на кого работают эти ниндзя? — спросил он.

— Ни на кого. В этом-то и дело. Это единственный способ выбраться из того дерьма, в котором мы оказались. При помощи таких людей, как Гвен.

Хофман взял Ферриса за руку и повел в сторону открытой двери кабинета.

— Пошли. Хочу тебя кое с кем познакомить.

Внутри кабинета за компьютерной клавиатурой сидел худощавый темнокожий мужчина в очках с тонкой оправой. Он бешено молотил по клавишам. В черном кашемировом свитере, на вид — под сорок, может, на пару лет постарше Ферриса. Подойдя поближе, он понял, что мужчина — араб, североафриканский, судя по темно-медовому отливу его кожи. Он посмотрел на них поверх очков и снова уставился на экран монитора. Пальцы еще секунд пятнадцать плясали по клавиатуре, потом он нажал «Enter» и снова поглядел на вошедших.

— Извините, что заставил ждать, — сказал он. — Я только что ликвидировал банковский счет салафистского лидера из Рияда. Он, вероятно, подумает, что деньги у него украл один из людей, с которыми он вместе ходит на молитву. А если нам повезет, то он попытается убить этого человека.

Темнокожий мужчина улыбнулся, подумав, сколь многого иногда можно добиться, просто набив пару строчек на компьютере.

— Познакомься с Сами Азхаром, — сказал Хофман. — Он осуществляет текущее руководство проводимыми здесь операциями. Он просто слишком умный, чтобы общаться с такими людьми, как я и ты.

— Особенно с такими, как вы, Эд, — ответил Азхар, глядя на них поверх очков. — Вы, похоже, тоже весьма умны, но перегружены кофеином. Так что вы умны, когда не отравлены. А насчет нашего гостя — не знаю, посмотрим.

Он пожал руку Феррису.

— Сами был брокером на Уолл-стрит. Он родился в Египте, но приехал в Америку, когда поступил в аспирантуру. У него докторские степени по математике и экономике. Он имел очень доходную работу в страховом фонде. Настолько доходную, что решил кое-чем поделиться с принявшей его страной. Я это более-менее правильно объяснил, а, Сами?

— Вознаграждение щедрое, правильно, Эд, но я еще с умом вкладывал деньги.

— Сами уже делал некоторые веселенькие дела для ЦРУ и УНБ в качестве вольнонаемного еще в девяностых, помогая нам понять тех безумцев, которые прикрываются именем веры его отцов. Но после одиннадцатого сентября он понял, что мир окончательно слетел с катушек и только полный идиот может продолжать работать на страховой фонд в таких условиях. А как мусульманин, он чувствовал личную ответственность и обязанность остановить сумасшедших. Я прав?

— Да, еще бы. Или, как вы бы сказали, Эд: «Да, мать вашу!»

— Точно. И тогда он спросил меня, может ли он сделать что-то важное, не для протокола. Я уже достаточно хорошо знал Сами, знал, что он вполне безумен для тех дел, которые я задумал. Я читал его досье. Египетский мальчик, математический гений, получил стипендию, чтобы учиться в Америке, заработал на Уолл-стрит столько денег, что перестал считать нули. Другими словами, эксцентрик, в своем роде. Умный и безжалостный, но не безбашенный. Особенный.

— На самом деле, Эд, вы не совсем правы. Я не особенный. Большинство людей на Уолл-стрит и умны, и безжалостны. По сравнению с ними я просто менее эгоистичен, если говорить просто. Также хочу заметить, что я недостаточно безумен, чтобы быть по-настоящему хорошим математиком. Я просто немного злобен. Вот и вся разница.

Азхар повернулся к Феррису:

— Я дразню Эда, но мне в самом деле нравится работать здесь. Мы стараемся делать то, о чем говорят все, но мало кто доводит до конца. Мыслить «за пределами рамок». По сути, мы настолько далеко выходим за рамки, что я не уверен, сможем ли

мы найти дорогу обратно.

— Хватит ерунды, — сказал Хофман. — Надо поговорить.

Он закрыл дверь, сел за стол для переговоров и знаком показал двоим оставшимся присоединяться к нему. На стене напротив стола Азхар висел огромный экран.

— Итак, вводная. Мы создаем нечто новое, буквально с листа. Чтобы сделать это, Роджер, мне придется посвятить тебя в такие секреты, которые даже здесь мало кто знает. И я просто хочу, чтобы ты четко понял, каковы условия.

Феррис кивнул:

— Условия таковы, что я не раскрою этой информации никому, даже в Управлении.

— Ну да, естественно. Но речь не об этом. Когда ты выйдешь отсюда, через какое-то время ты снова окажешься на переднем крае. Вот почему я не говорил тебе обо всем этом до сих пор. Это опасно. Я не могу делиться такой информацией с людьми, которые могут попасть в плен. Я думал об этом и понял, что у меня нет другого выхода. Так что условие таково. Если случится серьезная хрень и ты попадешь в плен, ты *не должен* раскрыть эту информацию. Ты обязан принять соответствующие меры. Понимаешь, о чем я?

Феррис ошеломленно откинулся на спинку стула. Он понял, о чем говорит Хофман, но решил удостовериться.

— Соответствующие меры, — повторил он.

— Если ты попадешь в плен, тебе следует принять соответствующие меры, если ты поймешь, что не сможешь выдержать допроса. Честно говоря, никто не сможет выдержать достаточно долгого допроса, что бы тебе на этот счет ни рассказывали на «Ферме». Поэтому мы дадим тебе гелевый зубной мостик, который ты будешь носить, когда снова отправишься на оперативную работу. Если ты попадешь, так сказать, в *экстремальную* ситуацию, он тебе поможет. Если хорошенько прикусить его, в рот попадет яд — очень быстродействующий и безболезненный. Мне говорили, что он даже приятен на вкус. Не знаю, не пробовал, но беру с собой такую штуку всякий раз, когда куда-нибудь еду. Итак, мы договорились? Я не буду считать тебя неженкой, если ты скажешь «нет». В этом случае мы всего лишь закончим текущий разговор.

Феррис на мгновение задумался. Он попал в мир, которого для него не существовало всего пятнадцать минут назад. Это была вершина его призвания, зенит. Или надир, самая низкая точка. Плевать. Сейчас он на лезвии. Он мельком подумал об Алисе, и ее образ исчез из его сознания.

— Я берусь за дело, — сказал Феррис.

— Хороший мальчик, — ответил Хофман, пожимая ему руку. — На самом деле я бы даже не стал тебя спрашивать, если бы не был уверен, что ты скажешь «да». Хорошо, о секретности мы договорились. Обо всем будем знать мы трое, и никто другой. По крайней мере, полностью. Это ясно?

Двое других заговорщиков согласно кивнули, и Хофман продолжил:

— Я коротко изложил Сами твою идею насчет проникновения через стену, Роджер. И что ты думаешь? Он ее одобрил. Он считает, что они должны заглотить наживку. Ведь так?

Азхар кивнул:

— Очень плодотворная идея.

— Итак, для начала нам надо найти тело. Какие будут пожелания, Роджер?

— Он должен выглядеть как оперативник, вот главное. Примерно моего возраста, между тридцатью и сорока годами, похожий на человека, которому поручили руководить проникновением в террористическую сеть Сулеймана. Европеоид. Здоровый. В хорошей физической форме. И определенно — христианин.

— В смысле?

— В смысле того, что он не должен быть обрезанным. Если плохие парни не найдут у него крайней плоти, они подумают, что он еврей.

Хофман пожал плечами и посмотрел на Азхара.

— Как ты думаешь, Сами?

— Боюсь, что все именно так. Арабы, так сказать, до бешенства равнодушны к евреям. Извините.

— Это — что касается внешнего вида тела, — продолжил Феррис. — Но откуда мы его возьмем? ФБР найдет нам какое-нибудь тело в море?

— Ради бога, — застонал Хофман. — Я не доверю ФБР искать даже бродячую собаку. Это работенка для наших братьев и сестер из спецназа. Они просто найдут тело и доставят его нам, не задавая лишних вопросов.

— Значит, скажем так, военные обеспечат нам тело, — просияв, сказал Феррис. Он был в восторге. Начиналась реальная работа.

— Уже обеспечивают. Я связался с базой Мак-Дилл вчера. Возможно, это займет пару недель. К тому времени, когда у нас будет этот мужик, ты, скорее всего, уже улетишь за границу, так что я хочу, чтобы ты предоставил полномочия мне. Сами и я создадим ему легенду. Прикрытие. Я уже придумал имя. Гарри Микер. Это чистое досье, мы создавали его пару лет назад для другой операции. Нравится?

— Любое на ваш вкус, лишь бы не Роджер Феррис.

— Пока проворачивались все дела, чтобы подключить тебя к этой работе, мы с Сами поразмыслили. Нужны какие-то косвенные, второстепенные вещи, которые взбесят этих парней. Чтобы твоя *такая* заставила их думать, что весь их мир разваливается на куски. Для этого нам потребуется создать многослойную структуру лжи, где каждый слой будет усиливать другие. Иначе Сулейман почует, что дело нечисто. Логично?

— Еще бы, — ответил Феррис. — Но я бы хотел участвовать в создании этих косвенных улики.

— Без проблем, Роджер. На самом деле ты будешь выполнять бо́льшую часть работы. Я слишком стар, а Сами слишком безумен, так что остаешься лишь ты. Сами, почему бы тебе не объяснить нашему спортсмену, какой приз он только что выиграл?

Хофман шлепнул по кнопке, переключив освещение на слабое. Азхар подошел к компьютеру рядом с проекционным экраном, и его кудрявые черные волосы отбросили серую тень.

Глава 14

Лэнгли

Поправив очки, Сами Азхар принялся возиться с компьютером, выводя на экран информацию, которой он согласился поделиться. На мгновение он, казалось, потерялся во времени, находясь одновременно и здесь, сейчас, и далеко в прошлом, в средней школе в Каире, когда он поражал своих учителей способностью перемножать в уме большие числа. Феррис внимательно посмотрел на него. Он — как те беженцы, которые помогли Британии и США выиграть Вторую мировую. Он вырос в Каире и, наверное, уже тогда ощущал будущий грандиозный взрыв, зреющий в недрах ислама. Он хотел убежать от него, но внезапно оказалось, что это невозможно. Теперь война шла повсюду.

— Уверен, вы простите меня, если я сразу же начну разговор с нашего главного объекта преследования, — начал Азхар. — За месяцы, прошедшие с тех пор, как вы впервые услышали о Сулеймане в Ираке, наша команда провела некоторые изыскания. И теперь мы знаем об этом джентльмене несколько больше, чем вы

могли бы подумать.

Азхар тронул компьютерную мышь, и на экране появилась первая фотография. Худощавый араб с аккуратно подстриженной бородой, в белой вязаной молитвенной шапочке. Умное лицо, не грубое, как у убийцы, а строгое и аскетичное, как у богослова. Ферриса поразили его глаза, два маленьких огненных шара, горящие гневом.

— Нам очень повезло, что мы смогли найти эту фотографию. Она из старого паспорта, полученного им еще до того, как он исчез. Сейчас он — настоящее перекасти-поле. Везде и нигде. В мечетях, куда ходят радикалы, люди произносят его имя шепотом, словно говоря о призраке. О нем слагают стихи. Мы даже нашли пару нелегально издаваемых компактв, где рассказывается о его успехах. Но он не оставляет следов. Среди всего этого бесформенного мира под названием «Аль-Каеда» он стал одним из немногих настоящих организаторов. Это человек, прошедший школу тысяча девятьсот девяносто шестого года в Кабуле и школу две тысячи шестого года в Багдаде и объединивший их. Он — мост между старой и новой «Аль-Каедой». Вы его ищете. Мы его ищем. Иорданцы его ищут. И никто не может найти.

Феррис внимательно смотрел на лицо на экране, стараясь запомнить его. Отчасти он злился на Хофмана за то, что тот несколько месяцев скрывал от него эту информацию. Но куда больше его раздрало любопытство. И стремление понять, как именно Хофман и Азхар хотят воплотить его идею *такии*.

— Мы знаем, откуда родом этот Сулейман, — продолжил Азхар. — Пусть даже и не знаем, где он сейчас. Он сириец, из Хамы. Его настоящее имя — Карим аль-Шамс. Все мужчины его семьи были убиты солдатами Хафиза Ассада в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Отец, дядя и братья. Они были важными фигурами в «Ихван Муслимин», «Исламском братстве». После резни в Хаме Сулеймана приютили члены братства из Саудовской Аравии. Он учился в Рияде, изучал электронику и физику. И немного биологию. Как это ни печально, он очень умен. Мы получили данные теста IQ, который он проходил в Рияде, и его результаты весьма впечатляющие. Кроме того, найденные в Афганистане документы свидетельствуют, что он достаточно серьезно работал в области создания ядерных и биологических устройств...

— Расскажи ему про Милан и Франкфурт, — перебил его Хофман. — Про заминированные автомобили.

Азхар кликнул мышью, и появился новый снимок. На нем было то, что осталось от заминированного автомобиля, пару дней назад взорвавшегося во Франкфурте, напротив здания Сити-банка.

— Мы знаем, что Сулейман обожает заминированные автомобили. Мы перехватили сообщение, прошедшее после волны взрывов в Багдаде. Там говорилось, что один из старших руководителей «Аль-Каеды», имя не было названо, хочет, чтобы смертники отправились в Европу и Америку. Убивать евреев и христиан, а не мусульман. Сулейман хочет, чтобы волна террора покатилаь на Запад. Говорил не он сам, но кто-то из сети, кто, как мы считаем, близок к нему. Это был первый фактор. А потом у нас появился детонатор из миланской бомбы.

Еще один щелчок мышью. На экране появилось увеличенное изображение крошечных металлических осколков.

— Не буду вдаваться в детали работы экспертов, поскольку не разбираюсь в этом. Но ФБР считает, что у миланской бомбы те же характерные особенности, что и у некоторых багдадских, которые получило несколько лет назад багдадское отделение. Предварительные результаты исследования из Франкфурта такие же, правильно, Эд?

— Угу, — ответил Хофман. — Боюсь, что так. Сулейман мыслит с размахом. У

него разветвленная сеть «спящих» агентов, которые не попадают в наше поле зрения. Они имеют возможность заминировать автомобили, поставить их в нужное место и скрыться. Они хорошо знают свое дрянное дело, эти парни. Угоняют машины, ездят в них в гриме. У нас есть фотографии камер слежения из Милана и Франкфурта, которые засняли эти машины на пути к цели. В обоих случаях можно было хорошо разглядеть лица водителей. Европейские полицейские с ума свихнулись, бегая по улицам с этими фотографиями. Пока что безрезультатно, из чего можно сделать вывод, что водители были загрированы. Люди «Аль-Каеды» слишком уж хорошо обучены. Мы думаем, что скоро Сулейман придет и в Америку. Возможно, с ядерным или биологическим оружием. Помните злого гения Карлу из КГБ, в романах Ле Карре? Что ж, я считаю, что Сулейман — это Карла в «Аль-Каеде». У него в руках все нити. И в один прекрасный день он за них дернет.

— В Белом доме все это знают?

— Конечно же нет. Вспомни, мы же не существуем. А если бы и узнали, то в очередной раз изошли бы дерьмом. Нет, их ознакомили только со всякой ерундой, которую могут предоставить им криминалисты.

Феррис снова поглядел на снимок. Они знают так много и в то же время столь мало.

— Можно дурацкий вопрос? — спросил он. — Почему же мы не можем зацепиться за него — вы, я, Хани? Почему он оказался столь трудной целью?

Повисла неловкая пауза. Феррис понял, что ему что-то недоговаривают. Он глянул на Хофмана и сделал жест рукой, словно говоря: «Ну, давай же, скажи».

— *Очевидно*, именно этого касалась вся эта операция с Амари, — сказал Хофман. — Вывести Сулеймана туда, где мы сможем услышать его. Если бы человек Хани из Берлина смог бы укрепить легенду Амари, мы бы смогли отправлять сообщения и отслеживать их путь к Сулейману. Крапленые карты. Если бы это не сработало, мы бы просто дернули их цепочку, пытаясь убедить Сулеймана, что мы знаем, где он. Возможно, он бы запаниковал и попытался сменить место пребывания, пошел бы на контакт с другими. Это уже из епархии доктора Азхара. Расскажите ему, профессор.

Египтянин кивнул.

— На Уолл-стрит я постоянно работал с миром наблюдаемого. Если я могу за чем-то наблюдать, я могу отследить его движение и выяснить связь этого движения с другими наблюдаемыми факторами. Сопоставлять прогнозы погоды с прогнозами цен на зерно, в простейшем случае, или заключаемые договора с динамикой цен на нефть. Аналитическая работа заключается в том, чтобы перевести информацию, которая еще не подвергалась оценке или не регистрировалась, в те области, где наблюдение возможно. Так, чтобы можно было отследить малейшие изменения. Именно так я зарабатывал деньги. Сейчас, работая у Эда, я применяю ту же самую методику для поиска наших целей.

— Круто, а? — с искренним восхищением сказал Хофман. — Рассказывай все остальное, Сами.

— Отлично. Работая с «Аль-Каедой», мы пытаемся вывести их туда, где сможем следить за ними. Если они не говорят по мобильной связи, которую мы можем прослушивать, наша задача — напугать их, чтобы им пришлось сменить свои процедуры секретности. Затем, что всякий раз, когда они перебираются с места на место, им приходится давать сигналы. Они покупают новые мобильные с новыми SIM-картами, не понимая, что сейчас в Пакистане нельзя купить мобильный и карту, которую мы не смогли бы отслеживать. Они начинают нервничать по поводу своих компьютеров и покупают новые, даже не осознавая, насколько хорошо мы контролируем это пространство. Нашими стараниями в мире нет ни одного сервера электронной почты, к которому у нас не было бы доступа. А насчет компьютеров — я

просто плачу от смеха. Мы можем влезть на жесткий диск к кому угодно и где угодно. Флэш-память... Их курьеры обожают носить их с собой. Но каждый накопитель имеет индивидуальный цифровой код. Все имеет цифровой код. Так здорово все в этом цифровом мире. Столь точно...

— Мы загоним их в нашу ловушку, — подхватил Хофман. — Пространство средств связи в нашей власти. Внесем в их ряды беспорядок, и уже это заставит их нервничать. И войти туда, где сможем следить за ними. Скажем, мы одновременно арестуем кучу этих ребят в Лондоне, или Узбекистане, или в Бамфаке в штате Индиана. Как думаешь, что мы будем делать дальше?

— Допросим их, — ответил Феррис. — Отправим их в Гитмо. Или к Хани. Куда угодно.

— Ну да, допросим, — согласился Хофман. — Это уже полезно. Но это не главное. Даже если они капли дерьма не дадут из себя выжать, остальные плохие парни будут вынуждены предположить, что пленные разговорились. Им придется менять номера мобильных, адреса в Интернете и даже оборудование. Рано или поздно они позвонят кому-нибудь, за кем мы следим. Даже если это харчевня в Карачи, где подают кебаб. И тут — шлеп! — мы получаем электронный номер нового прибора, которым они пользуются. Им достаточно коснуться канала связи в одном месте, и он весь засветится. Или, допустим, мы вынудим их поменять место пребывания. Знаешь ли, перемещения *опасны*. Может, мы и тупы, но не настолько, чтобы не быть в состоянии отследить каждый самолет, автобус или поезд, который пересекает государственную границу...

— Но вы так и не поймали Сулеймана, — перебил его Феррис. — Очевидно, Сулейман отличается от остальных. Способы, которые вы и Сами описали, срабатывают с другими людьми, которые с ним не работают. Он все еще поддерживает режим радиомолчания. Именно поэтому нам необходимо что-то новое.

— Аминь, брат, — ответил Хофман. — Вот мы и дошли до упора. Но ты же знаешь ответ.

— *Такия*, — сказал Феррис.

— Пусть так. Когда ты сказал это позавчера, у меня словно щелкнуло и свет загорелся перед глазами. Как ты сказал: «Мы должны заставить Сулеймана думать, что смогли сделать то, чего не можем на самом деле. Внедриться в его сеть. Тогда мы сможем играть с ним. Ревность. Тщеславие. Гордость. Эти обычные человеческие эмоции заставят его открыться, словно жирную устрицу. Мы внедрим в сферу его внимания информацию настолько шокирующую, сбивающую с толку и угрожающую, что он будет просто обязан разобраться в происходящем. И тогда ему придется контактировать с другими. *Придется*. И он попадет под наблюдение. Оценку. И уничтожение».

Они прервались, чтобы выпить кофе. Хофману пришло сообщение от директора с требованием срочно переговорить по поводу Франкфурта. Он извинился и отправился в свой офис. Феррис решил воспользоваться перерывом и попросил у Азхара разрешения осмотреть рабочий зал.

— Я проведу экскурсию, — ответил Азхар. — Но вам следует понимать, что основная наша работа здесь — создание иллюзий. Мы разворачиваем волшебное представление. Это — тайный офис гипермаркета, в котором отоваривается «Аль-Каеда». Мы создали его, чтобы удовлетворить нужды этих подпольщиков. Поэтому они становятся чуть менее осторожны, пусть и невольно, и проворачивают свои делишки через нас. Начнем с транспортного агентства.

Азхар подвел Ферриса к группе людей, работавших в дальнем конце зала. Трое молодых ребят, не старше тридцати. Судя по бледным лицам, они не выходили на открытый воздух месяцами. Они напомнили Феррису тех сверхзануд, которые

выигрывали подряд все научные олимпиады в школе имени Джорджа Маршалла. Азхар обратился к самому старшему, женщине с нездоровой кожей и уложенными с гелем волосами, которые торчали вверх, как у панка:

— Адриана, объясни нашему посетителю, что вы здесь делаете. Я уже сказал, что вы у нас — транспортное агентство.

— Ну... хорошо.

Судя по выражению лица, ей не хотелось объяснять все незнакомому человеку, но Азхар махнул рукой, подбадривая ее.

— Ну, типа, люди из «Аль-Каеды» тоже путешествуют, да? Но они знают, что мы можем отследить все, что подвержено компьютерному учету. Поэтому для заказа мест они пытаются использовать такие каналы, которые нельзя отследить. И тут мы, типа того, что входим в этот бизнес.

— Покажи ему на примере, — сказал Азхар.

Адриана подвела Ферриса к соседнему компьютерному терминалу. Сидящий за ним смуглый молодой парень что-то печатал в бешеном темпе.

— Хорошо. Вот Ханиф. Он работает с нашим посредником в Карачи. Его настоящего имени мы не знаем и зовем его Оззи, в честь Оззи Осборна. И не спрашивай почему. По-любому, наш Оззи из Карачи специализируется на транспортных услугах, которые не отслеживаются. Он очень хорош. Учился в медресе, имеет родственные связи с подпольщиками из Кашмира. Если ты джихадист и хочешь полететь на самолете из Карачи в Лондон под вымышленным именем и с фальшивым паспортом, Оззи — то, что надо. Он все организует. И недорого. Подпольщики расскажут о нем своим друзьям. Они обожают Оззи. Но суть в том, что мы отслеживаем все заказы билетов и можем сопоставлять заказчиков с теми людьми, за которыми мы следим. У Оззи стоят цифровые видеокамеры, и мы можем в реальном времени следить за теми, кто заходит в его контору, и сравнивать их лица с фотографиями тех, кого мы ищем. Покажи ему, Ханиф.

Молодой американец, судя по всему, пакистанского происхождения, нажал кнопку на компьютере. На экране сразу же появилось изображение со скрытой камеры, установленной в лавке спекулянта в Карачи и передаваемое через Интернет. Смуглый мужчина с покрытым оспинами лицом спрашивал у клерка насчет билетов в Марокко.

— Мы узнаем, кто это, — сказала Адриана. — Продадим ему билет, позволим ему отправиться и проследим, куда он поедет. А может, когда он отвернется, стибрим на время его мобильный и скопируем SIM-карту, чтобы узнать, кому он звонит. Мы такие *нехорошие*...

Ханиф и остальная молодежь, столпившаяся вокруг, расхохотались. Феррис к ним присоединился. Вот тот уровень игры, которого он всегда ждал от ЦРУ, но уже начал думать, что никогда не дождется.

Азхар подвел его к другому скоплению столов, сказав, что это кредитный отдел. И здесь все то же самое. Членам террористических подпольных групп необходимо переводить деньги по всему миру, и скрытно. Америка и ее союзники перекрыли все простые каналы, оказав давление на банки и исламские благотворительные фонды, и даже на *хавала*, менял. Джихадистам стало труднее переводить деньги из одного места в другое, и им потребовались опытные специалисты. Для удовлетворения их потребностей Азхар и его эксцентричные подчиненные организовали собственную службу. Используя горстку людей, собранных Хофманом и Азхаром, они создали цепочку, позволяющую скрытно перемещать денежные средства. Очень часто эти люди даже не подозревали, что работают на Управление. Но вся информация об их действиях заполняла базы данных Азхара.

— Вам надо научиться думать как они, — объяснил Азхар. — Именно в этом мое преимущество. Я вырос среди них. Я знаю их образ мыслей, их надежды и чаяния. А

если я знаю, что им нужно, я могу предоставить им это. Билеты на самолет, паспорта, денежные переводы, укрытия в чужих городах, мобильные телефоны и компьютеры. И они никогда не увидят моего лица. Хотя я здесь и служу им, день за днем, двадцать четыре часа семь дней в неделю. Вот такой у меня бизнес-план.

Египтянин махнул рукой в сторону рядов компьютеров и освещенных надеждой молодых лиц людей, сидящих за ними. Ищущих способы понять врага и обмануть его. Феррис вспомнил то, что читал про Блетчли-парк времен Второй мировой в Великобритании. Собище подонков, гомосексуалистов и прочих отбросов общества, которые взломали секретные коды нацистов и помогли Британии пережить Вторую мировую войну и выиграть ее. Хофман и Азхар создали нечто подобное, систему, которая пометит все клетки «Аль-Каеды» и будет следить за тем, как они перемещаются в кровеносной системе мира. Все великолепно, кроме одного. Эта система не смогла заставить Сулеймана выйти на поверхность. Феррис открыл его имя, и теперь перед ним стояла задача выманить его наружу.

Глава 15

Лэнгли

Когда они закончили экскурсию по Минсмит-парку и вернулись в кабинет Сами Азхара, там уже сидел Хофман, устало потирая глаза.

— Так и бывает, когда люди думают, что проигрывают войну, — сказал он, качая головой. — Все начинают орать «Принесите мне его голову!».

Хофман не объяснил смысл фразы, но Феррис понял. Директор Управления съел его заживо за отсутствие очевидного прогресса во франкфуртском деле. Всего лишь потому, что директору, в свою очередь, устроил разнос президент. А президента затравили пресса и телевидение. Людям не нравится быть напуганными. Они не могут выдерживать такое состояние слишком долго. Они хотят дать сдачи, а если разведка не в состоянии найти врага, они чувствуют себя бессильными. И все это дерьмо, похоже, валится на голову Хофмана, просто потому, что он, видимо, единственный из государственных служащих, кто имеет хоть малейшее понимание происходящего. Некоторые люди сжимаются в комок, оказавшись под такого рода давлением, но Хофман, кажется, наоборот, расслабился.

— Директор в шоке, — сказал Хофман. — Белый дом только что оповестил его, что завтра он будет давать показания в сенатском комитете по разведке по миланскому и франкфуртскому происшествиям. «Провал разведработы». Он приказал мне написать ему доклад для этого выступления. Я бы ему посочувствовал, честное слово, если бы он не был столь глуп.

— «Великие империи и недалеких людей несчастья постигают одновременно», — процитировал Азхар. — Кажется, это сказал Эдмунд Бурке.

— Хватит трепаться, амиго. Они хотят снова видеть меня, поскорее, так что нам надо закончить наш разговор. О'кей, Роджер, вот тебе Такия 1.01. Последние пару дней мы работали в тему этого твоего человека, которого никогда не было, мистера Гарри Микера. Идея твоя, документы сделаем мы с Сами. Думаю, мы сделаем кое-что такое, что всадит им нож очень глубоко.

Он дал знак Сами продолжить компьютерную демонстрацию:

— О'кей, Сами, покажи-ка снимок с Садики.

Азхар кликнул мышью, и появилось новое изображение. Мужчина-араб, около сорока лет, в деловом костюме. Аккуратно подстриженная борода, лицо человека, усердно постящегося и молящегося.

— Это Омар Садики. Иорданский архитектор, родом из Маана, с юга. Очень консервативный и религиозный город. Сейчас он живет в Аммане, работает в фирме, специализирующейся на архитектурных проектах в исламском стиле. Истый

мусульманин, принимает участие в куче благотворительных фондов, спонсируемых Саудовской Аравией. В последние десять лет он регулярно навещался в Зарку, к северу от столицы, чтобы участвовать в пятничных молитвах. Несколько членов из его кружка по изучению Корана исчезли, мы думаем, что они ушли в подполье. Мы считаем, что сам Омар в юности хотел уехать в Афганистан, но потом решил остаться в Иордании, чтобы учиться на архитектора. Поэтому люди в его мечети доверяют ему. Он не стучится в двери, не настаивает. Некоторые в Зарке даже считают, что он член «Аль-Каеды», но на самом деле он им не является. Просто умный, крутой и верующий мужик...

— Стоп! — перебил его Феррис, подняв руку. — Не хочу показаться мелочным, но откуда вы столько знаете о человеке, живущем на территории, подконтрольной мне? Омар Садики, кто бы он ни был, не один из моих агентов. И я ни разу о нем не слышал. Вы узнали о нем от Хани? Или у вас там параллельное моему отделению? Какого черта?

— Боже мой, ну не будь таким собственником, — ответил Хофман. — Хани понятия не имеет о Садики. Я больше не повторю своей ошибки, посвящая его во что-либо. Это один из проектов нашего профессора Азхара. Он хотел использовать Садики в качестве фасада нашей подставной строительной фирмы, работающей с архитектурой в исламском стиле. Чтобы мы строили офисы для «Аль-Каеды», в дополнение к транспортным и финансовым услугам.

— Чудесно. Так как же вы его засекли?

— Ну, скажем так, Сами знаком с его семьей.

— В смысле?

— В том смысле, что его брат у меня на жалованье, — ответил Азхар. — Он работает в Дахране, в Ю-би-эс, и подрабатывает на стороне. Не зная, что делает это под нашим контролем. Вы это называете «ходить под чужим флагом». Саудовские инвесторы, участвующие в страховом фонде, где я работал, обращались к нему, а затем привели и друзей. Теперь многие используют его связи для отмывания денег. Вот так я и создаю нашу контртеррористическую сеть. Используя друзей друзей и племянников племянников. Один джентльмен из Саудовской Аравии порекомендовал нам этого добродетельного брата-мусульманина, вот и все.

Феррис рассмотрел снимок и улыбнулся, покачивая головой. Он мгновенно все понял, как и Хофман.

— Усек, — сказал он. — Это часть моей *такии*. Мы сделаем вид, что это наш человек, хотя он таковым и не является. Мы подумали об одном?

— Естественно, — ответил Хофман, протянув руку и потрепав его по щеке. — Честно говоря, веселит меня это дерьмо. В смысле, оно настолько ошеломляющее, что должно сработать.

— Это сработает, если мы все сделаем правильно, — сказал Феррис. В его голове закружился хоровод мыслей. — Мы сделаем вид, что Омар Садики — часть вражеской сети. Что мы посылаем его на задания и разные поручения. Создадим ему легенду. Пусть другие люди начнут беспокоиться насчет него. Возможно, мы изобразим дело так, что Садики вторгся на территорию Сулеймана. Что он решил заняться заминированными автомобилями по своей инициативе, соревнуясь с хозяином. Пусть Сулейман почувствует ревность. Пусть нервничает.

— Мы доведем его до бешенства! — хмыкнул Хофман. — Мы изобразим Садики столь серьезным игроком, что большой босс будет *обязан* выяснить, в чем дело. Это сведет его с ума. Он начнет думать, не выводят ли его из дела, не получили ли мы контроль над его сетью, или что там еще, мать его? И как это он ухитрился не знать об этом Омаре Садики? И Сулейману придется выйти на поверхность. На связь со своими людьми. Придется. Он подумает, что в его сеть вторглись. Что он не в курсе дела. Начнет действовать странно. Его люди начнут

сомневаться в нем. А может, «крот» — он? А потом — хлоп! Мы дернем за веревочку. Докажем, что Сулейман — «крот».

— Гарри Микер?

— Ну да. И тогда мы его сделаем. Сами, давай следующий снимок.

На экране появилась фотография фасада здания в деловом квартале Аммана. Из белого камня, как и все остальные здания в городе. Аккуратная вывеска с надписью на английском и арабском: «Аль Фаджер архитектс» — и эмблемой фирмы с изображением восходящего солнца.

— Вот тут и работает Омар, — сказал Хофман. — Его фирма завалена заказами со всего Персидского залива. Мы дадим тебе адрес и телефон.

На экране появилась следующая фотография.

— А вот брат Омара, работающий в Ю-би-эс в Дахране, с которым имеет дело Сами. Не думаю, что тебе надо с ним встречаться, но лучше тебе знать его в лицо, на случай если ты нарвешься на неприятности и нам придется взять его за задницу.

— Ближе к делу, — сказал Феррис.

— Будешь работать с Сами. Он уже кое-что устроил. Сделал тебе легенду. Что ты работаешь в банке, который хочет нанять Садики для постройки своего нового филиала в ОАЭ. Когда вернешься в Иорданию, спланируешь остальные детали операции, но Сами даст тебе стартовые данные.

— Вы все говорите «Когда ты вернешься в Иорданию». Откуда вы знаете, что Хани пустит меня туда? Когда я уезжал, он был сильно обижен. И сказал, что больше не желает меня видеть.

— Он успокоился. Вчера он оповестил посольство, что все так же готов видеть тебя в качестве посредника в нашей работе с УОР. На самом деле он сказал, что желает видеть в этом качестве *лишь тебя*. И никого другого, кого бы мы ни прислали. Он сказал, что вводить в курс дела новичка — слишком много возни. Кроме того, ты ему нравишься. Он практически настаивает на твоём возвращении. С точки зрения работы нашего Минсмит-парка, тебе было бы проще работать в одиночку, не объявляя об этом никому. Но мы больше не можем позволить себе облажаться в работе с Хани. Так что, когда твои разъезды закончатся, отправишься в Амман. Можешь не сомневаться.

— Когда ехать? — спросил Феррис, думая об Алисе, о том, сколько еще новых тайн ему придется скрывать от нее.

— Черт, не знаю. Когда будешь готов.

— Я готов прямо сейчас. Хочу вернуться в Иорданию как можно быстрее.

— Ты не хочешь повидаться со своей женой?

— Не особенно. Я же еще в Аммане говорил, что мы, в некотором роде, уже живем врозь. А два дня назад я сказал ей, что хочу разводиться.

— Чудесно. Как бы то ни было. Не мое дело. Вокруг все подряд профукивают свои семьи, почему и тебе этого не сделать? Можешь отправляться, когда захочешь. Но по дороге тебе надо будет повидаться с кое-какими людьми в Европе.

— И с кем это?

— Нашими ниндзя, которые будут работать в этой операции. Они с Мак-Дилл. Сейчас сидят в Риме, стараясь не провалить свои легенды, ожидая, когда кто-нибудь к ним придет и скажет, что делать. Этим человеком станешь ты, а поможет тебе Сами. Это бешеные пацаны. Слишком неуправляемые, чтобы работать с той лавочкой, которая располагается у нас над головой, за это и люблю их.

Хофман резко встал.

— Мне надо снова увидеться с директором. Даже сказать не могу, насколько приятнее мне было бы и дальше сидеть здесь с вами, обсуждая, какого дерьма мы напихаем в голову Сулейману, но служба зовет. Кстати, Феррис, не забывай, что сказал Сэм Снид: если ты не думаешь о желтой обезьяне, значит, ты и не пытался

сконцентрироваться.

Остаток дня и большую часть следующего Феррис провел с Сами Азхаром, готовясь к поездке. Они разработали план встречи с Омаром Садики. Проверили места в Абу-Даби, где надо будет встречаться. Связались с отделом снабжения, чтобы заказать грим, который Феррис будет использовать во время этих встреч. Начали ткать ткань лжи, которой они окутают Омара Садики, чтобы тот выглядел частью сети, к которой он не имеет никакого отношения. Азхар был просто гениален в том, что касалось связей с юристами, консультантами в области компьютеров и деловыми посредниками, которые, каждый по-своему, должны были принять участие в создании легенды.

— Боюсь, что для того, чтобы сделать его похожим на специалиста по заминированным автомобилям, нам понадобится взрывчатка, — сказал Азхар.

— Без проблем, — ответил Феррис. — Я поговорю об этом в Риме с нашими ниндзя.

Даже Хофман не смог бы сказать это со столь же большой уверенностью. Если ты решил изобрести новую игру, возможно все.

Когда Феррис уже собирался уходить, он почувствовал, что Азхару как-то неловко перед ним. Сначала он подумал, что Азхар завидует тому, что Феррис отправляется туда, куда никогда не поедет бывший игрок с Уолл-стрит. Но тут было нечто другое. Азхар дал ему полусферическую пластиковую коробочку, похожую на ту, в которых дети хранят зубные пластинки или капы. Внутри был гелевый зубной мост с заключенными внутри него каплями смертоносного яда.

— Это на случай... — начал было Азхар. — Уверен, вам это не понадобится.

— Не должно случиться ничего плохого, — ответил Феррис. — Не беспокойся, Сами.

Но когда они прощались, рука его товарища слегка дрожала. Он прав, что беспокоится. Феррис отправлялся туда, где нет никаких правил и ограничений, где может случиться буквально все. И тогда Феррис понял, что перед отлетом из Вашингтона ему надо сделать еще одно дело. Повидаться с матерью.

Глава 16

Шарлотсвилль, штат Виргиния

Джоанна Феррис жила на западной окраине Шарлотсвиля, в одном из одноэтажных домов с видом на Блю-Ридж, хаотично стоявших в этом районе. Она и ее муж купили этот дом за пару лет до его смерти. Покойный муж постоянно что-то мастерил в доме, и от него остались электрические розетки через каждые пару метров стены, телефонные розетки в каждой комнате и еще сотня различных гениальных изобретений, которыми он так и не успел попользоваться. Том Феррис никогда не умел рассчитывать время. На его похоронах Роджер прочел «Плавание в Византию». Это точно выразило его ощущение от своего отца — человека, родившегося не в той стране и не в том столетии и пытавшегося угодить людям, которые не были достойны этого. Гости, присутствовавшие на похоронах, похвалили Ферриса за то, что он дочитал стихи до конца, не расплакавшись, и от такой похвалы ему стало еще хуже.

Роджер вырос в Фэйрфаксе, рядом с Пятидесятым шоссе, которое соединяло пригороды Виргинии и Вашингтон. Большинство семей в этом районе так или иначе связали свои жизни с Пентагоном и ЦРУ. Когда Феррис был еще мальчишкой, его отец каждое утро подымал флаг на флагштоке перед домом, а потом перестал, словно утратив веру в значимость этого занятия. Феррис спросил его об этом.

— У нас здесь и так достаточно флагов, — с горечью ответил отец, показывая

на дома соседей, — а вот патриотов маловато.

Мать Ферриса устроилась на работу в школу имени Джорджа Маршалла, учительницей английского. Роджер учился в этой школе и всю жизнь чувствовал, что в его «стопроцентно американской» действительности есть какой-то изъян. Отец потерял работу, о которой никогда особо не рассказывал. Мать устала от угрюмого отчаяния, охватившего отца, и просто не хотела возвращаться домой с работы.

Феррис хотел, чтобы его родители были счастливы, отчасти, чтобы защитить самого себя от такой неприятной вещи, как распад семьи. В старших классах он был одним из лучших учеников, к тому же занимался футболом и борьбой. В обоих видах спорта его знали как человека, «сражающегося до конца». Он играл защитником на задней линии, но во втором полугодии выпускного класса стал играть и в нападении, после того, как получил травму. Занимаясь борьбой, он дошел до чемпионата штата, побеждая более талантливых борцов просто потому, что к третьему раунду они выдыхались, в то самое время когда Феррис, как обычно, был готов сделать еще один, последний рывок. «Любимой цитатой», которой подписали его фотографию в ежегодном школьном фотоальбоме, было изречение Винса Ломбарди: «Победа — не просто все. Победа — это единственное, что существует». Но его главной проблемой в старших классах было то, что он был слишком умен, чтобы быть мужланом-спортсменом, и слишком тренирован, чтобы стать хилым «ботаником». Поэтому он оказался промеж этих двух лагерей, и ему пришлось научиться скрывать свои чувства. Окружающие никогда не могли с точностью сказать, что у него на уме. Главным его секретом в старших классах было непреодолимое желание поскорее перестать быть девственником, но когда в выпускном классе он решил эту проблему, у него еще оставалось достаточно чего скрывать от окружающих. В первую очередь — свои амбиции. У него не было секретов от матери, кроме одного — насколько сильно ему хотелось куда-нибудь убежать из ее загородного дома, чтобы скрыться от чувства неудачи, казалось, пропитавшего здесь все стены.

Феррис не хотел ехать домой, даже в новый дом в Блю-Ридж. Все постоянно напоминало ему об отце, словно беседа, оборвавшаяся на полуслове. Не говоря уже о том, сколько воспоминаний об этом доме было связано с Гретхен. После свадьбы они часто приезжали сюда и занимались любовью едва ли не во всех комнатах, да и на улице тоже. Мысль о Гретхен заставила его вздрогнуть. Он хотел было позвонить Алисе, но последние пару дней ее мобильный был вне зоны доступа или не отвечал. Возможно, она куда-то поехала. Или просто не хотела отвечать. Феррис скучал по ней.

Джоанна настояла на том, чтобы он остался пообедать с ней. Она приготовила ему то, что всегда считала его любимым блюдом, — смесь из мясного фарша, консервированного горошка и томатного соуса, которую она называла «быстрым хашем». Это кушанье никогда не было его любимым, даже близко, а что-то в названии говорило ему, что оно вряд ли полезно для здоровья. Но он не любил разочаровывать маму, которая готовила для него с таким удовольствием, словно стараясь сама себе доказать, какая она хорошая мать. В этом плане у нее был пункт. «Иногда мне кажется, что я мошенница, и все об этом знают», — сказала она вечером, после обеда, когда они сидели на кухне. Феррис попытался разубедить ее, но она посмотрела на него отстраненным взглядом, словно он вообще не понимал, о чем идет речь.

Джоанна Феррис была чистопородной интеллектуалкой. Феррис всегда думал, что из нее получился бы идеальный преподаватель колледжа. Она могла часами обсуждать какую-нибудь идею, захватившую ее, с Роджером, поскольку его отец в это время обычно возился в мастерской, вырезая из дерева что-нибудь абсолютно ненужное. Их дом был одним из немногих, где в воскресенье днем никто не включал телевизор, чтобы посмотреть игру «Редскинс». Джоанна Феррис обрадовалась, когда

Роджер пошел на работу в «Тайм», и очень удивилась, когда он перешел на работу в «Госдепартамент». Но она видела, что ему нравится новая работа, да и, безусловно, столько лет прожив с мужем, которому приходилось хранить служебные тайны, она понимала, куда на самом деле пошел работать ее сын. Более того, она понимала, что он решил расплатиться по счетам.

После обеда Феррис принялся перебирать фотоальбомы, аккуратно сложенные в буфете. Он попытался скрыть от матери свою хромоту, но у него это не получилось.

— Твоя нога не идет на поправку, да? — спросила она.

— Все отлично, — ответил Феррис. — Я здоров, как конь.

Альбомы стояли аккуратными рядами, на корешках были написаны даты и места съемки. Феррис достал альбом, на котором было написано «Бабушка и дедушка». Это был альбом родителей его отца, которые когда-то жили на окраине Питсбурга. Родители матери, жившие в Аппер-Сэдл-Ривер в штате Нью-Джерси, были куда более утонченными людьми, и их называли «Бабуля» и «Дедуля». В этом альбоме фотографий было не слишком много. Бабушка и дедушка жили замкнуто. Феррис всегда считал, что они чувствовали себя неловко. За то, что они живут в Питсбурге, за то, что дед работал на сталелитейном заводе, за то, что они не смогли как следует адаптироваться к этой стране, чтобы их сын стал достойной парой своей жене, стопроцентной американке.

Дед был таким же мускулистым, как Феррис, но с еще более темной кожей и волосами. Его кожа напоминала цветом чистейшее оливковое масло, а черные волосы торчали, как жесткая щетка. «Хотел бы я знать, откуда родом семья деда?» — не раз спрашивал отца Феррис, но тот всегда отвечал уклончиво. Балканы. Где-то в районе нынешней Югославии. Может, Босния. Последний ответ был самым точным из всех, которого ему удалось добиться.

— Один человек в Иордании, с которым я общался, сказал мне, что я, должно быть, араб. Может, пошутил? — сказал Феррис матери.

— Не думаю, — ответила она, смеясь. — Твой дед говорил, что он родом из бывшей Османской империи, а она занимала огромную территорию в свое время. Я всегда думала, что он родом из какого-нибудь места к востоку от Дунаба, с непривычным названием, типа Боснии и Герцеговины или Абхазии. Помню, он говорил, что его семья жила среди мусульман. Но он не любил вспоминать об этом, а твой отец не слишком настаивал. В Питсбурге такая мешанина народа, и, думаю, они не хотели, чтобы их называли «европейскими мужланами», «поляками» или как-нибудь еще. Они хотели думать о себе только как об американцах. Или мне так казалось.

— Однако «Феррис» — фамилия, мало похожая на восточноевропейскую, так ведь? Папа когда-то говорил мне, что семья изменила фамилию, но он не знает, какой она была раньше.

— Перед свадьбой он сказал мне то же самое. Думаю, он чувствовал себя неловко. Он всегда говорил, что где-то есть документы, но он не хочет даже начинать копать, чтобы найти их. Думаю, прискорбно, что твой отец так пренебрегал своими предками, но именно это больше всего устраивало его на работе в Управлении: кем бы ты ни был раньше, этого больше нет. Просто нет. Как-то раз я пыталась попросить его помочь мне составить генеалогическое древо нашей семьи, но его это не заинтересовало.

— Семья деда была католической, да?

— Вроде бы. Они с бабушкой регулярно ходили к мессе. Его не волновало, что я — протестантской веры, а вот бабушку волновало. Когда я сказала ей, что принадлежу к конгрегационалистской церкви, она даже переспросила, не еврейство ли это. Они оба были достаточно необычны для Питсбурга, насколько я понимаю.

Феррис снова посмотрел на фотографию деда.

— Я на него похож, правда?

— Немного. Хотя ты куда лучше выглядишь, мой милый.

Феррис убрал альбом. Он тянул время, никак не решаясь сказать о главном, но уже было поздно. В Вашингтон он, похоже, вернется ранним утром.

— Я сказал Гретхен, что хочу развестись, — наконец сказал он. — Мы уже, по сути, живем врозь. Да и не были счастливы, когда жили вместе. Так что я решил, что самым честным будет разойтись, пока мы не обзавелись детьми и не усложнили все еще больше.

— Понимаю. Что сказала Гретхен?

Феррис вспомнил все возможные варианты отказа, которые он слышал от Гретхен в тот вечер. Он все еще чувствовал себя опозоренным за то, что так легко дал себя соблазнить и, по крайней мере в ее глазах, растоптать ту решимость, которую он попытался проявить в стремлении разорвать их отношения.

— Она не обрадовалась. Сказала, что мы хорошая пара. Думаю, ей просто не хочется заниматься поисками другого мужа. У нее и так много дел.

— Да уж, это я понимаю, насчет Гретхен. Она всегда выглядела занятой, с первого же дня, когда я увидела ее на церемонии вручения дипломов.

— Так что ты думаешь по этому поводу, мам?

— Гретхен — очень успешная женщина. Хотела бы я, чтобы у меня был ее напор. Но я никогда не верила, что она сделает тебя счастливым. Так что если ты решил изменить это и ты готов ко всем болезненным вещам, с этим связанным, то делай что считаешь правильным. Слушайся своего сердца. Единственное, как мать, хочу спросить об очевидном: здесь замешана другая женщина?

— Пока сам не знаю. Может быть. Но развестись я хочу в любом случае. Да, я встретил в Аммане женщину, которая мне очень нравится. Надеюсь, наши отношения с ней скоро станут более определенными. Посмотрим.

Феррис поцеловал мать и сказал, что идет спать. Она ответила, что останется на кухне, чтобы прибраться, но так и не встала из-за стола. На ее лице читались беспокойство и беспомощность, Феррис видел это выражение лица всякий раз, когда прощался с ней.

Гретхен позвонила Феррису на мобильный. Он не отвечал на ее звонки с домашнего, рабочего и мобильного и на прочие послания, которые она пыталась ему отправить. Но когда он ехал на машине обратно в округ Колумбия, его мобильный зазвонил снова. Он увидел на экране незнакомый номер и нажал кнопку ответа. Голос ее он узнал сразу. Она звонила с чужого мобильного и почти что кричала в трубку.

— Где ты, Роджер? Проклятье! Почему ты не отвечаешь на мои звонки? Ты не можешь так поступить со мной. Не можешь. Я твоя жена. Это все знают.

— Я еду на машине, от мамы. Я сказал ей, что мы разводимся.

— Мы не разводимся. Ты же меня любишь. И ты это знаешь.

— Давай не будем повторять этот концерт, Гретхен. Я не люблю тебя. И хочу развестись.

— Ты лжец. Ты слаб и жалок. Как ты мог трахать меня всю ночь, если ты меня не любишь? Тебя никто не заставлял. Тебя никто не заставлял трахать меня. Как ты думаешь, что скажет по этому поводу судья?

— А какое дело до этого судье? Ты не можешь заставить человека остаться женатым. Закон не может требовать такого. Это даже я знаю. Развод не обязан быть взаимным решением. Это — конец взаимному принятию решений.

— Ты меня взял. Трижды.

— Слушай, Гретхен, мне очень жаль, что я в тот вечер не устоял. Ты очень сексуальна. И всегда была такой. Если бы хорошего секса было достаточно для

поддержания хорошей семьи, все было бы отлично. Но это не так.

— Ты обошелся со мной как со шлюхой. Ты думаешь, что можешь трахнуть меня и уйти, но ты ошибаешься. Если ты решишь продолжать это дело, то пожалеешь. Обещаю. Тебе придется очень несладко.

— Не угрожай мне, Гретхен. Я каждый день имею дело с людьми, которые куда страшнее тебя, поверь мне.

— Не будь так уверен в этом, Роджер. Ты еще никогда так меня не злил. Когда я начинаю драться за идею, я не признаю компромиссов. Я делаю все необходимое. Ты пожалеешь об этом, обещаю.

Феррис попытался успокоить ее, сказав, что до его отъезда они поговорят с адвокатом, но она уже отключила телефон.

Глава 17

Рим, Женева

Феррис поселился в небольшой гостинице рядом с пьяцца Кавур в Риме, в неприметном районе между Ватиканом и Тибром. Это был старый отель, слишком простой для американцев и недостаточно очаровательный для европейцев. Его оформили ребята из команды Азхара, посчитав, что это будет хорошее место для того, чтобы скрываться. По прибытии Феррис должен был связаться с ниндзя, позвонив на мобильный и ожидая ответного звонка от «Тони», командира небольшого подразделения спецназа. Он позвонил днем, сразу же после того, как зарегистрировался в отеле, но ответа не последовало ни в этот день, ни на следующий.

В первый же вечер он позвонил Алисе, из таксофона. Ему хотелось встретиться с ней в Риме, погулять в Центро, попить капучино, насладиться любовью. Но, судя по всему, он не имел права даже сказать ей, что находится здесь. Оказалось, что она уезжала из Аммана в лагерь беженцев неподалеку от границы с Сирией. Феррис начал было ворчать на нее, говоря, что она не должна рисковать, но она сразу же остановила его. «Я нужна им!» — сказала она. Алиса была на взводе от последних новостей. Всё новые люди гибли в Ливане, в Ираке. Куда катится этот мир? Феррис не нашелся, что ответить.

— Я люблю тебя, — сказал он. До сих пор он не говорил ей этого слова. Повисла долгая пауза.

— О боже! — ответила Алиса.

— Я сказал Гретхен, что хочу развестись.

— Хорошо, — ответила она. — Не в том смысле, что хорошо, что твой брак разваливается, конечно же. Просто, если бы ты не сказал ей, я бы подумала, что ты из тех людей, которые просто не умеют жить счастливо. Или что ты трус.

Феррис рассмеялся.

— Я люблю тебя, — повторил он.

— Приезжай домой, и я тоже буду любить тебя.

Феррис пообещал приехать как можно скорее, но объяснил, что это будет через неделю, может, две. Заканчивать разговор ему было больно буквально физически.

Два долгих дня Феррис ждал ответа от «Тони», бродя по булыжным мостовым Рима, чтобы куда-то деть нервную энергию. Он попытался представить себе своих коллег из спецназа среди толп американцев, заполонивших пьяцца Навона и Фонтана ди Треви. Мускулистые мужчины в рубашках, слишком маленьких, чтобы вместить их плечи, с шеями толщиной с сосновый ствол, постоянно оглядывающие остальных людей на тротуарах сквозь закрывающие пол-лица темные очки. В Риме все для него были какими-то чужими, даже бродяги, сидящие в грязи на берегу Тибра.

Дважды он возвращался в отель после полудня... чтобы опять ничего не найти.

Наконец на третий день он обнаружил в своем почтовом ящичке тоненький конверт, на котором было написано «Энтони». Похоже на правду. Феррис позвонил на указанный в конверте номер из таксофона напротив Дворца правосудия.

— Извините, случился прокол, — сказал ему голос на другом конце линии. — Проблемы с режимом секретности. Нам надо немного «остыть».

— Так, а какая сейчас «температура»?

— Становится «прохладнее». К завтрашнему утру станет вполне приемлемой.

— Где мне с вами встретиться?

— Храм Фаустины. Вилла Боргезе, — ответил спецназовец. «Боргезе» он выговорил не без труда.

На следующий день Феррис доехал на такси до виа Кондотти, немного прошелся по магазинам, чтобы убедиться в отсутствии слежки, а потом снова поймал такси и поехал на Вилла Боргезе, на другой берег реки. Он попросил водителя высадить его неподалеку от Храма Фаустины, рядом с небольшим озерцом, примыкавшим к Зоологическому саду. Там уже стоял кудрявый мужчина, должно быть «Тони». У него была такая поза, будто подошвы его ботинок были забетонированы в мостовой. Правда, оказалось, что зовут его Джим, по крайней мере он так представился. Он был одет в джинсы, трикотажную рубашку и джемпер. На вид он ничем не отличался от миллиона других молодых людей, кроме глаз, которые постоянно оглядывали окружающее пространство.

Когда Феррис подошел к нему, он пожал ему руку и пригляделся к его лицу.

— Я вас где-то видел? — спросил Феррис.

— Возможно, но вряд ли, сэр.

— Балад, — сказал Феррис. — В начале этого года. Вы работали с оперативной группой сто сорок пять. Я тоже там работал, вне стены. Пока меня не рванули.

— Да, все точно так, сэр. Тогда мы боевые товарищи.

Это сразу же сделало их друзьями. Двух людей, служивших в таком дерьмовом месте, как Ирак. Обычно военные не слишком-то хорошо думают о своих коллегах из ЦРУ, по крайней мере о тех, кто не пришел в Управление из армии. Но Феррис оказался исключением. Он побывал в Ираке и чуть не расстался с ногой.

— Так что случилось? — спросил Феррис. — По телефону вы сказали, что были проблемы с секретностью.

— Эти чокнутые итальянцы... — ответил Джим, сокрушенно качая головой. — Один из моих ребят попал в ДТП. Не по своей вине. Эти итальянцы ездят совсем не так, как мы. По-любому, местные копы начали задавать всякие вопросы, типа, где он живет, что здесь делает, а потом прислали на нашу конспиративную квартиру карабинеров. И она вдруг стала не совсем конспиративной. Мы базировались на квартире рядом с университетом, где-то в паре километров отсюда. А теперь пришлось найти временное размещение.

— И где же временная база?

— В «Кавальери Хилтон», на Монте-Марио.

— Иисусе! Это же стоит баксов пятьсот в день.

— Подтверждаю, сэр, — с легкой улыбкой ответил Джим. — Хорошее место для американцев, плавательный бассейн, девочки и все такое. Мы его не выбирали. Да и не выйдет вести глобальную войну с терроризмом задешево, сэр.

Феррис расхохотался:

— Слушай, вы здесь долго? И хватит всякой ерунды, типа «сэр», будь добр.

— Месяц. Мы особо ничем не занимались, только поддерживали связь и режим секретности, но, что касается последнего, слегка прокололись. Полковник сказал, что у вас для нас настоящее дело. Сказал, что вы работаете совсем втемную, но генерал из Мак-Дилл подписался на это, и мы просто должны делать то, что нам скажут. Не уверен, что даже полковник знает что. Похоже, его это слегка обидело. Судя по тому,

как он говорил с нами, он считает, что вас кто-то будто волшебным порошком посыпал, сэр.

— Давай пройдемся, — предложил Феррис, сделав над собой усилие, чтобы не обращать внимания на обращение «сэр». Похоже, команда Джима была уверена, что Феррис для них — царь и бог.

Они бродили некоторое время, пока не нашли скамейку с видом на озеро и дорогу, ведущую от зоопарка. Феррис жестом пригласил Джима садиться.

— Дело в том, что мы проводим весьма щекотливую операцию против ребят, которые взрывают все эти автомобили. Если быть совсем точным, то проводит ее не ЦРУ. Для этого создан некий собственный отдел. Мой босс договорился об этом с вашим, и это все, что нам надо знать об этом, правильно?

— Вас понял. Что делаем?

— Пока не могу сказать. Но хочу, чтобы вы были готовы. Вот две вещи. Во-первых, надо мгновенно нанести удар, если наша высокоценная цель всплывет на поверхность. Сколько людей в твоей команде?

— Четверо, не считая меня.

— О'кей. Вы должны быть готовы к действиям в любой момент времени, как только мы засечем хоть одного из наших плохих парней. Снаряжение, оружие — все должно быть в постоянной готовности, в любое время дня и ночи. Вы когда-нибудь уже проводили захваты?

Офицер спецназа кивнул. Когда он наклонил голову, на его шее вздулись мышцы.

— Ирак. Индонезия.

— Хорошо, — кивнул Феррис. — Значит, вы знаете, что делать. Скрытно. Никто не видит, как вы приходите. Никто не видит, как вы уходите. Никто ничего не знает в течение сорока восьми часов. Тем временем мы засовываем нашего парня в самолет и принимаемся наводить полнейший хаос в его сети. Кого бы мы ни брали, брать надо живым. Знаю, что это трудно, но в данном случае это имеет значение. Мы не сможем накрыть эту сеть, если не получим информацию от пленных. Твои ребята хорошо знают свое дело? В смысле, они раньше участвовали в таких операциях?

— Да, сэр. Все, кроме одного, но он будет не хуже других. Он тоже из Байлокси, как и я.

— Хорошо. Когда будешь планировать операцию, учти, что лучше всего входить одновременно через несколько входов, чтобы они не успели уничтожить ничего важного.

— Понял, сэр, — ответил офицер, не переставая оглядывать окрестности в поисках возможной слежки.

— А когда вы их схватите, постарайтесь хорошенько их обыскать, даже несмотря на то, что вам нужно будет быстро сматываться. Эти ребята носят с собой все — и средства связи, и документы. Они живут в паранойе, поскольку знают, что мы постоянно идем по их следу. Они таскают с собой мобильные телефоны, ноутбуки, записные книжки и пару запасных SIM-карт для мобильных. Двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. А это значит, что если мы поймаем их и вывернем их карманы, то у нас будет богатый улов.

— Слышал, понял, подтверждаю, сэр. Вы говорили о второй вещи. Слушаю.

Прежде чем ответить, Феррис огляделся. По дороге, огибающей пруд с севера, в их сторону шел мужчина с собакой на поводке.

— Какого черта он тут делает? — сказал Феррис, вставая со скамейки.

Они погуляли еще минут пять и дошли до другой скамейки, стоящей перед ухоженным садом в английском стиле. Только тогда Феррис решил продолжить разговор.

— Вторая часть работы несколько странная, — сказал он.

— Мы можем делать и странные дела.
— Вам потребуется взрывчатка. Такого же типа, как та, что была использована во Франкфурте и Милане. С такими же взрывателями. Мои люди помогут вам добыть все это.
— Понял, сэр. И что мы со всем этим будем делать?
— Вы соорудите заминированный автомобиль.
Джим уставился на Ферриса. Впервые он не сказал «Понял, сэр», только кивнул.
— И что мы будем делать с заминированным автомобилем, сэр?
— Ну, собственно, мы собираемся взорвать его.
— Охренеть. Надеюсь, все это утверждено. Так ведь?
— Более-менее, да, — ответил Феррис.
— Вы хотите сказать что-то еще, сэр?
— Нет. Я сказал все, что был уполномочен сказать. Могу лишь добавить, что, если бы ты знал все, что знаю я, ты сказал бы: «Это просто офигительно крутая операция».

На следующее утро Феррис отправился из Рима в Женеву, где была назначена первая встреча с Омаром Садики. Роджер действовал под именем некоего Брэда Скэнлона, менеджера по развитию компании Юнибанк, заведующего работой в Европе и на Ближнем Востоке. С визитками, бланками факсов и адресом электронной почты. Феррис снова прочел вводную, составленную им и Азхаром. Банк планирует построить филиал в Абу-Даби... обстановка в исламском стиле... необходимость быстрого оформления договора... расписание встреч на месте строительства... контактные телефоны... высылка необходимой документации... ответ до конца недели. Похоже, без единой трещинки. Это всегда так выглядит, пока трещины не расползутся в разные стороны.

Феррис спланировал звонок Омару Садики на следующее утро. Когда архитектор снял трубку, он представился Брэдом Скэнлоном и коротко изложил ситуацию с Юнибанком и его новым филиалом. Затем он спросил, не заинтересует ли «Аль Фаджер архитектс» возможность участия в этом проекте.

— Не знаю, — осторожно ответил человек на другом конце линии. — Мы работаем с арабскими компаниями.

— Наши друзья-арабы очень рекомендовали нам вас, — ответил Феррис и перечислил целый ряд арабских фирм, работавших с «Аль Фаджер». Этот список Азхар составил много недель назад, когда впервые задумался об использовании Садики. — Если подряд вас интересует, мы хотели бы увидеться с вами на месте строительства в Абу-Даби. Это возможно?

— Быть может. Если согласится мой менеджер.

Араб вел себя осторожно, но не слишком. Все дела на Ближнем Востоке всегда начинаются с осторожностью. Феррису надо было навести мосты прежде, чем продолжать работу.

— Кто будет представлять «Аль Фаджер», если ваша компания заинтересуется проектом? — спросил он.

— Это буду я, сэр, — ответил Омар. — Я занимаюсь всеми оценочными работами на местах по новым проектам.

Феррис старался не проявлять излишней настойчивости. Он выразил сожаление, что главный менеджер не может приехать лично, а затем предложил немедленно переслать более детальный план проекта по факсу или электронной почте.

Омар запросил факс, и Феррис заверил его, что к концу их переговоров документы уже будут отправлены из Женевы. Потом он сказал, что ответ необходимо

дать в течение пяти дней, и, если они выразят заинтересованность, надо назначить встречу в Абу-Даби вскоре после этого.

— Можно ли спросить, какова оценочная стоимость проекта? — сказал Садики.

Феррис назвал довольно внушительную сумму. Больше, чем можно было бы предположить, исходя из масштаба работ, но не слишком, чтобы не вызвать подозрений. Омар пообещал ответить в течение недели.

Когда он повесил трубку, Феррис улыбнулся. Все прошло даже более гладко, чем он ожидал. Но одна вещь его все еще беспокоила.

Он связался с Хофманом по новому каналу, в обход ближневосточного отдела. Тот поздравил его с успехом и спросил, где он находится. Феррис назвал отель.

— Проверь электронный почтовый ящик, — сказал Хофман.

Садики не заставил ждать себя долго. Через два дня, в среду, архитектор позвонил и сказал, что «Аль Фаджер» заинтересована в подряде на проект Юнибанка. В его голосе появились новые нотки, едва ли не энтузиазма. Он хотел сейчас же назначить дату встречи в Эмиратах. Феррис пролистал воображаемый бизнес-календарь и сказал, что они смогут встретиться в ближайший четверг. Садики сверился со своим календарем, настоящим, и ответил, что они могут встретиться либо днем раньше, либо тремя днями позже. Очевидно, на выходные по мусульманскому календарю он хотел быть дома. Хороший мальчик. В результате они назначили встречу в Абу-Даби через неделю.

Единственной странностью было то, что иорданец, похоже, хотел точно знать, с кем именно ему предстоит работать. Он попросил Ферриса медленно и по буквам продиктовать фамилию, С-К-Э-Н-Л-О-Н, спросил, откуда он родом, будто стараясь удержать его на линии. Ферриса это не беспокоило.

Его легенда была прочной. Для того чтобы что-то заподозрить, надо было очень хорошо знать его голос, а шансы этого были близки к нулю.

Феррис сообщил Хофману об успехе переговоров и спросил, не может ли он по дороге в ОАЭ заехать в Амман. Ему хотелось увидеться с Алисой. Нет, сказал Хофман, это нарушит секретность. Нужно начать разработку Омара за пределами Иордании, чтобы Хани не уцепился за какую-нибудь ниточку.

Спустя пару дней Хофман отправил Феррису по электронной почте зашифрованное сообщение. Они нашли тело. Гарри Микер лежал в холодильном шкафу в Минсмит-парке. Его еще надо одеть, побрить и наполнить его карманы мусором, оставшимся от его воображаемой жизни. Пилюля с ядом обрела руки и ноги, а скоро обрстет и личной историей. Теперь Феррису предстояло устроить провокацию, которая заставит врага заглотить эту пилюлю целиком, не раздумывая.

Глава 18

Абу-Даби

Феррис смотрел на Омара Садики, идущего к ресторану «Финмаркет» по улице Байнуна сквозь дрожащий от полуденной жары воздух. Высокий худощавый мужчина с узким лицом и аккуратно подстриженной бородой, в сером деловом костюме, но его столь же легко было представить в просторном белом арабском халате и куфии. Метрдотель подвел его к столику, заказанному Феррисом. Сам Феррис продолжал смотреть по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Потом он повнимательнее пригляделся к лицу Садики. Собранное, целеустремленное, лицо человека, четко знающего, зачем он сюда пришел. Единственное, что слегка нервировало иорданца, — грузный немец, сидевший через столик от них, который пил пиво и читал «Штерн». Точно пиво, подумал Феррис, как будто это должно было

как-то успокоить его.

Он вышел к Садики и представился. Брэд Скэнлон из Юнибанка. Имя было лишь частью камуфляжа. Ферриса загримировали так, что его родная мать с трудом бы узнала. Волосы и брови были обесцвечены до светло-песочного цвета, делая из темноволосого шатена блондина. Узенькие усы, большие очки в черной оправе, скрывающие черты лица и блеск глаз. Пояс на талии, за счет которого он выглядел килограммов на пятнадцать тяжелее. В образе Брэда Скэнлона мало кто, видевший Ферриса в Иордании, узнал бы его.

Иорданец мягко пожал ему руку. Хорошие манеры, с восточной точки зрения. Феррис извинился за опоздание, Садики — за то, что пришел чуть раньше. К ним подошел официант-пакистанец, держа в руке меню. Феррис снова посмотрел на лицо Садики. Мозоль на лбу, от ежедневных усердных поклонов во время молитвы. На фото, которое было у Азхара, этой мозоли не было видно. Показная набожность, еще один хороший знак.

— Мне очень жаль, — сказал Феррис, кивая в сторону немца. — Я не знал, что они здесь подают пиво. Мы можем пойти куда-нибудь еще.

— Это не проблема, мистер Скэнлон. Он не мусульманин и может делать, что пожелает, — ответил Садики с мрачной улыбкой.

После того как они сделали заказ официанту, Феррис достал из портфеля документы. Аэрофотосъемка свободного участка земли в достаточно дорогом квартале Абу-Даби, Аль-Батин, рядом с роскошным деловым кварталом с видом на Корниш и Персидский залив. Также у него были топографический чертеж и фотографии отделений Юнибанка в других странах. Садики тоже открыл портфель, доставая пачку документов с информацией о его фирме и выполненных ею проектах.

Феррис заметил, что Садики принес с собой ноутбук. Плохо, это усложнит дело.

Иорданец начал торговаться осторожно, но постепенно его уверенность росла. Он показал Феррису фотографии некоторых зданий, спроектированных «Аль Фаджер». Торговый центр в Фахахиле, в Кувейте, два офисных здания в Аммане, общежитие иорданского Технологического колледжа в Ирбиде. Хорошие проекты, пусть и без изюминки. У Садики была с собой и вторая пачка фотографий, и Феррис спросил разрешения посмотреть и их. Это были здания в исламском стиле, созданные «Аль Фаджер». Небольшие мечети в палестинских городах Халхул и Дженин, на Западном берегу реки Иордан. Мечеть в иорданском городе Солт, большая мечеть в Санаа, в Йемене. Феррис вспомнил, что видел эту мечеть в Йемене, когда она еще строилась. Он тогда был на оперативной работе в Санаа. На последних фотографиях были две большие мечети, построенные в Саудовской Аравии в Тайфе, на берегу Красного моря, и в Хафр аль-Батине, на границе с Иорданией. Массивные здания с огромными куполами и изящными минаретами, возвышающимися рядом с ними.

— Просто прекрасно, — сказал Феррис. — Их финансировало правительство Саудовской Аравии?

— Мы строили их на деньги частного исламского благотворительного фонда, — ответил Садики. — Они для верующих, а не для правительства.

Феррис почтительно кивнул, а про себя улыбнулся. Он начинал понимать, почему Азхар выбрал Садики в качестве звезды их шоу. Этот человек связан с множеством исламских благотворительных фондов, которые на начальном этапе финансировали «Аль-Каеду». В самом деле, он вполне подходит на роль подпольщика. Когда Садики закончил свой рассказ и закрыл папку, Феррис увидел эмблему на ее обложке. Символ ислама, полумесяц, пересеченный ярким синим треугольником. «Решения в исламском стиле», — гласила надпись под эмблемой.

Садики отправился в туалет, чтобы помыть руки перед едой. Феррис остался за

столом. Он глядел в окно, почти что в транс. Сквозь стекло были видны белоснежные яхты у причала, расположенного за волноломом. Они сверкали в лучах солнца. Каждая стоит десятки миллионов долларов, подумал Феррис, и пользуются ими нечасто. Они скорее для вывески, чтобы раз в два-три месяца принцы пустыни могли отправиться в развлекательный круиз в окружении свиты из уступчивых западных женщин, которые раздевались бы донага, развлекая их партнеров по бизнесу. Сам причал тоже был частью шоу — парк отдыха, оазис современной жизни, выросший под пролившимся на эти земли дождем денег, заработанных на нефти. Сложно было представить себе сидящих в этом ресторане пожилых мужчин мальчишками, выросшими в суровых пустынях среди верблюдов и овец или ныряющими за жемчугом на побережье. Или перевозчиками в Персию контрабанду на своих дау. В тридцатых годах двадцатого века Эмираты были просто нищими, и люди думали, что эта нищета станет вечной после того, как Япония наладила промышленное выращивание жемчуга.

В ожидании официанта Феррис задумался об Алисе. Он снова почувствовал себя очень одиноко. Жаль, что он не может пригласить ее сюда, чтобы услышать ее смех и насладиться прикосновением ее рук. Интересно, что бы она подумала, увидев его в этом гриме? Помимо того, что он выглядит толстым. Здорово было бы, если бы она рассмеялась от бессмысленности происходящего, но он знал, что она подумает и о другом. Феррис живет жизнью, наполненной ложью, окутанный ложью с головы до ног. Весь его мир — мир лжи. А как может сделать ее счастливой лжец?

Официант принес мезех, традиционное арабское кушанье из молотого нута и баклажанов, фаршированный кибех, табули и сыр халуми. Потом им подали жареный хаммур и жареные креветки. Феррис поддерживал беседу, но не слишком настойчиво. Он предоставил право вести беседу Садики. Тот вежливо расспрашивал его о семье. Иорданец выразил сочувствие, когда Феррис сказал, что женат, но детей у них нет. В конце концов он все-таки перешел к тому, что беспокоило его больше всего:

— Почему вы хотите нанять для этой работы «Аль Фаджер»? Мы специализируемся на мечетях, а не на офисных зданиях.

Когда Феррис и Азхар составляли план переговоров, они предвидели такой вопрос. Феррис принялся объяснять. Здание будет находиться в районе, известном своими исламскими традициями, переселенцев с Запада там совсем мало. Сейчас, конечно, ситуация меняется, достраивают блистательный «Палас Отель» в полутора километрах от предполагаемого места строительства. Юнибанк хочет разместить свой филиал в новом, фешенебельном районе Аль-Батин, соблюдая при этом уважение к исламским традициям людей, издавна живущих здесь. И им настоятельно рекомендовали «Аль Фаджер» для такой работы. Так что выбрать было несложно.

Садики восхвалил Аллаха, пробормотав себе под нос какую-то приличествующую фразу на арабском. Похоже, ответ Ферриса устроил его. Он откинулся на спинку стула и принялся чистить зубы зубочисткой. Вел он себя более свободно, чем ожидал от него Феррис.

Кожа под накладными усами нещадно чесалась, и Феррису хотелось поскорее вернуться в отель, но в программе оставалось еще несколько пунктов. Он пригласил иорданца посетить место строительства, и Садики с готовностью согласился. Он взял с собой цифровой фотоаппарат и альбом для набросков. Они поехали по улице Байнуна на взятом напрокат «линкольне», свернули на Первую улицу у Шейх-Заед и припарковались у огороженного участка. На ограде крупными буквами был написан логотип Юнибанка. Филиал Управления в Абу-Даби выполнил порученную работу с размахом.

После полудня небо подернулось дымкой, розовато-белой у горизонта, но над головой продолжало оставаться нежно-голубым. Асфальт под ногами размягчился,

кожа под париком на голове Ферриса потела. Машин на улице было немного, «мерседесы» и «БМВ» с плотно закрытыми окнами. Большинство людей отправились домой для послеполуденного отдыха.

Садики обошел участок, взял пробу грунта, сделал замеры и снимки с нескольких ракурсов. Он осматривал место почти час, а потом задал несколько вопросов технического характера. Иорданец вел себя почти что демонстративно. Они сели обратно в арендованный Феррисом автомобиль и включили кондиционер на полную мощность. Садики принялся задавать вопросы. Сколько человек будет работать в офисе? Какое количество клиентов предполагается обслуживать? Какова желаемая площадь помещений? Сколько этажей в высоту? Связывался ли Юнибанк с местными фирмами-застройщиками? Есть ли разрешение на строительство? Феррис с готовностью отвечал. Ответы они с Азхаром подготовили заранее.

Иорданец задумался, но не надолго. Когда Феррис объяснил, что у Юнибанка временное разрешение и к концу следующей недели ему необходимо выкупить землю, Садики согласился выставить предварительную цену подряда и эскиз проекта к следующему четвергу, перед исламскими выходными. Феррис спросил, не смогут ли они встретиться в Бейруте, где он будет по другим делам на следующей неделе. Иорданец согласился и на это.

Оставался последний вопрос. Феррис спросил, не будет ли так любезен мистер Садики зайти к юристу, представляющему в Абу-Даби интересы Юнибанка, Аднану Машри, чтобы подписать протокол о намерениях. Это формальность, но она необходима на начальном этапе работы с подрядчиками. Садики сначала заартачился, но после того, как позвонил по мобильному в Амман, ответил, что «Аль Фаджер» подпишет протокол. Феррис извинился, объясняя, что, к сожалению, офис юриста находится в Аль-Марказия, рядом со старым базаром, в не слишком-то фешенебельной части города. В ответ Садики лишь пожал плечами. Для него это не играло роли.

Машри оказался пожилым бородатым мужчиной в традиционном белом халате и черной, вышитой золотом накидке, обычной для жителей этой местности. Он заговорил с Садики на арабском, угостил чаем и разъяснил смысл подписываемых документов. С бумажной работой они разделались быстро. Если Садики и подозревал что-то, он не подал виду. И с чего бы? Ему и в голову не пришло бы, какая разветвленная сеть лжи скрывается за фасадом, выстроенным Азхаром и Хофманом. Он не знает, что Аднан Машри входит в сеть менял, занимающихся перечислениями денежных средств подпольщиков под контролем Азхара. Что над столом для переговоров, где сидели Садики и Машри, установлена скрытая камера и что один из кадров вскоре окажется в соответствующем отделе разведки ОАЭ, постоянно следящем за Машри. Что одна из копий этого кадра окажется на столе офицера разведки, тайно, по его собственному мнению, симпатизирующего «Аль-Каеде» и старающегося всеми доступными ему способами защитить членов организации. И он перешлет эту фотографию своему связному в «Аль-Каеде», чтобы предупредить всех о том, что один из братства попал под наблюдение местного «Мухабарата».

Но Садики знать не знал обо всем этом. В том-то и дело. Теперь в воображении других людей его мнимый образ стал, по сути, более полным и точным, чем истинный. И уж точно более могущественным.

Феррис немного задержался в офисе Машри, оттягивая прощание с иорданским архитектором. Он пожелал ему удачного полета на родину, куда тот должен был отправиться следующим утром. Феррис хотел дать команде из вспомогательного отдела побольше времени. Сейчас они работали в номере отеля, снятом Садики, копируя все, что им попадется. Записные книжки, расписание встреч, всевозможные бумажки с записями, которые прилетели в карманах одежды Садики из Иордании.

Как нормальный дотошный архитектор, Садики повсюду таскал с собой свой ноутбук. Но команда вспомогательной службы уже позаботилась о компьютере этой ночью. В три часа ночи один из людей Хофмана включил пожарную сигнализацию в отеле, где остановился Садики. Сонный иорданец беспрекословно подчинялся требованиям пожарных и спустился в вестибюль. Он ушел из номера ненадолго, минут на пятнадцать, но команде из ЦРУ, сидевшей в номере на том же этаже, этого вполне хватило для того, чтобы скопировать всю информацию с жесткого диска. Электронная почта, личные файлы, список набожных мусульманских друзей, которым он посылал пригласительные открытки на Эйдадь-Фитр, в конце рамадана. И даже список членов «Ихван Исан», «Братства Знающих», группы людей, занимающихся изучением Корана, из мечети, в которую он ходил к молитве. К началу следующего дня у людей, работающих в Минсмит-парке, был еще один кусок ткани для обширного покрывала иллюзий, которое они неустанно ткали.

Глава 19

Амман

Отлет Ферриса из Абу-Даби задержался из-за песчаной бури, и он приземлился в аэропорту имени королевы Алии уже после полуночи. Как обычно, он предъявил офицеру на контроле свой дипломатический паспорт, готовясь быстро идти дальше. Но не в этот раз. Они заставили его ждать добрых полчаса, конечно же, со всей вежливостью, усадив его в приемной на втором этаже и угощая чаем и печеньем. Все это время капитан УОР лихорадочно названивал по телефону. Феррис принялся протестовать. Паспорт в порядке, виза не истекла, и он может свободно въезжать в страну. Он спросил разрешения воспользоваться мобильным, чтобы позвонить Алисе и сказать, что он вернулся, но капитан проигнорировал его просьбу. Он все махал рукой с большим и указательным пальцами, сложенными вместе. *Швай, швай*. Помедленнее, помедленнее. Призывал Ферриса к терпению. Наконец у него зазвонил телефон, и после небольшого разговора на пониженных тонах он передал трубку Феррису. На проводе был Хани.

— Дорогой Роджер, я хотел лично встретить и поприветствовать тебя в Иордании. Я так рад, что ты решил вернуться в свой истинный дом.

— Благодарю вас, Хани-паша. Боюсь, что комитет по приему в аэропорту не знает, что я столь почетный гость. Они держат меня здесь уже больше получаса. А я бы хотел поехать домой и поспать.

— Можешь счесть это за лесть. Мы так беспокоимся только о важных персонах. А остальные — какое нам до них дело? Будем считать, это моя промашка. Мне следовало лично приехать в аэропорт и встретить тебя, но уже слишком поздно, а у меня сейчас столь привлекательные гости... Но ведь нам надо будет поговорить, не так ли? Да, думаю, так. Давай позавтракаем послезавтра. Ведь вы, американцы, любите назначать встречи за завтраком, правда? Встретимся в восемь тридцать в Офицерском клубе в Джебель-Амман. Рядом с британским консульством. Знаешь, где это? Уверен, в это время нас там никто не побеспокоит. Арабы не любят встречаться за завтраком. А теперь позволь мне поговорить с капитаном.

Феррис передал трубку офицеру, который получил от паши инструкции относительно дальнейших действий. После неудобств, доставленных Феррису, они решили разыграть шоу гостеприимства, по-своему столь же надоедливое, как и предшествовавшая ему волокита. Его отвели в VIP-зал и снова угостили чаем и сладостями, пока внизу снимали с транспортера его багаж. Посольский джип Ферриса отправился из аэропорта, окруженный кортежем из двух полицейских машин, спереди и сзади, и полудесятка мотоциклистов. Процессия двинулась в Амман, сверкая маячками и вопя сиренами. Не самый лучший способ прибытия на место

работы для действующего командира отделения ЦРУ, но, видимо, даже этим Хани хотел подчеркнуть главную свою мысль: где бы ни был Феррис, во время задержки в аэропорту или во время поездки в кортеже, он у него под контролем.

Они выехали из аэропорта в полвторого. Не очень-то подходящее время для телефонного звонка, но Феррис все равно позвонил Алисе. Он уже звонил ей вчера, из Абу-Даби, чтобы сказать, что скоро приедет, но хотел, чтобы его приезд все равно стал для нее сюрпризом. Он разбудил ее, поэтому она произнесла первые слова без должной осторожности и спонтанно.

— Привет, дорогой, — сонно сказала она. — Ты где?

— Дорогая, — повторил Феррис. — Я в Аммане. Они наконец-то позволили мне вернуться домой.

— Отлично. Кто бы «они» ни были. Который час? Ты где?

Похоже, она еще не до конца проснулась.

— Почти два часа ночи. Я еду из аэропорта. Можно к тебе заехать?

— Сейчас? Конечно, нет.

— Я соскучился по тебе.

— Я тоже, Роджер, но сейчас ночь, и тебя не было почти три недели. Мне надо почистить зубы. Давай встретимся, скажем, завтра вечером. Поужинаем у меня.

— Я люблю тебя, — сказал Феррис. Он не собирался говорить этого, но слова вырвались сами.

— Хм. Посмотрим, — ответила она.

Люди в посольстве обрадовались, увидев Ферриса, разве что немного удивились. Когда он столь внезапно уехал, поползли слухи, что его выслали, как до этого Фрэнсиса Элдерсона. Посол, который с возмущением воспринимал тайные связи отделения ЦРУ с королевским дворцом, выглядел откровенно разочарованным, когда Феррис зашел к нему, чтобы оказать должные знаки уважения. Как и исполняющий обязанности начальника отделения, руководивший филиалом ЦРУ в отсутствие Ферриса и надеявшийся, что и дальше будет заниматься этим. Но Феррис сделал ему предложение, которое должно было устроить их обоих. Он отдавал на откуп заместителю всю бумажную и формальную работу, сказав, что ему самому в ближайшие пару месяцев еще придется поездить. Он будет вправе подписывать документы на аренду конспиративных квартир, принимать доклады от разведывательных комитетов и вносить изменения в личные дела агентов. Вообще все, что угодно, кроме связи с Хани Саламом. Эту работу Феррис оставит себе. Заместитель, похоже, остался доволен. Он станет принцем бумажек, практически — истинным командиром отделения.

Персонал посольства был на взводе. За время отсутствия Ферриса здесь ввели новые процедуры безопасности. Сотрудникам посольства запретили доступ во многие части города без соответствующей охраны. Военным запретили выходить за пределы посольства в форме. Была принята развернутая процедура для перемещений между местами проживания и посольством, с варьированием маршрутов и совместной доставкой в бронированных автомобилях. Служба безопасности посольства выпустила новую инструкцию, регламентирующую действия на случай, если посольство подвергнется удару биологической или «грязной» бомбы. В канцелярии уже планировали создание новых убежищ. Симптомы этой мании можно было прочесть в глазах людей: они моргали, оглядывались, вздрагивали от каждого неожиданного звука, даже если четко соблюдали весь этот новый режим. Показная бравада людей, прекрасно знающих, что на самом деле они представляют собой главные мишени.

Феррис ушел из своего кабинета в полпятого, несмотря на мольбы секретаря, которая показывала ему на груды скопившейся корреспонденции. Это подождет,

сказал ей Феррис. Он хотел хоть немного подремать перед встречей с Алисой. Дома он попытался поспать, но был слишком взвинчен, поэтому включил телевизор и принялся смотреть трансляцию футбольного матча из Катара, чтобы скоротать время до выхода. По дороге к Алисе он заехал купить цветов. Феррис решил составить сложный букет из лилий и орхидей. Большие, вычурные цветы, слишком броские для такого человека, как Алиса, но с его стороны это было определенным заявлением. Флорист принялся тщательно, веточка за веточкой, компоновать букет, брызгая их лаком и увязывая веревочками и ленточками в сложную конструкцию. У Ферриса уже появились сомнения, что этот букет можно будет хоть как-то развернуть. Посмотрев на часы, он пробормотал себе под нос, что уже опаздывает, но флорист понимающе улыбнулся и продолжил свои магические процедуры.

Квартира Алисы находилась в старом каменном доме, построенном, наверное, еще во времена Османской империи. В свое время он, должно быть, принадлежал богатому купцу, судя по вычурной резьбе по камню и черепице высшего качества. Феррис поднялся по лестнице на второй этаж и постучал в дверь, раскрашенную в веселые пастельные тона. Когда Алиса появилась в дверях, он замер, восхищенно глядя на нее. Ее лицо светилось свежестью и мягкостью, светлые волосы были убраны назад, открывая изящную шею, а в темно-карих глазах искрилось игривое предвкушение. На ней было черное платье с декольте, подчеркивающее фигуру.

— Ну, привет, — сказала она, ослепительно улыбаясь и беря его за руку.

— Ты выглядишь... потрясающе, — сказал Феррис. Он стоял в дверях, неуклюже держа в руках огромный букет цветов.

— Под стать *им*, — ответила она слегка шутливым тоном, забирая у него цветы. Потом она потянула его за руку внутрь квартиры. — Посиди в гостиной, пока я поставлю это в воду.

Разорвав огромную обертку букета и бросив ее в мусорную корзину, она принялась искать подходящих размеров вазу для такого куста, который принес Феррис.

Квартира походила на шкатулку для самоцветов в восточном стиле. Она была наполнена сокровищами, накопленными здесь еще прежним владельцем, о которых и нельзя было догадаться, глядя на дом снаружи. Стены и потолок были отделаны благородными породами дерева, перламутром и золотой фольгой. Они были украшены фресками с пейзажами арабских стран — Левантийской бухты в Александрии, горы Ливан с покрытой снегом вершиной, золотого купола иерусалимской мечети Аль-Акса, плодородными равнинами Дамаска. Дальняя стена представляла собой ряд окон с видом на сад с фонтаном, окруженным деревьями и кустами. Даже сейчас, в ноябре, некоторые из них цвели. Тихо звучала арабская музыка. Прислушавшись, Феррис узнал голос ливанского певца Файруза, певшего о простой арабской деревенской жизни так, что и у женщин, и у мужчин слезы на глаза наворачивались. Алиса вернулась с кухни, неся огромную вазу цветов.

— Удивительная квартира, — сказал Феррис. — Ты и не говорила мне, что она такая красивая.

— Ты не спрашивал. Как бы то ни было, очевидно, что, когда ты отвозил меня домой, ты посочувствовал тому, что я живу в старом квартале. У тебя это в глазах было. Старый дом, без кондиционера, разве он может быть хорошим? Черт с ним, подумала я. Если он не может признать это хорошим, даже увидев своими глазами... — Алиса подмигнула ему. — На самом деле я хотела сделать тебе сюрприз.

Она принесла из небольшого холодильника бутылку вина и закуски — фисташки, перепелиные яйца с каменной солью и перцем, оливки, сладкий перец и морковь. Феррис все еще никак не мог прийти в себя, ошеломленно глядя на нее. Он сел на диван рядом с ней и взял ее за руку. Такая крошечная. Ему не хотелось говорить,

только быть рядом с Алисой, но что-то сказать было необходимо.

— Я скучал по тебе, Алиса, — сказал Феррис. — Извини, что так долго не мог приехать. Каждый день вдали от тебя я мечтал о том, что буду с тобой.

Она ответила не сразу:

— Я испугалась, Роджер. Когда ты не вернулся через две недели, я начала думать, что ты уже никогда не вернешься. Я поговорила со своей подругой из посольства, и она сказала, что никто не знает, когда ты вернешься. Когда я это услышала, я разрыдалась. Я так боялась, что ты не вернешься ко мне. Думала, что вся эта кутерьма захватила тебя с головой.

Феррис обнял ее. Она расслабилась и прижалась к нему. Он вдруг понял, что она плачет.

— Не горюй, — сказал он. — Я уже здесь.

— Я не печалюсь. Я радуюсь. Просто не хочу, чтобы с нами что-то случилось. Мир сходит с ума. Хотела бы я укрыться от этого безумия в таком прекрасном месте.

Ужин подождет. Она встала с дивана и повела его в спальню. Эта спальня была достойна арабской принцессы, украшенная цветами и ароматическими свечами, словно волшебный сад. Они начали медленно раздевать друг друга, снимая каждую часть одежды в свой черед. Медленно упало на пол платье. Одна за другой расстегнуты пуговицы на рубашке. Пояс. Медленно поползла вниз молния на брюках. Щелчок застежки, и упал на пол бюстгальтер. Она мягко прижалась к нему грудью. Они стояли, обнявшись, совершенные в своей наготе. Раны на ноге Ферриса исчезли — и для нее, и для него. Он неторопливо овладел ею, медленно, стараясь растянуть эти прекрасные мгновения, но их тела не могли ждать так долго. Только после того, как он достиг вершины, Феррис понял, что она снова плачет.

— Я люблю тебя, — сквозь слезы сказала она. — Люблю. Люблю. Люблю.

Феррис взял ее на руки, как ребенка. Он не мог успокоиться. Он ее любит, она его — тоже, и что же теперь им делать?

Она лежала на свежайших простынях, положив голову ему на грудь. На потолке над ними лениво крутил лопастями вентилятор, обдувая нагие тела прохладным ветерком и заставляя колыхаться огоньки свечей. Вскоре она встала, сходилла в ванную и собрала с пола одежду. Когда она поднимала с пола куртку Ферриса, из кармана выпала небольшая пластиковая коробочка. Феррис увидел, как она упала на пол, и быстро протянул руку, чтобы подобрать ее. Это был зубной мост, который дал ему в Лэнгли Хофман. Кот Алисы, Элвис, ринулся через всю комнату и поддел пластиковую коробочку носом.

— Что это? — спросила она.

— Ничего, — ответил Феррис, взяв у нее куртку и положив коробочку обратно в карман.

Она удивленно посмотрела на него, будто понимая, что он мог бы ответить и получше. Он открыл крышку и показал полукруглую пластиковую штуковину.

— Это просто защита для зубов. Чтобы не скрипеть ими.

Она с облегчением улыбнулась:

— Знаешь, ты как-то не производил на меня впечатление человека, скрипящего зубами.

— Никогда не угадаешь. У всех нас есть о чем побеспокоиться, — сказал он, улыбаясь ей в ответ и вешая куртку.

И как это у него так легко получается лгать человеку, которого он любит?

Феррис встал в шесть утра. Они снова занялись любовью, шумно и страстно, а затем он оделся и отправился к себе домой, чтобы переодеться перед встречей с Хани. От большого количества секса и малого количества сна у него слегка

кружилась голова и сосало под ложечкой. Когда он мылся в душе, перед его мысленным взором снова предстала картина двадцатилетней давности. Он сломал парню руку, не намереваясь делать этого. Или намерение все-таки было? Аналогия заставила его вздрогнуть. Где граница? Когда кость перестает сгибаться и начинает ломаться?

Хани ждал его в Офицерском клубе. Как он и предсказывал, клуб был пуст. В это утро иорданец выглядел особенно довольным собой. На нем был двубортный блейзер с блестящими латунными пуговицами, одна из рубашек тех двуцветных моделей, с белым воротничком, манжетами и цветными полосами, которые продают на Джермин-стрит и которые похожи на форменные. Здороваясь с Феррисом, он оценивающе посмотрел на него.

— Долгая ночь? — спросил иорданец. — Ты выглядишь слегка... усталым.

— Часовые пояса, — ответил Феррис. Интересно, Хани следил за ним? Конечно же, следил.

Они сели, и официант в белых перчатках подал традиционный британский завтрак. Помещение клуба было отделано темным деревом и выцветшей от времени кожей. Должно быть, его построили еще в те времена, когда Глаб-паша насаждал в хашимитской армии британскую дисциплину. Хани ел, как настоящий обжора, не переставая разговаривать всякий раз, когда не заглатывал куски яичницы-болтуни и копченой рыбы.

— Мы простили тебя, Роджер, — сказал иорданец. — Это я хочу сказать в первую очередь. Извини, что тогда мы потеряли самообладание.

Он говорил о себе во множественном числе, как королевская особа. Даже король нечасто выражался таким образом.

— Все нормально, — ответил Феррис. — Будь я на вашем месте, я бы тоже хорошенько разозлился. И я рад, что вы позволили мне вернуться. Мне здесь нравится.

— Мы знаем. И будем приглядывать за тобой, как за младшим братом.

Это что, предупреждение?

— Спасибо, — ответил Феррис. — Очень приятно, но я могу сам присмотреть за собой.

— Как хочешь, дорогой. Я тебе верю. Даже после того, что случилось с моим человеком из Берлина, бедным Мустафой Карами. Я просто знаю, что в этом нет твоей вины. Но буду честным. Одна из причин, по которым я хотел, чтобы ты вернулся, — мое беспокойство насчет мистера Хофмана. Вот ему я не доверяю.

— Не спрашивайте меня ни о чем. Хофман никому не говорит, что он на самом деле замышляет, в том числе и мне.

— О, сомневаюсь, сомневаюсь. Ты его парень. Как вы это называете? «Любимчик», вот. Подозреваю, что тебе достаточно много известно о мистере Эдварде Хофмане и его планах. А я больше не хочу так обжигаться, понимаешь? Это меня и беспокоит. Я слышу шаги Эда. Его дыхание. Но не вижу его самого. Боюсь, мне это начинает надоедать.

— Ничем не могу помочь, извините. Ничего не вижу, ничего не слышу. Вы знаете правила игры.

— Да-да, не беспокойся. Я не пытаюсь «вербовать» тебя. Я не столь груб, как твой предшественник, Фрэнсис Элдерсон, чтобы пытаться завербовать сотрудника дружественной разведслужбы. Пожалуйста, не пугайся. Мне просто надо кое-что понять. Мы не такие тупые, какими нас считает мистер Хофман. Честное слово. Не повторяй его ошибки.

— Я знаю, что вы не глупые. По правде, я испытываю к вам глубочайшее уважение. Вы мой учитель, *устаз* Хани.

— Просто чудесно, — сказал иорданец. — Я никогда не забуду этого знака нашей дружбы. В этой части света дружба значит очень много. Ты же это знаешь. Ты же настоящий араб. Или, по крайней мере, нам приятно так думать.

Этим же утром Феррис приехал в посольство и принялся за расчистку своего стола от накопившихся бумаг и сообщений. Внезапно секретарша нараспашку открыла дверь и спросила его, слышал ли он новости из Саудовской Аравии. Феррис помотал головой.

— Только что взорвались две бомбы, в Рияде. Одна рядом с «Фор сизонс», другая — около местного филиала Гонконг-Шанхайского банка.

— Вот дерьмо, — сказал Феррис, качая головой. — Сколько людей погибло?

— Они не говорят. Новости только начали поступать.

Феррис одновременно включил Си-эн-эн и свой защищенный компьютер. Как обычно, телевидение в данный момент времени было более надежным источником информации, чем внутренняя сеть ЦРУ. Он позвонил Хани, который вернулся в свой офис на пару минут раньше него. Иорданец сказал, что он уже отдал приказ изолировать все важнейшие объекты в стране. К американскому посольству уже была направлена дополнительная охрана, как и к другим потенциальным целям в Аммане.

Следом Феррис позвонил Алисе. Сначала попытался найти ее по рабочему телефону, но ее не было на месте, поэтому позвонил на мобильный. Судя по шуму ветра, она была где-то вне помещения. Он рассказал ей о новостях из Рияда.

Она молчала пару секунд.

— Это, судя по всему, будет продолжаться, еще и еще, — наконец сказала она. — Ты ведь понимаешь, да? Милан, Франкфурт, Рияд, Афганистан, Ирак, Западный берег реки Иордан. Мы не остановимся, не остановятся и они.

— Ты где? — спросил Феррис.

— За городом, в одном из лагерей палестинских беженцев. Пытаюсь достать им новые компьютеры для школы.

— Думаю, тебе лучше поехать домой или хотя бы в офис. Я беспокоюсь за тебя.

— Со мной все будет в порядке. Сегодня не опаснее, чем в другие дни. И здесь есть много людей, которые защитят меня.

Она помолчала.

— Знаешь, Роджер, сегодня просто такой день, когда я не имею права прятаться. Я должна быть с людьми, чтобы показать им, что не все мы сумасшедшие, что я — их друг и меня так просто не запугаешь. Ведь ты это понимаешь, правда?

Вот за что я люблю ее, подумал Феррис.

— Я понимаю. Просто тревожусь за тебя и ничего с этим не могу поделать. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — медленно сказала она. — Заезжай за мной вечером. Я приготовлю ужин. Можем переночевать у тебя, если тебе так комфортнее. Я даже дам тебе подержаться за пульт телевизора. Как?

— Лучше, — ответил Феррис, улыбаясь.

Он понимал, что она права. Сегодня именно такой день, когда она должна быть вместе со своими друзьями-арабами, до последнего, но тут никогда не угадаешь, когда надо уйти, прежде чем будет поздно. Он снова принялся смотреть программу Си-эн-эн и сетевые сообщения в защищенном компьютере. Остаток дня он провел, рассылая по всему миру всякие сообщения, делая вид, что он занят чем-то нужным. К вечеру стало известно, что в отеле погибли девятнадцать человек и еще дюжина возле банка. В такие дни ты действуешь по накатанной, автоматически выполняя положенные действия, давно отложившиеся в твоем мозгу.

Мысли об Алисе продолжали беспокоить Ферриса, но сейчас он был словно на

«американских горках» в фазе спуска. Томительный и скрежещущий подъем в гору закончился, теперь всем правили сила тяжести и момент инерции. Алиса, конечно, может любезничать со всеми палестинцами на этой планете, но она не остановит таких людей, как Сулейман. А Феррис твердо намеревался сделать это. Добраться до его потрохов и вен. Уничтожить его изнутри. Иначе все это никогда не кончится.

Глава 20

Бейрут, Амман

Когда Омар Садики приехал на встречу с Феррисом в отель «Финикия» в Бейруте, он выглядел чрезвычайно робким. Отель, сохранивший свой показной блеск среди руин бывшего величия Бейрута, впечатлил его. Иорданец пытался не улыбаться, но его рот сам растягивался все шире и шире, и мозоль от молитвенных поклонов на лбу сжалась в маленькое красное пятнышко. Феррис не понимал, почему это он себя так странно ведет, пока не увидел договор подряда. «Аль Фаджер» установила сумму подряда едва ли не вдвое дороже первоначальной цифры, предложенной Феррисом. Можно себе только представить, какой откат пойдет в карманы администраторов «Аль Фаджер» в Аммане от застройщиков из Абу-Даби. Неудивительно, что Садики ухмылялся так, будто хотел заставить собеседника жрать дерьмо. У него есть возможность отпугнуть неверных. Феррис на мгновение задумался, как должен среагировать на такую ситуацию Брэд Скэнлон. Проведя пальцами по кончикам бутафорских усов, он сделал вид, что обдумывает ситуацию.

Он отвел Садики на террасу и усадил его в чугунное кресло. Отсюда открывался чудесный вид на бухту Бейрута, Джуни и скалистый склон горы Ливан. Стояла поздняя осень, но солнце светило очень ярко, воздух был сухой и свежий, такой, что можно было разглядеть даже вершину горы, а на следы бомб, десятилетиями засыпавших эту землю, смотреть не хотелось. Феррис заказал в номер кофе и принялся за переговоры об оценках стоимости и подрядах. Поглядев на числа в бумагах Садики, он покачал головой и вынул калькулятор, сделав вид, что производит собственные расчеты, поглядывая в блокнот. Проверив все, он снял очки в массивной черной оправе и потер глаза.

— Это слишком дорого, — сказал он. — Мой шеф такого не утвердит.

— Помилуйте, мистер Скэнлон. Работая с «Аль Фаджер», вы будете уверены, что все будет сделано по высшему классу. Именно поэтому у нас такая хорошая репутация. Вследствие высокого качества работы. Ведь вы обратились к нам по этой причине, правда?

— Послушайте, Омар, друг мой. Безусловно, мы хотим получить наилучший результат, но мы не строим дворец. Вы же понимаете, мы — банк, нам следует аккуратно обращаться с деньгами, иначе люди перестанут доверять нам. Как я уже сказал, даже если лично я приму эти условия, их ни за что не утвердит мое начальство. Иначе этот филиал станет самым дорогим учреждением Юнибанка во всем мире. Нам следует договориться о более низкой цене.

Садики кивнул, и Феррис понял, что поступил правильно. Безусловно, первоначальная цена завышена. Здешняя жизнь — базар. И если американцы настолько тупы, чтобы сразу заплатить огромные деньги, зачем их останавливать?

— В рамках любого проекта можно добиться снижения цены, сэр. Мы можем попросить некоторых наших подрядчиков в Абу-Даби пересмотреть цены. Вы дали нам слишком мало времени, поэтому расчеты весьма приблизительны. На какую сумму вы рассчитывали, берясь за этот проект?

Феррис снова посмотрел в блокнот и принялся считать на калькуляторе. Он решил ускорить события, надеясь, что это не покажется Садики подозрительным.

— Думаю, начальство утвердит смету, если расходы окажутся примерно на

двадцать пять процентов ниже, чем рассчитанные вами.

— Вероятно, вы не слишком хорошо разбираетесь в строительном бизнесе, мистер Скэнлон, — сказал Садики.

Феррис поежился. В тоне собеседника было что-то такое, что наводило на подозрения, что Садики раскусил его игру.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил он.

Иорданец немедленно пошел на попятный.

— Двадцать пять процентов — слишком много. Для этого придется пожертвовать качеством. Не думаю, что вас это обрадует, даже за такую цену.

— Что ж, вот что я вам скажу. Назовите свою последнюю цену, ближайшую к моей, на двадцать пять процентов более низкой, чем ваша первоначальная. Я не стану драться с вами за каждый пенни, но постарайтесь сэкономить везде, где только возможно. Если вы сумеете сделать это, думаю, мы договоримся.

Садики сказал, что ему нужно позвонить в Амман, главному менеджеру. Они некоторое время разговаривали по-арабски, торгуясь, и Садики сделал пометки в своих бумагах. Потом он позвонил в Абу-Даби. Но посреди его разговора с ближайшего минарета прозвучал голос муэдзина, призывавшего правоверных к намазу. Ему эхом отдались такие же голоса с десятка других минаретов западной части Бейрута. Садики извинился и вышел в другую комнату, чтобы совершить молитву.

Он вернулся, явно посвежевший умом и духом. Без сомнения, он истый верующий. Извинившись за задержку, он закончил телефонный разговор. После споров с двумя субподрядчиками из Эмиратов он снова взялся за свои бумаги и через пару минут сообщил свою цену: половину от того, о чем просил Феррис. Когда они только начинали торговаться, Феррис примерно на это и рассчитывал, поэтому согласился и предложил назначить дополнительную встречу, через пару недель в Аммане, чтобы утвердить окончательную смету по проекту и сам проект. Встреча на территории Иордании нарушит режим секретности, установленный Хофманом, но это будет всего лишь раз, да и Феррису хотелось побольше побыть рядом с Алисой.

— Вот еще что, — сказал он, когда они уже были готовы скрепить договор рукопожатием, — пока вы в Бейруте, я хотел бы, чтобы вы встретились с нашим консультантом по безопасности, Хуссейном Ханафи. Это необычный человек. Думаю, он раньше был связан с... экстремистами, сами понимаете.

Сейчас Ханафи консультирует международные компании по вопросам безопасности, разъяснил Феррис. Отлично разбирается во всех этих брандмауэрах, электронных системах расчетов и интернет-безопасности. Поскольку он будет визировать окончательную версию проекта, было бы правильно посоветоваться с ним прямо сейчас.

Садики улыбнулся и кивнул. Похоже, его это не беспокоило.

Консультант работал в Фахани, в Западном Бейруте, там, где когда-то располагалась штаб-квартира бойцов Ясира Арафата. В последнее время этот район стал местом неформальных встреч суннитов-фундаменталистов, которых было не слишком много в этом городе. Когда водитель направил машину в лабиринт переулков, Садики слегка занервничал. Не за себя, а за принимавшего его человека. На этой бандитской территории не место американцу, такому как мистер Брэд Скэнлон.

Когда они приехали к дому, где работал Ханафи, они увидели вывеску в окне второго этажа. «XX Глобал солюшнз». Садики взял Ферриса за руку, словно чтобы защитить его, и повел вверх по лестнице. Кто здесь главный, подумал было Феррис, но позволил Садики исполнять эту роль. Они вошли в офис, ярко освещенный, свежеекрашенный и уставленный новой мебелью. За столом сидела женщина с платком на голове. Как только они вошли, она ткнула кнопку селектора, и им

навстречу вышел мужчина-араб с глазами-бусинками, спрятанными под толстыми очками. Он представился Хуссейном Ханафи и повел их в кабинет, где стояли несколько компьютеров и книжный шкаф, забитый томами технических руководств «Майкрософт», «Оракл» и «Симантек».

Ханафи был настоящим компьютерным маньяком, уж это можно было сказать точно. Ливанское Второе управление следило за ним с момента его возвращения из Афганистана в 1998 году. Он потихоньку вел свое дело, консультировал администраторов нескольких джихадистских сайтов, собственно, откуда о нем и узнал Сами Азхар. Если он и подозревал о том, на кого он стал работать на самом деле, когда Азхар завербовал его в число своих провайдеров для тайных операций в Интернете, то, во всяком случае, не подавал виду. Это была ценная находка — реальный человек, с именем, которое многие деятели подполья хорошо знают. Команда Хофмана тайком установила в его кабинете две миниатюрные видеокамеры и микрофон.

Ханафи принялся говорить с архитектором на смеси английского и арабского, с ходу излагая список требований компьютерного обеспечения, которые повлияют на проект нового здания. Феррис сделал вид, что с трудом понимает, о чем речь, и спустя десять минут извинился и сказал, что покидает их, поскольку они и сами решат, как лучше всего выполнить проект здания в Абу-Даби. После того как Феррис уехал на машине, Садики и Ханафи разговаривали еще час, смеясь и шутя. Выяснилось, что у них даже есть общие друзья. И все это время не выключалась видео- и звукозапись, регистрируя все новую информацию.

У Ферриса в Аммане появился новый помощник, Аджит Сингх, низкорослый гибкий индус с темно-коричневой кожей и постоянной непроницаемой улыбкой на лице, гражданин США. Подобно своим сверстникам, он обычно ходил в бейсболке, иногда поворачивая ее козырьком назад или набок. Азхар послал его в Амман, чтобы помочь Феррису разобраться в технических аспектах операции.

Интересный человек этот Аджит. Его отец нашел свою удачу в Силиконовой долине, сначала создав программу управления запасами товаров и продав ее сети «Уолмарт», а потом грамотно вложив заработанные деньги в компании, где работали инженерами его соотечественники-индусы. Юный Аджит, едва закончив Стэнфордский университет, уже был готов начать головокружительную карьеру, но вместо этого пошел на работу в Управление. Чтобы отомстить. После получения диплома он ездил на семейный праздник к родственникам в Кашмир, а спустя всего полгода несколько его родственников погибли в результате взрыва, устроенного террористом-смертником из «Аль-Каеды». Обсудив ситуацию с отцом и матерью, которые, как и большинство преуспевающих иммигрантов, были исполнены своеобразного патриотизма по отношению к Америке, Аджит Сингх пошел работать в ЦРУ. Его необычайное умение — в первые же месяцы работы он зарекомендовал себя как один из лучших хакеров всего Управления — привлекло внимание Азхара, который и заманил его в их «черную дыру», тайный мозговой центр.

Аджит Сингх мог делать с компьютерами буквально все. Не хуже дело обстояло и с языками, которые для него были всего лишь очередными наборами символов, такими же, как компьютерные программы. За считанные месяцы после начала работы, ставшей делом его жизни, он научился читать и писать по-арабски. Он создавал веб-сайты, управлял ими, встраивал в них специальные пароли, позволяющие разведчикам отслеживать людей после того, как они хотя бы раз посетили определенный сайт. Когда он принялся обустраивать свою мастерскую в Аммане, Феррис отдал ему под нее бывший кабинет Фрэнсиса Элдерсона, так никем до сих пор и не занятый. Сингх набил его серверами, мониторами с плоским экраном и разнообразной компьютерной периферией. Местному отделению УНБ пришлось

прислать целую команду техников, чтобы подключить эту аппаратуру к своему центру слежения.

На стене своей мастерской Сингх повесил маленький плакатик. «Люди глупы». Это был девиз, под которым он добился успеха. Люди достаточно глупы, чтобы набирать пароли доступа на компьютерах, к которым можно подключиться извне и регистрировать каждое прикосновение к клавиатуре. Достаточно глупы, чтобы не понимать, что каждый раз, когда они посещают веб-сайт, они оставляют там свой цифровой идентификатор, который сопровождает их во всех путешествиях по Интернету. Достаточно глупы, чтобы не понимать, что всякий раз, когда они выходят в Интернет, с жесткого диска из компьютера можно своровать информацию. Настолько глупы, что даже не задумываются, что любой ноутбук или мобильный телефон с включенным каналом Bluetooth представляют собой самый настоящий радиомаяк. И что самое главное, все эти глупейшие вещи они делают именно тогда, когда думают, что приняли все возможные меры предосторожности.

Сингх должен был управлять информационным аспектом проводимой Феррисом операции. Он собрал воедино все адреса и имена, полученные после обыска в номере отеля в Абу-Даби, где останавливался Омар Садики. Взял всю информацию, скачанную с жесткого диска ноутбука Садики, и вывернул ее наизнанку в поисках того, что можно было бы использовать. Коллеги подозревали, что он спит на полу своего кабинета, поскольку он всегда оказывался на работе раньше их, а когда они уходили, он все еще сидел за своими компьютерами. Иногда, конечно, они видели его в кафетерии слушающим музыку через наушники своего iPod и жующим картофель-фри. Во всем остальном он оставался самым настоящим призраком.

Пробыв в Аммане примерно десять дней, Сингх попросил Ферриса о встрече. Он говорил очень воодушевленно, и Феррис поинтересовался, что же он там откопал. Они встретились ближе к вечеру в этот же день.

— Я вижу узлы, — торжественно провозгласил Сингх, неожиданно широко улыбаясь. На нем была футболка с логотипом «Истериков», нью-йоркской панк-рок-группы, его любимой, и желтый браслет, ярко выделявшийся на его темной коже.

— Молодец, — ответил Феррис.

Он понятия не имел, о чем это говорит юный индус.

— Узлы, — повторил Сингх, разочарованно глядя на Ферриса, будто думая, что тот и сам знает все, о чем он хотел рассказать. — Я нашел узловые точки сети, в которую вы хотите проникнуть. Или что вы там еще хотите сделать. Даже не говорите. Мне не надо этого знать. Суть в том, что у нас все есть. Я начал работать над этим еще дома, с Сами и его людьми, и теперь у нас есть *абсолютно все*. Ваш расчудесный архитектор мистер Садики качал информацию с джихадистских сайтов *тоннами*. Мы держим под контролем примерно половину этих серверов и знаем, кто еще ими пользуется. Знаем, кто заходит туда раз в год по обещанию, а кто — постоянно и всерьез. Так что у нас есть картинка, типа, его сообщества. В смысле виртуального сообщества. Круто, а?

— Очень круто. Но я бы хотел, чтобы ты сосредоточил внимание на его друзьях по мечети, группе «Ихван Исан». Это те связи, с которых мы начнем. Эти люди неприступны, а он хорошо с ними знаком. С этого можно начать построение легенды.

— Еще бы. Я сопоставил людей из его группы, а также их родных и двоюродных братьев со списками посетителей джихадистских веб-сайтов, которые, как нам известно, передают оперативную информацию «Аль-Каеды». Наши ребята в Штатах отслеживают их имена и кредитные карты. Даже если они купят сувенир в Карачи или позвонят из таксофона рядом с салафистской мечетью в Бирмингеме, мы узнаем об этом. Мы накрыли реальную сеть, и осталось лишь поджечь ее.

— Круто, — снова сказал Феррис, на сей раз с искренним восхищением. — Не

забывай, нам надо выставить Садики самым настоящим джихадистом. Не просто посетителем экстремистских веб-сайтов, а человеком, который планирует и проводит операции.

— Ага-а-а... — протянул Сингх. Так говорят дети, вместо того чтобы сказать «ес-те-ствен-но». — Что я готов делать уже сейчас, так это посылать от имени Садики послания другим членам этого сообщества, настоящим джихадистам, в те самые узлы. Я открыл для него почтовый адрес, о котором он сам никогда не узнает. Но теперь нужна ваша помощь. Какие сообщения я должен послать? Напишите их, я же просто техник.

Феррис задумался. Послания должны быть убедительными, но в то же время достаточно неопределенными. Чтобы подразумевалось, что Садики кто-то наделил высокими полномочиями, и чтобы это не выглядело вызывающе. И нужно обозначить дату спланированной им и Хофманом операции, 22 декабря, перед рождественскими каникулами.

Он думал где-то полминуты, сделав несколько заметок, и наконец составил три фразы на арабском, которые и прочитал вслух Сингху.

— «Учитель сказал мне подготовить урок. Мы ищем подходящее место для проповеди. Мы приветствуем наших братьев и просим помощи у Аллаха».

— Чудесно, — сказал Сингх. — Учитель. Урок. Это сработает.

— Мы отправим еще парочку других, чтобы не вышло так, что все получают одно и то же письмо. И составим несколько ответов, чтобы послать их тем, кто ответит на его письмо. Дай-ка я еще подумаю.

Феррис снова принялся составлять фразы на арабском, а Сингх воткнул в уши наушники и включил музыку.

— Послушай-ка, — спустя несколько минут сказал Феррис, дернув за провод наушников, чтобы вернуть Сингха из его рок-н-рольного мира, — «Во имя Аллаха, мы благодарим братьев, уготовляющих нам путь. Праздник грядет. Аллах велик.»

— Конкретно круто, — сказал Сингх.

Феррис работал еще с час, составляя письма и ответы на них. Сингх взял с собой готовые и пошел в свой кабинет, чтобы разослать их от лица Садики десяткам людей, выбранных ими в этом виртуальном сообществе. Сингх снабдил каждое письмо прескриптумом на арабском, который гласил: «Дорогой брат, если мы встретимся, прости меня, что мне приходится хранить молчание». Если адресат встретится с Садики в реальном мире и услышит от него протесты и заверения в том, что он никогда не посылал письма, то человек сделает вывод, что Садики просто замечает следы своих действий.

Сингх принялся ждать, когда созреет его электронный урожай. Пара человек не ответили вовсе. Остальные ответили, отправив письма на адрес, который, как они думали, принадлежит Садики, но письма получал Аджит. Он продолжал отвечать, короткими и заманчивыми фразами, придуманными Феррисом, тонко намекая на подробности предстоящей операции в канун Рождества. Трое адресатов переслали письмо Садики на другие серверы, снабдив их удивленными комментариями, типа «Он что, наш?» или «Это взаправду?». Команда Азхара получила в свои руки новые адреса электронной почты и серверов, которые можно было отслеживать, выстраивая виртуальную дорогу к Сулейману, ближе и ближе, байт за байтом.

Глава 21

Амман

Аджит Сингх продолжал развлекаться со своей новой игрушкой, а Феррис принялся готовиться к третьей встрече с Омаром Садики. Среди разведчиков создание подставных джихадистских сайтов стало чем-то вроде популярного

развлечения, но Сингх считал большинство таких веб-страниц бесполезными. Глянцевая графика, исламистская риторика страдает излишней напыщенностью. Иногда на сайтах были даже формы для регистрации пользователей, будто они и вправду решатся оставить там такую информацию, как номер своего мобильного. Аджит решил создать исламистский интернет-портал таким образом, чтобы его фальшивая сущность не была столь очевидна. Материалы, относящиеся к воинствующим течениям ислама, должны быть замаскированы среди множества кротких статей о любви и жизни. «Думаю, должна получиться помесь из Усамы и Опри», — сказал он Феррису. Феррис дал добро на разработку, при условии, что это не займет слишком много времени. На самом деле молодой человек уже несколько дней работал над этим проектом, и у него была почти готова, так сказать, бета-версия.

Он назвал сайт mySunna.com, «правый путь» в Интернете. Сайт был сделан на арабском и английском языках. Он разрабатывал его как вполне коммерческий, не слишком вычурный, но со множеством полезных функций, которые основательно занимают интернет-каналы. «Всплывающее» меню с калькулятором для расчета *закат*, чтобы набожные мусульмане могли рассчитать, сколько им положено отдать на нужды церкви. Здесь учитывались все доходы — наличными, по банковским счетам, по акциям и инвестициям, золото и серебро. После ввода оставалось лишь кликнуть на кнопки «Расчет *закат*» и «*Йалла!*», «Хвала Аллаху». Новости, с мусульманским уклоном, полученные по каналам данных от «Халидж таймс», выходящей в Катаре, и исламабадского «Рассвета».

Раз начав, Аджит просто не мог остановиться. Он добавил «всплывающее» меню, приглашающее посетителей в интернет-магазин сайта mySunna.com. В рубрике «Базар» продавались фотографии Усамы, Завахири и Заркави в рамках и тканые вручную молитвенные коврики с портретом бен Ладена. В рубрике «Фильмы» был целый набор кадров, снятых известными в мусульманском мире экстремистскими группами. «Война правоверных в Ираке», первая и вторая части, любительские съемки того, как бойцы подрывают самодельные взрывные устройства и обстреливают из минометов американские базы. Другие кадры из Ирака, «Львы Фаллуджи», съемки, сделанные осажденными бойцами во время американских атак. Для тех, кто хотел бы посмотреть на джихад на других территориях, Аджит разместил на сайте компиляцию съемок из Чечни под общим заголовком «Русский ад», в пяти частях. Были здесь и записи выступлений бен Ладена, с трансляций, проводившихся каналом «Аль-Джазира». Свежайшим материалом стали «Подрывники из Рияда», леденящие душу кадры с «завещанием» тех, кто провел теракты в столице Саудовской Аравии в мае 2003 года. О выполнении заказов Аджит даже не беспокоился. Он просто ставил ссылки на другие исламистские сайты, где были выложены эти материалы.

Но его главной гордостью стала колонка повседневных советов правоверному. «Обсуди на mySunna.com. Что является *харам*, а что — нет. Ответы на самые интимные вопросы». Пользователям предлагалось задавать вопросы, на которые ответит самый настоящий шейх. Аджит попытался составить эту колонку по возможности более личной и грубой, чтобы обеспечить посещаемость.

— Проверьте! — сказал он Феррису, демонстрируя бета-версию сайта. — Кое у кого от этого глаза на лоб вылезут!

АНАЛЬНАЯ БЛИЗОСТЬ

Вопрос: Дозволено ли мусульманину заниматься анальным сексом?

Ответ: Такое деяние, без сомнения, представляет собой макрух, проступок (хотя и не харам, грех). Паре не запрещается наслаждаться телами друг друга разными способами, но следует понимать, что некоторые действия являются недостойными человека.

Вопрос: Если у женщины критические дни, допустим ли для нее анальный секс?

Ответ: Если женщина дает на то согласие, то допустим. Но это само по себе исключительно мерзко.

РУКОПОЖАТИЕ

Вопрос: Допустимо ли рукопожатие, если приветствуешь девушку?

Ответ: Недопустимо.

МАСТУРБАЦИЯ

Вопрос: Что с мастурбацией? Допустимо ли это, если жены нет с вами?

Ответ: Недопустимо.

Вопрос: Если женщина просит мужчину, чтобы он мастурбировал, а она смотрела, допустимо ли такое?

Ответ: Допустимо, но будет лучше, если женщина будет сама ласкать мужчину руками.

ЗЕРКАЛА

Вопрос: Могут ли муж и жена заниматься любовью, глядя друг на друга в зеркало?

Ответ: Могут.

ОРАЛЬНЫЙ СЕКС

Вопрос: Мне очень стыдно задавать такой вопрос, но я вырос на Западе и не очень хорошо знаю законы нашей веры. Братья, допустимо ли нам заниматься оральным сексом?

Ответ: Оральный секс допустим, если при этом не проглатывается никакая жидкость.

— Откуда ты это взял? — с изумлением спросил Феррис. — Просто умора. Или сам сочинил?

— Куда уж. Откуда бы мне знать разницу, к примеру, между *харам* и *макрух*? Нет, это подлинные ответы.

— Так откуда же ты их взял, черт тебя дери? Заплатил какому-нибудь сексуально озабоченному имаму?

— Не поверите, но я нашел это на веб-сайте шиитского аятоллы. Все, конкретно. У них в Наджафе сидит толпа богословов, которые решают, в каких случаях можно дать в рот девочке. Конкретно.

— С тобой не соскучишься, Аджит, — сказал Феррис.

Было что-то успокаивающее в том, что они заставят врага задуматься над теологическими аспектами анального секса.

Спустя пару дней сайт mySunna.com вовсю развернулся во Всемирной паутине, с интернет-магазином видеосъемок, колонкой советов правоверному и чатами. Всего за неделю они наполнились реальными людьми, желающими обмениваться посланиями друг с другом. Невидимка по другую сторону экрана, Аджит добавил в структуру сайта дополнительные функции, которые позволяли Управлению отслеживать все эти послания и манипулировать ими.

Феррис в третий раз встретился с Омаром Садики, на сей раз в Аммане. Он тщательно позаботился о том, чтобы исключить слежку, действуя по правилам для «запретной зоны». Хани не должен ничего знать об этих контактах, это жизненно важно. В назначенный день Феррис выехал из посольства вместе с сослуживцем, сев в машину с темными стеклами. Они некоторое время ехали, до тех пор пока Феррис не убедился в отсутствии слежки. В тот момент, когда машина медленно свернула в переулок в Джебель-Аммане, Феррис аккуратно открыл дверь и вышел на тротуар. Как только он слез с пассажирского сиденья, включился механизм, надувавший резиновую куклу. Такие трюки Управление не раз проделывало в Москве. С учетом

затемненных стекол машины сторонний наблюдатель не понял бы, что пассажир покинул автомобиль.

В переулке Ферриса ждала другая машина. На ней он доехал до подземного гаража большого многоквартирного дома, в котором находилась одна из множества конспиративных квартир Управления. Поднявшись из гаража на лифте, он вошел в квартиру и наложил себе на лицо грим, тот же самый, что использовал во время двух предыдущих встреч с архитектором. Парик, усы, темные очки и накладной живот. Посмотревшись в зеркало, Феррис едва узнал себя.

Встреча была назначена в номере «Ле Рояль», огромного отеля в центре города, принадлежащего миллиардеру-иракцу. Садики, как обычно, вел себя торжественно и благочестиво. Он представил окончательный вариант документов на подряд, планы, эскизы и новые документы, поступившие от субподрядчиков. Платежи за работу уже начали поступать в «Аль Фаджер», хвала Юнибанку, уже давно сотрудничающему с Управлением. Когда через пару месяцев придет пора разорвать контракт, Юнибанк уплатит «Аль Фаджер» хорошую неустойку. Это согласовано заранее.

Феррис вглядывался в лицо Садики, ища знаки стресса. Может, что-то пошло не так, как надо, в результате чего общение с «Брэдом Скэнлоном» вызвало у него подозрения, или какие-то детали разработанных Хофманом отвлекающих процедур стали ему известны. Случайное слово, услышанное в мечети, звонок встревоженного родственника, намек со стороны людей Хани. Похоже, ничего. Садики был спокоен и вежлив, как обычно. Они провели вместе несколько часов, утрясая бумажные вопросы и поедая ланч в номере, заказанном Феррисом.

Посреди встречи Садики вновь пришлось извиниться перед Феррисом и совершить молитву. Как и в прошлый раз, он вернулся к беседе очищенный душой. Феррис не очень понимал этот аспект ислама, но искренне им восхищался. Для этих верующих ежедневная молитва была подобна омовению родниковой водой. Чувство расслабления и очищения, возникающее от столь простых ритуалов — преклонения колен, земных поклонов, покаяния и восхваления Бога, — было очевидно. Вот оно, истинное значение слова «ислам» — покорность пред волей Божией.

Будь сейчас другое время, Феррис бы с радостью общался с этими рабами Аллаха. Но для него и его коллег отныне и навсегда отсчет времени шел с 11 сентября 2001 года. Он представлял себе людей, оказавшихся на верхних этажах Всемирного торгового центра. Людей, которым было некуда бежать, некуда, поскольку этажи зданий под ними были разрушены, когда в них врезались угнанные самолеты. Представлял себе, что это такое, когда ковер под ногами начинает дымиться, а воздух вокруг наполняется языками пламени. До какой степени могли дойти их муки, душевные и физические, если отчаявшиеся люди выпрыгивали из окон, находящихся выше восьмидесятого этажа, предпочитая разбиться в лепешку, но не оставаться в этом земном аду хоть мгновение. Это война, сказал себе Феррис, и ты — ее солдат. Если ты не сделаешь свое дело, люди будут гибнуть снова и снова.

Глава 22

Королевское шоссе, Иордания

Когда Алиса предложила куда-нибудь поехать на выходные, Феррис с радостью согласился. Нельзя же сидеть в Аммане и ждать, пока взорвется еще один заминированный автомобиль. Да и ему надо было отдохнуть. Когда он наконец ушел из посольства, он был настолько взвинчен, что ему потребовались пара часов времени и несколько рюмок алкоголя, чтобы успокоиться. Теперь Роджер с Алисой проводили вместе почти каждую ночь, то у него, то в ее квартире. Она уже не так часто спрашивала его о работе. Люди быстро отучаются задавать вопросы, ответы на которые им не хотелось бы слышать.

Алиса предложила поехать на юг, по древней дороге, ныне носившей название Королевского шоссе. За два с лишним тысячелетия эта дорога видела скитающихся евреев, крестоносцев и мусульманских паломников, шедших вдоль высохших рек и пустынных холмов к югу от Иордана. Офицер службы безопасности посольства указал на то, что маршрут пролегает через множество бедуинских поселений, а на юге неспокойно. Феррис отмахнулся. Будучи командиром отделения ЦРУ, он мог ездить, куда ему заблагорассудится. А еще он предпочел не брать из посольства бронированный джип и арендовал небольшую «мицубиси».

— Классная машинка, — сказала Алиса, когда Феррис заехал за ней. Потом она увидела иорданские номера и улыбнулась. — Становишься местным?

Проглядев карты и путеводители, она сказала Феррису, чтобы он вел машину в южную часть города. Они выехали на узкую, продуваемую всеми ветрами дорогу, шедшую вдоль Мертвого моря. Рельеф постепенно понижался по мере того, как они приближались к сверкающей в лучах солнца поверхности соленого озера, туманной и нереальной, словно мираж. Они двигались к самой низкой точке земной поверхности, и Феррис почувствовал давление на уши. Позади Мертвого моря виднелись поселения на Западном берегу реки Иордан, а вдали за ними едва угадывались городские джунгли Иерусалима. Алиса показала Феррису дорогу к шведскому отелю на побережье Мертвого моря. Там у нее был знакомый менеджер.

— Утреннее купание, мой милый, хотя, по сути, плавать нам не придется, — сказала она. Затем объяснила, что вода Мертвого моря настолько соленая, что просто невозможно погрузиться в нее так, чтобы грести руками или ногами. Поэтому люди просто плавают на поверхности.

Она повела Ферриса в отель и познакомила с менеджером, миниатюрным палестинцем, несшим на себе отпечаток истинного швейцарского блеска, заработанного во время учебы в Лозанне. Он выдал им полотенца и ключи от коттеджа, стоящего у воды. Вскоре Алиса уже тащила Ферриса за собой в сверкающие воды Мертвого моря.

Алиса грациозно отплыла от берега. Мокрый купальник облегал ее тело, словно резиновый. Сквозь него проступали круглые и твердые бугорочки сосков.

Феррис попытался нырнуть, но, как и предупреждала Алиса, соленая вода вытолкнула его, как кусок пробки. Эта вода едва не жалила, обжигая кожу так, будто тело натирали спиртом. От нее шел сернистый запах, но это не беспокоило Алису. Она позволила воде нести себя — так, будто легла на носилки, сделанные из этой странной жидкости. На ее лице, освещенном ноябрьским солнцем, было выражение полнейшего удовольствия. Феррис попытался расслабиться заодно с ней, но его мозг продолжал обрабатывать информацию о бомбах и подрывниках.

Они вымылись под душем, переоделись и вскоре снова поехали по Королевскому шоссе. Алиса решила показать Феррису замок крестоносцев в Кераке, крепость, которую когда-то сделал своей вотчиной печально известный Рене де Шатильон. Они ходили сквозь каменные арки, вдоль стен и парапетов, и Алиса пересказывала истории про вероломного Рене. Как он грабил бедных мусульманских паломников во время хаджа, когда им приходилось идти по Королевской дороге в Мекку. Как он надевал жертвам на голову деревянные ящики, перед тем как сбросить их с крепостной стены, чтобы они остались в сознании после падения и в полной мере испытали боль от удара. Именно об этом вспоминают мусульмане, называя американцев «крестоносцами».

Стоя на стене замка, они посмотрели на запад. Вади, высохшие русла рек, в которых собиралась вся вода, стекавшая после редких дождей со склонов холмов. Эта местность не менялась тысячелетиями, более подвергаясь воздействию сил природы, чем человеческих. Позднее утреннее небо над Иерусалимом было цвета

голубого сапфира. Алиса наклонила голову набок и повернулась к Феррису.

— Крестовые походы тоже начались с великой лжи, — сказала она. — Ты знаешь об этом?

Феррис понял, что настал черед одной из лекций, которые иногда читала ему Алиса. Но его это не слишком беспокоило. Это такая же неотъемлемая ее часть, как и эти золотые волосы, развевающиеся на ветру.

— Разве так? — спросил он, притворяясь бесхитростным.

— Именно так. Папа Климент, конечно, не заявлял, что у мусульман есть оружие массового поражения, но его ложь была ничуть не лучше. Он говорил, что мусульмане грабят и мучают бедных христианских пилигримов, прибывших в Святую Землю. Чистейшая ложь, но это же было раннее средневековье. Люди были доверчивы, суеверны и глупы, поэтому они поверили Папе и стройными рядами отправились убивать мусульман. Они пошли на войну из-за лжи. Ужасно, правда?

Феррис кивнул. Конечно, это было ужасно.

— Но когда они прибыли в Святую Землю, они испытали шок, — продолжала она. — Мусульмане дали им отпор. И крестоносцы увязли в этой земле. Они были далеко от дома, шла война, и единственным выходом было посылать сюда новых крестоносцев, еще и еще. А потом они потерпели поражение и начали расползаться по домам. Не находишь, это похоже на нынешние события? Хотя бы отдаленно?

— Нет, — ответил Феррис, улыбаясь. — Ничего в голову не приходит.

— О! Ты так огорчил меня! — сказала она, приподнимаясь на цыпочки. — Учись на уроках истории, — прошептала она ему на ухо.

Феррис огляделся по сторонам. Здесь можно было увидеть следы практически всех эпох. К югу — несравненный римский город Петра, скрытый в каменном ущелье. Вечная красота, высеченная в камне. На севере, в нескольких часах пути — величественные руины Джераша, Пеллы и Ум Каиса — трех из десяти величайших торговых городов Ближнего Востока, которые римляне именовали Декаполисом. Эти земли были испещрены руинами, сказочным образом сохранившимися с древних времен. Огромные площади, обрамленные ионическими колоннами, улицы с каменными мостовыми, сохранившимися со времен владычества Рима, амфитеатры с каменными сиденьями, стоящими в идеальном порядке вокруг пустующих сцен. Будто актеры и публика только что исчезли отсюда, унесенные ветром.

— Что же с ними всеми стало? — сказал Феррис, скорее самому себе, глядя на этот ландшафт, воплощающий в себе историю человечества. — С греками, римлянами, крестоносцами.

— Они умерли, — ответила Алиса. — Или, по крайней мере, нас заставили поверить в это.

Феррис обнял ее, улыбаясь:

— Я имел в виду, почему они исчезли? Римляне строили на века. Их города все еще стоят, спустя два тысячелетия. Они контролировали все, тотально. А потом потеряли все. В чем они ошибались?

— Ты *в самом деле* хочешь поговорить об этом, Роджер? — спросила Алиса, глядя на него. — Не думаю, что тебе понравится мой ответ.

— Да. Я хочу знать, что ты думаешь об этом.

— Хорошо. Римляне исчезли потому, что наделали ошибок. У них были плохие правители. Правление Адриана и Коммодуса разделяет всего шестьдесят лет. Этого времени Риму хватило, чтобы прийти от величия к упадку. Это происходит быстро. Подумай об этом.

Она легонько ткнула его в бок, но Феррис еще не был готов уступить.

— Знаешь, это было не так. Римляне стали мягкотелыми. Слабыми. Римские легионы утратили свою дисциплину, и варвары смогли разгромить их.

Он сжал зубы. Неужели она не понимает? Этика воина является лучшим

противоядием от разложения.

— Да уж, милый ты мой хромоножка. Они стали мягкотелыми, это было одним из факторов их упадка. Но это случилось много позже. Смертельный штопор начался с плохих правителей. В начале своего упадка Рим все еще был сверхдержавой, в военном смысле. Преторианская гвардия имела слишком большую власть, а не слишком маленькую. Слабой стала политическая система. Потом настали коррупция и распад. Рим сгнил изнутри. Поверь мне, я немало читала об этом.

Феррис посмотрел на нее. Она качала головой, сетуя на его непонятливость. Собранные в хвост волосы мотались из стороны в сторону, как конская грива. Что же в ней так привлекало его? То, что она дразнит его и насмехается, опровергая то, в чем он был уверен? То, что она старается переубедить его в том, что считает неправильным? Что она знает то, чего не знает он, и за этими светлыми локонами и обманчивыми карими глазами скрывается огромный опыт, которого он лишен? Она бесконечно прекрасна именно в такие моменты. Плевать, если новые варвары уничтожат все небоскребы Америки, если они не помешают ему оставаться с Алисой.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Надо же, он умеет признавать поражения, — ответила она, потянув его за руку в сторону от каменной стены замка.

Алиса собрала в дорогу ланч — французские батоны, вино, сыр и копченую ветчину с дыней. Они уселись на камнях около данжона и стали есть. Светило ноябрьское солнце. Феррис взрезал дыню большим складным ножом, нарезал ее ломтиками и положил на них кусочки ветчины. Алиса достала хлеб и открыла вино, кефрайское красное, из винограда, выращенного в Ливане, в долине Бекаа, в полутора сотнях километров отсюда. Оттенки вкуса сочетались идеально. Поев, они разлеглись на древних камнях, купаясь в лучах солнца.

Алиса хотела сделать еще одну остановку, в городе Муте, километрах в трех от крепости. Это было известное в истории ислама место, здесь произошла одна из первых битв мусульманской армии, вышедшей из аравийских пустынь, с легионами Восточной Римской империи. Это случилось в седьмом веке новой эры. Сейчас в Муте располагался университет, сделавший город таким же центром исламского фундаментализма, как Зарка, располагавшаяся севернее.

Когда Алиса сказала про это отклонение от маршрута, Феррис не обрадовался. Мута считалась весьма опасным для чужаков местом. Когда отделением ЦРУ командовал его предшественник Фрэнсис Элдерсон, один из его оперативников попытался завербовать в Муте одного из членов «Исламского братства», и его едва не похитили друзья этого человека, сильно разгневанного фактом попытки вербовки. Кроме того, ходили слухи, что Мута является центром «Ихван Исан», «Братства Знающих».

— Поехали домой, — сказал он. — Я устал и хочу вздремнуть, а потом займемся любовью.

— Но ты *должен* увидеть Муту. Она просто очаровательна. Рядом, в Эль-Мазаре, есть святилища сына Пророка, Сайда бен Харита, и его помощника, Джафара бен Абу-Талиба. Это почитаемое мусульманами место. Как ты собираешься понять их, Роджер, если ты не знаешь их истории? Это все равно что приехать в Бостон и не заглянуть в Фэнл-холл².

² Фэнл-холл — здание в Бостоне на рыночной площади (Faneuil Hall Marketplace), где во время Войны за независимость собирались патриотически настроенные граждане. Было построено купцом П. Фэнлом в 1740–1742 гг. для нужд города, в 1761 г. сгорело, в 1762 г. было заново отстроено городскими властями. Стало известно под названием «Колыбель свободы». В 1805–1806 гг. Фэнл-холл был перестроен по проекту Ч. Булфинча и значительно расширен. До сих пор служит местом встреч

— Я ни разу в жизни не был в Фэнл-холле. Давай поедem домой и займемcя любовью.

Алиса надула губы.

— Если ты заставишь меня ехать домой, можешь забыть о сексе. Причем не только сегодня. Кроме того, у меня письмо, которое я хочу передать одному из преподавателей в Муте. Он помогает некоторым из наших студентов, во внеурочное время. Я взяла его с собой, так что заехать нам придется.

По ее тону Феррис понял, что спорить бесполезно. Они сели в «мицубиси» и проехали по дороге километра три, добираясь до Муты. Алиса напевала «Большое желтое такси», практически безошибочно попадая в ноты. Она была рада, что ей удалось привести Ферриса в свой мир. Возможно, она чувствовала, что не зря понадеялась на него. Феррис же старался не показывать своего беспокойства, но быстро оглядывал дома один за другим, когда они въехали в город. Здесь нет никаких иорданских спецподразделений, только кучка полицейских, абсолютно бесполезных. Все женщины в головных платках, а некоторые даже с полностью закрытыми лицами. У мужчин жесткие лица бедуинов, многие ходят с длинными бородами. Предупреждающий знак о том, кем они хотят быть, словно они вышли не из нынешнего времени, а из седьмого века.

— Мне здесь не нравится, — сказал Феррис, прерывая Алису на середине песни.

— Здесь чудесно.

— Не знаю. Но четко ощущаю, что мы здесь чужие.

— Я не чужая. У меня письмо к другу, его зовут Хиджази. Он входит в одну из здешних религиозных групп. «Ихван Исан» или что-то вроде этого. Он очень хороший человек. Если ты нервничаешь, то я просто передам письмо, и мы уедем. Хорошо?

Они уже приближались к центру города. До здания университета оставалось метров сто.

— Боже мой, Алиса. Ты не сказала, что этот человек из «Ихван Исан». Это очень плохая новость.

— Ты просто не понимаешь, о чем говоришь, Роджер. Это не плохая новость, напротив, это очень хорошие люди. Они присылают к нам учителей и других людей, профессионалов, помогая в наших проектах. Я с ними работаю и с множеством других людей, которые тебе не нравятся, а вот у меня с ними все в порядке. Хорошо, посиди в машине, я скоро вернусь.

Феррис принялся протестовать, снова говоря, что ему здесь не нравится, но Алиса уже распахнула дверь и уверенно пошла по переулку, ведущему к университету.

Феррис заглушил мотор и вышел из машины, чтобы выпить кофе в кафе поблизости. Только выйдя из машины, он увидел десяток мужчин, сидящих по правую сторону от него, около местной мечети. Они, как по команде, повернули головы, следя за тем, как он идет к кафе. У них были жесткие и суровые глаза людей, которые учатся, молятся и практикуют вместе. Феррис не раз видел таких в Ираке. Вроде ничего особенного, но интуиция подсказывала ему, что от них следует ждать проблем.

— Алиса! — крикнул он. — Давай, нам надо уезжать, быстро!

Она исчезла из виду, либо не услышав его, либо не обратив внимания на его просьбу. С этой точки зрения его крик был бесполезен, но вот внимание группы, сидящей у мечети, это привлекло. Они поняли, что Феррис — американец и что он обеспокоен.

общественности, в нем также находится исторический музей. С 1967 г. — национальным памятником архитектуры. — *Примечание переводчика.*

Феррис пошел к кафе, опустив взгляд и стараясь больше не привлекать к себе внимания. У входа сидел пожилой мужчина и курил наргиле. Когда Феррис приблизился, мужчина отошел в сторону. Весь город производил гнетущее впечатление. Люди здесь бунтовали, когда король попытался урезать субсидии на основные потребительские товары, такие как хлеб, вспомнил Феррис. Город профессиональных оппозиционеров. Феррис заказал официанту кофе по-турецки, умеренно сладкий, и принялся медленно пить, ожидая Алису. Молодые люди на другой стороне переулочка в последний раз поговорили и разошлись. Куда они пошли? И где Алиса?

Феррису надо было сходить в туалет, и он пожалел, что не выпил поменьше кефрайского красного. Встав, он прошел в глубь кафе и спросил, где туалет. Бармен не ответил, в его глазах были страх и замешательство, его глаза бегали. Феррис почувствовал опасность и уже собрался уходить, как вдруг на его голову обрушился резкий удар. В глазах потемнело, а затем темнота взорвалась искрами и болью, когда он ударился головой о пол кафе.

Когда спустя мгновение он очнулся, какие-то люди рылись в его карманах, ища бумажник. Двое прижимали его к полу, двое других говорили по-арабски. Они знают, кто он? Они за ним следили?

— Пожалуйста, я друг, — сказал Феррис по-английски. Он не стал обращаться к ним на арабском, чтобы они не заподозрили, что он разведчик.

Они наконец нашли бумажник и вытащили иорданское удостоверение личности, где было написано, что он сотрудник американского посольства. Это привело их в возбуждение — им достался настоящий подарок судьбы. Мужчина, перед этим ударивший Ферриса по голове, пнул его ногой.

— Зачем ты приехал в Муту? Шпионить за мусульманами?

— Нет-нет, — ответил Феррис. — Я всего лишь дипломат. Я ездил в Керак и возвращался в Амман.

Феррис пытался на ходу придумать, что делать. В посольстве никто не знает, где он. Если его похитят, пройдет много часов, прежде чем они поймут, что что-то случилось. В кармане лежала коробочка с зубным мостом с ядом внутри. Он никогда не надевал его. Зачем он вообще носит его с собой? Они же сейчас найдут ее. Он все еще думал, что делать, когда услышал треск двери, которую распахнули ударом ноги. Лежа на полу, он не мог видеть происходящего, но услышал женский голос, громкий и властный. Женщина говорила по-арабски. Он сразу узнал голос Алисы.

— Отпустите его! Живо! Мои друзья из «Ихван Исан» будут очень разгневаны, если узнают, с каким неуважением вы отнеслись к гостю.

— «Ихван Исан»? — повторил мужчина с дубинкой. — Во имя Аллаха!

Они отошли от Ферриса, и тот встал с пола, рядом с Алисой. Она смотрела на них немигающим взглядом, железно и непреклонно. Она не кричала и не угрожала, но ее поза, выверенные арабские фразы и, более всего, ее бесстрашие заставили этих молодых людей уважать ее.

— Спасибо, — сказала она по-арабски. — Да наградит вас Аллах добрым здоровьем.

Мужчины ответили традиционными фразами, приветственными и миролюбивыми.

В кафе вошел молодой мужчина в длинном белом халате. Он стал рядом с Алисой, и напавшие на Ферриса люди снова сдвинулись назад, уважительно кланяясь. Должно быть, это Хиджази, тот человек, к которому приехала Алиса, подумал Феррис. Мужчина протянул ему руку для приветствия, а потом повернулся к людям, которые только что собирались похитить Ферриса.

— Братья, — обратился он к ним. — Вы опозорили город Муту и кровь товарищей Пророка, здесь пролитую. Этот гость приехал вместе с мисс Алисой

Мелвилл, другом арабов. Вы обошлись с гостем хуже *джахил*, неверующих. Извинитесь перед ним, попросите прощения за ваше некультурное и грубое поведение.

Мужчины принялись бормотать извинения и пожимать Феррису руку. Они действительно очень сожалели, но не о том, что стукнули по голове Ферриса, а о том, что оскорбили Хиджази. Феррис с удивлением посмотрел на Алису.

Хиджази настоял на том, чтобы они посидели и попили чаю со сладостями. Феррису очень хотелось уехать, но он знал, что это будет оскорбительно по отношению к городу, если они откажутся соблюсти ритуал извинения. Вскоре прибыл местный доктор, чтобы осмотреть его голову. Пока они сидели в кафе, им принесли подарки, преимущественно местные сувениры ручной работы, угостили их финиками и другими сладостями, а тот мужчина, который ударил Ферриса по голове, пытался предложить ему деньги, но Феррис отказался. Понятно, в бедуинских племенах всегда улаживали споры таким способом. Уже почти стемнело, когда церемония извинений закончилась и им позволили уехать.

Когда они отъехали на безопасное расстояние от города, Феррис повернул руль «мицубиси», свернув на боковую дорогу, остановил машину и посмотрел на Алису. Всего за пару минут она стала для него совершенно другим человеком. Прежде он полюбил в ней свободный и непокорный дух, теперь же он с не меньшим уважением оценил характер женщины с железной силой воли.

— Похоже, ты спасла мне жизнь, — сказал он.

— Быть может. Не думаю, что они сделали бы что-то серьезное. Как твоя голова?

— Болит.

— Мне *очень* жаль, — сказала она, наклонившись и поцеловав его. — Ты был прав. Нам не следовало ехать в Муту. Городок слишком маленький, люди слишком озлоблены. Это моя ошибка. Ты меня простишь?

Феррис кивнул. В его сознании наконец-то собрались воедино фрагменты мозаики его впечатлений от Алисы. Похоже, она одна из тех редких людей, которые открыто и всецело живут в соответствии со своими убеждениями.

— Мне понравился твой друг, Хиджази, — сказал он. — Настоящий спаситель людей. Откуда ты его знаешь?

— Как я уже говорила, его группа нам помогает. Она объединяет профессионалов по всей Иордании. Очень религиозные и очень хорошие люди. Большинство из них буквально и мухи не обидит. Часть их работает с нами в Аммане. Два врача, юрист и архитектор. Отличные парни.

Феррис замер, улыбка пропала с его лица. Сердце учащенно забилося.

— Ты шутишь? Архитектор? А какое ему дело до школы?

— Не знаю. Но архитектор — самый лучший из них. Молчаливый, но очень добрый. И с этой отметиной на лбу, от усердных поклонов во время молитв. Он вызвался бесплатно сделать проектные работы для новой школы, которую мы хотим построить.

Феррис отвернулся и закрыл глаза. Его снова несло в черную полосу.

— Как зовут архитектора?

— Забыла. Но он хороший парень. Стой, вспомнила. Его зовут Садики, «друг», по-арабски. Омар Садики. Отличный парень. Они все хорошие. И нам, видит Бог, нужна их помощь.

Феррис замер, не открывая глаза. У него появилось ощущение пустоты внутри. Он подверг любимую опасности, яд его работы коснулся ее. Феррис взял Алису за руку. Он не мог глядеть ей в глаза. Нужно быстро придумать, что сказать, как защитить ее. Сейчас лучше не делать ничего. Если он скажет хоть что-нибудь, даст ей толчок в любом направлении, он подвергнет опасности и ее, и Садики, и все

остальное.

— Эй, что с тобой? — спросила Алиса. — У тебя рука, как ледышка. Поехали-ка домой. У тебя, наверное, шок.

— Ага, — сказал Феррис, снова глядя на нее. — Знобит немного. Нам лучше ехать дальше.

Феррис завел мотор, и они снова выехали на Королевское шоссе. Солнце быстро садилось, и он включил обогреватель. Алиса принялась возиться с радиоприемником. Феррис едва мог заставить себя посмотреть на нее. Когда они приехали в Амман, солнце уже зашло за холмы на западе.

Глава 23

Амман, Вашингтон

Пока Феррис отсутствовал в выходные, на его имя пришло срочное сообщение от главного инспектора ЦРУ с требованием немедленно прибыть в штаб-квартиру для обсуждения «важного дела». Подробностей в послании не было. В понедельник Феррис отправил срочное сообщение Хофману с просьбой позвонить сразу же, как он появится в своем кабинете. Но ответа ему пришлось ждать семь часов. Он перечел свое послание начальнику. «Что случилось, Эд? Похоже, я под следствием».

— Именно так, — сказал Хофман. — Я сам недавно узнал. Поэтому и не звонил так долго. Надо было повидаться кое с какими людьми.

— И что же я натворил? — спросил Феррис. Первой его мыслью были неполадки с накладными расходами.

— В том-то и проблема. Не знаю, и мои люди из управления главного инспектора мне не сказали. Не могли или не хотели. Может, и не знали, но в этом я сомневаюсь.

— Это нельзя замять? В том смысле, можно подумать, мне сейчас больше заняться нечем. Если мы хотим отпраздновать двадцать второе декабря, как планировали, то сейчас все как раз идет к развязке.

— Попытаюсь, но эти парни из управления — абсолютные засранцы. Представь себе, скажем, управление внутренней безопасности в самой провальной в мире полиции: копов бьют, преступники снимают урожай, а парни из управления подводят под расследование полицейских за то, что они брали бесплатные пончики в «Семь-одиннадцать». Вот тебе наше управление ГИ. Они строят свои карьеры на костях оперативников. Извини, но так оно и есть.

— Но я ничего плохого не делал. По крайней мере, не могу вспомнить.

— Боже, я уверен, что это не так. Но тоже не могу ничего припомнить, навскидку.

— Эд, это не смешно. По крайней мере, для меня. Что мне делать?

— Езжай домой. Быстро. Лети ближайшим самолетом. Поговори с этими ребятами и выясни, в чем дело. И тогда мы придумаем, как с этим разобраться.

Феррис подумал об Алисе, об Омаре Садики, и его желудок снова начало сворачивать в узел.

— Я не хочу уезжать из Аммана сейчас. Все уже готовится, что называется, на сковородке. Уезжать сейчас — хуже не придумаешь.

— Понимаю. Но у тебя нет выбора. Эти парни — хорошие гады. Если ты не явишься по вызову, они пришлют кого-нибудь, и ты отправишься домой в наручниках. Не пытайся их наколоть. Уж поверь мне, один раз в жизни я перешел им дорогу, и они мне чуть задницу не порвали. У меня есть хороший юрист, я свяжусь с ним и выясню, чем мы можем помочь тебе. Но сначала тебе придется с ними встретиться. Позвони им сегодня, назначь встречу на послезавтра, и вперед. После того как ты поговоришь с ними, встретимся с юристом и выясним, какого черта нам надо делать. Если ты сразу появишься на встрече в сопровождении юриста, они просто еще сильнее

постараются прижать тебя.

Днем Феррис встретился с Алисой в «Интерконтинентале», рядом с ее офисом, чтобы выпить по чашке кофе. Он сказал, что ему надо срочно ехать домой, на первом же рейсе «Роял Иорданиан эрлайнз» в Европу, завтра рано утром, а оттуда — в Вашингтон. Сказал, что мать заболела и он не может оставить ее одну. Феррис заранее подумал, какая ложь будет самой безопасной, и решил сказать именно это.

— Я видела, что тебя что-то беспокоит, еще в субботу, — сказала Алиса. — Ты был очень печален все время, пока мы ехали домой. Ты уже знал, да?

— Да, — солгал Феррис.

— Хотела бы я как-нибудь повидаться с твоей матерью.

— Обязательно, дорогая.

Она осмотрела его голову, сказала, что все хорошо заживает, а потом взяла его за руку и долго не отпускала. Она была не из тех людей, которые пытаются демонстрировать напускной оптимизм, в тех случаях, когда она чего-то не знала. Феррис первым прервал молчание.

— Эта группа, с которой ты работаешь, «Ихван Исан»... Будь осторожна с ними.

— Ради бога, зачем мне быть осторожной с ними? — ответила она, отпуская его руку. — Это отличные люди. Они хотят помочь мальчикам и девочкам из бедных мусульманских семей. К одному из них я обратилась за помощью, когда спасала тебя в Муте. Что может быть плохого от них?

— Тут не скажешь заранее. Это фундаменталисты, и они не слишком-то любят Америку.

— Это еще один повод работать с ними! Чтобы они поняли, что не все мы — маньяки-убийцы и не ищем террористов в каждой мечети. Слушай, Роджер, давай больше не будем спорить об этом.

Он внимательно посмотрел на нее. Ее лицо заливал румянец, от обилия эмоций. Она не станет слушаться. Если сказать ей что-то еще, это подвергнет ее еще большей опасности. Самой лучшей защитой ей служит неведение. Достаточно провести с ней хоть немного времени, чтобы убедиться в ее искренности. Феррис снова взял ее за руку и крепко сжал ее ладонь.

— Просто будь поосторожнее, любимая, — сказал он. — Вернусь, как только смогу.

Она поцеловала его в щеку.

— Ты всегда так говоришь. «Будь осторожнее, любимая». Но осторожным надо быть тебе, Роджер. Это ты общаешься с настоящими безумцами и убийцами, а не я.

— Может, ты и права, — тихо ответил Феррис.

— Хорошо, тогда, когда ты вернешься, у меня для тебя будет работа. Можешь готовить еду для беженцев, мальчишек и девчонок из Ирака. Как насчет этого?

— Превосходно. Может, мне обратиться, стать одним из «Братства Знающих»?

Она поехала к нему домой и помогла собраться в дорогу, ворча насчет грязных рубашек и белья, которые он не постирал. Внизу уже ждала посольская машина. Роджер отвез Алису домой и отправился в аэропорт. Во время долгого перелета в Вашингтон он все время думал о ней, о ее нереальной квартире в восточном стиле, словно из другого мира. А мир здешний, похоже, сжимал его все сильнее и сильнее.

Первое, что заметил Феррис, когда спустя тридцать шесть часов прибыл в штаб-квартиру ЦРУ, так это то, что его жетон не работает. Они уже отстранили его от дел, на электронном уровне. Его встретили два человека из управления ГИ. Они отвели его в комнату для переговоров, лишенную окон, в задней части старого здания. Там их уже ждал следователь из отдела главного инспектора и поверенный главного юрисконсульта ЦРУ, Роберт Кроудж, а также агент ФБР с каким-то

славянским именем. Боже правый, подумал Феррис. Что я такого сделал? Представитель управления главного инспектора, плотная женщина с жестким лицом и коротким каре, в костюме в полоску, представилась как Майра Каллум. Она сказала, что ее отдел расследует уголовное дело, в котором он замешан. Агент ФБР также представился и сказал, что разговор записывается, а также зачитал Феррису его права. Это напугало Ферриса еще больше. Он спросил, может ли он наедине поговорить с молодым юристом из управления главного юрисконсульта, который присутствовал здесь, чтобы защищать интересы Управления, а может, и его самого. После короткого совещания они согласились на это и вышли в холл. По дороге к двери агент ФБР выключил кассетный диктофон.

— Ради бога, зачем все это? — спросил Феррис.

— Не имею права сказать, — ответил Кроудж. — Внимательно слушайте их вопросы и поймете.

Кроудж был молодым парнем. Он напомнил Феррису Джона Дина, юриста, участвовавшего в Уотергейтском деле. Лицо, лишенное малейших намеков на эмоции.

— Я обязан отвечать на их вопросы?

— Нет. Можете отказаться отвечать на любой из вопросов. Сошлитесь на Пятую поправку. Не то чтобы это будет выглядеть хорошо, но это уже ваши проблемы.

— Вы мой адвокат?

— Нет, я защищаю интересы Управления. Можете привлечь собственного адвоката. Но я бы рекомендовал сначала выслушать их вопросы. Если вы не пойдете на сотрудничество, они немедленно отправят вас в оплачиваемый отпуск, и вы на неопределенное время окажетесь в подвешенном состоянии. Дело строго засекречено, так что на поиски адвоката с соответствующим допуском у вас уйдет не один месяц.

— Меня *трахнули!* И я даже понятия не имею за что!

— Извини, приятель. Советую разговаривать только с леди из управления главного инспектора. Если их вопросы зайдут слишком далеко, в подробности операций, я по-любому их прерву. Но говорить с ними придется. По сути, у тебя нет выбора.

Феррис кивнул. Юрист высунулся наружу и позвал в кабинет тех, кто стоял за дверью.

Майра Каллум вошла в кабинет в еще более напряженном состоянии, чем была до этого. Фэбзэровец снова включил диктофон, и они снова представились, чтобы это было отражено в записи. Феррис тоже представился. Они спросили его, отказывается ли он от своего права говорить только в присутствии адвоката, и Феррис ответил утвердительно. Похоже, им не понравилось, что он говорит тихо, и они попросили его повторить сказанное.

— Я собираюсь задать вам несколько вопросов о ваших действиях в прошлом, — начала Каллум. — В период с тысяча девятьсот девяносто девятого по двухтысячный год вы получили назначение в отделение ЦРУ в Демократической Республике Йемен в Санаа, так?

С технической точки зрения ответ на этот вопрос уже представлял собой секретную информацию. Феррис поглядел на юриста из управления главного юрисконсульта, и тот кивнул, давая ему разрешение отвечать.

— Да, это так, — ответил Феррис.

— Вы служили там в должности заместителя оперативного командующего отделением?

— Да, — ответил Феррис. — Сначала я был просто старшим офицером, но потом, спустя шесть месяцев, кто-то отправился домой, и меня назначили заместителем оперативного командующего.

— Находясь в этой должности, вы поддерживали регулярную связь со службами безопасности этой страны, Йемена, так? — спросила Каллум. Она говорила сухо и жестко, ее голос звучал словно откуда-то из-за ее спины, будто она была куклой в руках чревовещателя. Она сразу не понравилась Феррису, как не понравилось ему и то, что его допрашивают, как преступника.

— Очевидно, — напряженно ответил он, не в силах скрыть раздражение. — Естественно, я поддерживал связь со спецслужбами страны, где мы находились. Сотрудники Управления занимаются этим по всему миру. Оперативники, работающие на поле боя, а не те, кто отсиживается в штаб-квартире и мешает им делать свое дело.

Кроудж покачал головой. Зачем бесить этих людей?

— Ответа «да» или «нет» вполне достаточно, мистер Феррис, — сказала Каллум. — Приберегите свои паршивые замечания насчет Управления для будущих соседей по тюремной камере.

— Что это значит, черт подери?

Она проигнорировала его вопрос и продолжила.

— Итак, встречались ли вы семнадцатого февраля двухтысячного года с сотрудниками йеменской разведки, «Му-ха-ба-рат»? — спросила она. Последнее слово она произнесла по слогам, чтобы оно четко звучало в записи, на случай, если ее потом придется переводить в текст.

— Откуда я знаю? Я не вел дневник.

— Хорошо, я освежу вашу память, мистер Феррис. В феврале того года, семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого числа, помогали ли вы сотрудникам «Му-ха-ба-рата» в допросе подозреваемого в связи с «Аль-Каедой» Са-ми-ра На-ки-ба, находившегося в их тюрьме?

Чтоб мне, прошептал Феррис. Догадка ударила ему по голове, словно молот. *Это из-за Гретхен.* Она донесла на него. Она не забыла его давний рассказ о допросе в Йемене. Он тогда рассказал ей, что пленный из «Аль-Каеды» умер у него на глазах. Она тогда сказала, чтобы он никогда не вздумал рассказывать об этом кому-то еще, поскольку с технической точки зрения это было нарушением закона. Феррис давно забыл об этом, но она помнила, на случай, если ей понадобится надавить на него. Вот и пришло ее время.

— Мистер Феррис, я жду вашего ответа, — гнусаво повторила Майра Каллум.

— Откуда вы получили информацию? — спросил он. — От «анонимного» осведомителя, так?

— Это не имеет отношения к делу. Отвечайте на вопрос. Встречались ли вы с сотрудниками йеменской разведки семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого февраля двухтысячного года?

— Я отказываюсь отвечать.

— На каком основании?

— Это секретно.

— От имени Управления заявляю, что мисс Каллум, агент Саковиц и я имеем соответствующий допуск по секретности и можем выслушать эту информацию, — вмешался Кроудж.

— Извините. Я впервые вижу всех вас, так что хочу получить письменное разрешение от моего начальника, Эдварда Хофмана, главы ближневосточного отдела. И никак иначе.

Кроудж устало посмотрел на него. Каллум была в ярости. Агент ФБР выглядел скучающим.

— Продолжайте задавать вопросы, — сказал Кроудж. — Я свяжусь с четвертым этажом в течение минуты.

— В течение вышеназванных дней, во время допроса Са-ми-ра На-ки-ба, были

ли вы свидетелем того, как заключенного избивают?

— Я отказываюсь отвечать.

— Почему?

— По той же причине. Это секретно, и я не могу нарушать закон, отвечая без соответствующего подтверждения вашего допуска со стороны моего непосредственного начальства.

— Видели ли вы, как сотрудники разведки угрожали заключенному Са-ми-ру Ха-ки-бу крикетной клюшкой, а затем избивали его ею? По голове?

— Секретно. Секретно.

— Пытались ли вы хоть как-то воспрепятствовать сотрудникам «Му-ха-ба-рата» в их действиях, как этого требует приказ номер двенадцать тысяч триста тридцать три Правительства США и внутренние приказы по Управлению, регламентирующие подобные ситуации?

— Секретно. Секретно. Секретно.

Каллум с ненавистью посмотрела на Ферриса. Для нее он был плохим, одним из тех, кто мешает ее продвижению по службе, рискует собой и другими, заваривает кашу, которую будут расхлебывать другие.

— Мистер Феррис, я не принимаю ваши доводы как причину для отказа от ответов. Я имею *полный* доступ к такого рода информации. Вы оскорбляете меня лично и отдел главного инспектора в целом, подвергая сомнению мой доступ к информации, пытаюсь изворачиваться. Помимо нарушения уголовного законодательства США, вы ведете себя самонадеянно, и я уверяю вас, что вы за это поплатитесь.

Феррис посмотрел на нее и впервые за весь разговор улыбнулся. Он ее достал. Он пошатнул ее уверенность в себе как юриста. А уж это чего-то стоило.

— Просто свяжитесь с Эдом Хофманом, — сказал он. — Покажите мне письменное разрешение от моего начальника обсуждать эти вопросы, и я буду говорить с вами. Возможно.

Вскоре их разговор завершился. Они не могли прийти к соглашению, и Кроудж забеспокоился насчет того, что Феррис в действительности может оказаться прав насчет необходимости письменного разрешения от Хофмана рассказывать о работе связанных, одном из наиболее засекреченных аспектов деятельности Управления. Они выдали Феррису временную карточку. Выйдя из штаб-квартиры, он позвонил Хофману и договорился о встрече в «Старбакс» в торговом центре «Маклин».

Глава 24

Вашингтон

Время было к полудню, и в «Старбакс» почти никого не было. Единственным человеком поблизости была студентка с вьющимися волосами, что-то яростно набивавшая на клавиатуре своего «Пауэрбука» и слушавшая музыку через iPod. Феррис уселся в полутемном углу, поедая огромный пирожок с бананами и орехами в надежде, что куча калорий заставит его чувствовать себя получше. Хофман заказал фрапуччино с миндалем и принялся потягивать его через толстую соломинку, устроившись рядом с Феррисом.

— Ну, по крайней мере, теперь я знаю, в чем тут дело, — сказал Феррис. — Это Гретхен, моя жена. Когда-то я рассказал ей о нехорошем событии, свидетелем которого стал в Санаа, когда там допрашивали пленника из «Аль-Каеды». Что я ничего не сделал, чтобы их остановить, и тот парень вскоре умер. Теперь она решила это использовать, чтобы надавить на меня, поскольку я хочу с ней развестись. Верь, не верь, а дело именно такое.

— Я впечатлен, — сказал Хофман, отставляя в сторону стакан. — Она действительно настолько тебя любит... Но это не отменяет того, что ты серьезно вляпался.

— Не хотите же вы сказать, что вся эта ерунда пройдет всерьез?

— Именно так, как это ни печально. Мой информатор в отделе главного инспектора сказал, что их информатор — очевидно, твоя очаровательная жена — имеет влияние среди политиков. Друзья на самых высоких постах, близко к Белому дому. Так что, когда она предоставила эту информацию, отделу главного инспектора пришлось возбудить дело. Как говорит мой информатор, они не считают его очень серьезным. Если начать наказывать всех тех, кто присутствовал при грубых допросах, придется уволить половину Оперативного управления. Но у них нет выхода, если информатор не отзовет свой донос. Кстати, я поговорил с моим юристом, Марком Шихэном. У него все возможные допуски, так что отдел главного инспектора не возражает против твоего общения с ним. На самом деле ГИ хочет спустить это на тормозах. Он понимает, что тут пахнет чем-то не тем и это повлечет неприятности. Шихэн увидится с тобой сегодня, в пять или шесть вечера, не помню. Я объяснил ему, что ты нам позарез нужен и мы не можем тратить время на всю эту ерунду с законами. Нам надо *шевелиться*.

Феррис на мгновение задумался, стараясь не слушать, как Хофман тянет через соломинку свой фрапучино.

— Значит, если информатор заберет свой донос, отдел ГИ закроет дело? Я правильно понял?

— Ага. Может быть, спроси Шихэна. Он в таких делах разбирается. Суть в том, что судебное разбирательство невозможно без свидетелей. А если все молчат, они не смогут никого осудить. Бог знает, но я думаю, что йеменцы не станут болтать. Ведь они убили этого парня. И жертва тоже ничего не скажет, поскольку она более чем мертва. Итого, что у них есть? Ни хрена. В Багдаде все спокойно. Дело есть, свидетелей нет. Ты никому этого не рассказывал, кроме своей жены?

— Нет. В протоколе я записал, что заключенный умер после допроса. Это все, что они могут найти. Но я ничего не излагал в подробностях. Даже вам не рассказал. Надеюсь, что не рассказал.

— Уж точно, — сказал Хофман. — Иначе я был бы обязан доложить об этом. Вали отсюда. Встреться с Шихэном. Хороший юрист может уладить все. А ты мне нужен в Аммане. Время идет.

Офис Марка Шихэна располагался в причудливом здании на Пенсильвания-авеню. Входя в него, ты словно попадал в другую Вселенную. Секретарь усадил Ферриса в приемной, достойной королевских особ. Он пришел раньше, чем надо, выяснилось, что встреча была назначена на шесть часов вечера, а не на пять. Ферриса это не особенно беспокоило. В приемной были удобные кресла, глянцевого журналы, на стене висели картины, настоящие, а не дешевые репродукции, как в других агентствах. За многие годы Шихэн стал для попадающих в неприятности оперативников Управления кем-то вроде ангела-хранителя. Он был одним из лучших юристов города в области уголовного права и хорошо зарабатывал, представляя в судах интересы правонарушителей из числа корпоративной элиты, которым грозило тюремное заключение. Но более всего Шихэн, бывший морпех, не любил, когда комитеты конгресса и ищущие славы юристы начинали свою охоту за добропорядочными сотрудниками ЦРУ, которым никто, кроме него, не хотел помогать. Поэтому он помогал служащим оперативного отдела на общественных началах. Феррис расслабился, хотя бы на время оказавшись под защитой респектабельной юридической фирмы. Секретарь принес ему кофе в фарфоровой чашке на блюдечке, потом диет-колу и печенье. Вскоре Шихэн пригласил его к себе в кабинет.

Феррис подробно изложил ситуацию. Объяснил, какой пост занимает Гретхен в Министерстве юстиции, и свои подозрения насчет ее роли в возбуждении этого дела. Он также изложил во всех неприглядных подробностях процедуру трехдневного допроса в подземной тюрьме в Санаа — угрозы, избиение с применением подручных средств, струящуюся по голове кровь, лужами растекающуюся по полу. Он описал все, как только мог. Он не знал, что они начнут бить заключенного крикетной клюшкой. Не сразу понял, насколько серьезную травму получил тот человек. Но суть дела от этого не менялась. Заключенного забили до смерти.

— При этом присутствовал какой-нибудь другой гражданин США? — спросил Шихэн. Когда Феррис ответил, что он был единственным представителем отделения во время того происшествия, Шихэн явно успокоился. Это означало, что единственным свидетелем, причем косвенным, являлась Гретхен, жена Ферриса. А ее показания могут быть оспорены.

— И что мне следует делать? — спросил Феррис.

— Было бы здорово, если бы ваша жена изменила свои показания. Связалась бы с тем, кому она сообщила обо всем этом, и сказала, что уже не столь уверена в своих показаниях. Это было бы куда легче для всех, в том числе для нее.

— Послушайте, я же отлично понимаю, что ей нужно. Она хочет, чтобы я забрал заявление на развод. Но я не собираюсь этого делать.

— Понимаю, — ответил Шихэн. — Но возможно, есть также и то, чего она *не хочет*. Конечно, я не дам вам определенного совета, но бывают ситуации, когда доносчик понимает, что продолжать развитие дела отнюдь не в его интересах.

— Отнюдь не в ее интересах, — повторил Феррис. Да, такие вещи Гретхен понимает отлично.

Феррис подождал до девяти вечера и позвонил Гретхен на домашний телефон. Он звонил из переулка рядом с ее домом. Когда она ответила, он повесил трубку, поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Она открыла дверь, не снимая цепочку, и сначала не хотела пускать его внутрь. Феррис сперва заподозрил, что у нее мог быть другой мужчина, но потом понял, что нет. Он застал ее за макияжем.

— Какой сюрприз, — сказала она, снимая цепочку с двери. — Ты взялся за ум?

На ней был длинный черный свитер, поверх юбки и блузки, в которых она обычно ходила на работу. По интонациям он понял, что она уже выпила martini. Она пыталась разрушить его жизнь, не стоит забывать этого, даже глядя на стоящую перед ним красивую женщину, кокетливо приоткрывшую рот.

— Я знаю, что ты сделала, — сказал он. — Ты пытаешься уничтожить меня. Но у тебя ничего не выйдет.

— Не говори ерунды, Роджер. Как я могу уничтожить большого и сильного мужчину, сотрудника ЦРУ, который *никого* не боится? У тебя мания. Это ты пытаешься меня уничтожить, разводясь со мной.

— Сегодня я встретился с представителем главного инспектора, а потом пошел и нанял хорошего адвоката. Я знаю, что происходит, и из этого ничего не выйдет. Доказательств и свидетелей нет, только мои слова против твоих. А ты — без пяти минут брошенная жена, разозленная, так что вряд ли тебе кто-нибудь поверит. Я ничего тебе не рассказывал про Йемен и поклянусь в этом в зале суда. Дело сфабриковано ради мести, так что оно проигрышное. Единственная проблема в том, что у меня нет времени заниматься всеми этими юридическими маневрами. Поэтому я хочу, чтобы ты отозвала свое заявление. Скажи, что ты ошиблась. Извинись. Чтобы все это сошло на нет. Тогда мы будем квиты.

Она натянуто рассмеялась, смехом подвыпившего человека.

— Это абсурд. Ты просто жалок, Роджер.

— Сделай так, чтобы все это кончилось, — повторил Феррис. — Я не шучу.

Он говорил холодно и непреклонно, и на мгновение она, казалось, отступила, но быстро собралась с силами и наконец показала себя.

— Я пальцем не пошевелю ради мужчины, который хочет со мной развестись. Эту проблему можешь решить лишь ты сам. Все в твоих руках... дорогой. Как жена я, возможно, и не должна свидетельствовать против мужа. Но как без пяти минут бывшая жена, о чем ты столь холодно заявил только что, — совсем другое дело. Так что решать тебе.

— Нет. Вот мое решение.

— В смысле, «нет»?

— Я не поддаюсь на твой шантаж. Я не останусь в браке с тобой из-за ерундовой болтовни, которую, как ты говоришь, ты от меня слышала. Ведь если я соглашусь, в следующий раз, разозлившись, ты придумаешь что-нибудь еще. В любом случае, я пришел сюда не в роли просителя. Я просто хотел тебе кое-что сказать.

— И что же, ты, крутой парень? — издевательски спросила она, но в ее голосе появился оттенок неуверенности.

— Если ты немедленно не забереешь свое заявление, я приму меры, чтобы защитить себя.

Она снова рассмеялась, но еще более неубедительно.

— И как? Наймешь какого-нибудь из ваших дурацких агентов и пошлешь ко мне? Каменею от страха.

— Я буду защищаться, говоря правду. Расскажу, что я потребовал развода, ты обезумела от ревности и сочинила лживую историю. А потом продемонстрирую им — не только моим работодателям, но и *твоим* — что ты ненадежный человек. Не заслуживающий доверия.

Она покачала головой, глядя на него:

— Ты с ума сошел, Роджер. Я знаю этих людей. У меня друзья в администрации Белого дома. Я часть их мира. Они не станут слушать человека из ЦРУ, такого, как ты. Они вас *ненавидят* и не станут слушать твои обвинения в адрес своего друга, такого, как я. Этого не будет.

— Это уже не будет моими словами против твоих. Есть записи. Письма. Фотографии. Документы. Я могу уничтожить тебя.

Такая неприкрытая угроза не напугала, а, наоборот, разозлила Гретхен. Она решила выплеснуть все свое презрение к нему, годами копившееся в ней.

— У тебя кишка тонка для такого, Роджер. Ты слишком вежлив. Я же тебя знаю, ты не убийца.

— Хочешь — проверь. Я терпел все твои сексуальные прихоти и прочее, позволяя тебе все. Но сейчас другая ситуация. Я сражаюсь за свою жизнь, и, если ты не отступишь, я тебя уничтожу. Честное слово, вот увидишь.

Он развернулся и вышел. Она пыталась звать его, а потом принялась ругаться и визжать, выкрикивая его имя попеременно с мерзкими ругательствами. Соседи по коридору начали открывать двери, чтобы посмотреть, что происходит. Но для Гретхен все уже закончилось. Двери лифта закрылись, и Феррис спустился вниз.

Он приехал в домик в горах, принадлежащий его матери. Он всегда оставлял там приватные документы, отправляясь в заграничные командировки. Она пыталась успокоить его, понимая, что происходит что-то нехорошее, но сейчас он был словно в другом мире. Он собрал все свои документы и принялся перебирать их. Бумаги, старые файлы электронной почты, сохраненные на дисках, цифровые фотографии, которые он никогда не распечатывал, написанные от руки письма. Запершись в своей старой спальне, он занимался этим почти весь день. Вся его жизнь с Гретхен, день за днем. Теперь он выбирал, что пригодится ему в нынешней ситуации. Выбрав из

большой стопки малую часть, он принялся просматривать ее.

Она мошенничала со ссудами на колледж. Возможно, это самое лучшее оружие, оказавшееся у него в руках. Феррис тогда помогал ей в этом и прислал письмо по электронной почте с подтверждением, что все сделано. Еще она смошенничала в юридическом колледже, приписав себе куда больше часов работы в кампусе, чем было на самом деле. Она похвасталась перед ним и этим, по электронной почте. В этом-то и была единственная настоящая проблема Гретхен. Она слишком сильно верила в приличное поведение Ферриса. Кроме того, она лгала на собеседовании в Министерстве юстиции, насчет опыта употребления наркотиков. Это Феррис тоже мог доказать, поскольку она написала ему, прося совета, когда устраивалась на работу. Тогда он в шутку ответил, что надо сказать с честными глазами, что ты никогда не употребляла наркотиков. Она солгала, и это сработало. Когда все было позади, она расчувствовалась и написала Феррису плаксивое письмо с благодарностями. ФБР с наслаждением запустит зубы в это.

И наконец, налоги. В год, предшествовавший свадьбе, когда она в последний раз заполняла отдельную налоговую декларацию, та оказалась неожиданно объемной. Гретхен никак не могла подбить расходную часть декларации и принялась собирать все счета за ланчи и ужины, выставляя это как бизнес-встречи и развлечения. Она даже включила сюда их поездку на Виргинские острова на Рождество. У Ферриса остались все копии чеков. Гретхен ошиблась в нем. У него с самого начала имелось оружие против нее.

Мать Ферриса видела, насколько он занят возней со старыми документами, и не беспокоила его, пока он не закончил свои дела. Это случилось далеко за полночь. Но она все равно отвела его вниз, на кухню, и сделала ему чаю. Начинался декабрь, долина Шенандоа была покрыта опавшими листьями, зимние ветра стучались в стекла ее огромного и пустого дома.

— Приходил человек из ФБР, — сказала она. — По крайней мере, он так представился. Показал мне какое-то удостоверение.

— Ого! И чего он хотел?

— Сказал, что они проверяют твой допуск по секретности, спрашивал, нет ли у нас каких-нибудь старых семейных документов. Записей, писем, чего-то такого. Насчет семьи твоего отца.

— Неслабо. И странно. Ты ему что-нибудь дала?

— Пару бумажек, чтобы он снял копии. Особо и давать-то нечего. Разрешила ему с час поискать по дому. Они уже так делали, когда ты только пошел на работу в Управление. И когда там работал твой отец, много раз. Так что я не слишком беспокоилась.

— Он нашел что-нибудь, что ему не понравилось?

— Нет. Когда он уходил, он выглядел довольным. Сказал, что все в порядке и не о чем беспокоиться. Допуск будет продлен.

Феррис пожал плечами. Наверное, Хофман послал сотрудника, когда он присоединился к обитателям Минсмит-парка. Без разницы. У него нет секретов. И сейчас у него есть другие поводы для беспокойства, посерьезнее. Пожелав матери спокойной ночи, Феррис лег поспать на пару часов, перед обратной дорогой в город.

Он сделал две копии записей. Первый комплект он оставил адвокату, а второй взял с собой, поехав к Гретхен. Когда она открыла ему дверь, у нее был побитый вид. Судя по темным кругам под глазами, этой ночью она спала не слишком-то много. Она поняла, что у него есть способ надавить на нее. Но она в жизни не могла бы подумать, что он сможет сделать это.

Феррис аккуратно, один за одним, выложил на стол документы. Разъяснил

содержание каждого из них, на случай, если она что забыла. Но было очевидно, что она не забыла ничего. Он объяснил, что копии каждого из этих документов находятся у его адвоката, которому дано указание доставить их в отдел служебного соответствия в Министерстве юстиции завтра в десять утра, если от Ферриса не поступит иных указаний. Представив ей все эти доказательства, Феррис ждал, что она начнет обороняться, заявлять, что все это ложь, обвинять его в вероломстве за то, что он хранил все эти документы все то время, что они жили вместе. Может, даже расплатится. Но она молчала, лишь иногда качая головой. Когда он закончил свой рассказ, она посмотрела ему в глаза.

— Я тебя любила, — сказала она. — Но это кончено. Я не могу любить тебя после всего этого. Уходи. Мне надо подумать.

Она пошла в спальню и закрыла за собой дверь. Феррис собрал бумаги и вышел из квартиры.

На следующий день рано утром в отдел главного инспектора позвонил адвокат. Он сказал, что представляет интересы Гретхен Феррис, и объяснил, что миссис Феррис получила дополнительную информацию относительно своего мужа. Она не готова свидетельствовать против него и отзывает свое заявление насчет нарушения им, в качестве сотрудника ЦРУ, федеральных законов и актов. Затем адвокат позвонил Шихэну и изложил ему то же самое. Также он сообщил, что миссис Феррис поручила ему передать, что она согласна на развод.

Эта победа оставила у Ферриса лишь чувство внутренней пустоты. Он понимал, что злоупотребил ее доверием. Она пыталась причинить ему боль, но лишь из любви. Он причинил ей боль в ответ, чтобы защитить себя. На этом все кончилось. Если нет любви, то у Гретхен нет никаких причин дальше возиться с этим делом. Она не тот человек, который берется за безнадежные дела, и очень скоро у нее отбоя не будет от поклонников. Она лакомый кусок, и она это знает. Феррис рассчитывал на ее здравый смысл, но и представить себе не мог, насколько быстро это произойдет.

— Давай за работу, — сказал ему Хофман. Ему позвонили по защищенной телефонной линии и сказали, что расследование Управления в отношении Ферриса закрыто. Хофман сказал Феррису, чтобы тот немедленно садился в самолет, принадлежащий Управлению, и сегодня же вылетал. Он не сказал куда, но вполне очевидно, что не в Амман.

— Хочу посмотреть на Гарри Микера, — сказал Феррис.

— Гарри Микер ждет тебя в морозильнике. Поверь мне, он никуда не денется. И мы уже почти готовы подбросить его в пещеру Сулеймана. Осталось подготовить всего пару вещей. Поэтому я и вытребовал для тебя самолет. Наступает час «Ч». А нам надо сделать эти последние стежки красиво и аккуратно.

Феррис замолчал. Он был готов отправляться, даже, можно сказать, рвался в бой. Но где-то в глубине его сознания таился небольшой вопрос, любопытство относительно того множества маленьких загадок, которые Хофман оставлял неотгаданными.

— Можно вас кое о чем спросить?

— Конечно. Спрашивай, о чем хочешь. Вот отвечу ли я — это совсем другое дело.

— Зачем вам был нужен юрист? Что вы такого сделали, что пришлось покрывать Марку Шихэну?

Хофман ответил усталым голосом, словно вспоминая что-то очень неприятное:

— Не думаю, что ты обрадуешься, это услышав.

— Я хочу услышать это, — сказал Феррис. — Ведь это еще что-то общее в наших судьбах, так?

— Скажем так, я пересек черту. Большую красную черту. А Шихэн убедил людей

в том, что лучше сделать вид, что я этого не делал.

— Какую же черту вы пересекли?

— А вот это тебе совсем не понравится.

— Не надо так, Эд. Я отправляюсь на поле боя, заниматься грязной работой, а вы со мной в игры играете. Так что это была за черта?

Хофман тяжело вздохнул. Ему было проще рассказать, чем спорить с Феррисом.

— Я пересек черту, на которой написано, что мы не должны убивать людей. Никто не хочет признавать, что это часть нашей работы, но мы делаем то, что должны. И я сделал это. Нечто похожее на то, что произошло с тобой в Йемене, с тем заключенным, но это продолжалось дольше, и людей замешано было куда больше. И никогда больше не спрашивай меня об этом. Но и не забывай: когда дело касается операций и я говорю, что надо сделать все, что потребуется, я говорю это всерьез.

Глава 25

Анкара, Инкирлик

Спустя два дня белоснежный «Гольфстрим» с Феррисом на борту приземлился в Анкаре. Выйдя из шумного и грязного аэропорта, Феррис поймал такси и поехал в «Хилтон Анкара», оплот чистоты в этом городе, башней возвышающийся посреди дипломатического квартала. Стоял морозный декабрьский день, город продували суровые ветры с Анатолийской равнины. Турки на тротуарах жались к стенам домов, кутаясь в свитеры и шарфы и ругаясь на холод. Серая пена пара струилась от машин, домов и изо рта у людей. Несколько десятков лет назад это был город сотен мечетей, но, казалось, без единого мусульманина, столь строго блюли военные отделение церкви от государства. Но теперь турки снова возвращались к исламу, и вне международного квартала города сложно было увидеть женщину без традиционного платка на голове.

Устроившись в номере, Феррис позвонил в Амман, Омару Садики. Он говорил в деловом стиле, как это должен был делать Брэд Скэнлон, но дал понять, что возникло срочное дело, точнее серьезная проблема. Шеф инженерного отдела Юнибанка, заведующий ближневосточным сектором, просмотрел проект филиала в Абу-Даби, разработанный «Аль Фаджер». У него возникли вопросы насчет номенклатуры используемой теплоизоляции и способности здания адекватно обеспечивать режим работы кондиционеров. В Абу-Даби суровый климат, летние температуры превышают сорок пять градусов. Специалист усомнился в том, что в «Аль Фаджер» учли этот фактор. Указанная в номенклатуре теплоизоляция вполне пригодна для Иордании, но не для Эмиратов. Здание не сможет адекватно удерживать внутреннюю температуру, создаваемую кондиционерами, и его последующая эксплуатация может оказаться очень дорогой.

Садики удивился.

— Это хорошая теплоизоляция, — сказал он. — Такая же, какую мы используем в Саудовской Аравии. А в Хафр-аль-Батине даже жарче. Уверен, тут не может быть проблем.

— Что ж, вам придется объяснить это нашему инженеру. Он в Анкаре, там же, где и я. Гражданин Турции. Ему необходимо поскорее увидаться с вами. Иначе, по его словам, он приостановит выполнение проекта.

— И что это значит? — спросил Садики.

— Это значит, что вам не заплатят. Извините. Я обескуражен не меньше вас. Дело не займет много времени. Вы можете прилететь сюда и отправиться домой в тот же день. Сотрудник нашего бюро путешествий может все оформить и доставить вам билеты прямо в офис.

Феррис старался не выглядеть настойчивым, но от успеха этой уловки зависело многое.

— Когда вы хотите меня увидеть? — спросил Садики скорее заинтересованно, чем обеспокоенно.

В строительных проектах всегда возникают непредвиденные задержки.

— В среду. Послезавтра, — ответил Феррис. — Это единственный день, в который наш главный инженер может с вами встретиться. Извините, но вынужден просить вас об этом. Он не будет разговаривать с кем-то другим.

— Минуту, подождите, — сказал Садики.

Он включил удержание линии на телефоне, чтобы поговорить с кем-то еще. Вероятно, со своим начальством. Это заняло несколько минут. Феррис уже забеспокоился, что может услышать отрицательный ответ. У них с Азхаром был страховочный план и на этот случай, но не слишком хороший.

Он услышал шум помех, когда Садики вновь включил микрофон своего телефона.

— Итак, мы договорились? — спросил Феррис.

— Вы оплачиваете поездку? — спросил Садики.

— Все расходы. Билет в бизнес-класс и все остальные дорожные расходы, когда мы решим проблему. Нам действительно очень жаль.

— Что ж, хорошо. Я прилечу в среду, двадцать первого декабря, если будет на то воля Аллаха.

Феррис объяснил, где они должны будут встретиться. В старом мусульманском квартале города. Сказал, что билеты будут доставлены в офис Садики в Аммане завтра с утра. Садики ответил, что не надо так беспокоиться. Иорданец, как всегда, был очень сговорчив. Возможно, Ферриса это и могло бы обеспокоить, но этого не случилось.

Вечером того же дня Феррис сел в американский военный вертолет и отправился в Инкирлик. Здесь, в четырехстах километрах юго-восточнее Анкары, располагалась крупная база ВВС США. Во время активной фазы боевых действий в Ираке она служила промежуточным аэродромом для операций американской авиации. Когда он прилетел на место, уже стемнело. У обветшавшего КПП его ждал агент Управления, лицо которого показалось Феррису знакомым. Может, они встречались в кафетерии в штаб-квартире в Лэнгли. Это был лысеющий и немного сутулящийся мужчина лет сорока с небольшим, он представился сотрудником отделения ЦРУ в Анкаре. Ближневосточный отдел поручил ему оказать помощь в транспортных вопросах. Он отвел Ферриса к паллете, на которой был закреплен мешок с его грузами, а потом к поджидавшему их «хаммеру», на котором они проехали с километр, оказавшись рядом с металлическим ангаром, лишенным какой-либо маркировки.

Внутри ангара, положив ноги на свой рюкзак, сидел Джим, армейский офицер, с которым Феррис познакомился в Риме. Он держал в руках потрепанный номер журнала «Пипл». Темные очки-обруч были сдвинуты на лоб, он не снял их, даже несмотря на то, что уже стемнело. Хотя на дворе был конец декабря, на нем была только рабочая рубашка с закатанными рукавами. Джим выглядел еще более подтянутым и крепким, чем в Риме. Такое впечатление, что последние недели он не вылезал из спортзала.

— Привет, бродяга, — сказал Феррис. — Что нового?

— Ничего особенного, сэр. Кроме того, что вы, ребята, в вашем Управлении чертовски таинственны.

— Это точно, — сказал Феррис. — Мы — Центральное управление таинственности.

Сотрудник из Анкары явно чувствовал себя неуютно.

— Эй, парни, я вас оставляю, — сказал он, — «Хаммер» снаружи. Они сказали, что он вам понадобится. Вернусь завтра в шесть ноль-ноль, чтобы отвезти вас в столовку. Если вас здесь не будет, сами будете ее искать. Они работают до семи тридцати.

Извинившись, он оставил наедине своих младших товарищей в еле освещенном кабинете, устроенном в ангаре. Феррис положил мешок на пол и посмотрел на небольшой холодильник в углу. Ему хотелось пить.

— Итак, ты привез бум-бум? — спросил он, допив содовую.

— Конечно, — ответил Джим, кивнув в сторону большого чемодана с колесиками, стоящего в углу. — Пластита хватит, чтобы зашвырнуть нас отсюда в Тель-Авив.

— А машина?

— «Фольксваген гольф». Такая же, какую они использовали, когда устроили взрыв в Стамбуле. Один из моих ребят припарковал ее около общежития для неженатых офицеров, как вы и сказали.

— Отлично, — сказал Феррис. — Поколбасимся.

Джим почесал затылок. Было очевидно, что его что-то беспокоит.

— Мы действительно собираемся устроить здесь это дерьмо, сэр?

— Ага, — ответил Феррис. — Вполне.

— Круто, — сказал Джим. — Но, типа, как? Тут немало взрывчатки, уж поверьте.

Феррис принялся излагать план операции, прежде чем Джим окончательно перепугается. Он достал из портфеля бумаги, приготовленные им и Азхаром, и выложил их на стол. Он обсудил со своим помощником все детали предстоящей операции, складывая их, как мозаику. На это ушел почти час.

— И никто не пострадает? — спросил Джим, когда Феррис закончил брифинг. Он в красках представлял себе, какие разрушения может причинить такой взрыв.

— Нет, если мы все сделаем правильно, — ответил Феррис. — Должно *создаться впечатление*, что пострадали люди. Очень много людей.

Он посмотрел на часы. Десять вечера.

— У нас шесть часов, — сказал он.

— Тогда, что называется, сомкнись и заряжай.

«Я никогда еще не был в ситуации, когда сидящий рядом военный не сказал бы „Сомкнись и заряжай“, — подумал Феррис. — Они так говорят перед тем, как выпить в клубе, посмотреть по телевизору футбол. Может, перед тем, как заняться любовью с женой».

— Я буду заряжать, а ты — смыкаться, о'кей? — ответил он.

Феррис принялся собирать снаряжение — фонари, карты, оборудование для слежения, которое должно было контролировать периметр, пока они будут все устанавливать. Из отдельного кармана он достал очки ночного видения. Джим осторожно покатил чемодан на колесиках к выходу из ангара. На плече у него висела небольшая сумка, где лежали детонаторы, часовые механизмы и средства связи. Они аккуратно сложили свой груз в задний отсек «хаммера». Феррис сел за руль и несколько минут рассматривал карту.

— До общежития ехать минут десять. Поедем с выключенными фарами, на всякий случай, хотя там уже никого не должно быть.

Он принялся настраивать очки ночного видения. Темнота перед его глазами озарилась отраженным светом. Включив передачу, он повел тупомордную машину по ухабистой дороге, засыпанной щебенкой. Несколько раз свернув, в соответствии с указанным на карте маршрутом, он наконец увидел впереди контрольно-пропускной пункт, который обслуживали два американских солдата. Это был единственный проход в зону размером с футбольное поле, огороженную колючей проволокой, —

общежитие для неженатых офицеров авиабазы Инкирлик, здесь жило большинство пилотов, служивших на базе. Оно находилось достаточно близко к границе базы, так что люди из близлежащих городков и деревень увидят, если здесь что-то произойдет. Но в то же время и достаточно далеко, чтобы они не могли рассмотреть произошедшее поподробнее.

Феррис медленно подъехал к зигзагообразно стоящим блокам заградительного барьера, перекрывающего въезд. Он трижды мигнул фарами, и один из часовых дважды мигнул фонарем в ответ. Когда они подъехали к пропускному пункту, Феррис высунулся из окна и назвал пароль. Часовые отдали честь, и один из них нажал кнопку, опуская огромный металлический въездной барьер.

Феррис повел машину дальше, к трехэтажному деревянному зданию. На стоянке рядом стояли несколько «хаммеров» и обычных машин. Занавески на всех окнах закрыты, но свет горит почти везде. Теперь и очки не нужны.

— Вот оно, — сказал Феррис. — Последние из обитателей уехали часа два назад.

— А почему горит этот чертов свет, сэр? — спросил Джим. Очевидно, он предпочел бы действовать в кромешной темноте.

— Чтобы местные думали, что американцы здесь, — ответил Феррис.

— О, правильно. Вас понял.

— Где машина?

— Позади здания, — ответил Джим. — У мусорного контейнера.

Они медленно подъехали к дальнему углу здания. Там в полутьме стоял красный «фольксваген гольф» с турецкими номерами.

— За дело, — сказал Феррис.

Он принялся устанавливать электронные системы слежения, которые предупредят их о любом движении внутри периметра. Потом они достали из заднего отсека «хаммера» остальное снаряжение и подвезли его к красному «фольксвагену».

— Тебе когда-нибудь приходилось минировать автомобиль? — спросил Феррис.

— Никак нет, сэр. Давайте сунем туда вишенку.

Джим открыл чемодан на колесиках и принялся аккуратно доставать оттуда упаковки с пластитом, передавая их Феррису. Тот укладывал их одну к одной в багажник «фольксвагена». Когда весь пол багажника оказался покрыт упаковками, Джим остановился.

— Сколько? — спросил он.

— Всю, — ответил Феррис.

— Это же снесет здание к чертям собачьим.

— Да, если мы все правильно сделаем.

Феррис увидел в глазах военного тревожный огонек.

— Вы уверены, что, когда это рванет, внутри не будет никого из наших?

— Большинство ребят в увольнении, но турки об этом не знают. Те, кто остался на базе, временно размещены в казармах для рядовых, недалеко отсюда. В любом случае, все спланировано. И ты должен просто выполнить задание.

— В Ираке нам говорили то же самое.

Феррис улыбнулся.

— Просто сделай свое дело. Ты достал нужный пластит, с правильной маркировкой?

— Да уж. Когда турецкие саперы станут проверять все это после взрыва, они точно решат, что это «Аль-Каеда». Те же самые штуки, которые были на месте взрыва в Стамбуле в две тысячи четвертом.

— Отлично, — сказал Феррис.

Они молча продолжили свою работу. Когда вся взрывчатка оказалась в багажнике машины, Джим принялся устанавливать детонаторы и часовой механизм.

Феррис обошел здание. Входная дверь открыта. Он спустился в подвал и установил таймер освещения. В течение следующих семидесяти двух часов он будет поддерживать режим освещения здания таким, будто его обитатели никуда не уезжали, включая свет утром и вечером и выключая ночью.

Вернувшись к машине, Феррис застал Джима за повторной проверкой таймера и детонаторов. Наконец он с предельной аккуратностью присоединил последние провода.

— На какое время следует установить таймер? — спросил он, закончив свою работу.

— На семь ноль-ноль, четверг. Не проколись.

— Пусть это делает Управление, сэр, — ответил Джим.

Установив таймер, он закрыл багажник. Если в ближайшие пару дней кто-нибудь появится в окрестностях здания, он не увидит ничего необычного. Феррис снял датчики слежения, а затем тщательно осмотрел все вокруг, проверяя, не оставили ли они чего-нибудь лишнего.

Джим топтался возле «фольксвагена», не решаясь уйти. Его все еще что-то беспокоило.

— Сэр, я просто в раздумье. Что, если утром в четверг сюда забредет какой-нибудь турок? Или кто-то из офицеров, живущих здесь, возвратится из увольнения раньше Рождества? У нас будет какой-нибудь часовой, который прогонит отсюда людей, если они появятся здесь не вовремя?

— Не будет.

— Извините за вопрос, сэр, но почему?

Феррис задумался. Он задал точно такой же вопрос Хофману, когда они разрабатывали этот план в Минсмит-парке. Как избежать случайной гибели невинных людей. Молиться, ответил Хофман. Когда Феррис стал напирать, Хофман добавил, что об операции должно знать минимально возможное число людей. Он хочет, чтобы кто-нибудь погиб, ради успеха операции, понял Феррис.

— Оперативная секретность, — сказал наконец Феррис. — Мы не можем рисковать, выставляя часового. Извини, но мне так приказали.

— Вопросов нет, сэр, — ответил военный.

Его глаза стали неподвижными. Солдаты научены не задавать вопросов, когда этого делать уже нельзя.

Они погрузили в «хаммер» оставшееся снаряжение, проехали через пропускной пункт и вернулись в ангар. Феррис предложил Джиму пива. Двое мужчин пили молча, а потом залезли в спальные мешки, чтобы поспать хоть пару часов.

Оперативник из Анкары приехал за ними в 6.00, как и обещал. Джим уже жевал какую-то мерзость из армейского сухпайка. Феррис сказал своему коллеге, что отправляется не на завтрак, а на аэродром, чтобы сесть в вертушку и лететь в Анкару. Когда он уходил, Джим ткнул его кулаком в плечо, достаточно болезненно.

— Счастливого Рождества, — сказал он на прощание.

Глава 26

Анкара

Декабрьский рассвет окрасил небо на востоке в охряно-красный цвет. Феррис глядел сквозь окно «Блэк Хока» на Анатолийскую равнину, напоминавшую рельефом стиральную доску. Полет был зарегистрирован в турецком Министерстве обороны, так что не надо было лететь низко над землей, но пилот решил поразвлечься. Они летели по руслам рек, резко качаясь вправо и влево, так что живот Ферриса начал отзывать на перегрузки. Распугивали своим грохотом отары овец, заставляя их разбегаться в разные стороны, словно их сметал поток воздуха от винта. Неслись

впритирку к пустынным полям, раздувая волны по высокой траве и придавая пейзажам вид, достойный полотен Ван Гога. Пилот повеселился, резко задрал «Блэк Хок» вверх на подлете к высоковольтной линии, а потом бесшабашно бросив машину вниз и пролетев под проводами. Он знал, что Феррис не станет писать на него докладную. А если и станет, то в летной части на это плюнут.

Остаток дня в Анкаре выдался суматошным. Феррис встретился с Булентом Фархатом, турецким агентом ЦРУ, который должен был изображать главного инженера Юнибанка на встрече с Садики. Когда-то давно Фархат побывал в Афганистане, но турки выбили из его головы джихадистские бредни, оставив его на свободе с условием, что он станет осведомителем — сначала в салафистских кругах здесь, в Турции, а потом, когда он завоевал доверие, то и в мечетях на территории Германии. ЦРУ завербовало его в Германии и теперь работало с ним, как со своим агентом, хотя он и продолжал числиться осведомителем турецких спецслужб.

Феррис отвез Булента в офис, где должна была состояться встреча с Омаром Садики. Он располагался на оживленной улице в деловом квартале, неподалеку от старейших в городе мечетей. Офис был современным, но ничем не выделяющимся, таким, чтобы потом было трудно вспомнить, что же там было, или найти его. Феррис выдал агенту бизнес-карты Юнибанка и портфель с эмблемой компании. Они повторили схему переговоров. Булент должен спросить Садики насчет характеристик удержания тепла и холода той марки теплоизоляции, которую предложила «Аль Фаджер». Сказать, что этого недостаточно, и предложить сменить номенклатуру. Если Садики начнет спорить, предложить ему дополнительную оплату за вносимые изменения. В любом случае, в течение разговора они должны передавать туда-сюда документы и чертежи. А все остальное сделают камера и микрофоны, установленные в офисе.

Затем Феррис позвонил в Амман, Аджиту Сингху, чтобы убедиться в том, что виртуальная составляющая операции 22 декабря тоже готова. Сингх описал ему все придуманные им уловки. Сегодня же он пошлет кодовые послания с адреса электронной почты, якобы принадлежащего Омару Садики, сообщая, что удар по американскому объекту уже подготовлен. Он сочинил заявление о том, что новая воинствующая салафистская группа берет на себя ответственность за теракт на Рождество. Спустя несколько часов после того, как о взрыве станет известно по всему миру, это заявление будет размещено на настоящем джихадистском сайте. Также он составил кучу посланий с поздравлениями, которые должны будут заполнить Сеть. Письма в исламские чаты на mySunna.com и десяток других джихадистских сайтов, где будет разъяснено происхождение и идеология новой террористической группы, устроившей взрыв. Основным их мотивом будет то, что новая группа считает «Аль-Каеду» мягкотелой, раз она атакует гражданские цели в Европе, а не американские военные объекты. В паре писем будут даже обвинения в том, что «Аль-Каеда» продана ЦРУ.

— Ты просто гений, — сказал Феррис своему молодому помощнику.

— Если так, почему я еще девственник?

— Это мы исправим, когда я вернусь, — сказал Феррис. — Найду тебе подружку. Нормально?

— Если можно, двух.

Феррис расхохотался. Интересно, его чокнутый помощник правда девственник?

— Чудесно. Двоих подружек.

На следующее утро прилетел Садики. Феррис послал в аэропорт машину, чтобы его встретили. Иорданца немного задержали на паспортном контроле, что должно было означать, что за ним следят. Феррис ждал его в офисе, в своем обычном гриме, вместе с Булентом. Встреча прошла как по писаному. После часа споров они пришли

к соглашению относительно условий, на которых будет сменена номенклатура теплоизоляции. Булент настоял на том, чтобы они отпраздновали сделку в ресторане поблизости. Феррис извинился и, сославшись на срочные дела, уехал. Садики и Булент отправились в местный ресторан, любимое место исламистских политиков и писак. Их должны были увидеть именно здесь и правоверные мусульмане, связанные с подпольем, и сотрудники турецких спецслужб, следящие за ними. После ланча Садики отвезли на машине обратно в аэропорт, и поздно вечером он уже вернулся домой.

На следующее утро, 22 декабря, на авиабазе Инкирлик в южной части Турции взорвалась мощная бомба. Огромный шар огня было видно за многие километры, и вскоре вокруг базы собрались толпы народа. Местные телеграфные агентства отправили первые сообщения через полчаса после взрыва, а турецкий отдел Си-эн-эн передал кадры, снятые через мощный объектив видеокамерой, установленной далеко за ограждением базы. Над тем, что осталось от здания, поднимался огромный столб дыма. Спустя пару часов после взрыва Си-эн-эн сообщило, что, согласно турецким источникам, целью удара были американские казармы.

Еще спустя пару часов Феррис позвонил Хофману по защищенной линии. Он хотел убедиться в том, что все прошло по плану. Как и Джим, с той самой ночи, когда они закладывали взрывчатку, он беспокоился, что что-нибудь пойдет не так.

— Все прошло почти идеально, — сказал Хофман.

— В смысле? — спросил Феррис.

— В смысле, что какой-то долбаный идиот, рядовой, залез в офицерскую казарму только потому, что услышал, что там до фига свободных комнат. Как-то проскользнул мимо охраны. Его тело опознали полчаса назад.

— О боже.

«Я позволил этому случиться, — подумал Феррис. — Знал, что эта трагическая ошибка произойдет, и ничего не сделал, чтобы ее предотвратить. Что же со мной такое?»

— Не бери в голову. Этот парень нарушил приказ и проник в запретную зону. Это не твоя ошибка. И не моя. Это его ошибка. Так что хватит сентиментальничать, не отвлекайся от того, что на самом деле важно. Мы у цели, так что успокойся.

Феррис ответил не сразу. Он постарался осмыслить слова, услышанные от Хофмана.

— Так вам действительно безразлично то, что этот парень погиб, да?

— Да. Думаю, что да. И тебе того желаю.

Феррис даже не попытался что-то ответить на это, просто попрощался.

Американские и турецкие военные сделали все возможное, чтобы скрыть подробности происшествия, и это им частично удалось, поскольку все произошло на военной базе. Однако в десять утра премьер-министр Турции провел в Анкаре пресс-конференцию для турецких журналистов. Он признал, что на авиабазе в Инкирлике произошел мощный взрыв. Есть пострадавшие, но граждан Турции среди них нет. Представитель премьер-министра позже сказал журналистам, что объектом удара стало общежитие неженатых офицеров, где жили пилоты ВВС США. Он также добавил, что здание практически полностью уничтожено, но американцы поместили пострадавших в полевой госпиталь базы, который обычно использовался для лечения людей, эвакуированных из Ирака.

В Штатах только наступило утро, когда Пентагон сделал свое заявление, в 7.00 по вашингтонскому времени, когда в Анкаре уже было два часа дня. В нем подтверждалось, что взрыв заминированного автомобиля уничтожил офицерское

общезнание BBC США, но потери среди американцев невелики, поскольку большинство офицеров уехали в отпуск в честь Рождества. В Пентагоне отказались предоставить список убитых и раненых, заявив, что об этом будут извещены лишь ближайшие родственники, а некоторым репортерам потом сказали, что список не будет оглашен никогда, поскольку некоторые из погибших находились в Инкирлике, выполняя секретные задания. Это никого не удивило. Аккредитованные при Пентагоне журналисты знали, что Инкирлик служил базой для спецопераций на территории Ирака, такое «тайное» заведение, о котором тем не менее все знали. Снимки хорошо иллюстрировали произошедшее — развалины здания, уничтоженного мощным взрывом, места, где жили летчики, летавшие бомбить Ирак.

Когда на исламистских веб-сайтах появилось заявление от новой террористической организации, взявшей на себя ответственность за взрыв, история получила свое развитие. Ведь в нем другие террористические группы были обвинены в том, что они продались американцам. Новая организация выступила под названием «Мстители Альбани Наср аль-Дина», прежде неизвестным. Но уже к вечеру аналитики в Лондоне и Вашингтоне принялись обсуждать это новое ответвление, отпочковавшееся от «Аль-Каеды». Имя, взятое новой организацией, принадлежало часовщику из Дамаска, погибшему в 2000 году, который стал известен благодаря своим вольным толкованиям высказываний пророка Мухаммада, *хадис*, идущим вразрез с сухими трактовками официального канона. Для части наиболее экстремистски настроенных салафитов он стал кем-то вроде современного святого. Он был понятен тем, кто хотел очиститься от скверны современной жизни и воссоздать чистоту и боевое братство, воссиявшие при жизни Пророка. Последователи Альбани жили в Сирии, Саудовской Аравии и Иордании, а центром этого движения была одна из мечетей в Зарке, где многие из них нашли пристанище после бегства из Сирии. Аналитики из разведывательных ведомств также знали, что одним из прихожан этой мечети в Зарке был загадочный иорданский архитектор, который в последнее время обретал все большую известность в джихадистских кругах. Но журналистам они об этом не рассказывали.

Поступали и другие отрывочные сведения, благодаря работе, проделанной Аджитом Сингхом. Аналитики нашли сходство между салафитской риторикой, приведенной в заявлении «Мстителей Альбани», и некоторыми посланиями, в последние месяцы появлявшимися на джихадистских сайтах. Например, часто повторяющаяся арабская фраза «*Нахну риджал ва хум риджал*», буквально переводимая как «Мы люди, и они люди». Для джихадистов это означало, что традиционные интерпретации высказываний из Корана и хадиса не имеют преимущества перед салафитскими толкованиями. Это было сутью высказываний Альбани, призыв к радикальному переосмыслению. Автор статьи в «Лондон дейли телеграф» ссылаясь на высказывания аналитиков, цитирующих радикального шейха из салафитских кругов, Абдель-Рахима аль-Тахана, приведенное в заявлении и появившееся на ряде сайтов. Это была настоящая декларация независимости по отношению к Сунне, традиционному исламскому канону. «Не найдешь добра в Коране вне Сунны, не найдешь добра в Сунне вне праведного салафитского ее толкования». Появились новые убийцы, предупреждала «Дэйли телеграф», даже более опасные, чем те, что взорвали бомбы в Милане и Франкфурте.

Прошли сутки, прежде чем появились первые утечки информации из следственной бригады турецких спецслужб и ФБР, проводивших обследование места взрыва. Эти известия сразу же попали на первые полосы газет и в программы новостей по всему миру. Взрыв в Инкирлике определенно имел отношение к «Аль-Каеде». Эксперты установили, что детонаторы и взрывчатка аналогичны тем, которые были использованы «Аль-Каедой» во время предыдущего взрыва в Стамбуле.

Настоящая операция не бывает идеальной. Следя за разворачивающимися виртуальными и реальными событиями, Феррис пришел к выводу, что обман может быть куда совершеннее реальности. Он вспомнил свой журналистский опыт в начале девяностых, высказывание Джанет Малькольм, прославившейся своими строгими критическими статьями: «Если изложение фактов не вызывает никаких вопросов и сомнений, значит, это выдумка». Это полностью описывало происшествие в Инкирлике. Суть в том, что мир понял: появилась новая группа террористов, способных наносить удары по американцам на территории их баз. Это было шоком, и более всего — для настоящих террористов.

Феррис получил по электронной почте письмо от Гретхен. Сначала, увидев имя отправителя, он забеспокоился, но суть письма его по-своему успокоила. «Ты проиграл», — было написано в строке «Тема». Само же письмо было цитатой из «Вашингтон пост». В колонке «Слухи» появилась заметка о том, что юриста из Министерства юстиции, которая готовилась разводиться с мужем, на выходных видели под руку с высокопоставленным чиновником из Белого дома, одним из самых завидных холостяков Вашингтона. Феррису оставалось только улыбнуться и поаплодировать. Гретхен действовала с неумолимостью сил природы. Если один из путей оказывался непригодным, она просто меняла курс и двигалась в другую сторону. Это было ее подлинным талантом. Она не усложняла себе жизнь самоанализом. Просто выясняла, чего ей хочется, а затем добивалась этого. Но это открывало новые перспективы и для Ферриса. Он вернется в Амман и будет вместе с женщиной, которую любит. Единственным препятствием на этом пути было лишь то, что его и Алису Мелвилл разделяла ложь.

Глава 27

Амман

Хани Салам вызвал Ферриса в тот же день, когда Роджер вернулся из Анкары. Все, что шеф сказал по телефону, так это то, что дело срочное и оно касается Инкирлика. Буря в прессе только набирала обороты, и Феррис забеспокоился, что Хани может смести сплетенную ими паутину.

Когда Феррис прибыл в УОР, он увидел в холле новый портрет короля. Вместо старой картины, где Его Величество комфортно восседал с женой и детьми, одетый в рубашку с коротким рукавом, беззаботно, словно на курорте, на новом портрете король был в форме офицера спецназа, мрачно глядел перед собой на воображаемого врага. Знак перемен, подумал Феррис. Беззаботные разговоры о реформах и обновлении закончены. Арабские лидеры почувствовали себя засунутыми в банку со скорпионами.

Хани был, как обычно, элегантен и непроницаем, игнорируя бушующие вокруг него войны. На нем была ярко-синяя рубашка без воротника, но с массивными золотыми запонками. Серый костюм сидел на нем так, как может сидеть лишь вещь, сшитая у хорошего портного, — брюки едва прикрывают ботинки, пиджак аккуратно притален. На лацкан пиджака была приколотая маленькая пальмовая ветвь, в честь Рождества. Было ли это знаком уважения к посетителю-американцу или к множеству христиан, работающих под началом Хани, Феррис не знал.

— Счастливого Рождества, — сказал иорданец, пожимая Феррису руку. Он немного задержал ее в своей, формулируя свой вопрос. — Если ты, конечно, христианин. По-моему, я ни разу не спрашивал об этом, но вы, американцы, нынче столь религиозны... Хуже, чем в Саудовской Аравии. Тем не менее Рождество ведь для всех, не так ли? Здесь, в Иордании, деревья в честь Рождества наряжают даже мусульмане.

— Я неверующий, — ответил Феррис. — Мне нравится петь псалмы, но я уже многие годы не хожу в церковь, с тех пор как понял, что не могу произнести Символ веры. Мне кажется, это было бы лицемерием, как для мусульманина, который пьет вино. Спасибо, что спросили.

— Как там миссис Феррис?

Хани никогда не спрашивал его о Гретхен. Это не могло быть случайным совпадением.

— Мы разводимся. Документы будут готовы через пару недель.

— Да, я что-то слышал об этом. Верю, что ты все делаешь правильно.

— Все прекрасно, Хани, просто прекрасно.

Иорданец не стал развивать тему. Он просто дал понять, что осведомлен о личной жизни Ферриса. Вероятно, он слышал и о расследовании, начатом главным инспектором, но на этот счет предпочел промолчать.

Феррис не хотел болтать попусту. Он устал от лихорадки последних дней в Турции и все еще не оправился от последнего телефонного разговора с Хофманом.

— По телефону вы сказали, что у вас что-то важное. Я весь внимание, как говорят у нас в Америке.

— Да, дорогой, я как раз собирался перейти к этому. Думаю, мы можем помочь вам с этим ужасным ударом по Инкирлику. Мои искренние соболезнования по этому поводу.

Он достал из лежащей на столе папки фотографию и положил ее перед Феррисом.

На ней был Омар Садики. В деловом костюме, с аккуратно подстриженной бородой и настороженно-благочестивым взглядом. Вероятно, увеличенная фотография из паспорта.

Феррис посмотрел на фотографию, стараясь не шевельнуть ни одним мускулом на лице. Он боялся этого. Боялся, что Хани начнет рыскать вокруг Садики. Хофман посоветовал Феррису отрицать какие-либо контакты с архитектором.

— Кто это? — спросил Феррис, непонимающе глядя на фотографию.

— Его зовут Омар Садики. Архитектор из фирмы, расположенной здесь, в Аммане. Они строят мечети в Саудовской Аравии. Работают с благотворительными фондами, финансирующими медресе. Он постоянный прихожанин мечети в Зарке, за которой мы следим уже долгое время. Мы знаем о нем многое.

Хани замолчал, глядя на лицо своего гостя, словно желая в чем-то убедиться.

Феррис сохранял спокойствие, отслеживая каждый вдох и выдох. Он ждал, когда Хани скажет что-то еще, но иорданец тянул время, ожидая, что его спросят.

— Он как-то связан с Инкирликом? — кинул пробный шар Феррис.

— Мы считаем, что да. Свидетельства не слишком очевидны, но они ведут в эту сторону. За день до взрыва он вылетел из Аммана в Анкару. Предположительно, по работе. Но мы связались с турками, и они сказали, что в Анкаре этот Омар встречался с одним турком, когда-то побывавшим в Афганистане. И наш мистер Омар провел в Турции всего два часа. Вполне достаточно, чтобы провести планирование операции. Если, конечно, он делал это. А затем вернулся в Амман.

Феррис на мгновение задумался. Если он не будет осторожен, можно потерять результаты месяцев работы.

— Неплохая добыча, Хани. И что вы с ней будете делать?

Иорданец с любопытством посмотрел на него и достал из лежащей на столе пачки сигарету. Закурив, он задержал дым в легких, а потом клубом выпустил его наружу.

— Вот поэтому я и хотел увидеться с тобой, Роджер. Мы хотим проследить за этим мистером Садики, выяснить, с кем он общается. На сегодняшний момент он самая лучшая ниточка из всех, что у нас есть. Я пока не собираюсь арестовывать его.

И также надеюсь, что вы не станете предпринимать ничего необычного. Думаю, это было бы ошибкой.

Феррис развернулся и пошел к софе. Он почувствовал облегчение, но старался скрыть это. Если иорданцы арестуют Садики, это будет иметь катастрофические последствия. Архитектор будет, заикаясь, повторять, что не имеет никакого отношения к Инкирлику, и через пару часов допроса станет ясно, что это правда. Игра закончится. Феррис снова посмотрел на Хани, лениво попыхивающего сигареткой.

— Думаю, вы правы, — сказал он. — Оставьте его на свободе.

Хани прищурился.

— Да. Следить и ждать. Обычно это самый правильный образ действий. Я не зря был уверен в тебе. Но пообещай мне, что вы не станете трогать его. Никаких полуночных представлений, поскольку я буду следить. Можешь дать мне слово?

— Да уж конечно. Мы и близко к нему не подойдем. И вы тоже. Все будем следить и ждать, хорошо?

Хани кивнул и слегка улыбнулся.

— Тебе надо будет позвонить мистеру Хофману. Думаю, ему следует знать об этом.

— Сразу же, как вернусь в посольство. Он очень обрадуется. Вы отлично работаете, Хани. Никто, кроме вас, не смог бы раскрыть этого. Наша благодарность вам за это.

Хани тычком погасил сигарету. В его глазах все еще светилось любопытство. Или Феррису так казалось.

— Мы союзники. Разве мы можем не помогать друг другу?

Они пожали друг другу руки. Феррис спросил, не требуется ли какая-нибудь техническая поддержка для слежения за Садики. Это была та область, в которой у американцев всегда было что предложить. Но шеф УОР ответил, что в этом нет необходимости, разве что Садики опять покинет пределы Иордании. Феррис спросил, не следует ли оповестить турков или других союзников, и иорданец снова слегка улыбнулся.

— Пока нет, — сказал Хани. — Пусть это будет нашим секретом.

Когда спустя сорок пять минут Феррис пересказал этот разговор Хофману, он снова занервничал. Хофман раз за разом повторял «Вот дерьмо!», словно ожидая еще худших новостей. Но когда Феррис дошел до момента окончания разговора и обещания Хани не трогать Садики, Хофман наконец расслабился. Слава богу, сказал он. Феррис понял, насколько его шеф боялся того, что операция провалится.

— Думаешь, он знает? — спросил Хофман.

— В смысле?

— Думаешь, он догадывается, что мы начали игру с Садики?

— Возможно. Он умен. Но я сомневаюсь. Все улики в наших руках. Чем больше он станет копаться в этом деле, тем скорее он пойдет по тому пути, который я проложил.

— Да, легенда нами сделана. А Хани не гений, и я не устану повторять тебе это. Думаю, у нас все в порядке. Хочешь, чтобы я приехал и поговорил с ним?

— Нет, если вы не планируете посвятить его в детали операции. Если вы приедете, у него возникнут подозрения. Он подумает, что вы снова решили проверить какой-нибудь финт.

— Что я, собственно, и делаю.

— Правильно. Но давайте не будем делать это столь явно.

— Счастливого Рождества, — сказал Хофман. Сочельник уже наступил.

Феррис приехал к Алисе вечером. У нее на голове был сдвинутый набок

рождественский колпак, и она нарумянила щеки. Это сделало ее слегка похожей на тех женщин, которые под Новый год рекламируют скотч или снегоочистители. Феррис не виделся с ней несколько недель и боялся, что она может уехать в Бостон отмечать Рождество с матерью. Но она осталась здесь, прекрасная, как никогда.

Обвив его шею руками, она привстала на цыпочки и поцеловала его, а потом крепко обняла его. Феррис почувствовал ее руки на своих костлявых боках.

— Что случилось? Ты перестал есть? Ты, похоже, похудел килограммов на пять.

— Был занят, часто не хватало времени, чтобы поесть.

— Да уж, кожа да кости. Еще немного, и я тебя в постели не найду, — сказала она, застенчиво улыбаясь.

Они вместе пошли наверх, в тайный сад, который представляла собой ее квартира. Она поставила в гостиной рождественское дерево, небольшой кривоватый кедр, едва переживший дорогу из Ливана, но щедро украшенный гирляндами, игрушками и даже мишурой. Как она все это нашла в Аммане? CD-проигрыватель играл рождественские гимны в исполнении хора Королевского колледжа, а под деревом лежало с полдюжины подарков в яркой обертке. Феррис ухитрился выкроить время среди дня, чтобы заранее сходить в магазин, и сейчас вынул свои подарки из сумки и аккуратно сложил их к остальным.

Алиса побежала на кухню и вернулась с двумя бокалами вина. Они выпили достаточно, чтобы слегка захмелеть, и Алиса принялась водить пальцем по шву его брюк и молнии.

— Не сейчас, — сказал Феррис. — Дух Рождества только пробуждается во мне.

На самом деле он не чувствовал себя готовым к близости. Со времени его внезапного отъезда из Аммана у него накопилось слишком много того, что он хотел бы сказать ей. Он не хотел говорить этого в те редкие разы, когда они общались по телефону, поскольку теперь уже был почти уверен, что Хани прослушивает номер Алисы. Поэтому приходилось коротко отговариваться, типа «Не могу говорить сейчас» или «Объясню позже». Она понимала его. До определенной степени она встроилась в его стиль жизни, осознавая, что у него есть секреты и бывают моменты, когда она должна дать ему свободу действий и подождать, пока он не скажет ей больше.

И он принялся рассказывать. Не все, даже не самую большую часть всего происходящего, но достаточно. Рассказал, что ему пришлось отправиться домой, чтобы предстать перед следствием. Когда он впервые заговорил о разводе, его жена угрожала ответными мерами и удовлетворила свою жажду мести, вытащив кое-какое грязное белье относительно его предыдущей работы в посольстве США в Йемене. Ему пришлось вынудить ее прекратить шантаж и согласиться на развод.

— А что у тебя было против нее? — спросила Алиса.

— Такая же грязь. Ничего особенного. В основном, всякие финансовые дела. В любом случае, я все это уладил.

— Как? — спросила она. Ей хотелось знать это.

— Убедив ее в том, что продолжать дело не в ее интересах.

— Это похоже на шантаж.

— В каком-то смысле. Скажем так, моя жена, бывшая жена, оставила за собой слишком много хвостов. Она знала, что я о них знаю, но думала, что я не стану этим пользоваться. Буду вести себя исключительно галантно.

— Значит, ты все-таки *шантажировал* ее. Скверно это, да?

— У меня не было выбора. И пусть это тебя не пугает. По сравнению с ней ты чиста, как снег на Северном полюсе.

Она снова наполнила бокалы вином. Из колонок доносилось «Двенадцать рождественских дней».

— А куда ты поехал потом, после Вашингтона? Думаю, не на Северный полюс.

— Я поехал в Турцию, — ответил Феррис.

— О боже. Я надеюсь, что тебя там не было, когда взорвалась эта ужасная бомба. Они до сих пор не сказали, сколько погибло американцев. Должно быть, много. Поэтому они и хотят замять все это.

Феррис вздрогнул. Он воочию столкнулся с результатом своей операции. А теперь ему придется дурачить свою подругу.

— Я был в Анкаре. А взрыв был на авиабазе, на юге. Меня там и близко не было. Я сделал дела и вернулся домой. К моей милой.

Он выпил вина, но не почувствовал его вкуса.

— А ты как? Что было в Аммане, пока меня не было? На работе все в порядке?

— Вполне. У палестинских детей в школе зимние каникулы. Они, конечно, не обязаны называть их рождественскими. Некоторые из них приходят ко мне в офис. Мы получили новый грант от Фонда Малькольма Керра, это поможет нам заплатить за эти компьютеры. Эти славные парни из «Циско системс» сказали, что оборудуют все школы широкополосными интернет-каналами. Здорово. Наверное, они хотят внести это в статью рождественских расходов своей корпорации. Единственное, что плохо, так это то, что мы потеряли некоторых наших волонтеров-иорданцев. Это меня печалит.

— Да ну? И кого? — спросил Феррис. Его тело дернулось, будто от удара током.

— Из этой группы, которую ты не любишь. «Ихван Исан». Архитектор, о котором я тебе рассказывала, приходил вчера, дал нам чек и сказал, что это последний их подарок. А сегодня к нам приходил сотрудник «Мухабарата». Он извинился и сообщил, что теперь нам не следует контактировать с Братями. Новые правила относительно мусульманских групп. Для нас это очень скверно. Нам нужны деньги.

— Ты говорила с сотрудником «Мухабарата»?

— Конечно, глупенький. Это же Иордания. Здесь всем приходится общаться с людьми из «Мухабарата».

Феррис почувствовал странное облегчение. Конечно, он не хотел, чтобы иорданцы так сразу принимались за друзей Садики, но его радовало, что Алиса больше не будет с ними общаться. Иначе все стало бы совсем запутанным. То, что Алиса одновременно знакома и с Садики, и с Феррисом, навело бы людей на плохие мысли. Заставило бы их делать выводы.

— Может, это и к лучшему, — сказал он. — Эти мусульманские группы иногда бывают сумасбродными.

— Но не эти ребята. Они классные. Садики даже подкинул мне несколько идей проектов.

— Он опасен, — осторожно сказал Феррис. — УОР не послало бы к тебе человека, если бы они считали иначе. Поверь мне. Ты найдешь других спонсоров. На этих свет клином не сошелся.

Алиса села прямо, оторвавшись от его груди:

— Ты мне что-то недоговариваешь, Роджер. Не надо лжи. Думаешь, я глупая? Ты пугаешься каждый раз, как слышишь имя этого парня.

— Лучше не спрашивай меня об этом. Есть вопросы, отвечать на которые я не вправе. И ты это знаешь. Забудь о том, что я когда-либо спрашивал о Садики. Забудь все это.

— Скажи мне, Роджер. Если любишь меня, скажи.

У Ферриса закружилась голова. Ему хотелось избавиться от всей лжи и испытать счастье покаяния, но он знал, что не может сделать этого, и снова обманул ее, ради ее же спасения.

— Извини. Просто есть такие вещи, о которых я не могу говорить. Это очень опасно.

— О чем ты? Разве правда может быть опасной? Опасна только ложь.

Феррис обнял ее. Сначала она попыталась оттолкнуть его, но он сделал это еще раз, и она перестала сопротивляться. Он бережно обнимал ее за плечи, и наконец ее тело расслабилось и она отступила со своими вопросами. Или понадеялась, что, может, когда-нибудь получит на них ответы.

— Не ввязывайся в эту войну, Алиса. Прошу тебя. Она уже погубила слишком много людей и погубит еще, пока не закончится.

Алиса ушла в ванную. Вернувшись, она вела себя более тихо и осторожно. Что-то в ней изменилось. Феррис видел это, но ничего не мог с этим поделать. Наступила ночь, и они принялись открывать подарки, разложенные под деревом. Алиса подарила ему превосходный арабский халат, вышитый золотом и достойный принца, и к нему — красную феску, какую в старину носили паши Османской империи. Феррис тоже подарил ей одежду. Прекрасное платье от Феррагамо, которое он купил в бутике в «Фор сизонс». Но главный подарок он припас напоследок. Маленькая коробочка, в которой было обручальное кольцо с бриллиантом.

Открыв коробочку и увидев, что в ней лежит, Алиса расплакалась. Потом она ненадолго вышла из комнаты, чтобы прийти в себя. Вернувшись, она поцеловала Ферриса и сказала, что любит его, но потом положила кольцо обратно в коробочку и вернула ее ему:

— Я не могу принять это от тебя сейчас, Роджер. Пока я не знаю, кто ты такой на самом деле.

Глава 28

Вашингтон

Феррис позвонил в штаб-квартиру ЦРУ на следующий после Рождества день. Праздник он провел с Алисой. Это был день, наполненный тишиной. Долгие паузы, фразы, начатые, но не законченные. Что мужчина может сказать женщине, которая отвергла его предложение пожениться? Что женщина может сказать мужчине, который, как она знает, ей лжет? Как мужчина может объяснить то, что, если он попытается сказать правду, все станет намного хуже? «Во имя доброты я не могу быть добрым», — писал когда-то Бертольд Брехт. Во имя правды Феррис не мог сказать правды. Алиса пыталась поддержать праздничное настроение, приготовила индейку, которую как-то ухитрилась найти на городском рынке, ходила в красном колпаке Санта-Клауса, пока Феррис не попросил ее снять его. А потом ему на мобильный позвонил Хофман. Он никогда так не делал. И сейчас он снова сказал Феррису, что надо отправляться домой, и как можно быстрее. Сейчас Феррису было легче уехать, чем остаться. Ему хотелось верить, что Алиса будет в большей безопасности, если его не будет рядом с ней.

Когда он прибыл в Вашингтон, там валил густой снег. Машины, ехавшие по Паркуэй, нещадно мотало из стороны в сторону, и даже въезд в штаб-квартиру ЦРУ был покрыт слоем льда. Феррис загнал взятую в аренду машину в сугроб на Северной стоянке (которую администрация Управления, с ее любовью к цветовым кодам, назвала «Зеленой») и отправился в крысиную нору Хофмана, набитую высокотехнологичной аппаратурой. Теперь у него был собственный пропуск с биометрической идентификацией, которым он и воспользовался, проходя через двери и лифты, чтобы спуститься в Минсмит-парк, место, которого официально не существовало. Шеф был в еще большем, чем обычно, возбуждении. Его лицо было пунцово-красным, и Феррис сначала подумал, что Хофман перебрал на праздники, но оказалось, что он накачал себя чем-то другим.

— Хо-хо-хо, — сказал Хофман. — Счастливого Рождества.

— Очень смешно, — ответил Феррис, еще не отошедший от смены часовых

поясов после долгого перелета. — Хорошо бы, чтоб так оно и было.

— Хорошо? Наверное, да. Пришел черед, сказал Морж, поговорить о многом: ботинках, кораблях и сургуче, о короле и капусте. О том, как море закипает, о том, как свиньи летают. Как сказал несравненный Льюис Кэрролл.

Иисусе, подумал Феррис, он окончательно свихнулся.

— Если быть точным, мой друг, я процитировал «Алису в Зазеркалье», — добавил Хофман. — Именно туда мы и отправляемся, в Зазеркалье. И проводником нашим станет мистер Гарри Микер.

Лицо Ферриса осветила улыбка, достойная кэрролловского Моржа. Время настало. Хофман взял его за руку и повел по коридору, мимо столов, за которыми сидели аналитики и оперативники, управляя своими джихадистскими сайтами и отслеживая свои цели по всему миру. Они дошли до стеклянных дверей на противоположном конце зала, которые, как помнил Феррис, всегда оставались закрытыми. Хофман приложил свой пропуск к сканеру, вложил ключ-карту в щель замка, и дверь открылась. Они пошли дальше, по темному коридору, потом свернули направо и открыли еще одну дверь.

Внутри помещения был мороз, в буквальном смысле слова. Откуда-то вышел Азхар. На нем была теплая куртка и перчатки, чтобы не замерзнуть. Слабое освещение имело странный оттенок, в его свете все было видно, словно сквозь ледяную пластинку. Феррис пошел вслед за Хофманом. На столе лежало тело мужчины, твердое, как бревно. Серая кожа, обтягивающая кости на лице, оттенком напоминала парафин. Он был одет в обычную одежду — широкие брюки со стрелкой и белую рубашку.

— Вот твой парень, — сказал Хофман.

Феррис дотронулся до холодной бледной кожи. Совершенно мертвый человек. Он впервые столкнулся с ним воочию, с тех пор как подал Хофману идею этой операции. У него возникло странное ощущение того, что он сам убил этого человека. Феррис вспомнил потрепанную книжку, «Человек, которого никогда не было». Операция британской разведки, откуда он и взял эту идею. Шестьдесят пять лет назад труп имел имя майора королевской морской пехоты Уильяма Мартина. Его выбросило волнами на берег в Испании. Тогда это сработало, но немцы были глупее, чем Сулейман.

— Я обожаю этого парня, — сказал Хофман, потрепав тело по холодной как лед щеке. — Именно такой оперативник, как мне нужно. Отправляется туда, куда его пошлют, не спорит. Держит рот закрытым, всегда.

Но Ферриса не занимала эта болтовня. Глядя на окоченевшее безжизненное тело, он размышлял. Сработает ли это, сможет ли система зеркал, которую они собрали, отразить свет в нужном направлении.

Слишком долго находиться в одной комнате с телом было холодно, и Хофман с Феррисом ушли в соседнюю, оставив Азхара присматривать за трупом. На столе в комнате стоял открытый металлический чемоданчик, слегка помятый и потерявший цвет от долгого использования. К его ручке была присоединена металлическая цепочка, заканчивавшаяся толстым браслетом, похожим на наручник. Рядом лежала стопка папок с бумагами. Хофман стоял во главе стола.

— Пришло время насадить на крючок приманку. Это твоя идея, Роджер. Что должно быть в этом чемоданчике, как думаешь? Что должен был бы выдающийся оперативник ЦРУ, Гарри Микер, нести с собой, когда его застрелят во время попытки встретиться со связным из «Аль-Каеды»? Давай обдумаем процедуру.

Феррис закрыл глаза, пытаясь перенестись в мир вымысла, который они с таким трудом создали.

— Он несет с собой послание Сулейману, — сказал Феррис. — Это главный

детонатор. Послание Сулейману, из ЦРУ. Когда это увидят другие, они подумают, что Сулейман с нами связан. Оно готово?

Хофман кивнул:

— Послание Сулейману, которое он должен передать через связного в Пакистане.

— Гарри попросит Сулеймана помочь разобраться с новой угрозой, — продолжил Феррис. — С Омаром Садики, на которого Гарри собрал целое досье.

— Точно, — сказал Хофман. — Садики нарушил границы. Сулейман просто уничтожал европейцев, а этот новый человек убивает американцев, на авиабазе в Турции. Поэтому Гарри и решил выйти на контакт со своим сверхсекретным помощником в «Аль-Каеде». Он хочет, чтобы Сулейман пресек действия новой группы отщепенцев, которую возглавляет Садики. Которая не подконтрольна Сулейману.

Феррис восхищенно покачал головой:

— Остается только надеяться, что они поверят в то, что мы настолько хитры. И умны.

— Конечно, поверят. Они считают нас суперменами, потому так и ненавидят.

— Бумаги готовы? — спросил Феррис.

— Угу, но я хотел бы, чтобы ты их просмотрел, прежде чем мы зарядим эту торпеду.

Феррис принялся просматривать папки, потом снова взял в руки одну из них. Он достал нечеткую фотографию, на которой была заснята встреча Садики с Булентом Фархадом в Анкаре.

— Вот эта точно понадобится. Она доказывает, что перед самым взрывом в Инкирликке Садики встречался с человеком из «Аль-Каеды», живущим в Турции. Если бы Управление завело реальное досье на Садики, это стало бы его главным экспонатом.

— В портфель, — сказал Хофман, перекладывая фотографию. — Что еще?

Феррис взял следующую фотографию, из другой папки. На ней был запечатлен Садики в момент встречи в Абу-Даби с юристом, который когда-то участвовал в операциях «Аль-Каеды» по переводу денег.

— Это нам тоже понадобится. Для Гарри это доказательство того, что Садики переправлял деньги, необходимые для организации взрыва в Инкирликке.

— Естественно. Что еще?

Феррис достал документ на бланке ФБР, датированный днем взрыва. В нем были данные анализа пластиковой взрывчатки, использованной в Инкирликке, в сравнении с данными о взрывчатке, использованной при взрывах в Гонконг-Шанхайском банке и в 2003 году при атаке на консульство Израиля в Стамбуле.

— Гарри Микеру потребуется и это. Чтобы доказать связь с «Аль-Каедой».

Взяв в руки бланк, Хофман расхохотался.

— Вот от этого люди Сулеймана придут в бешенство. Как они могут не знать про парня, который берет взрывчатку из того же тайника, что и они? Их используют втемную? Если только... *если только...* если только Сулейман не душит их. Если Сулейман не тот, за кого себя выдает. Если внутри их сети есть «крот». Они не будут знать, что и думать!

Феррис посмотрел на третью фотографию. Надпись на ней гласила, что это офис, арендуемый «Братством Знающих» в Аммане.

Место показалось ему знакомым. Да, старый квартал рядом с офисом, где работает Алиса.

— А это что? — спросил Хофман.

Феррис ответил не сразу, погруженный в свои мысли.

— Эта нам не нужна, — спокойно, но едва слышно ответил он, убирая фотографию обратно в папку.

— А почему? Ничего особо интересного?

— Да. Эту оставим. Она не принесет никакой пользы.

Феррис добавил еще пару вещей. Протокол слежки спецслужб ОАЭ за перемещениями Садики в Абу-Даби. Гарри Микер должен был изучить его. И бланки заказа авиабилетов в Анкару и обратно. Они тоже должны были быть в досье. Доклад Службы иммиграционного контроля Турции, предоставленный связным из турецкой разведки, насчет того, как в течение 21 декабря Садики прилетел в Турцию и сразу же вернулся обратно. Хороший набор. Он представляет как очевидный факт, что Садики является важным звеном новой террористической сети, отколовшейся от «Аль-Каеды», которую ЦРУ желает срочно поставить под контроль. Феррис взял в руки чемоданчик, взвешивая его.

— Ненавижу этих ублюдков, — сказал Хофман. — Поэтому и занимаюсь такими играми с удовольствием. Пусть они уничтожат себя сами. Информация из этого чемоданчика пойдет по цепочке и заставит всех их думать, что главный человек в их организации работает на ЦРУ. Мы зароним в их организацию лишь семена сомнения, а дальше все пойдет само собой. Они начнут сомневаться во всем. Их мир перевернется с ног на голову. Это пилюля с ядом, и, если они проглотят ее, они мертвецы.

Феррис кивнул. Это была его идея, и ему хотелось верить в нее, но он все еще боялся, что они могли что-то упустить.

— Хорошо. Допустим, я — Гарри, — сказал он, продолжая держать в руках чемоданчик. — Я работал в Управлении по делу о взрыве в Инкирликке. У меня есть все доказательства того, что это организовал Омар Садики. Мне нужна помощь Сулеймана. И как мне попасть в Пакистан?

— Вот его маршрут, — начал Хофман. — Сначала Гарри отправляется в Лондон и Париж, чтобы оповестить союзников. Мы пошлем человека, загримированного под Гарри Микера, чтобы он встретился с оперативниками среднего звена из британской и французской контрразведок. Это поможет нам укрепить легенду. Он полетит на том же самом «Гольфстриме», на котором мы отправим труп. У нас есть достаточно карманного мусора, чтобы подтвердить его пребывание в Лондоне и Париже. Чеки из ресторанов и такси, всякая такая ерунда. В Лондоне Гарри сходит на «Кошек» и пошлет своей подруге эсэмэску, рассказывая, как это здорово. Когда ребята из «Аль-Каеды» начнут рыться в мобильнике Гарри, они обрадуются, увидев это. Так по-американски... Мы придумали это вчера.

— Чудесно. Но как Гарри попадет в Пакистан? Это самое главное.

— Он полетит в Исламабад из Парижа. Сначала пойдет в пакистанскую разведку. Мы действуем исходя из того, что там есть агенты «Аль-Каеды», так что мы пошлем человека в гриме Гарри Микера и туда. Он выдаст информацию пакистанцам. А вот потом Гарри начнет действовать самостоятельно.

— Выедет на встречу со своим связным в «Аль-Каеде» в Вазиристан.

— Точно. Он, начальник отделения в Пешаваре и полдюжину ребят из спецназа отправятся в горы, якобы для встречи с вождем пуштунского племени по имени Аззам, работавшим с Сулейманом, когда тот был в Афганистане. Мы на самом деле встречались с этим Аззамом, подкинули ему денег, пытались завербовать его, и это не сработало. Но плохие парни не знают об этом. А Гарри должен будет попытаться передать свое послание Сулейману, адресованное Рауфу. Из радиоперехватов мы знаем, что это имя, которое Сулейман использует, общаясь со своими людьми. А письмо... что ж, имею право сказать, поскольку написал его Сами. Это настоящее произведение искусства.

Хофман дал Роджеру письмо, написанное по-арабски на листе бумаги, таком

жестком, что было точно понятно, что оно из Америки. Феррис принялся вслух читать его, на ходу переводя на английский.

«Во имя Пророка, будь благословенно имя его, и тому подобное, посылаю тебе привет, Рауф, через брата и друга нашего Аззама.

Мы просим твоей помощи по поводу брата нашего, преступившего черту, иорданца. Его фотографию и досье я передаю через Аззама. Просим тебя, как и раньше, принять необходимые меры.

Да пребудут с тобой мир и благословение Аллаха».

— И приложим вот эту фотографию, — сказал Хофман, показывая маленькую фотографию Омара Садики.

Феррис отдал письмо для Рауфа своему шефу, и тот прикрепил фотографию к письму скрепкой, а затем положил письмо в металлический чемоданчик, который должен был отправиться вместе с Гарри Микером.

— У него не будет течь кровь, — сказал вдруг Феррис. — Вы ведь это понимаете, да? Когда Гарри застрелят там, в горной деревушке, у него не будет течь кровь.

— Конечно, не будет! Ради всего святого, он же мертвец. Она будет *сочиться Медленно*. Мы проверяли. Все будет в порядке.

— Мы с ума сошли? — спросил Феррис, обращаясь скорее к самому себе.

— Быть может, но знаешь, что я скажу? Когда дружки Сулеймана увидят все это, попытаются разобраться, что все это значит, они обезумеют ничуть не меньше. Незнание того, что есть правда, а что — нет, грызет людей изнутри. Оно заставляет их задумываться, можно ли верить хоть чему-нибудь вообще. Это разрушительная сила, сомнение. Лучший инструмент дьявола.

Феррис кивнул, стараясь не думать о других вещах, к которым тоже можно было применить высказывание Хофмана.

Глава 29

Вашингтон

Они принялись за последнюю проверку Гарри Микера, словно перед запуском ракеты. Азхар стоял над телом с пюпитром в руке, зачитывая по пунктам список. Когда помощники подтверждали проверку по каждому из них, он говорил: «Есть!» — и читал следующий. Сначала у них возникли сомнения относительно температуры тела. В течение последней недели они нагрели тело Микера на пару градусов. Именно в таком состоянии его и должны были перевозить. Патологоанатом, сотрудник Управления, порекомендовал использовать постепенный процесс оттаивания, чтобы тело прогрелось до температуры окружающего воздуха где-нибудь за пару часов до того, как его найдут. Они сделали несколько замеров специальным медицинским термометром, наподобие того, которым проверяют температуру мяса в магазине, а затем Азхар сказал: «Есть!» — и они перешли к следующим процедурам.

Они проверили каждый карман. Обертки от жевательной резинки из Лондона, Парижа и Исламабада. Хофман решил, что, когда тело найдут, у Микера во рту должна быть жевательная резинка. Это было бы столь естественно. Азхару пришлось предварительно разжевать ее. Денежная мелочь: два евро, британская банкнота в два фунта стерлингов, горсть пакистанских рупий. Есть! Бумажник. Чеки по оплате кредитной картой с заправки «Эксон» на шоссе 123, из прачечной в торговом центре «Маклин», водительские права, кредитные карточки, фотография мнимой подружки, Дениз, с надписью, корешки от билетов, бумажные спички, презервативы. Все, что должно было сделать личность Микера правдоподобной.

И наконец, мобильный телефон. Азхар уже заполнил память телефона, принятые звонки, набранные номера. Во время последней проверки он решил добавить еще один штрих. Три неотвеченных звонка, от Дениз. Если кому-то станет любопытно и он наберет этот номер, он услышит чувственный, с придыханием, молодой женский голос: «Хай! Это Дениз. Оставьте сообщение или что еще».

Одежда Гарри. Теперь на него надели теплое пальто. Ведь тело найдут в конце декабря, в области между Пешаваром и границей с Афганистаном, где живут свободные племена. Для Гарри купили парку с флисовой подкладкой фирмы «Лэндс энд». Вполне подходящая, только выглядит слишком новой, несмотря на то что ее раз пять сдавали в химчистку. Поэтому Хофман по электронной рассылке запросил у всех, работающих в Минсмит-парке, поношенную мужскую зимнюю походную куртку пятьдесят четвертого размера, желательно на флисовой подкладке. Нашлись две куртки. Одна выглядела еще более новой, чем купленная. Другая была заношена как следует, лоснящаяся, с дыркой на рукаве и потемневшей от пота подкладкой. Хофман заявил, что она просто идеальна. Шерстяные брюки, белая рубашка, походные ботинки. Во время финальной проверки, когда они уже были готовы загрузить Гарри Микера в холодильник, в котором он отправится в свою последнюю поездку, Хофман увидел на брюках замятые складки.

— Иисусе Христе! — заорал он. — Кто же отправляется на прогулку на край света в мятых брюках? Что с вами, ребята?

Азхар, готовый ко всему, сразу же принес уют с отпаривателем и быстро разгладил все складки на штанах Гарри.

Находясь в своем оперативном штабе в Минсмит-парке, Хофман и его команда могли отслеживать все этапы путешествия Гарри Микера. Самолет садился в Лондоне, Париже и, наконец, в Исламабаде. Гарри лежал в своем морозильнике, а тем временем настоящий оперативник из ближневосточного отдела, загримированный под Микера, посещал местные отделения ЦРУ и союзнических разведслужб, передавая их сотрудникам последнюю информацию по взрыву в Инкирлике.

На следующий день в «Фигаро» даже появилась небольшая заметка о том, что у США есть новая информация об Инкирлике, насчет иорданской ячейки, отколовшейся от «Аль-Каеды».

Когда самолет приземлился в Исламабаде, мнимый Гарри появился в объединенном штабе разведки союзников. Вечером он отправился в Пешавар. На следующий день он должен был вернуться в Исламабад и затем в Вашингтон, пересаживаясь с одного коммерческого авиарейса на другой. Сам Гарри, «настоящий», лежащий в морозильнике, тоже отправился в Пешавар этим же вечером, в кузове грузовика.

Алекс Смайт, начальник отделения в Пешаваре, лично встретил этот грузовик. Он был в курсе происходящего, но тем не менее, увидев лежащее в кузове тело, перезвонил Хофману:

— Директор точно утвердил все это?

— Расслабься. Это сработает, а вся бумажная работа уже сделана, — ответил Хофман. Он не мог ни в чем винить своего сотрудника из Исламабада. Вся работа в Управлении — это сплошные пересмотры уже принятых решений.

Труп погрузили в лендровер Смайта, небронированную машину с тонированными стеклами. Тело усадили на правое заднее сиденье, почетное место, и крепко пристегнули ремнями безопасности. Хофман позвонил по защищенной телефонной линии и сказал, что надо проверить температуру тела. Смайт сделал это при помощи самого настоящего продуктового термометра. Конечно, от него останется дырка, но у него ничего другого не было. Тело в порядке. Оно примет

температуру воздуха, два градуса выше нуля, примерно через двенадцать часов. Еще часов через двенадцать оно начнет разлагаться. Но к тому времени Гарри будет «мертв». Точнее, его уже мертвое тело будет распластано по заднему сиденью лендровера и нафаршировано пулями.

Смайт встретился с сопровождающими из спецназа среди холмов неподалеку от Пешавара, в базовом лагере, который в течение нескольких последних лет использовался в качестве опорного во время безуспешных попыток взять в плен руководящую верхушку «Аль-Каеды». То, что за их встречей следили, его не беспокоило. Черт, наоборот, даже нужно, чтобы его видели. Они собрали конвой из трех машин. Впереди лендровера ехал бронированный джип, точно такой же ехал и сзади. В каждом джипе — по четверо хорошо вооруженных солдат из Командования специальных операций. Первые восемьдесят километров пути их сопровождали солдаты пакистанской армии, но они покинули их на границе пустынь. Дальше американцы поехали одни, в сторону деревушки Коса, к югу от Мингауры, в северо-западный пограничный район. Один из агентов Смайта, из числа пуштунов, отправил радиogramму Аззаму, предупреждая об американских гостях.

Их появление в Косе было тщательно срежиссировано. Большую его часть Феррис смотрел в реальном времени, благодаря съемке с разведывательного спутника. Когда конвой приблизился к дому Аззама, из окон джипов высунулись дула винтовок. Обычное дело для этих мест. Демонстрация силы, достаточная, чтобы выразить угрозу, но не слишком, чтобы спровоцировать стрельбу. Но даже камере спутника, как, впрочем, и местным пуштунам, не было видно еще четверых спецназовцев, которые скрывались в горах, а этим утром пробрались в деревню.

Когда Смайт подъехал к дому Аззама, он придерживался той же процедуры, что и во время последнего визита в деревню, четыре месяца назад. Он остался сидеть в лендровере, ожидая, пока деревенский мальчишка не позовет Аззама. Пуштун вышел из дома через несколько минут, в окружении своих телохранителей. Смайт вышел из машины и помахал Аззаму рукой. Вождь племени пошел к нему, как и в прошлый раз. Ему снова хотелось получить денег.

— Полегче, малыш, полегче, — сказал Хофман, глядя на монитор и вслушиваясь в звуки, передаваемые радиопередатчиками. Он смотрел на происходящее, словно сидя на дереве посреди деревни.

Смайт заговорил с Аззамом на урду, достаточно громко, чтобы его слышали и подчиненные вождя, стоявшие метрах в двадцати. Он сказал, что с ним приехал гость из Вашингтона, который хочет переговорить с Аззамом наедине. Он преодолел дальний путь, чтобы встретиться с великим вождем Косы и поприветствовать его.

Аззам медленно и торжественно пошел к машине. Легко было угадать его мысли. Почему бы не брать деньги у этих американских придурков? Смайт держал дверь открытой, и вождь племени забрался на заднее сиденье. Когда Аззам уселся, Смайт нажал кнопку электронного замка. Теперь открыть двери лендровера изнутри было невозможно. Затем он хладнокровно направился к стоявшему впереди джипу и сел в него.

Когда Аззам увидел рядом с собой тело Гарри Микера, притянутое ремнями к заднему сиденью, он, конечно же, понял, что что-то не так, но на это ушли драгоценные мгновения. Возможно, он не смотрел в глаза приехавшему, который привез ему деньги, исходя из восточных правил вежливости. А может, они так хорошо загримировали Гарри, что Аззам просто ждал, когда сидящий рядом с ним мужчина в парке что-нибудь скажет. Но примерно через пять секунд он что-то понял. Микрофон, установленный в багажнике лендровера передал по радио в Лэнгли пронзительный крик. Но уже было слишком поздно. Аззам не мог выбраться наружу.

Спецназовцы тоже слышали этот крик в своих наушниках. Командир крикнул

главному телохранителю Аззама, чтобы тот бросил автомат. Пуштун что-то крикнул в ответ, и все подняли оружие. Такие ситуации, когда все держат друг друга на прицеле, случались в пограничных областях всегда. Чаще они заканчивались еще одним криком, разряжавшим ситуацию, иногда — предупредительными выстрелами в воздух. Но на этот раз раздались автоматные очереди, и двое телохранителей-пуштунов упали на землю. Остальные открыли огонь по бронированным джипам, но их АК-74 сниженного калибра не могли пробить броню. Стрельба продолжалась, и небронированный лендровер изрешетило пулями вдоль и поперек. Для пуштунов это уже было жестокой битвой, но на самом деле это была лишь инсценировка.

Люди Аззама и подумать не могли, что первая очередь была выпущена спецназовцами, скрывавшимися позади джипов. Они держали пуштунов на прицеле с самого начала. А у одного из командос в руках был АК-74, и он сосредоточил свой огонь на лендровере, выпустив пару пуль и в ту часть машины, где находился Гарри Микер, чтобы на трупке тоже были ранения. Это тоже было спланировано. Аззам должен был погибнуть, чтобы единственным объяснением произошедшего были документы в чемоданчике Гарри Микера. Тело Гарри не дергалось, и из него не хлестала кровь. Только сочилась.

Смайт и его группа выехали обратно на дорогу под огнем пуштунов, а вторая команда быстро скрылась среди холмов, где их ждали их собственные машины. Отступая, они оставили роскошный боевой трофей. Тело американца, пару дней назад привезенное самолетом из Афганистана. Местные будут чувствовать себя комфортнее, если решат, что убили хотя бы одного американского солдата. Наличие еще одного тела снизит вероятность того, что тот, кто станет позднее анализировать события, усомнится в их правдоподобности.

Смайт и его помощники с грохотом выехали из деревни. Спустя несколько часов прибыли ударные вертолеты. Это должно было имитировать операцию по эвакуации тела американца из лендровера. А также важных бумаг, которые были при нем. Они приземлились на деревенской площади, выставили охрану вокруг лендровера и минут двадцать обыскивали машину. Но Гарри Микера в ней уже не было. Тело и документы унесли в горы люди «Аль-Каеды», как и ожидал Хофман. Через пару часов после этого какой-нибудь из самых преданных полевых командиров должен был открыть чемоданчик и начать разглядывать его содержимое, пытаясь разобраться. А затем придет черед размышлений.

Этим же вечером телеграфные агентства сообщили о том, что американское подразделение попало в засаду и погиб один американский солдат. Про второго американца, в гражданской одежде, прибывшего на встречу с вождем племени, связанным с «Аль-Каедой», расстрелянного в собственной машине, никто не говорил. Но для этого не требовалось никаких телепередач. Уже к ночи в каждой приграничной деревне будут говорить о встрече Аззама с американцами и шептаться о том, что Аззам работал на ЦРУ. Противник заглотил крючок.

Хофман убедился в том, что операция сработала. Они перехватили разговоры по мобильным и болтовню в Интернете. Люди Сулеймана пытались понять, в чем смысл их находки, но они были слишком низкого ранга, чтобы принимать решения. Решать должны были старшие руководители «Аль-Каеды». Пакистанская разведка арестовала курьера, направлявшегося в Карачи. Он вез с собой сообщение о срочном созыве совета, встрече *улемов*, по поводу столь серьезному, что может потребоваться даже личное вмешательство *халифа*. УНБ перехватывало голоса, которые не было слышно уже несколько лет. Члены сети были вынуждены нарушить обычный режим оперативной секретности. С ними случилось самое худшее из того, что могло случиться.

Удача всегда сопровождает хорошо спланированную операцию. Хофман вложил много трудов во второе и начал пожинать плоды первого. Аудиограмма голоса, перехваченного УНБ с мобильного телефона в Вене, была очень похожа на голосовую структуру одного из главных объектов слежения. На линии были помехи, но тщательный анализ показал, что это голос человека, родившегося в Сирии, в Хаме, Карима аль-Шамса, взявшего себе оперативный псевдоним Сулейман. Главный организатор вышел из тени. Смысл разговора был непонятен, поскольку говорившие использовали кодовые слова, но речь шла о мученичестве Хуссейна, принявшего смерть из-за интриг завистливых соперников. Аналитики Хофмана решили, что они правильно поняли суть разговора. Сулейман говорил о том, что он стал жертвой обмана.

При содействии УНБ австрийская полиция получила информацию о районе, из которого прошел звонок. Они оцепили район и проверили несколько многоквартирных домов. Перед рассветом они нашли телефон, но человек, который им воспользовался, уже сбежал.

Феррис хотел вернуться в Амман, чтобы встретить Новый год с Алисой, но Хофман попросил его задержаться еще на день. Он хотел отпраздновать победу. Проблема была лишь в том, что все участники празднования, знавшие, в чем дело, работали в Минсмит-парке. Сама их совместная работа уже была тайной. Поэтому Хофман решил устроить празднование Нового года прямо на работе. Он протащил на территорию Управления еду и выпивку. Выбрал барменов из числа аналитиков. Нашел даже диджея, оперативника, всегда втайне мечтавшего петь хип-хоп. Феррис попытался расслабиться с помощью выпивки и музыки и даже потанцевал с молодой женщиной, работавшей у Азхара. В танце она терлась о его тело, двигаясь вверх и вниз, как у шеста для стриптиза.

Но мысли его были не здесь. Операция закончилась, и он чувствовал себя опустошенным. Что бы теперь ни случилось, Феррис не сможет это контролировать. Даже увидеть. Пустоту внутри заполняли лишь мысли об Алисе. Все те годы, что он жил с Гретхен, он задумывался, что это значит — быть влюбленным. Теперь он знал это. На этот Новый год он должен принять решение. Феррис принялся искать глазами Хофмана, чтобы поговорить с ним, но тот куда-то исчез.

Феррис уже звонил Алисе, днем. Она собиралась пойти на вечеринку в «Форсизонс» с друзьями-иорданцами. Она не стала винить его в том, что он не с ней, просто тихо обошла этот вопрос. Когда в Аммане наступила полночь, Феррис снова позвонил ей, но она не отвечала. Его сильно расстроило, что он не может произнести ее имя в новогоднюю ночь, передать ей поцелуй хотя бы по телефону. Он оставил ей сообщение. Внутри штаб-квартиры ЦРУ его мобильный не работал, так что он не знал, пыталась она ответить или нет.

Феррис покинул празднующих и ушел в пустой кабинет. Взяв в руку телефон, он снова набрал номер Алисы. Буханье музыки из динамиков мощной аппаратуры доносилось даже сквозь закрытую дверь. Алиса подняла трубку после третьего гудка. У нее был сонный и немного хмельной голос, будто она выпила снотворного.

— Я должен кое-что сказать тебе, — сказал Феррис. — Я принял новогоднее решение.

— Что? — переспросила она. Очевидно, она еще не до конца проснулась.

— Я готов.

— Что?

— Я готов к тому, чтобы мы были вместе. А все остальное не имеет значения.

— Все имеет значение. Когда ты вернешься домой? — спросила она. Ее голос звучал потерянно, она словно прощалась с ним.

— Завтра, — ответил Феррис. — Я вылечу сегодня днем, прилечу завтра,

поздно вечером. Приготовлю тебе ужин. Буду любить тебя. И дам тебе то, что ты хочешь.

— Чудесно, — сказала она, видимо окончательно проснувшись. — Что ты имеешь в виду?

— Я скажу тебе правду. Я больше не могу жить во лжи. И не должен. Все кончено.

— Не понимаю, о чем ты, но звучит здорово.

— Хорошо, — сказал Феррис. — Я осознаю, о чем говорю.

Феррис провел в пустом кабинете еще некоторое время, думая об Алисе и о том, что он сделает в этот Новый год, если выполнит, что решил. Он расскажет ей все. А значит, ему придется уйти из Управления. По-другому нельзя. Часы подбирались к полуночи, когда в дверь вломился Хофман. У него в руках была бутылка шампанского и два фужера.

— Давай, мерзавец, — проворчал он. — Нам надо поговорить.

Он уже хорошо напился, и спиртное приглушило его обычный веселый настрой. Сейчас он выглядел меланхоликом.

Сев за стол напротив Ферриса, он налил в фужеры шампанского. Феррис ждал какого-нибудь мерзкого и бравурного тоста, но Хофман молчал. Тогда он сам нарушил молчание.

— Мы сделали это, — сказал он, поднимая бокал. — Не думал, что это возможно, но мы сдюжили. Мы влезли в их ДНК.

— Ага, конечно, — мрачно ответил Хофман.

— Никаких сомнений. После того, как они перехватили звонок Сулеймана. Он попал в переделку. Иначе бы он не вышел на поверхность. За последние дни мы поймали столько новых нитей, что скоро сможем накрыть кучу их сетей, от Лондона до Лахора.

Хофман покачал головой. Дело было не только в выпивке. Его что-то беспокоило. Но Феррис не хотел делить с Хофманом его проблемы, у него хватало собственных.

— Успокойтесь, босс. Это победный раунд.

— Мы пока не победили.

— Но мы куда ближе к победе, чем всего неделю назад. Выпьем.

Феррис чокнулся с Хофманом и выпил бокал почти до дна. Но его старший товарищ не стал пить.

— Все слишком хорошо, — сказал Хофман. — Значит, что-то не так.

— О чем вы? Ради бога, почему нельзя сказать «да»? Оно сработало. Господь знает как, но мы это сделали.

Феррис и слышать не хотел о неуверенности в себе или оставленных «хвостах». Сейчас, когда он выполнил свою часть операции, он думал о том, как начать новую жизнь. Он хотел, чтобы Хофман оставил его в покое и дал возможность самому творить свое будущее.

— Что-то не так. Сулейман не должен был выйти на поверхность так быстро. Я этого не ожидал. Как будто он прощупывает нас, пытаясь узнать, много ли мы знаем на самом деле.

— Ладно, Эд, не надо паранойи. Вы слишком долго жили в этом стиле. У вас послеродовая депрессия. Хватит, дружище. У вас родился отличный уродец.

— Думаешь? Зачем Сулейман оставил нам свой мобильник? С кем он говорил о предательстве? У нас так и не появилось ничего реального. И это меня бесит.

Феррис расхохотался и налил себе еще шампанского. Он устал и, по правде говоря, не интересовался проблемами Хофмана. Он расцеловал Хофмана в щеки, ощутив его кислое дыхание и отросшую щетину. Люди снаружи орали и танцевали, а

потом принялись скандировать имя своего шефа:

— Хоф-ман! Хоф-ман!

Полночь приближалась, они считали оставшиеся секунды. Они хотели встретить Новый год со своим боссом.

Хофман вышел из кабинета. Он был настоящим лидером и не мог пропустить свой ход. Забравшись на стол, он поднял вверх бутылку.

— С Новым годом! Спасибо за ваш тяжелый труд! Будем работать дальше. Я люблю вас всех! — крикнул он. Его фраза закончилась за пару секунд до того, как часы показали двенадцать. Идеальный расчет времени, как обычно.

Толпа взревела. Они были пьяными, радостными и вымотанными одновременно. Толпа замкнула хоровод вокруг женщины с пышными формами, главы отдела по слежению за террористическими ячейками. Посреди этого безумия Феррис, пожалуй, был единственным, кто заметил, что Хофман тихо ускользнул обратно в кабинет и закрыл дверь.

На Новый год пропал Омар Садики. Феррис узнал об этом, когда ехал в аэропорт, чтобы вылететь в Амман. Отделение в Аммане прослушивало телефоны Садики, чтобы он не вляпался в неприятности, и в день перед Новым годом стало ясно, что он не отвечает на звонки. Начальник оперативного отдела, командовавший отделением в отсутствие Ферриса, занервничал.

Ближе к вечеру он послал одного из агентов домой к Садики, чтобы выйти на контакт с ним. Придя туда, агент застал дома толпу женщин и детей в полном замешательстве. Жена Садики сказала, что к ее мужу утром пришли какие-то посетители, он уехал вместе с ними и с тех пор не возвращался. Они звонили и в офис, и в мечеть, и в кофейню, где любили проводить дни члены «Ихван Исан». Но его нигде не было. Женщина сказала, что ее муж был чем-то озабочен. Что бы то ни было, но в результате он исчез.

После разговора с заместителем Феррис тут же позвонил Хани по защищенной линии. Хани сказал, что уже в курсе этих новостей, и несколько раз извинился. Он не знает, как Садики удалось ускользнуть от его слежки. Это моя ошибка, несколько раз повторил Хани. УОР должно было более тщательно следить за этим человеком. Они не должны были позволить ему исчезнуть. Феррис никогда еще не слышал, чтобы Хани говорил таким извиняющимся тоном.

— Черт, — пробормотал Феррис себе под нос по окончании разговора.

С того самого момента, как они с Садики встретились в Абу-Даби, он знал, что с Садики случится что-нибудь нехорошее. Он слишком уязвим, типичная пешка в чужих играх.

Феррис заставил себя не думать о последствиях. Если слишком много думать о том, что может случиться с твоими агентами, никогда не сможешь провести операцию. Но ведь Садики даже не агент. Он никто, он ничего не знает. Возможно, ему будет легче от этого, когда пленившие его люди начнут допрос. Но Ферриса снедал страх, в котором он едва ли был готов признаться даже себе.

На самом деле его волновала не судьба Садики. А лишь тот факт, что Садики знаком с Алисой Мелвилл.

— Почему я не вывез его из Иордании, чтобы спасти его? — спросил Феррис Хофмана, позвонив ему час спустя. — Почему я оставил его там? Он же просто мишень.

— С ним все будет в порядке. Они изобьют его, он расскажет им все, что знает, а он ничего не знает. Он будет отрицать какую-либо причастность к Инкирлику. Расскажет, что был в Турции по делам, насчет архитектурного проекта для американского банка. Расскажет про Брэда Скэнлона. Они не поймут, чему же здесь

верить, избьют его до полусмерти, но он будет повторять свои признания, и после этого они будут знать еще меньше, чем вначале.

— Они убьют его.

— Сомневаюсь. Если так, то что? Как я всегда говорю тебе, дерьмо случается. Если бы мы тряслись над каждым обжегшимся Джо, мы бы никогда и ничего не добились.

— Боже. Вы хладнокровный мерзавец.

— Как и ты, — ответил Хофман. — Просто ты не хочешь в этом признаться.

Хофману действительно плевать, для него человеческие жизни не ценнее пластиковых карточек на планшете.

— Они вычислят *меня*, — сказал Феррис. — Когда они допросят Садики, он меня выдаст, и они меня вычислят.

— Не смогут. Они узнают твой псевдоним, ну и что? Грим у тебя был просто сказочный. Легенда железобетонная. Она была подстрахована по всем пунктам. Хватит нервничать. Омар вернется на работу, быть может, без одного-двух пальцев на руках или ногах, и что? Найми его, чтобы он построил тебе домик у моря.

— Они станут допрашивать Садики насчет других американцев, живущих в Аммане. Они попытаются выяснить, нет ли у него связей с посольством, через людей, которые могут знать и меня.

Тон Хофмана стал раздраженным.

— Слушай, Роджер, что ты хочешь сказать, конкретно? У меня есть и другие дела.

Феррис призадумался. Можно ли выдать Хофману страшную тайну, спрятанную в глубине его сердца? О том, что Омар Садики знаком с женщиной-американкой, которая, в свою очередь, знакома с мужчиной-американцем, работающим в посольстве. Которого зовут Роджер Феррис. Но у него не хватило на это смелости. Он наконец-то понял, что не доверяет Хофману. Завершив разговор, Феррис принялся называть Алисе Мелвилл. Она не отвечала — ни с домашнего, ни с рабочего, ни с мобильного. Может, куда-то вышла. Может, у нее похмелье. Может, куда-то поехала. Может, завела себе нового любовника.

Феррис провел ночной перелет из Вашингтона в Лондон в состоянии нарастающей паники. Он додавил кость до предельной точки, и сейчас она щелкнула, ломаясь.

Глава 30

Амман

Когда ближе к вечеру 2 января Феррис прилетел в аэропорт имени королевы Алии, там царила полусонная, послепраздничная атмосфера. Офицер на паспортном контроле едва глянул на экран компьютера, штампуя ему паспорт. В магазине дьюти-фри все еще висели рождественские плакаты, рекламирующие выпивку и сигареты для путешествующих мусульман. Внутри никого не было. Даже портье, пытавшиеся обычно сшибить чаевые, толкнув на пару десятков метров вашу грузовую тележку, сейчас выглядели устало. Ветер, дующий с пустыни, усиливался, начиналась песчаная буря. Феррис вышел из терминала аэропорта в этот призрачный полумрак. Автомобили, словно тени, внезапно выныривали из облаков кирпично-красной пыли. Глубоко вздохнув, Феррис почувствовал на зубах крошечные крупинки песка.

После посадки Феррис позвонил Алисе, но она опять не ответила, и он решил сразу ехать к ней, в старый квартал города. Она дала ему ключ. Кроме того, она всегда говорила, что любит сюрпризы. Феррис попытался успокоиться. Если ее нет дома, он подождет ее. Да, подождет, может, приготовит ужин и зажжет свечи. Окутает

ее покрывалом своей любви. Им придется начинать заново. Покончить с прошлым и начать все заново. На это уйдет час-два, пара стаканов вина, чтобы сгладить неловкость ситуации. А потом она будет подшучивать насчет людей, с головой уходящих в работу, спорить с ним об отношениях Америки и арабов. Когда напряжение спадет, он примется за развенчание лжи, шаг за шагом, чтобы наконец-то создать что-то настоящее.

Феррис попросил водителя такси, везшего его из аэропорта, остановиться на улице Басман. Он позвонил в домофон, но никто не ответил. Тогда Феррис сам открыл дверь и начал подниматься по лестнице к ее квартире. Входная дверь была приоткрыта, и он наконец-то расслабился. Судя по всему, Алиса все-таки дома. Он открыл дверь и позвал ее. Не услышав ответа, он вошел внутрь и пошел в спальню, надеясь найти ее там. Потом в ванную, зовя Алису по имени на каждом шагу. Кот Алисы, Элвис, валялся на кровати, но кроме него здесь никого не было. Дверь в ванную была закрыта. Увидев это, Роджер представил себе Алису в ванной, ожидая в следующее мгновение услышать, как она напевает какой-нибудь блюз Джонни Митчелла. Но в ванной ее тоже не оказалось, и Феррис забеспокоился по-настоящему.

Он пошел обратно, обошел все комнаты, продолжая звать ее, будто она могла спрятаться в стенах дома. С порога он не очень-то осмотрелся и только теперь заметил, что здесь не все в порядке. Коврик у входной двери лежал криво. Алиса, прирожденная чистюля, никогда не оставила бы его так. На книжных полках в гостиной тоже царил беспорядок. Некоторые книги были перевернуты вверх ногами, другие — вставлены на место переплетом к стене, третьи лежали на столе. На кухне он нашел полуприготовленный завтрак. Открытая коробка с хлопьями, пакет молока, вынутый из холодильника и стоящий на кухонном столе. Феррис понюхал молоко. Еще не прокисло.

Он пошел по коридору в маленькую комнатку, служившую Алисе кабинетом. Ящики стола открыты, несколько папок лежат на столе. Ноутбука нет. Теперь Феррис испугался всерьез. Кто бы ни побывал в квартире, он забрал компьютер Алисы, со всеми файлами. Возможно, это просто грабители. Если Алиса с утра опаздывала на работу, она могла не доесть завтрак. А потом, когда она ушла, в квартиру забрался вор. Феррис позвонил ей на работу с телефона, стоявшего на кухне. Раздались гудки, но трубку никто не брал.

И только повесив трубку телефона, он заметил на полу кухни следы крови. У стола. Он вскрикнул, почти беззвучно, полный отчаяния. Еще капли, за дверью кухни, через полметра каждая, цепочкой тянущиеся к двери. О боже. Где она? Феррис старался не закричать. Худшее, что он мог себе представить, едва маячившее точкой на горизонте, теперь стремительно приближалось к нему. Он сел на софу и попытался собраться с мыслями. Без паники, сказал он себе. Она действительно куда-то пропала.

Он позвонил на главный номер Совета по ближневосточному урегулированию и попросил позвать Ходу, женщину-палестинку, помощницу Алисы. Она тоже была встревожена. Алиса сегодня не приходила на работу, сказала она. В офисе забеспокоились, поскольку на нее это не похоже. Но потом они подумали, что она может быть у своего друга-американца.

— Это я ее друг-американец, — сказал Феррис, стараясь говорить спокойнее.

Он сказал Ходу, что не следует звонить в полицию или делать что-то еще, пока он сам ей не позвонит. Надо подумать, но в каком ключе? Его собственном или заимствованном у Хофмана?

Ферриса придавила тяжесть обрушившегося на него события. Он допустил это. Алису похитили. Кто-то вломился в ее квартиру и увез ее. Феррис попытался рассуждать логически. Следует ли позвонить офицеру службы безопасности

посольства, чтобы тот вызвал полицию? Это стандартная процедура для всех американцев, находящихся за границей. Или позвонить в отделение ЦРУ и вызвать сюда своего заместителя, вместе с представителем ФБР из посольства? Чтобы они провели экспертизу, прежде чем сюда приедут иорданцы и все испортят. Или позвонить Хани и попросить у него помощи в специфическом деле? Потом он решил, что надо сделать все эти три звонка. Черт с ней, с оперативной секретностью. Это ерунда по сравнению с Алисой. Единственной ошибкой сейчас будет не сделать все возможное, чтобы спасти ее.

Первой прибыла команда из посольства. Агент ФБР быстро осмотрел квартиру, взял пробу крови с пола и снял отпечатки пальцев с кухонного стола, поскольку нападение, очевидно, произошло на кухне. Пока они собирали все улики, Феррис сидел на софе, уткнувшись лицом в ладони. Начальник оперативного отдела, его заместитель, сел рядом с ним. Он был старше Ферриса и раньше иногда позволял себе колкости в его адрес, но не сейчас.

— Это твоя девушка, так? Что я могу сделать? Просто скажи. Сейчас не до правил.

— Не знаю, — ответил Феррис. — Боюсь, что случилось что-то по-настоящему скверное.

— Можешь рассказать об этом?

— Не сейчас. Это слишком сложно. Слишком много таких вещей, о которых не знаешь ни ты, ни остальные. Думаю, ее похитили.

— Хофман хочет с тобой поговорить. Я сразу же позвонил ему после разговора с тобой. Он хочет, чтобы ты как можно скорее поговорил с ним по защищенной линии.

— Не сейчас, — сказал Феррис, покачав головой. — Мне надо подумать.

— И тем не менее. Он не обрадуется.

Заместитель положил ему руку на плечо. Видимо, он хотел сказать что-то еще, но не стал. Феррис был прав. Он слишком многого не знает.

Спустя пару минут приехал Хани Салам с командой экспертов из УОР. Они оцепили место происшествия, натянули пластиковые перчатки и принялись за дело. Щелкали радиостанции, по которым они вызывали помощников. Из услышанного Феррис понял, что на дорогах уже разворачиваются посты и пропускные пункты, чтобы задержать машину, в которой могли увезти Алису. Сквозь окно Феррис увидел стоящих снаружи иорданских спецназовцев в темно-синей форме.

Хани подошел к Феррису, сидевшему у дальней стены гостиной, среди зеркал и красного дерева. Иорданец поцеловал американца в обе щеки. Феррис увидел на его лице искреннее сострадание и наконец-то позволил себе расслабиться. Его глаза наполнились слезами, и он уткнулся в плечо Хани. Тот мягко похлопал его по спине, как ребенка.

— Все будет хорошо, — несколько раз повторил он.

Феррис долго молчал, с закрытыми глазами, пытаясь понять, что же теперь делать. Наконец, открыв глаза, он позвал Хани в спальню, чтобы поговорить наедине. Заместитель и агент ФБР пошли было за ними, но Феррис махнул им рукой. Закрыв за собой дверь, он отошел к дальней стене спальни. Подойдя к телефону, стоявшему у изголовья кровати Алисы, он снял трубку с базы, а потом отсоединил базу от линии. Их никто не должен подслушать. Потом он сел на край кровати и жестом показал Хани на место рядом с собой.

— Мне нужна помощь, — немного дрожащим голосом сказал Феррис. — Вы мне можете помочь? Я должен знать это прежде, чем мы начнем разговор.

Иорданец кивнул. Он был одет, как обычно, элегантно, но лицо его было мрачным.

— Думаю, я знаю, что произошло, — сказал Феррис. — И боюсь этого.

— Рассказывай. Мы найдем ее, если ты нам поможешь.

— Думаю, ее похитили люди «Аль-Каеды».

Хани слегка покачал головой:

— Зачем им это? Твоя подруга — социальный работник. Работает с палестинскими детьми. Ведь так? Зачем она нужна кому бы то ни было?

Феррис понял, что они вторгаются на запретную территорию. Надо было сначала позвонить Хофману и выработать план игры. Но, думая обо всех правилах и требованиях работы ЦРУ, Феррис почувствовал, как на него накатывается волна отвращения к самому себе. Именно эти правила и методы привели к тому, что он подверг Алису опасности. Нужно говорить с Хани сейчас, заручиться его поддержкой, пока не поздно.

— Послушайте и попытайтесь забыть о том, что не касается Алисы непосредственно. По дружбе, пожалуйста. Сможете это сделать?

— Конечно, дорогой. Я всегда был твоим другом. Даже тогда, когда ты не был моим другом.

— Хорошо. Причина, по которой они похитили Алису, в том, что она знакома с человеком, с которым мы работали. Иорданский архитектор, о котором мы говорили, Омар Садики.

У Хани расширились глаза.

— Она его знала? Садики, подозреваемого в организации взрыва в Инкирлике? Как это *вы* с ним работали? Как такое могло случиться, дорогой? Ты хочешь сказать, что он ваш агент?

— Не спрашивайте. Не сейчас. Но я уверен, что, когда на Новый год Садики исчез, это не было бегством. Его схватили члены сети «Аль-Каеды», чтобы узнать, что ему известно. Они выбьют из него все его связи с американцами. Они не найдут нашего следа, он слишком хорошо замаскирован, но выяснят, что он поддерживал дружеские отношения с Алисой Мелвилл. Она часто встречалась с ним по делам их благотворительного фонда.

— Извини, дорогой. Мне очень жаль, — внезапно сказал иорданец.

Это было худшее, что он мог сказать. Оно подтверждало наихудшие опасения Ферриса насчет ситуации, в которой оказалась Алиса. Помолчав, иорданец продолжил:

— Она на тебя работала, эта Алиса? Под прикрытием? — спросил он.

— Ради бога, нет. Алиса ненавидит ЦРУ. Она работает в этой своей негосударственной организации, пытается помогать людям. И это не прикрытия. Самая настоящая работа. Она выглядит именно тем человеком, каким и является.

— Но кто-то может подумать, что она работает на Управление?

— Да, — ответил Феррис, глядя на Хани.

— Они могут так думать, поскольку она знакома с этим парнем, Садики. И знакома с тобой.

— Да, — едва слышно, с горечью в голосе повторил Феррис.

— Тогда тебе необходимо быстро найти ее. Прежде, чем они применят какие-нибудь нестандартные методы, чтобы получить от нее информацию.

Фраза о «нестандартных методах» потрясла Ферриса. Он схватил иорданца за руку:

— Пожалуйста, Хани, помогите мне. Я не смогу спасти ее без вашей помощи.

— Это не уловка?

Жестокий вопрос, но с учетом того, что произошло пару месяцев назад, вполне законный. Где-то в глубине души Хани продолжал злиться. Сидя на кровати, Феррис снова уткнулся лицом в ладони, беспомощный и жалкий.

— Прости меня, Роджер. Извини, что я сказал это, — добавил Хани, обняв Ферриса за плечи. — Конечно, я помогу. У нас есть пара глубоко засекреченных

источников в «Аль-Каеде», с которыми мы можем быстро связаться. Мы используем их только в чрезвычайных ситуациях, но сейчас ситуация именно такова. Если Алису Мелвилл захватила «Аль-Каеда», они сообщат нам об этом. В этом я уверен. А вот скажут ли они, где она находится, не знаю. Давай-ка я пойду поговорю со своими людьми и возьмусь за дело.

Он потянул Ферриса за руку, чтобы тот поднялся:

— Давай. Встань прямо. Бог испытывает тебя. Он владыка, а ты — раб его. *Абд-алла*. Раб Божий. Так мы говорим. Ты не сбежишь от своей судьбы. Ты должен сохранять веру. Так что пойдем и поговорим с моими людьми. Мы начинаем прямо сейчас. Будь крепок. Если люди увидят, что ты слаб, они только еще больше испугаются.

Феррис прошел в ванную, умылся и вернулся в гостиную, где собрались остальные.

Глава 31

Амман, Вашингтон

За ночь песчаная буря разыгралась не на шутку. Горячий ветер дул с Саудовской Аравии, неся с собой тучи песка, растянувшиеся в воздухе на сотни километров. К вечеру автомобильное движение в Аммане почти встало. Все включили противотуманные фары, но даже с ними машины было видно только вблизи. Магистрали и кольцевые дороги превратились в сплошные пробки, призрачные флотилии неподвижных машин были похожи на эскадры грузовых кораблей, вставших на якорь в густом тумане. Немногочисленные пешеходы замотали головы в куфии и шли, наклонившись против ветра. Их лица было невозможно разглядеть, только глаза в узких просветах между платками и шарфами. Ничто не ездило и не летало. Идеальная погода для похитителей, мир, наполненный красно-коричневым туманом, в котором можно спрятать практически все, что угодно.

Феррис провел в посольстве почти всю ночь, ожидая хоть какой-то информации. Вечером он связался с Хофманом по защищенной телефонной линии, после того как наконец уехал из квартиры Алисы. Сначала Хофман говорил раздраженно из-за его опоздания, но вскоре он понял, что Феррис совершенно не в себе, и сбавил тон. Извиняться он не пытался. Сказал, что Управление привело в действие все резервы, чтобы найти Алису Мелвилл. Но суть дела была в том, что надо искать ее так, чтобы люди, ее пленившие, не заподозрили, что она является, по словам Хофмана, «важной персоной».

— Мы найдем ее, — сказал Хофман. Он пытался обнадежить Ферриса, но почему-то его слова повергли Ферриса в еще большее отчаяние. Ему пришлось положить трубку на стол и ждать, пока Хофман не позвал его: — Эй, ты там где?

Тогда Феррис взял трубку. Хофман сказал ему, что надо поспать. Феррис согласился. Но он знал, что, даже если он ляжет на софу в кабинете, он не заснет. Перед глазами будет Алиса. Связанная, в багажнике машины или в каком-нибудь пустом подвале. Или еще хуже. Что ее допрашивают. Выкручивают руки, все больше, и вот рука не выдерживает и ломается.

— Знаешь, приятель, тебе следовало рассказать мне об этой Алисе. В том смысле, что она знакома с Садики. Тогда бы мы ее на время припрятали.

Феррис не ответил. Он знал, что Хофман лжет. Он ничего такого не сделал бы. Он просто выгораживает себя после всего, что произошло. Голос Ферриса дрожал, он не мог сдержать себя.

— А теперь послушай меня, — продолжил Хофман. — Самое важное сейчас — чтобы все шло как положено. Пусть посольство объявит об исчезновении Алисы. Пусть кто-нибудь позвонит в это учреждение, где она работала, хотя бы даже из

ближневосточного отдела. Пусть они напишут заявление о ее исчезновении. Только, ради бога, не звони сам. Пусть этим займется отдел посольства по связям с общественностью. Они свяжутся с иорданской прессой и дадут объявление насчет нее. Пусть ее начальник тоже свяжется с арабскими газетчиками, а еще с «Аль-Джазирой» и «Аль-Арабией». Скажет им, что похитили женщину, которая работала с утра до вечера, помогая арабам. Ведь что нужно, чтобы ее освободить, а? Правда. ЦРУ тут ни при чем. Я связался с Госдепартаментом. Посол свяжется с влиятельными палестинцами, чтобы узнать, не сможем ли мы сделать что-то частным образом. Он скажет, что мы не будем платить за нее выкуп, но мы заплатим, если потребуется. И все это понимают. Так что держись.

Все, что мог сделать Феррис, так это невнятно согласиться. Он был рад, что Хофман хладнокровен и уверен и знает, что делать. Все заявления сделаны, все тайные звонки — тоже. К утру тема похищения Алисы Мелвилл вышла на первые полосы газет в Иордании и Америке. В большинстве статей приводились высказывания начальника Алисы, директора Совета по ближневосточному урегулированию. Он говорил, что Алиса Мелвилл — «лучший друг всех арабов» и ее похищение — ужасная ошибка. Франс Пресс первым дал информацию о том, что у Алисы Мелвилл был друг, работавший на дипломатической службе в посольстве США. Цитируя некоего «западного дипломата», из французского посольства, Франс Пресс развел спекуляции насчет того, что похищение могло стать следствием ее отношений с этим безымянным американским дипломатом.

Люди Хани действовали эффективно и, с учетом сложившихся обстоятельств, относительно быстро. Они сравнили пробы крови с волосами Алисы, оставшимися на расческе в ванной. Лаборанты в госпитале имени короля Хуссейна работали до поздней ночи и доложили о результатах анализа ДНК. Кровь принадлежала Алисе. В квартире было найдено множество отпечатков пальцев, но большинство их было отпечатками Роджера Ферриса. Они надеялись найти другие отпечатки на кухне, где, по всей вероятности, и произошло нападение на Алису, но четких отпечатков не было. Агент ФБР предположил, что похитители были в перчатках. Их было несколько, судя по следам ног на полу. Они чрезвычайно аккуратно открыли замки и внизу, и на входной двери, причинив им минимум повреждений. Так что это были скорее профессионалы, а не обычные взломщики. Феррис даже и не знал, хуже это для Алисы или лучше.

Хани пришел в посольство на следующее утро, чтобы повидаться с Феррисом. Это было необычно, паша, как правило, приглашал людей к себе. Они пошли в защищенную комнату для переговоров, которая обычно использовалась при встречах с посредниками из ГРУ. Феррис выглядел совершенно разбитым. Лицо, обычно загорелое и гладкое, сейчас стало желтоватым и обвисшим, темные круги под глазами были словно нарисованы куском угля. Живое воплощение стресса и страданий. Это были уже не те, прежние глаза, светящиеся любопытством. Это были глаза человека, увидевшего дно пропасти.

Шеф УОР обнял Ферриса и трижды поцеловал его в щеки, а потом в лоб. Он видел, какую боль испытывает молодой мужчина, и понимал, что единственный способ унять ее — это найти Алису. Хани попытался как-то отвлечь Ферриса, в силу привычки к вежливости или своего теплого отношения к нему, но американец взял его за руку с мольбой во взгляде. Сейчас он был целиком во власти Хани.

— Скажите, что вы узнали, не важно, хорошее или плохое.

— Мы связались с одним из наших агентов в сети. Он в Сирии, но осведомлен об операциях в Иордании.

— И что он сообщил?

В голосе Ферриса появилась надежда. Ненамеренно, но он, конечно же, хотел

услышать хорошие новости.

— Он подтвердил информацию. В Аммане похитили женщину-американку, ты был прав. Они некоторое время следили за ней и решили выяснить, каков характер ее связей с Омаром Садики. Они не разобрались с Садики, а этот вопрос для них очень важен. Они захватили ее вчера утром и сразу же вывезли из города, в багажнике машины. Эта операция санкционирована на очень высоком уровне, и доступ к информации о ней имеет только верхушка сети. Это хорошие новости.

— Почему? — спросил Феррис, в отчаянии глядя на Хани.

— Потому что крупные руководители осторожнее, чем мелкие. Они не вульгарные убийцы. Им нужна информация, и они не причинят твоей женщине вреда, если на то не будет надобности. Так что, друг мой, можешь немного успокоиться. Все будет хорошо.

Феррис потер глаза рукавом. Расплакаться сейчас было бы совсем неловко.

— Где она? Вы знаете?

— Не могу сказать. Наш агент не сообщил этого сам. И не думаю, что он знает. Когда мы надавили на него, он сказал, что он думает, что она в Сирии. Подозреваю, ее переправили через границу этой ночью, во время песчаной бури. Они не оставят ее в Иордании. Это было бы слишком опасно. Думаю, они действительно переправили ее в Сирию, чтобы поговорить с ней.

— И что они теперь будут делать?

Хани наклонился к американцу и заговорил тихо и спокойно:

— Они ее отпустят. Когда поймут, что она не может дать им необходимой информации, отпустят и попытаются найти нужную информацию другим способом. По сути, эти люди — убийцы, но они не дураки. Уж это мы знаем точно.

— А что делать мне? — спросил Феррис. Более всего его угнетала именно собственная беспомощность. Он чувствовал себя как взрослый в ситуации, когда его ребенок оказался в смертельной опасности. «Лучше бы это был я, а не она. Возьмите меня. Пусть я испытаю страдания вместо нее. Почему невинный человек должен страдать из-за того, к чему испытывал бы глубочайшее отвращение, если бы узнал правду?»

Хани понимающе посмотрел на него. Ему хотелось бы утешить Ферриса, но такой возможности сейчас не было.

— Ты ничего не можешь сделать, дорогой. Только ждать.

Начальник отделения ЦРУ в Вене назвал этот телефон «Сулеймановой „Нокией“». Его подобрала австрийская полиция, когда УНБ перехватило разговор главного организатора терактов, сирийца. После того как разгорелись страсти вокруг Гарри Микера в Пакистане. Глава австрийской разведки передал телефон начальнику отделения, и тот с первым же самолетом переслал его в Лэнгли. Техники, работавшие у Хофмана, подробно исследовали аппарат, но не нашли ничего полезного. С его SIM-карты был сделан единственный звонок, который они и выследили. Но Хофман на всякий случай поставил телефон на зарядку, чтобы он оставался включенным.

Четвертого января «Сулейманова „Нокия“» один раз звонила. Никого не вызывала, просто передала текстовое сообщение. Прочитав его, Хофман онемел, а потом забеспокоился. Будто засорилась канализация и по трубам начали подниматься помои, через эту трубку и прямо в его кабинет. «Мистер Феррис, пожалуйста, позвоните мисс Алисе по номеру 963-5555-8771». Номер мобильного, зарегистрированный в Сирии. Конечно, ЦРУ и УНБ могли выяснить, кто приобрел эту карточку сирийской мобильной сети «Сирия-Тел», но не смогли бы найти отправителя сообщения. В таких случаях телефонный номер был чем-то вроде одноразового бумажного платка. Его использовали один раз, а потом выбрасывали.

Хофман долго раздумывал насчет того, что он может сделать, и понял, что с оперативной точки зрения у него нет выбора. Он позвонил Феррису и прочитал ему сообщение.

Глава 32

Амман

Пока Хофман читал короткий текст сообщения, в голове Ферриса крутилась единственная мысль. Значит, она жива. Люди, которые ее захватили, знают о ее связи с Феррисом. Они хотят поторговаться, отпустить ее в обмен на возможность завербовать ее друга, сотрудника ЦРУ. Они поняли, что она ничего не знает, и используют ее в качестве приманки. Но для того, чтобы спасти Алису, ее место должен занять кто-то другой. Феррис записал продиктованный Хофманом номер и уставился на него. Несмотря на зимнюю прохладу в кабинете, он вспотел.

— Она жива, — пробормотал Феррис.

— Вероятно, жива, — осторожно ответил Хофман. — По крайней мере, они хотят, чтобы ты так думал. Это хорошо.

— А что плохо?

— То, что они знают о тебе. Они знают, что ты работаешь в Управлении, поскольку послали сообщение на телефон Сулеймана, догадываясь, что он окажется у нас. Из этого следуют два вывода. Во-первых, захватившие Алису люди — весьма высокого ранга, близкие к Сулейману. Во-вторых, они узнали от «мисс Алисы» о том, что ты ее приятель. Это значит, что они допросили ее.

Ферриса пробрала дрожь. В его голове пронеслись образы, один хуже другого.

— Я должен позвонить, — сказал он. — Поговорить с ней.

— Согласен. Тебе надо позвонить по этому номеру. Сначала я думал, что это плохая идея. Очевидно, это трюк, чтобы выманить тебя. Ну и что, подумал я потом. Придется играть сданными нам картами. Но сначала надо подготовиться, ведь так? Расставить все по местам и приготовить. Это будет нашим единственным шансом — и спасти Алису, и подобраться поближе к Сулейману. Это призовой выстрел, и нам нельзя промахиваться.

— В смысле, «промахиваться»? Меня беспокоит только Алиса.

— Знаю. Будь я на твоем месте, я вел бы себя точно так же. Но на карту поставлено слишком многое. Сейчас ты можешь и не понимать этого, и я понимаю почему, но наша небольшая операция все еще не окончена. Джихадисты в смятении. Они не понимают, что происходит. Поэтому они захватили Садики. И Алису. И послали это странное сообщение. Они не знают, что к чему. А мы к ним подбираемся.

— Меня это больше не волнует. Я просто хочу спасти Алису. А если мы будем выжидать, ее могут убить.

Феррис ждал, что Хофман выразит свое согласие, но этого не произошло.

— Ради бога, вы что, не понимаете? Ведь именно я втравил ее в этот кошмар.

— Потихише, Роджер. Мы сделаем все, чтобы спасти ее, кроме одного. Мы не пожертвуем нашей операцией. Я понимаю, что ты чувствуешь себя виноватым в том, что она попала в беду. И тебе следует чувствовать себя виноватым. Ты совершил ошибку, не сообщив о своих отношениях с женщиной, знакомой с Садики. Это подставило всех нас, а не только твою подругу. Но ты ничего не добьешься, выйдя из операции на полпути. На карту поставлены человеческие жизни. Черт, миллионы жизней. Наша страна ведет войну. Которая касается не только тебя и твоей подруги. Это понятно?

У Ферриса в висках застучал пульс. Он ничего не отвечал, и на линии повисла тишина, звенящая. Феррис слушал не Хофмана, он слушал этот голос тишины и наконец ответил.

— Да, — сказал он. — Это понятно. Можете на меня рассчитывать.
— Хороший мальчик. Понимаю, насколько все тяжело, но мы справимся. Ты получишь назад свою подругу и медаль в придачу.
— Медаль, — тупо повторил Феррис.
Его мысли были уже совсем в другом месте.

Феррис положил в бумажник карточку с номером мобильного телефона сирийской сети. Заместителю он сказал, что поедет домой, чтобы принять душ и немного отдохнуть.

Выйдя из посольства, он сел в машину и поехал напрямик в штаб-квартиру УОР. Он явился туда, не сообщив заранее, и сказал удивленному заместителю Хани, спустившемуся, чтобы встретить его, что ему необходимо немедленно увидеться с Хани-пашой. Его попросили подождать и всего через пару минут проводили в кабинет Хани.

Когда Феррис вошел в кабинет, Хани внимательно посмотрел на него. Он пожал ему руку, вместо традиционных арабских объятий с поцелуями, но сейчас это было даже более доверительным жестом.

— Ты ужасно выглядишь, Роджер, — сказал он. — Мне очень жаль, что с тобой случилось такое.

— Спасибо за сочувствие, но не стоит обо мне беспокоиться. Дело не во мне. Я, может, и создаю проблемы, но хочу стать их решением. Поэтому я здесь.

Хани с удивлением посмотрел на американца, словно пытаясь понять, в своем ли тот уме.

— О чем ты говоришь, *хабиби*? Сегодня я тебя не понимаю.

Феррис точно знал, что он хочет сказать. Это пришло к нему как озарение. В его голове все как бы немного сместилось, образовав новый узор, совершенно новый, но не менее совершенный.

— Все по правилам, — сказал Феррис. — Нашего разговора никогда не было. Я говорю исключительно за себя, а не как сотрудник правительства США. Вы не станете информировать Управление о моем визите и о том, что мы обсуждали. Никогда. Согласны?

— Необычные правила. Возможно, я соглашусь. Но ты сказал мне слишком мало.

— «Возможно» не годится. Либо «да», либо «нет». То, что я хочу сделать, не причинит вреда Иордании и, возможно, разрешит ситуацию. А вы будете знать, что я делаю, и сможете использовать это по своему усмотрению. Мне без разницы. Но мне нужно ваше обещание, что вы меня защитите.

Хани задумчиво наклонил голову и закурил, обдумывая услышанное. Он оценивающе посмотрел на Ферриса. Сделал несколько затяжек. Похоже, иорданец был почти что доволен.

— Мой дорогой Роджер, я всегда говорил, что ты — один из нас. В том смысле, что ты ценишь людей больше, чем вещи, и ставишь превыше всего свою честь. Я уже давно об этом думал, но теперь я уверен. Так что я отвечаю «да». Естественно, эта беседа будет конфиденциальной. Здесь никого нет. Но ты должен сказать мне, чего ты хочешь.

Феррис подошел к Хани и заговорил тихо. Насколько он знал, Управление не прослушивало кабинет Хани, но, в конце концов, есть слишком много всего, чего он не знает.

— Вы можете мне исчезнуть? Так, что никто не найдет меня, в особенности — правительство США. И сможете ли вы отправить меня в Сирию, так, чтобы никто не знал об этом?

— Думаю, да. Для нас это несложно. Мы контролируем эту территорию. Но что

ты хочешь сделать?

— Я хочу выйти на контакт с людьми, похитившими Алису Мелвилл. Предложить им взамен нее себя. Она им не нужна. Им нужен я.

— *Уолла!* — только и ответил Хани, разводя руками. — Ты с ума сошел, друг мой?

— Нет. Судя по всему, я только теперь стал нормальным. Сумасшедшим я был раньше.

— Но как ты найдешь их? «Аль-Каеда», знаешь ли, не печатается в «Желтых страницах». Их трудно найти, даже мне.

— Они сами вышли на контакт. Они послали мне сообщение, якобы от Алисы, чтобы я позвонил на мобильный телефон в Сирию. Хофман сказал, чтобы я подождал, пока он не построит свою собственную игру. Какую-нибудь уловку, которая, как он думает, поможет их одурачить. Но все его игры — сущая ерунда. И вы это знаете лучше меня. Мы дурачим только самих себя.

— Но это очень опасно, Роджер. Ты знаешь слишком много тайн. Они им нужны. Это будет... не слишком здорово.

Феррис коснулся кармана, в котором лежала пластиковая коробочка с зубным мостом. И ядом. Она была при нем все эти месяцы, но он никогда и подумать не мог, что она может ему понадобиться.

— Я с этим разберусь. И это единственный способ освободить Алису Мелвилл. Они не отпустят ее, пока я не предложу себя взамен. Это очевидный факт, не так ли? Хофман никогда не позволит мне сделать это, и это значит, что она погибнет. У меня нет выбора. Я должен сделать это. И я сделаю это, вне зависимости от вашего ответа. Но я хочу, чтобы вы мне помогли. Тогда у меня будет больше шансов спасти Алису.

Хани промолчал. Он не раздавал обещаний направо и налево.

Феррис взял иорданца за руку обеими руками. Он готов был поцеловать эту руку и встать на колени, если это хоть как-то поможет.

— Пожалуйста, помогите мне, — сказал он. — Умоляю.

Хани посмотрел на него и улыбнулся. Еле заметная улыбка, едва тронувшая губы и невидимая для Ферриса, но она была.

— Да, дорогой. Конечно, я помогу тебе. Ты отважный человек, готовый отдать себя за ту, которую любишь. Только бессердечный мог бы отказать тебе.

Хани быстро принялся за дело. Один из его людей сел в машину Ферриса и отогнал ее на стоянку на улице Захран, рядом с «Фор сизонс». Когда коллеги Ферриса из посольства поймут, что он исчез, они потеряют еще некоторое время, разыскивая его в отеле. Драгоценное время. Хани сделал несколько звонков и поговорил наедине со своим заместителем. Потом он отвел Ферриса в гараж, где стоял его роскошный «БМВ». Они сели на задние сиденья, и Хани задернул занавески. В этой стране, где авторитет УОР был непререкаем, они стали невидимыми для всех. Феррис снова, на всякий случай, ощупал свой карман.

Они выехали из Аммана и двинулись на север, к границе с Сирией. Когда они выехали на шоссе, Хани открыл занавеску, чтобы отслеживать обстановку, но Феррис оставил свою занавеску закрытой. Они не поехали по четырехполосному шоссе через Аль-Мафрак, выбрав старое шоссе 15, пересекавшее границу с Сирией у Дераа, километра на три западнее. Хани изложил свой план. Феррис задал пару вопросов, только чтобы убедиться, что все правильно понял. Зазвонил его мобильный. Это был заместитель, он звонил из отделения. Феррис сонным голосом ответил, что пытается поспать хоть чуть-чуть и придет в посольство завтра утром, после того как сходит в спортзал.

Не доезжая до приграничного иорданского городка Рамта, Хани приказал

водителю свернуть на второстепенную дорогу, идущую вдоль границы. Доехав до небольшой деревушки, называвшейся Шаджара, они свернули на грунтовую дорогу и вскоре подъехали к небольшому скоплению домов, выстроенных из цементных блоков. На их крышах пучками торчали антенны. На подъездной дороге стоял ржавый «мерседес», такси с сирийскими номерами. До границы было чуть больше километра. Хани повел Ферриса внутрь одного из домов. Там их ждали сотрудники УОР, одетые в неприметную одежду. Они встретили своего командира поцелуями и сладким чаем с печеньем. Хани отпустил их, а сам направился в свободную комнату на верхнем этаже. Закрыв за собой дверь, он посмотрел на Ферриса.

— Теперь пора тебе звонить по этому номеру, — сказал он.

— У вас есть «чистый» аппарат?

— Конечно.

Хани достал из кармана пальто новенький раскладной «самсунг» и отдал Феррису. У него была дополнительная гарнитура, так что он мог слышать разговор. Феррис попытался улыбнуться, оценивая тщательную подготовку операции. Достав бумажник, он отыскал карточку и посмотрел на номер, продиктованный Хофманом. Неторопливо набрал его. 963-5555-8771. Ему ответили после третьего гудка.

— Алло, — сказал голос. По-английски. Они его ждали. По этому телефону мог позвонить только один человек.

— Это мистер Роджер Феррис, из ЦРУ. Я хочу поговорить с мисс Алисой.

— Хорошо, мистер. Слава Аллаху, что вы позвонили. У меня к вам вопрос, чтобы убедиться, что вы именно тот, кем назвались.

— Отлично. Спрашивайте.

— Куда вы впервые пригласили мисс Алису поужинать?

У Ферриса закружилась голова. При допросе они выяснили даже это. Или они за ним следили.

— В отель «Хайат», в Аммане. В итальянский ресторан.

— Да, хорошо. Спасибо, сэр. Как зовут кота, который живет в квартире у мисс Мелвилл?

— Элвис. Кота зовут Элвис.

— Правильно. Следовательно, это вы, мистер Феррис.

— Хорошо, а теперь я могу поговорить с Алисой?

— Да, но, извините, пожалуйста, мисс Алисы здесь нет. Но она попросила передать вам сообщение, если вы позвоните...

— Какое сообщение? — грубо перебил говорящего Феррис. Он хотел побыстрее перейти от слов к делу.

— Если вы хотите увидеть мисс Алису, вы должны отправиться туда, куда я скажу. Только вы. Никаких трюков, иначе она не останется в живых.

— И куда я должен отправиться?

— В Сирию.

У Ферриса загорелись глаза, от напряжения и раздражения.

— Хорошо, в Сирию. Куда именно?

— В Хаму, мистер. Мисс Алиса находится там.

Услышав название места встречи, Хани кивнул. Хама, родной город Сулеймана. Место, где началась эта ужасная история, в 1982 году, с истреблением «Мусульманского братства».

— Мы должны договориться, — сказал Феррис. — Пока я не увижу Алису, я не пойду к вам.

— Да, сэр, да.

Араб на другом конце провода говорил с запалом, будто ему не верилось, что американец действительно собирается сдаться им. А предложение у него было заготовлено заранее.

— Сэр, вы увидите мисс Алису у *норьяс*, водяных мельниц на реке Оронтес, в центре Хамы. Вы увидите ее там. Убедитесь, что она жива и свободна. Затем вы позвоните и будете ждать нас. Мы будем следить. Если вы сбежите, мы убьем мисс Алису. И вас.

Феррис замолчал и посмотрел на Хани. Ему потребуется поддержка, чтобы гарантировать жизнь Алисе после того, как ее отпустят. Хани понял его без слов. «Мы там будем», — прошептал он одними губами.

— Я согласен, — сказал Феррис. — По какому номеру я должен позвонить, когда увижу, что Алиса на свободе?

— Сэр, пожалуйста, позвоните по телефону 963-5555-5510. Не мне. Я всего лишь связной. Когда они ответят, скажите им по-арабски, что вы мистер Роджер Феррис из ЦРУ и что вы готовы встретиться с ними в Хаме, прямо сейчас. Повторить номер?

Хани уже записал номер на клочке бумаги и передал его Феррису.

— Давайте я прочту его, чтобы удостовериться, что записал правильно. 963-5555-5510.

— Да, сэр.

— И я должен сказать человеку, который возьмет трубку, что я Роджер Феррис из ЦРУ и я готов встретиться с ними прямо сейчас, в Хаме.

— *Мумтаз*, мистер. Очень хорошо. И когда вы встретитесь с ними в Хаме?

Феррис посмотрел на Хани. Иорданец написал на бумажке пару слов и отдал ее американцу.

— Я буду в Хаме завтра утром, в восемь утра, у старых водяных мельниц на реке. Если Алисы там не окажется, договоренность расторгается, это понятно?

— О да, сэр. Я скажу им. Но я только связной. Думаю, вы очень спешите.

Он сказал это с долей удивления, словно не понимая, почему Феррис с такой готовностью подвергает себя опасности.

— Сделайте так, чтобы Алиса там была. Тогда получите то, что хотите. Иначе — ничего.

Феррис нажал кнопку, закончив разговор.

— *Уолла*, Роджер. Ты отважный человек, — сказал Хани, взяв его за руку. — Что бы ни случилось, Алиса Мелвилл узнает, как ты ее любил. Я об этом позабочусь. Ты будешь жить в ее сердце.

Они спустились по лестнице, где их уже ждал «мерседес»-такси. Водитель курил, готовый к отъезду. Из деревни доносился обычный для таких мест шум, арабы оживились, когда солнце начало клониться к закату. Вернувшись из школы, дети играли в футбол, их матери перекрикивались, готовя ужин. Время словно замедлилось, тени удлинились, дневной свет угасал, цвета становились ярче.

Пора в путь, сказал Хани. Он обрисовал свой план. Ферриса повезут на машине на север, в Сирию. Границу они пересекут в Даре. Водитель — контрабандист, УОР уже неоднократно пользовалось его услугами. Он многие годы платит взятки сирийским таможенникам, насквозь продажным. Феррису придется проехать километра три в отсеке под задним сиденьем. Это займет где-то полчаса. Потом он сможет снова сесть по-нормальному. Следом Хани пошлет две машины, которые будут сопровождать такси до самого Дамаска, а потом в Хаму. Им придется ехать всю ночь. В Хаме их будет поджидать другая группа, заранее посланная туда Хани. Когда Алису освободят, они сразу же возьмут ее в кольцо и увезут обратно в Амман. На случай неприятностей у них будет достаточно оружия, но иорданец заверил Ферриса, что все должно пройти нормально. А потом, в нужный момент, люди Хани предпримут все возможные меры, чтобы попытаться спасти Ферриса.

Хани передал Феррису зажигалку «Бик» со встроенным электронным прибором.

— Если у тебя будут неприятности и ты не сможешь просто ждать нас, нажми

кнопку, — сказал он. — Мы придем и заберем тебя.

Феррис взял зажигалку и поблагодарил своего друга. Все эти разговоры о спасении чудесны, но он знал, что обратного пути у него нет.

Глава 33

Хама, Сирия

Феррис в одиночестве пошел вниз, к водителю сирийского такси. У мужчины лет сорока с небольшим были пышные усы, свисающие по краям рта, словно кисти, и хитрый взгляд. Он открыл заднюю дверь проржавевшего «мерседеса», потянул за замаскированную защелку и поднял заднее сиденье. Под ним оказался короб, едва подходящего размера, чтобы в нем уместилось человеческое тело. Металл был прикрыт затертым ковром, внутри стояла бутылка с минеральной водой. «Бизнес-класс», — пробормотал себе под нос Феррис. Водитель невозмутимо кивнул. Феррис, скрючившись, втиснулся внутрь. Там пахло потом и мочой. Очевидно, Феррис не был первым человеком, путешествующим в этом тайнике. Водитель сказал, что, когда можно будет вылезти, он постучит три раза, и опустит сиденье. Феррис очутился в кромешной тьме.

Феррис никогда не был слишком впечатлительным. В детстве он, как и любой нормальный ребенок, задумывался о смерти, пытаясь осознать, что это значит — перестать существовать. Но это было слишком сложно и угнетающе, так что все эти размышления были почти полностью забыты. В подростковом возрасте у него был другой период беспокойства, когда он боялся, что умрет девственником. Но после того, как Присцилла Уоррен позаботилась о том, чтобы лишить его этого повода для беспокойства, он окончательно перестал думать о небытии.

Сейчас, лежа в темном и вонючем ящике под сиденьем такси, Феррису вновь пришлось задуматься о перспективе того, что он может перестать существовать. Не то чтобы он сильно боялся умереть. Скорее он боялся боли, которая будет предшествовать этому. Зубной мост с ядом все так же лежал в его кармане, и он задумался, когда ему следует его использовать. Если он будет ждать слишком долго, может оказаться поздно — они заберут у него яд и лишат его возможности спасти себя от агонии. Но если он сделает это раньше, чем надо, потом может оказаться, что в этом не было необходимости. Если он сделает это перед тем, как его придут спасать, он потеряет шанс, шанс жить с Алисой, прожить нормальную жизнь, дожить до старости, обзавестись детьми. Последнее его особенно беспокоило. Тогда его жизнь окажется прожитой впустую с точки зрения продолжения рода. Действительно бесполезной, еще хуже, чем если бы он умер девственником.

Такси замедлило ход, приближаясь к иорданскому пограничному посту. Феррис напрягся, но эта остановка оказалась недолгой и безболезненной. Должно быть, Хани уже все уладил. Машина рыкнула мотором, выезжая на нейтральную полосу, и Феррис вновь погрузился в свои мрачные размышления. Если он останется жив, возможно, они с Алисой заведут детей. Если он останется жив, то, возможно, он будет жить с ней до старости. «Возможно» — вот и все, что у него есть. Его надежда была сродни надежде больного раком, сморщенное тело которого уже не может ни есть, ни глотать, но остается лишь надежда, что смертный приговор каким-то чудом будет отменен, что, влача свои хрупкие кости к воротам вечности, он сможет обмануть привратника. На пару часов, пару дней или пару лет.

Теоретически Феррис понимал, что боль может стать столь ужасной, что он сам захочет уйти в небытие. Но только тогда, когда у него не останется никакого шанса вновь быть с Алисой. Они могут переломать ему ноги и разбить коленные чашечки ломом, бить ему кувалдой по позвоночнику, но даже в эти моменты агонии он будет думать об Алисе, о том, чтобы остаться живым ради нее.

Он ясно представил себе ее, и в этот момент истины он поступил по наитию. Феррис вынул из кармана зубной мост и положил коробку на грязную тряпку, на которой он лежал. Если он оставит яд у себя, у него будет постоянное искушение использовать его, из страха. А тогда он потеряет не только свою жизнь, но и свою любовь. Умрет ни за что. Он обещал Хофману хранить секреты, убить себя прежде, чем выдаст тайны, которые убьют других. Но сдержать это обещание означало нарушить другое, которое теперь стало для него более важным. Он отбросил коробочку с ядом подальше в темноту тайника.

Такси резко остановилось, и Феррис услышал певучую арабскую речь. Водитель к кому-то обращался, называя его «капитаном». Феррис уловил в его голосе оттенок страха. Дверь открылась и с грохотом захлопнулась, затем послышались шаги вокруг машины. Капитан кричал на водителя, как всякий военный, упивающийся моментом своей абсолютной власти. Граница закрыта, сказал капитан. Слишком поздно, ты знаешь правила, сказал он водителю. Водитель продолжал повторять чье-то имя. Абу-Валид сказал, что все в порядке. Абу-Валид сказал, что не будет никаких проблем. Спросите Абу-Валида. Феррис услышал грохот ботинок по асфальту и протестующий голос водителя, говорящего, что это какая-то ошибка. Затем стало тихо.

Скрючившись, Феррис лежал под сиденьем такси. Он снова испугался, но уже по другой причине. Что, если он умрет здесь? Или его заберут и посадят в сирийскую тюрьму, а потом отправят обратно в Иорданию? Тогда Алиса точно погибнет. Похитители будут ждать Ферриса в Хаме и, когда он не появится, убьют ее. Это будет хуже всего, понял Феррис. Не его смерть, а смерть Алисы. Сейчас его жизнь ценна лишь потому, что она может спасти жизнь Алисе. Если Роджер не спасет Алису, тогда он убьет себя, чтобы разделаться со всем этим.

Тянулись долгие минуты ожидания. Феррис слышал какие-то крики вдалеке от машины. Должно быть, там находился пост капитана. От бензиновых испарений и дорожной пыли у него разболелась голова. Затекли ноги. Боль в них медленно нарастала, начавшись с легкого покалывания и перейдя в судороги. Феррис уже начал думать, что предпочтет что угодно, даже пленение, этой боли. Но он понимал, что сознание пытается одурачить его. Эта боль — сущая ерунда по сравнению с той, которую ему еще предстоит испытать.

Феррис ждал. Может, полчаса, может, и час. В темноте тайника он потерял привычное чувство времени. Поскольку водитель заглушил мотор, то не работало и отопление. Январский воздух был обжигающе холодным. Он не мог пошевелиться, чтобы хоть как-то согреться, и холод пронизывал его до костей. Феррис хотел смерти, но еще больше он хотел, чтобы Алиса осталась жива. Он подумал о яде и вспомнил, что забросил его в дальний угол тайника. Хорошо, что он избавил себя от этого искушения.

Роджер снова услышал крики, голос, похожий на голос капитана. И покорный голос водителя. Послышалось гроыхание шагов человека, приближающегося к «мерседесу». Водитель сдал его. Он говорил тихо, как мышка. Абу-Валид не спас его, и в свете яркой лампы в комнате для допросов он решил сдать своего пассажира и жить дальше, чтобы продолжать заниматься своей контрабандой. Шаги приближались, по асфальту цокали металлические подковы ботинок.

Открылась дверь. Наверное, задняя. Еще секунда, и они поднимут заднее сиденье и вытащат Ферриса из тайника. Все будет кончено.

Но оказалось, что водитель открыл переднюю дверь. Он принялся льстиво благодарить капитана, говоря, что Абу-Валид будет очень благодарен капитану за его помощь, да наградит Аллах капитана здоровьем и долгими годами жизни и сыновей его, да, господин, слава Аллаху. Дверь закрылась, ключ в замке зажигания

повернулся, и мотор заработал. Водитель включил передачу и поехал от поста, вежливо прощаясь с капитаном.

Они остановились на таможенном контроле, но эта проверка была абсолютно формальной. Феррис было испугался, услышав, как открывается багажник, но тут же услышал грохот. Багажник закрыли. Таможенник поблагодарил водителя за блок сигарет и пропустил его.

Такси еще минут двадцать медленно громыhalo по узким улочкам Дераа, а потом снова начало набирать скорость, выехав на шоссе. Феррис то и дело слышал хлопки воздуха, ударявшего в борт «мерседеса», когда машина сворачивала влево и обгоняла попутные автомобили и грузовики. Он уже начал беспокоиться, что водитель продержит его в тайнике всю дорогу до Хамы, но машина наконец-то сбросила скорость и свернула вправо, на обочину. Феррис понял это, услышав, как колеса захрустели по гравию.

Водитель открыл заднюю дверь, трижды постучал по сиденью над головой у Ферриса, а потом поднял его. Сначала Феррис не мог даже пошевелиться, настолько занемели руки и ноги, и водителю пришлось вытаскивать его наружу. Он дал Феррису старую шляпу, чтобы немного скрыть его лицо, и потрепанную шерстяную тужурку, такую, которую вполне мог бы носить какой-нибудь приятель водителя такси. Феррис сел на переднее сиденье. Только потом он вспомнил, что оставил в тайнике коробочку с ядом, но не стал даже пытаться достать ее оттуда.

Они ехали по ночной Сирии. В Дамаске было шумно и многолюдно, даже сейчас, когда время приближалось к полуночи. Лагерь палестинских беженцев на южной окраине города жили своей жизнью, жизнью братства бедняков, чудесной в своей простоте. Все кофейни были открыты, мужчины курили наргиле, выпуская клубы дыма, в бакалейных лавках продавали свежую выпечку и сласти тем, кто был не прочь поесть сладкого на ночь. Сквозь окна шлакоблочных домов, стоящих вдоль узких переулков, виднелись мерцающие синие огоньки телевизоров, каждый из которых был подключен к спутниковой антенне. Они связывали людей с современным миром, миром, который они любили и ненавидели одновременно. Машина въехала в центр города. Там гуляло достаточно народу. Большинство женщин, идущих по тротуарам, были одеты в бесформенные халаты и головные платки, но некоторые нарядились, как уличные девки, в открытые на груди блузки, несмотря на зимнюю ночь. Двое из них даже посмотрели на Ферриса. Может, это и в самом деле проститутки, но Феррис понимал, что с точки зрения ислама нет никакой разницы, берут они деньги за свои услуги или нет. Они и так пошли путем Запада.

Когда они выехали из Дамаска, Феррис на пару минут задремал. И тут же проснулся, увидев перед собой образ Алисы, связанной и окровавленной, в каком-то подвале. Видение не покидало его. Они остановились, чтобы поесть и выпить кофе, к югу от Хомса. Водитель знал это место и уверял, что оно вполне чистое, но, когда Феррис пошел в туалет, он увидел там просто дыру в полу, из которой воняло дерьмом. На часах было три часа ночи. Следующий большой город на этом шоссе, на север от Хомса, — это Хама, конечный пункт их путешествия. Феррис сказал водителю, что хочет отдохнуть до половины седьмого. Можно остаться на стоянке у ресторана, полиция не станет их там беспокоить. Он не хотел приезжать в Хаму слишком рано, чтобы у всех на виду ждать встречи. На стоянке остановились еще две или три машины. Интересно, подумал Феррис, не сидят ли в одной из них люди Хани. Он снова заснул, но очень чутко. Его разбудили первые лучи солнца. Над пустынями на востоке появился его оранжевый край, и небо на горизонте из темно-розового начало становиться желто-белым. Феррис задумался над тем, доживет ли он до следующего рассвета.

Они доехали до центра Хамы примерно к половине восьмого, раньше, чем следовало. Феррис сказал водителю, что надо выехать обратно, в северный пригород, а потом вернуться обратно. По дороге он рассматривал дома, стоящие вдоль улиц. Некоторые до сих пор лежали в развалинах. Он понял, что, должно быть, это те самые дома, которые почти тридцать лет назад были расстреляны танковыми орудиями с прямой наводки. Тогда Хафиз Ассад послал танки прямо в мусульманские кварталы города, и дома были расстреляны вместе с их обитателями. Члены «Мусульманского братства» скрылись в пещерах и катакомбах старого города, рядом с рекой, но их выбили и оттуда. Пулями, газом и огнеметами. Вот тот мир, который породил Сулеймана. Вот источник той ненависти, которая теперь сфокусирована на Америке. А сегодня она была сфокусирована на Роджере Феррисе.

Водитель припарковал машину рядом с автобусной остановкой у реки Оронтес. Сидя в машине, Феррис осмотрелся, ища Алису. Уже почти восемь. Он сказал водителю, что пойдет прогуляться и если не вернется через два часа, то пусть водитель уезжает без него. Дал ему сто динаров. Слишком много, ну и что? Что ему делать с деньгами, когда он умрет?

Феррис вышел из машины и пошел в сторону старых водяных мельниц. Их колеса медленно вращались, зачерпывая воду и выливая ее в систему городских акведуков. Он осмотрелся вокруг, думая, где могут быть люди Хани. Если они вообще здесь. Лучше не выглядеть излишне любопытным. Он опустил взгляд и поднял воротник тужурки. Было прохладно. Раненая нога болела еще и оттого, что ему слишком долго пришлось лежать в тайнике, скрючившись, и он хромал даже больше обычного.

Утро выдалось безоблачным. Небо, лазурное на горизонте, над головой становилось ярко-синим. Феррис сел на скамейку на берегу Оронтеса, рядом со входом на самую большую водяную мельницу. Поверхность реки была иссиня-черной и зеркально гладкой, в ней отражались мечеть Аль-Нури и каменные дома, стоявшие по берегам. В ярком свете утреннего солнца деревянные водяные колеса отсвечивали золотом. Десять минут, пятнадцать. Он продолжал оглядывать берега реки. На них было в общей сложности больше десятка водяных колес, по обеим сторонам. Непонятно, куда смотреть. Феррис встал, решив снова пройтись. Вернулся на скамейку. У него было ощущение, что за ним следят, но он не видел вокруг шпионов или посланцев террористов.

Прищурившись, он смотрел на утреннее солнце и тут увидел группу арабов, идущих к *норьяс* с западной стороны. С ними была женщина. В длинном черном платье и головном платке, но что-то в ее походке заставило Ферриса присмотреться. Он встал и пошел навстречу им. Их разделяло метров семьдесят. Увидев, что он идет, группа остановилась и разделилась на две. Один из мужчин что-то сказал женщине. Это звучало как приказ. Она сняла платок. Затем он слегка подтолкнул ее и тут же, вместе со своими друзьями, побежал в противоположную сторону. Она осталась стоять в одиночестве на берегу реки.

Феррис ускорил шаг, чтобы побыстрее рассмотреть ее. В ту же секунду он узнал ее. Это была Алиса. Светлые волосы, изящная фигура и широкая улыбка человека, почувствовавшего свободу. Должно быть, они украли всю ее одежду, но Феррис не хотел думать об этом. Самое главное, что она свободна. Он выкрикнул ее имя и побежал к ней, но раненая нога подогнулась. Он споткнулся и упал. Она не могла слышать его сквозь шум ветра и уличного движения, но ничего страшного. Она свободна.

Когда Феррис встал и снова пошел к Алисе, он увидел, что к ней приближаются трое арабов. Не таких, как те, что ее привели, а хорошо одетых. Они оказались намного ближе к ней, чем он, и один из них назвал ее по имени. На мгновение Феррис

испугался, но потом узнал голос. Приблизившись, он разглядел человека, позвавшего Алису. Это был Хани. Иорданец сам всю ночь ехал на север, чтобы спасти Алису. Феррис снова позвал Алису, но Хани уже подошел к ней, обнял за плечи и повел к стоящему неподалеку микроавтобусу. За ним последовали и его люди. Похоже, она была рада видеть Хани, словно старого друга. Феррис снова закричал, пытаясь бежать к ней, несмотря на хромоту, но в его сторону двинулся сирийский полицейский. Видимо, из-за потрепанной шляпы и тужурки он принял Ферриса за сирийца, и Феррису пришлось перейти на шаг. Он снова позвал Алису, но она его не слышала. Хани открыл дверь микроавтобуса, и она села внутрь, на заднее сиденье. Охранники сели по обе стороны от нее. Машина тут же тронулась.

Феррис перестал звать Алису. Микроавтобус быстро разогнался и уехал в сторону шоссе, ведущего к Дамаску. У него на глазах появились слезы. Произошло невозможное. Похитители сдержали слово. Как и Хани, обещавший защищать Алису, когда ее освободят. Единственным незаконченным пунктом сделки оставался сам Феррис. Он подумал о бегстве, но решил, что Алиса остается уязвимой, пока ее не увезли из Сирии. Нужна какая-то уловка, хитрость, чтобы выиграть время. Они ждут его звонка. Он достал из кармана мобильный, но потом убрал обратно. Пусть подождут. Он почувствовал некое мрачное удовлетворение, зная, что теперь Алиса останется в живых, несмотря ни на что.

Глава 34

Хама, Алеппо

Телефон прозвонил пять раз, прежде чем Феррис нажал кнопку ответа. Звонящий, араб, спросил мистера Роджера Ферриса. Это я, ответил Феррис. Мы ждали вашего звонка, сэр. Почему вы не позвонили? Феррис извинился и нажал кнопку отмены. Он не хотел умирать, если в этом нет необходимости. Встав со скамейки, он пошел прочь. Интересно, в какую сторону надо бежать, подумал он. Но, сделав всего пару шагов, он увидел двух бородатых мужчин в парках, идущих к нему.

Феррис засунул руку в карман, где лежал пейджер в виде зажигалки, который дал ему Хани. Еще ночью там лежала коробочка с ядом. Он нажал кнопку один раз, потом еще дважды. Двое мужчин уже подошли к нему, и в ребра ему уперлось дуло пистолета. Пистолет держал в руках мужчина с яркими глазами и кожей золотистого, как мед в сотах, цвета. Похоже, египтянин. Феррису показалось, что он видел его лицо на фотографиях в ЦРУ, в числе других фотографий боевиков «Аль-Каеды».

— Вы Феррис? — спросил египтянин.

— Да.

Дуло пистолета уперлось в его ребра еще сильнее.

— Это не обман?

Феррис покачал головой:

— Нет. Не обман. Вы сделали то, что обещали. А я сделаю то, что обещал я.

— И что? Что вы для нас сделаете? — поинтересовался египтянин.

На его лице появилась жестокая ухмылка. В глазах его была ненависть, копившаяся всю жизнь, но он пытался скрыть ее.

— Подождите и увидите, — ответил Феррис.

Краем глаза он поискал людей Хани, но не заметил никого. Они позаботились об Алисе. Это все, о чем он их просил. Сам он стал разменной монетой. Таков был договор. Но сейчас, чувствуя кислое, с запахом чеснока, дыхание этих людей, Феррис снова испугался. Он в их власти. Хотелось закричать или вырваться и побежать, но это только ускорит его смерть. А он решил цепляться за жизнь столько, сколько это будет возможно.

— Извините, что мы вынуждены обращаться с вами как с пленником, —

прошептал ему на ухо египтянин. — Мы не знаем, говорите вы правду или лжете, так что мы вынуждены взять вас в плен. Извините.

Феррис удивленно посмотрел на своих похитителей. Они что, шутят? Конечно, он пленник. Интересно, надо ли было выбрасывать яд? Да, надо. Слишком сильным было бы искушение им воспользоваться. Он уже мог бы быть мертвецом.

Двое мужчин повели его к желтому «хендэ», стоявшему за углом на выезде с площади. За рулем машины сидел водитель, рядом с ним — бородатый охранник с ружьем на коленях. Вот место, откуда не будет возврата. Феррис снова потянулся к карману, чтобы нажать на кнопку пейджера, но охранник перехватил его руку.

— Что это? — спросил он, доставая зажигалку из его кармана.

Похоже на зажигалку, но не работает. Он нажимал снова и снова, ожидая, что появится пламя, а потом что-то буркнул и выбросил ее.

— Так, может, вы пытаетесь нас обмануть? — сказал египтянин, глядя на него.

Феррис начал было протестовать, но ему заткнули рот рукой, а потом и заклеили скотчем. Они тщательно обыскали его. Нашли мобильный в кармане брюк. Египтянин взял его себе. Другой охранник достал бумажник и паспорт и переложил в карман своей парки. Они затолкали Роджера на заднее сиденье небольшого «хендэ» и сели по обе стороны от него. Машина проехала пару сотен метров и свернула в покрытый пылью переулок. Проехав достаточно далеко, чтобы их не было видно с главной дороги, они завязали Феррису глаза, связали руки и ноги, а потом столкнули его на пол между передними и задними сиденьями.

— Извините, — снова сказал египтянин связанному Феррису.

Он и второй охранник вышли и пересели в другую машину, ждавшую их в переулке. Машины тронулись.

«Зачем они извиняются? Я же уже мертвец».

Они ехали несколько часов. Феррис не мог точно сказать сколько. Повязка на глазах была такой плотной и тугой, что он даже не ощущал, светло вокруг или темно. Но почувствовал, что воздух становится прохладнее. Вечерело. Наверное, машины едут на север, в Алеппо, или на восток, в Ирак. Через некоторое время они остановились. Похитители оставили Ферриса лежать на полу, а сами поднялись по какой-то лестнице. Через пару минут они вернулись и открыли заднюю дверь машины. Вытащив Ферриса головой вперед, они понесли его, как свернутый ковер, внутрь здания, потом по лестнице вниз. Наверное, в подвал, заключил Феррис, вот так все и закончится.

Но он ошибался. По лестнице спустились двое мужчин, цитируя друг другу афоризмы из Корана. Они не сняли повязку с его глаз, но развязали руки и ноги. Дали ему еды и воды, а потом отвели в вонючий туалет. Потом снова связали его и сказали, что ему надо поспать. Он забылся в неглубоком сне, просыпаясь от каждого звука, доносившегося с верхнего этажа.

На следующее утро они вновь повезли Ферриса. Повязка на глазах растянулась, пропитавшись потом. Поездка была недолгой, не больше получаса. Наверное, они перевозят его с одной конспиративной квартиры на другую. Возможно, это Алеппо. Отвозить его в Ирак было бы безумием, даже для таких, как они. Процедура повторилась. Они несли его, как свернутый ковер, вверх и вниз по лестницам. На второй конспиративной квартире его снова накормили и напоили и дали воспользоваться туалетом. Этот уже не пах так ужасно, и в нем даже был настоящий унитаз. Феррису надо было опорожнить кишечник, и они усадили его, а сами отвернулись. Потом они снова его связали и посадили на стул, правда ненадолго. Наверху раздался шум подъезжающих машин, слова приветствий и молитв.

Каждый раз, когда кто-то спускался по лестнице, Феррис приходил в ужас, ожидая начала пыток. Поэтому от звука скрипящих ступеней у него сжало спазмом

желудок. Но на этот раз голос человека, с ним поздоровавшегося, был не столь резок. Вошедший развязал ему руки и ноги, вынул изо рта кляп, а потом, к изумлению Ферриса, снял с его глаз повязку. Это был тот же человек, который подошел к нему в Хаме, с кожей медового цвета. Который ткнул ему в бок пистолетом. Египтянин дал Феррису бритву, крем для бритья и полотенце и повел его в ванную.

— Приведите себя в порядок. Вы наш гость.

Они начали вести себя мягче. Непонятно, что это значит, но вряд ли это хорошо. Закрыв за собой дверь ванной, Роджер встал под душ и подставил свое тело струям воды. После долгого путешествия в тайнике в машине и сна на скверных кроватях его тело было до омерзения грязным. Глядя, как смываемая водой грязь уходит в слив, он на мгновение представил, что все его тело растворяется и стекает в эту дыру, уходя в землю. Но, вымывшись, он почувствовал себя хорошо. А побрившись — еще лучше. Он еще раз посмотрел на себя в зеркало. Глаза ввалились, вокруг них были темные круги. Их свет потух, они были серыми, жесткими и безжалостными. Интересно, подумал он, если я выживу, сможет ли Алиса любить человека с таким лицом. Хотя, конечно, она тоже должна была измениться после пережитого ею кошмара. Они оба стали другими. Феррис вытерся, причесался и стал готовиться к тому, что произойдет с ним, что бы это ни было.

За ним пришли ближе к полудню. Приехала еще одна машина. Феррису снова завязали глаза, но уже не так туго. Потом его повели вверх по лестнице, два пролета, и втокнули в большую комнату в глубине дома. В ней было темно, видимо занавески были закрыты, но они включили яркую лампу, усадили Ферриса на стул и сказали, что придется подождать. Кто-то, стоявший у него за спиной, развязал узел повязки на его глазах, и она упала на пол. У дальней стены комнаты, в неосвещенной ее части, стояла видеокамера на треножнике. Боже правый, подумал Феррис, они хотят отрезать мне голову, снимая это на видео. Так, как они уже делали с другими. Страх, как яркая вспышка, пронзил его тело. Он закрыл глаза, пытаясь успокоиться. По крайней мере, это будет быстро, подумал он. Надеюсь, я смогу встретить смерть тихо.

Через двадцать минут в комнату вошел человек. Он сел на стул напротив Ферриса. Феррис долго смотрел на него. Боже мой, беззвучно прошептал он одними губами. Ему хотелось что-то сказать, но еще больше ему хотелось понять.

Это был Сулейман. Волосы более светлые, чем на фотографии, борода подстрижена, но это именно тот человек, которого Феррис не раз видел на экране на брифингах, в фотоальбомах и на стенах в офисе. Он выглядел даже более умным, чем на фотографиях. Бездонные глаза, не просто отражающие свет, но затягивающие внутрь себя. Морщинки в уголках глаз, уголки рта немного приподняты, как будто это какая-то странная улыбка. Сочетание любопытства и холодной, как камень, жесткости. Судя по всему, Сулейман ждал, что Феррис что-то скажет, будто он дорогой попугай, купленный на базаре. Может, ожидал лести.

— Я вас знаю, — сказал Феррис. — Для меня вы — знаменитый человек, но я видел вас только на фотографиях. Это честь, что вы пришли ко мне.

— О, но я должен был лично увидеть вас, мистер Феррис. Было бы неправильно доверить эту встречу кому-то другому.

Феррис ничего не понял.

— Почему же? Вы могли поручить допрос любому из своих людей.

— Они не достойны этого. Поскольку, сэр, вы первый.

— Первый, — повторил за ним Феррис.

Он понятия не имел, о чем говорит Сулейман. Первый американский пленник?

— О да. Вы первый перебежчик, — сказал, теперь уже без всяких намеков, Сулейман, улыбнувшись и едва не подмигивая темными глазами. — Самый первый.

Притом из ЦРУ! Я должен был лично встретиться с вами, чтобы выяснить, тот ли вы человек, за которого себя выдаете. То, что вы нам передали, столь интересно, что не может быть правдой. Но я думаю, что сегодня наступил великий день, и мы готовы к встрече с вами. У нас есть видеокамера, и я сниму этот момент. Отправлю кадры на «Аль-Джазиру», чтобы вся мусульманская *умма* могла разделить с нами этот триумф. Мы вместе с вами снимем фильм и покажем его всему миру.

Феррис прищурился, но ничего не сказал. Конечно, он выдал себя, чтобы спасти Алису, но он уж точно не перебежчик. Если видеокамера стоит здесь не для того, чтобы заснять допрос и казнь, тогда зачем? Инстинкт подсказал ему, что надо говорить как можно меньше, чтобы Сулейман сам раскрыл тайну их отношений.

— Спасибо, — сказал Феррис. — Теперь я в ваших руках.

— Да наградит тебя Аллах добрым здоровьем. Хочешь чаю? Кофе? Или, может, воды?

— Кофе, — ответил Феррис. — И немного минеральной воды.

Сулейман крикнул, отдавая приказ слуге. Даже на конспиративных квартирах террористов есть слуги, подумал Феррис. Затем Сулейман вновь посмотрел на Ферриса.

— У меня к тебе первый вопрос. Мне очень интересно. Когда ты понял, что в душе ты — мусульманин? Когда ты услышал *аль-дава*, зов?

— Извините, — сказал Феррис, ковыряя пальцем в ухе, словно вычищая оттуда серную пробку. Он хотел услышать вопрос еще раз.

— Когда ты узнал, что перед тем, как отправиться в Америку, твой дед жил в Ливане и перебрался в Боснию? До того, как пришел на работу в Управление? Сам понимаешь, мне интересно, как они могли позволить служить в ЦРУ правоверному мусульманину, служить там, где он узнает тайны евреев и крестоносцев.

Феррис пытался хоть как-то собраться с мыслями. Сложить в уме части этой головоломки. Сулейман думает, что он сам пришел в их логово, поскольку он мусульманин. Интересно, как правильно ответить на этот вопрос, чтобы оставить себе максимум свободы для маневра? Он вспомнил, как еще мальчишкой пытался выяснить свое происхождение. Так и не узнав наверняка, откуда приехал его дед и что за секреты скрываются за невнятным бормотанием и ворчанием. Могло ли оказаться так, что его дед не католик, как он говорил, а мусульманин? Возможно, с определенной вероятностью. Феррис вспомнил свой разговор с матерью, пару недель назад. Это и подсказало ему ответ.

— Это случилось позже. Когда я уже работал в ЦРУ. Моя мать нашла старые семейные бумаги, и я узнал.

— *Альхамду иль-алла*. Думаю, мы видели эти бумаги. Они среди тех, которые ты послал нам через своего посредника.

Феррис кивнул, но мысли в его голове завертелись еще быстрее. Какие бумаги? Какой посредник? Кто разыграл эту тщательно подготовленную операцию, в которой его использовали? В чьей изощренной комбинации он оказался?

— Сначала мы думали, что эти бумаги поддельные, — продолжал Сулейман. — Пока не проверили их сами, в твоём доме в Триполи. Они настоящие. Свидетельство о рождении твоего деда. В Триполи мы даже нашли запись о рождении твоего отца, в Америке. Другие продолжали считать тебя лжецом, но мне стало интересно.

— Благодарю вас, — сказал Феррис.

— Так что я могу называть тебя по твоей настоящей фамилии, Фариз. Это правильно, что теперь ты вместе с нами, так близко к земле твоих предков. Суннитская община в Триполи недалеко отсюда, километрах в тридцати за границей. Это подарок для тебя, Фариз. Возможно, когда мы закончим разговор с тобой, мы позволим тебе отправиться домой. Как тебе это? Сначала мы отвезем тебя в Дамаск, чтобы передать запись с твоим признанием веры в «Аль-Джазиру», чтобы его

увидела вся *умма*. Они ждут моего слова. А потом мы поедem в Триполи, в дом твоих предков. Ты будешь рад этому путешествию?

— Буду очень рад, — ответил Феррис, едва улыбнувшись. Он уловил очертания созданной легенды, но так и не понял, кто ее создал и зачем. — Буду очень рад вернуться домой. Моя дорога сюда была такой длинной.

— Знаю. Аллах велик. Благодарение Аллаху.

— Аллах велик, — сказал Феррис, — *Ла илаха иль-алла, Мухаммад-ур-расул-улла*.

Он произнес символ веры ислама, делающий мусульманина мусульманином. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его».

Теперь улыбнулся Сулейман. Он положил руку на сердце, а потом наклонился к Феррису и трижды поцеловал его в щеки.

— Твоя информация очень хороша, Фариз. Списки наших телефонов, которые отслеживаются. Небезопасные веб-сайты. О всех тех играх, в которые вы играли с нами, стараясь нас обнаружить. То, что вы знали наши коды, даже мое кодовое имя, Рауф, которым я подписывался, передавая сообщения через курьеров. Поначалу многие из нас думали, что это уловка, одна из многих уловок, которые придумывает ЦРУ. Это было нелогично. Зачем сотруднику ЦРУ выдавать «Аль-Каеде» такую информацию? Только чтобы обмануть нас. Но информация очень ценная. А когда ты оповестил нас, что ты мусульманин, и мы проверили документы насчет твоей семьи, мы подумали, что это может быть и правдой. Это может быть реальной причиной. Что хуже, чем быть мусульманином в земле *куфр* и *джахиль*, неверных и не ведающих?

Он посмотрел на Ферриса своими темными глазами.

— Я одинок, — сказал Феррис. Он хотел говорить дальше, но замолчал. Непонятно, какие ответы здесь окажутся правильными, но последнее было чистой правдой. Он был одинок.

— А когда ты, через своего посредника, сказал, что хочешь быть здесь, вместе с нами, мы решили, что этот человек либо безумен, либо говорит правду. И он тот, за кого себя выдает. Проверить это можно, только встретившись с тобой и узнав, что ты принес нам. Тогда мы узнаем, настоящим ли было это золото.

Феррис молчал. Он боялся сделать неверный шаг и решил, что молчание принесет больше пользы, чем болтовня.

— Это правда, — сказал он. — Я такой, как я сказал вам.

— О да, — ответил Сулейман. — В этом я уверен.

Но по интонации Феррис понял, что этот сириец на самом деле далек от провозглашаемой им уверенности.

Феррису нужно было больше информации. Он по-прежнему шел в темноте, на ощупь. Очевидно, что скоро все эти благостные речи закончатся и начнется настоящий допрос. Феррис задумался о том, как можно узнать побольше, не выдавая себя с головой. Нужно понять, какая реальность сформировалась в сознании Сулеймана. Пока Феррису приходилось лишь догадываться. Ему надо узнать больше.

— Я рад, что вы выслушали моего посредника, — сказал Феррис. — Это было важной частью моего плана.

— О да. Мы доверяем мистеру Садики. Мы давно знаем его, он друг наших друзей. А когда он начал передавать нам сообщения от тебя, мы заинтересовались. И поняли, какую двойную игру тебе приходится вести, так что твои встречи с хаджи Омаром уже не вызывали у нас подозрений. О да.

— А взрыв в Инкирике? — спросил Феррис, пытаясь понять, насколько много известно Сулейману.

— Очень хорошо. Имитация диверсии. И то, что все решили, что его устроил

хаджи Омар, чтобы ты скрыл свои следы. Очень хорошо. Нам потребовалось несколько дней, чтобы разобраться во всем этом.

Глаза Сулеймана сузились, превратившись в щелочки, а на губах заиграла тонкая, двусмысленная улыбка.

— В том смысле, что я думаю, что мы разобрались. Но мы ведь это выясним, да? Ты друг, Фариз. Ты часть *уммы*, *Дар аль-Ислам*. Ты нам поможешь.

Феррис откинулся на спинку стула. Теперь стали видны новые фрагменты головоломки. Кто-то отправлял послания Садики, для передачи по сети «Аль-Каеды», после каждой его встречи с Феррисом. Они создали видимость того, что Феррис использовал Садики в качестве тайного связного между ним и «Аль-Каедой». В своем роде так оно и было, но кто-то вывернул это наизнанку. Теперь очевидно, что «Аль-Каеда» не похищала Омара Садики, как считал Феррис. Это сделал тот, кто дергает за ниточки всей этой истории. Но если Садики не похищали, зачем же похитили Алису? Феррис все еще не мог понять этого. Все, что он знал, — это то, что Алиса теперь на свободе. Он сфокусировался на этом. Это единственное, что имеет для него реальную ценность.

— Спасибо, что отпустили Алису Мелвилл. — Слова сами вырвались из рта Ферриса. Это был единственный невыдуманный элемент головоломки, тот, в котором он не сомневался. — Она не мусульманка, но я очень люблю ее.

Сулейман внезапно дернул головой, словно животное, услышавшее опасный звук.

— Извиняюсь. Что ты сказал? Какая Алиса?

— Я благодарю вас, вот и все. За то, что вы отпустили Алису Мелвилл, в Хаме, у водяных мельниц. Я очень благодарен. Вот и все.

Сулейман вытянул руки ладонями вперед, показывая полнейшую невинность:

— Но, Фариз, мы не отпускали эту женщину, Алису. Как мы могли бы сделать это, если, для начала, мы не похищали ее? На самом деле я даже не знаю о ней. Алиса? Боюсь, ты все-таки пытаешься хитрить со мной.

— О боже, — едва слышно прошептал Феррис.

Он все понял. Все стало очевидным. Есть лишь один человек, который знает достаточно о сверхсекретной операции ЦРУ, достаточно, чтобы подкидывать заманчивые кусочки этой информации Сулейману. Единственный человек, который знает об Омаре Садики достаточно, чтобы сменить программу действий. Поменять полярность, так, чтобы Садики выглядел для других человеком, выполняющим совершенно другое секретное задание. Единственный человек, который знает об Алисе Мелвилл достаточно, чтобы инсценировать ее похищение, чтобы выманить Ферриса. И этот человек — Эд Хофман. Он подвесил Ферриса на крючок, как сверкающую приманку, блестящую, отражающуюся в этом зеркальном лабиринте. Феррис почувствовал ненависть к Хофману, такую, какой не испытывал за всю свою жизнь.

— Ты чем-то смущен, Фариз. Хочу спросить чем? — сказал Сулейман.

Он тоже имел время подумать, за те мгновения тишины, в течение которых видение общей картины изменилось в сознании обоих мужчин. Он подвинул свой стул к Феррису и положил ему руку на горло. Не сдавливая, но давая понять, что имеет полную власть над ним.

— Посмотри мне в глаза, — сказал сириец. — Посмотри и скажи, что все, тобой сказанное, — правда. Вот мой детектор лжи. Положить тебе руку на горло и посмотреть в глаза. Говори.

— Я говорю правду, — ответил Феррис. Он попытался полностью заглушить эмоции, и у него это почти получилось. Но веки его глаз слегка задрожали. Он не моргнул, но едва не сделал это. Старался слишком сильно, и Сулейман понял, что что-то не так.

— Думаю, ты лжешь, Фариз. В тебе есть что-то ненастоящее. Совсем немного? Или все? Я не знаю, и мне это не нравится. Но, знаешь, хорошо, что я здесь, с тобой. Скоро я узнаю, где скрывается ложь. Да простит меня Аллах, но ты больше не мой гость. Я изгоняю тебя из своего сердца.

— Кто же я тогда?

— Ты мой пленник.

Сулейман выкрикнул имя, и в комнату вбежал египтянин, вместе с другим человеком, лицо которого было закрыто черной лыжной маской. Сулейман сказал им по-арабски, что пришло время допросить человека из ЦРУ. Когда они всё узнают, надо будет снять видео для «Аль-Джазиры». Потом он встал, наклонился к Феррису, плюнул ему в лицо и вышел из комнаты.

Они посадили Ферриса на деревянный стул, положив поверх подлокотников большую неструганую доску, в которой были просверлены отверстия. Они примотали руки и ноги Ферриса к стулу толстым сантехническим скотчем и металлической проволокой, а потом положили его ладони на доску и привязали пальцы, по отдельности, так, что каждый стал целью. Когда они закончили, египтянин положил на доску между ладонями Ферриса большой металлический молоток.

— Добро пожаловать в Гуантанамо, — сказал он.

Они ушли, оставив Ферриса минут на двадцать. Судя по разговору в соседней комнате, они вышли поесть. Феррис почувствовал, как пальцы начинают пульсировать в ожидании боли. Воспользовался бы он сейчас ядом, будь он у него? Предстоящее страдание бессмысленно. Он пришел сюда, чтобы умереть, думая, что этим спасает Алису. Но ее не требовалось спасать, поскольку она не была в плену у «Аль-Каеды». Этим утром кто-то отдал его жизнь ни за что. Феррис вспомнил сцену из романа Андре Моруа, который он читал, когда учился в колледже. Двое французских партизан, убежденные коммунисты, должны были подвергнуться пыткам, и один из них, в порыве самоотверженного героизма, отдал спрятанную у него таблетку с ядом другому, более слабому. Он дал ее ему в руки, а тот уронил ее, и таблетка укатилась в щель в полу, не сослужив службу ни одному из них. Для Ферриса эта сцена всегда была воплощением бессмысленности смерти. До сегодняшнего дня.

Сулейман вошел в комнату вместе с египтянином и человеком в черной маске. Он сел на стул напротив Ферриса, а двое других стали по обе стороны от него. Сулейман надел перчатки, чтобы руки не скользили по молотку и их не забрызгало кровью.

— Мы не слишком умелы в этом, — сказал Сулейман, взяв в руку молоток и покачивая им. — У нас было не так много пленников, чтобы накопить опыт, но мы учимся у вас. Вы нас учите. Почему, пытая нас, американцы не понимают, что когда-нибудь мы будем точно так же пытаться их? Должно быть, вы очень глупы. Нарушая правила войны, вы не ждете, что столкнетесь с тем же самым в полном объеме. Может, у вас не хватает воображения. Думаю, что да. Вы не можете представить себе, что вам что-то могут сделать, поэтому с легкостью делаете это по отношению к другим.

Он высоко поднял молоток и с силой стукнул по доске, рядом с правой рукой Ферриса. Феррис закричал, несмотря на то что молоток не коснулся его. Стоявшие по бокам расхохотались, но Сулейман промолчал.

— Тренировочный удар, — сказал он чуть погодя. — Вот так мы и поступим. У тебя десять пальцев. Я задам тебе десять вопросов, потом еще десять. Каждый раз, как ты солжешь, я буду ломать тебе по одному пальцу. Когда мы закончим с пальцами, мы перейдем к ногам, глазам, языку и зубам. Если от множества ударов

молоток сломается, мы принесем другой.

— А если я скажу правду? — спросил Феррис.

— Но ты же лжец! — фыркнул Сулейман.

Он поднял молоток, на мгновение задержал его и с ужасной силой обрушил на мизинец правой руки Ферриса. Молоток попал в средний сустав, почти расплющив кость и кожу. Боль была столь нестерпимой, что Феррис дернулся всем телом. И закричал.

— Слишком громко, — сказал Сулейман. — Кто-нибудь услышит.

Он посмотрел на египтянина. Потом подошел к окну и задернул плотную занавеску.

— Кто нашел этот дом? Через окно соседей видно, даже отсюда. Плохое место. Перед тем как я займусь следующим пальцем, заткни ему рот кляпом, чтобы эти люди не слышали.

Египтянин кивнул.

Феррис продолжал стонать. Он посмотрел на расплющенный в блин мизинец. Скоро у него не будет пальцев, он никогда ничего не возьмет в руки, не прикоснется и не пощупает.

— Заткнись, пожалуйста, — сказал Сулейман. Стоны Ферриса перешли в тихий плач. — Спасибо. Теперь начнем. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Ты лжешь, тогда спрашивает мистер Молоток. Понял?

Феррис прохрипел, соглашаясь.

— О'кей, первый вопрос. Кем был сотрудник ЦРУ Гарри Микер? И почему у него с собой были эти документы?

— Он не существует, — сказал Феррис. — Остановитесь! Прошу, остановитесь! — закричал он, увидев, как Сулейман поднимает молоток. — Это правда. Гарри Микер — подделка. Мы нашли труп. Мы собрали всё воедино, чтобы это выглядело так, будто он — сотрудник ЦРУ, отправившийся к своему агенту в «Аль-Каеде».

— Но у него было послание для меня, у этого Гарри Микера.

— Да, но оно тоже поддельное. Чтобы люди «Аль-Каеды» подумали, что вы работаете на нас.

— Уалла!

Это был мощный, гортанный вопль гнева. Лицо Сулеймана побагровело, и он рефлексивно взмахнул молотком и ударил по следующему пальцу. Не в полную силу, похоже, он попытался в последнее мгновение остановить удар, поняв, что Феррису еще не заткнули рот. Феррис закричал, от боли и страха. И не смог остановиться.

— Давай кляп! — приказал Сулейман.

Египтянин схватил кляп и заткнул Феррису рот. Человек в черной маске уже начал было заклеивать ему рот скотчем, когда услышал шум в соседней комнате и резко дернул головой. Они все развернулись, когда внизу послышались автоматные очереди. Может, я умру быстро, пронеслось в голове у Ферриса.

Все произошло мгновенно, но это мгновение, казалось, растянулось во времени. Звон разбитого стекла, вспышка света, ослепившая Ферриса, грохот ломаемых дверей, крики и автоматные очереди. Комната наполнилась дымом, и все закашляли, хватая ртом воздух. Феррис услышал, как в комнату кто-то вломился. Ослепленный вспышкой Сулейман, выкрикивая проклятия, попытался пробиться к окну, но вошедшие повалили его и двоих других на пол, выкручивая им руки. Внизу продолжали грохотать автоматные очереди, но секунд через пятнадцать огонь стих. Все охранники были мертвы. Дым начал рассеиваться, и к Феррису постепенно вернулось зрение. Сулейман лежал на полу, связанный и с кляпом во рту. Люди в черной форме засунули его в большой мешок и вынесли за дверь. Другие проделали

то же самое с двумя подручными Сулеймана: засунули в мешки и унесли.

Через мгновение после того, как всех троих террористов из «Аль-Каеды» вынесли из комнаты, кто-то подошел к Феррису. Он тоже был одет в черное, как ниндзя, но, похоже, это был врач. Аккуратно обрезав путы на пальцах Ферриса, он принялся осматривать сломанные пальцы.

— Мизинец вы потеряли, — сказал он. — А вот безымянный палец мы попробуем спасти.

Он говорил по-английски, но с арабским акцентом, понял Феррис. Сначала он думал, что попадет из одного ада в другой — из лап «Аль-Каеды» в сирийскую тюрьму. Врач протер кисть руки Ферриса салфеткой со спиртом и воткнул иглу, делая подкожный укол. Через пару секунд Феррис почувствовал, что голова у него плывет, а потом потерял сознание.

Глава 35

Триполи

Феррис очнулся на больничной кровати с металлическим ограждением, как у колыбели, застеленной белоснежными накрахмаленными простынями. Он не знал, в тюрьме он или в госпитале. Посмотрев на правую руку, он увидел, что на один палец наложена шина, а мизинца у него нет. Очевидно, его ампутировали. Он попытался пошевелиться, но оказалось, что поверх его груди натянут кожаный ремень. Повернув голову, он увидел на больничном столике у кровати вазу с огромным букетом цветов. Вдохнув их аромат, он наконец решил, что вряд ли это тюрьма, если здесь стоят цветы.

Минут через десять пришла медсестра. Стоя у входа, она с кем-то говорила по-арабски. Повернув голову, Феррис увидел, что в коридоре стоит темнокожий охранник. Где бы я ни был, подумал он, я все еще среди арабов. Когда медсестра увидела, что он проснулся, она отстегнула кожаный ремень и помогла ему сесть. Спросила, удобно ли ему. Да, ответил Феррис. Она проверила шину на сломанном пальце и повязку на обрубке ампутированного пальца и сказала, что он быстро поправляется.

— Вас кое-кто хочет увидеть, если вы, конечно, достаточно хорошо себя чувствуете для этого, — сказала она.

Она помогла Феррису встать. Оказывается, он мог ходить по комнате сам. Потом медсестра дала ему одежду. Посмотрев на нее, он понял, что это его собственная одежда, из шкафа в спальне его квартиры в Аммане. Интересно, но непонятно, что это значит.

— Где я? — спросил Феррис.

— Вы в Триполи, сэр, — сказала медсестра. — В Ливане.

Может, мне это снится, подумал Роджер. Медсестра сказала ему, что придет через пять минут, пусть он пока оденется. Тогда они пойдут к человеку, который ждет его. Вернувшись, она повела Ферриса по длинному коридору и остановилась у массивной дубовой двери.

— *Йа, паша*, — сказала она, постучав в дверь.

Голос изнутри ответил по-арабски, и она открыла дверь.

Хани Салам сидел в одном из двух больших кресел у противоположной стены комнаты. Он курил сигару, и на его лице было выражение полного удовлетворения. В самом деле, подумал Феррис, уставившись на Хани, я никогда еще не видел более уверенного в себе человека. Конечно. Игра закончена. Перед ним сидел настоящий арабский Просперо, повелевающий морями, ветрами и небом, приводящий в движение персонажей пьесы, создающий чудовищ и фантастические чудеса. Его

незримые руки направляли каждое действие спектакля, о котором другие тоже думали, что управляют им. Превращающий черное в белое и белое в черное.

— Мой дорогой Роджер, — сказал он, вставая и обнимая Ферриса. — Ты очень хорошо выглядишь, если учесть, через что тебе пришлось пройти. Хочешь сигару? Ты просто должен закурить сигару. Ты герой. Ты спас больше жизней, чем можешь даже себе представить. Возможно, даже больше, чем кто-либо из нас всех может представить.

Феррис посмотрел на Хани. Несмотря на весь свой гнев, он не смог не улыбнуться. Идеально подстриженные усы. Волосы тоже подстрижены и подкрашены, недавно. Сияют, как у кинозвезды. Новый спортивный костюм из синего кашемира с тонкими желтыми лампасами, сверкающие новые ботинки.

— Да, я выкурю сигару, — ответил Феррис.

Хани дал ему длинную и толстую сигару «Ромео и Джульетта». Такой размер сигары еще называют «Черчилль». Когда Феррис поднес ее ко рту, Хани зажег длинную спичку. Феррис сделал несколько затяжек, и конец сигары засветился красным угольком.

Попыхивая сигарой, Феррис положил ноги на обитый тканью стул, стоявший между креслами.

— Вы задолжали мне палец, — сказал он.

— Да, точно. И еще многое другое. Но мы сполна расплатимся с тобой, уверяю. Я отношусь тебе почти как к сыну. И всегда так относился. И это доставляло мне самую большую боль — необходимость обманывать тебя. Но, как любите говорить вы, американцы, это была ложь во спасение. Только этим я мог утешить себя. И все это не вернет твой палец, и мне очень жаль. Я полагал, что мои люди подоспеют вовремя. Не думал, что допрос начнется так быстро. Не по отношению к «перебежчику». Но как только мы услышали твой крик, мы сразу пошли на штурм.

— Вы все это сделали, — со смесью удивления и гнева в голосе сказал Феррис. — Это была ваша игра. И Хофман тут абсолютно ни при чем.

— Да. Это была моя игра, — ответил иорданец, выпуская клуб дыма. — Знаешь ли, это мой мир. Я понимаю его. А вы, американцы, лишь гости в нем. Вы пытаетесь что-то понять, но это почти что невозможно. Вы только делаете ошибки. И ты тоже самоуверен, как ни печально мне это говорить. Ты не знаешь, чего ты не знаешь. Когда я понял это в том пустяковом деле, в Берлине, я решил, что возьму все в свои руки.

Феррис кивнул. Все сказанное было правдой, он не мог отрицать этого.

— И кем я был? — спросил он. — Вашей пешкой?

— Вовсе нет, мой дорогой. Ты был моим агентом. Моим агентом в ЦРУ. Я положил на тебя глаз сразу же, как ты приехал к нам. И я не мог завербовать тебя. Ты бы никогда не согласился на это. Так что ты был моим виртуальным агентом.

Феррис расхохотался:

— Так мы с Хофманом думали про Садики. Мы думали, что сможем поймать Сулеймана, используя Садики как «виртуального агента». Я сказал это в точности так же.

— Но это совершенно нелепо, как думаешь? Иордания принадлежит мне. Я контролирую в ней все и всех. Я сам использовал Садики несколько лет. Неужели Эд Хофман думал, что сможет играть в свои игры у меня во дворе так, чтобы я об этом не узнал?

— Как вы уже сказали, мы, американцы, считаем, что знаем больше, чем есть на самом деле.

— Благо у вас все еще остаются друзья. Хотя я не очень понимаю, почему они до сих пор вам помогают. Разве что по причине того, что вы очень богаты. Да, я обнаружил, что люди Эда Хофмана следят за Садики и его братом в соответствии с

каким-то дурацким новым планом. И я решил, что все зашло слишком далеко. И у меня была идеальная приманка: ты, Роджер. Человек, которого я могу подсунуть под нос «Аль-Каеде». Человек, который может сыграть перебежчика из ЦРУ. Мусульманин в ЦРУ, и превосходные доказательства, это подтверждающие.

— Почему вы решили представить меня мусульманином? Если предположить, что это правда и вы не передали им через Садики кучу подделок.

— Я знал это, поскольку провел собственное расследование. Вы, американцы, думаете, что только вы способны на тщательную разработку операций, но вы сильно ошибаетесь. У меня были подозрения, и я их проверил. Провел серьезную проверку в самом деле. Мои люди просмотрели данные переписей населения в США и судовые декларации кораблей, причаливавших в Эллис-Айленд. Послал аналитиков в Боснию, и они посетили твоих родственников, о которых ты в жизни не слышал. Даже послал одного поговорить с твоей матерью, на случай, если она что-то знает. А потом послал целую команду сюда, в Триполи, чтобы просмотреть старые документы времен Османской империи. Нам были нужны документы, и мы понимали, что люди Сулеймана тоже станут проверять все это. Они тоже не дураки, друг мой. Так что все должно было быть по правде. Так и случилось. При рождении твоего деда звали Мухаммад Фариз. Живя в Америке, он хранил это в строжайшем секрете. Но, дорогой, все секреты имеют начало на этой земле. И мы называем их *такия*.

— Я позаимствовал у вас это слово, — сказал Феррис. — И думал, что понимаю его смысл.

— Но, дорогой, *такия* — это не трюк, который можно просто вынуть из сундука. Для мусульманина это означает вопрос выживания. Твой дед понимал, что такое *такия*. И *такия* — причина того, что сегодня ты здесь. Мы хорошо понимаем это, живя в пустыне. Имеет значение только выживание. И мы не станем жертвовать своим сокровищем ради чего-то другого.

Феррис подумал обо всех усилиях, которые предпринимали он и Хофман, чтобы организовать свой маневр. Встречи в Абу-Даби, Бейруте и Анкаре, фотографии, записи. Они много работали, и плоды этой работы достались Хани. Феррис разозлился на Хани, но продолжал улыбаться, понимая, насколько ловко Хани их обманул.

— И когда мы создали легенду для Садики, это только облегчило вам работу, так?

— Очень даже. Мы просто проехали у вас на спине. Когда вы решили ввести Садики в игру, я сделал то же самое. Я сказал ему, чтобы он позвонил одному из этих агентов в «Аль-Каеде». О да, у него такой был. И сказал, что один сотрудник ЦРУ, несчастный человек, хочет выдать им тайны. Они не поверили, но заинтересовались. После первой встречи с тобой он прислал им разведданные, настоящие. Естественно, от меня. Большинство их были бесполезными. Старые номера мобильных телефонов, давно закончившиеся операции. Но я выдал им чудесную историю насчет операции в Берлине и всех ваших игр с Амаром. И они стали думать, что ты — настоящий предатель, выдающий им информацию. Каждый раз, когда ты назначал встречу с Садики, я готовил для них новую информацию. Тем временем ты, мой дорогой, разыгрывал свое собственное маленькое шоу, подкрепляя мою игру. Так здорово было получить фотографии Садики в Абу-Даби, Бейруте и Стамбуле, не говоря уже о Лондоне и Париже. Настоящая удача.

— Вы играли с нами, как с дурачками.

— Не совсем. Я просто играл с вами. Шел у вас в кильватере. Вы же сверхдержава, поэтому за вами тянется такой мощный кильватерный след, даже тогда, когда вы думаете, что играете тихо и по-умному. Иногда, если повезет, мы можем пристроиться за вами и поймать волну.

— А звонок Сулеймана, который мы перехватили? И текстовое сообщение для

меня на его мобильный? Это тоже вы сделали?

— Да, боюсь, что так. Нам надо было посильнее дернуть за веревочку, чтобы вывести тебя на эту последнюю встречу. Вы должны были поверить, что ваша глупая игра удалась. У нас в архиве была старая запись перехваченного разговора Сулеймана. Извини, мне было так тяжело от того, что приходилось манипулировать тобой.

Феррис тихо похлопал в ладоши, словно в театре опустился занавес, завершив тем самым спектакль.

— Впечатляет. Сильно. Единственное, чего я не могу вам простить, — это того, что вы манипулировали Алисой. У нее в Иордании была настоящая жизнь. Она полюбила Амман. А вы это уничтожили. Теперь она никогда не вернется туда. Они будут думать, что она работает на вас.

— Мой дорогой Роджер, в Иордании все работают на меня. Почему с ней должно быть по-другому? Но должен сказать тебе со всей откровенностью, что ты обманываешься, считая, что я подверг ее опасности. Это сделал ты сам. Если бы мы не похитили ее, так сказать, по «программе защиты свидетелей», то люди «Аль-Каеды» могли бы похитить ее сами, по-настоящему. И тебе не следует злиться на меня. Все было в моих руках.

Хани выпустил большое кольцо дыма, но Феррис не смотрел на него.

— Я так боялся за нее, Хани. Я был готов умереть, чтобы спасти ее. И вы это использовали. Вы рассчитывали на это. Иначе ваш план не сработал бы. Вы превратили мою любовь к ней в оружие. Как я могу простить такое?

Хани промолчал. Он посмотрел в окно солнечной комнаты больницы, на голубые воды Средиземного моря, а потом на Ферриса. Впервые в его взгляде, кроме наполнявшей его уверенности, появилось сожаление.

— Мне очень жаль, Роджер. Я рассчитывал на твое благородство, но, по сути, ты сделал то, что должен был сделать любой настоящий мужчина. Я не понимал, как сильно ты любишь ее, пока не пришел к тебе в ее квартиру. Но скажу тебе все по правде. Это лишь заставило меня работать еще тщательнее, чтобы все произошло как надо. Мы следили за тобой все время, каждую минуту. Мы поместили подошвы твоих ботинок специальным порошком, чтобы по твоим следам знать, где ты. Вшили маркеры в шерстяную тужурку, которую дал тебе водитель. На случай, если что-то пойдет не так, мы заручились поддержкой самого президента Сирии.

Феррис кивнул. Но все его мысли были об Алисе. Его щеки вновь покраснели от гнева.

— Вы били ее, когда похитили ее из квартиры и привезли в Хаму. Я видел кровь.

— Дело в том, мой дорогой, ее не похищали. И, ради всего святого, мы не били ее. Она сдавала кровь месяц назад в палестинском Красном Полумесяце, и позднее я понял, что это может оказаться полезным для нас. Мы даже не вламывались в ее дом. Она пошла с нами по своей воле, в силу единственной понятной ей причины. Зная, что помогает тебе.

— Вам не пришлось принуждать ее?

— Абсолютно. Алиса — намного более сложный человек, чем ты думаешь. У нее жизнь, в которой ты ничего не понимаешь. Неужели ты считаешь, что можно так просто работать в Иордании, путешествовать, ходить из одного лагеря палестинских беженцев в другой и не иметь контакта с «Мухабарата»? Говорю это не для того, чтобы оскорбить тебя, но чтобы порадовать. Как и всякая драгоценность, эта женщина окутана вуалью тайны. Она так долго беспокоилась о тебе. И, в силу какой-то непонятной причины, любит тебя ничуть не меньше, чем ты ее.

Феррис моргнул, и его глаза наполнились слезами. Что он понимал во всем этом?

— Я должен повидаться с ней. Где она?

— Она рядом. Она знает, что с тобой все в порядке. Цветы у тебя в комнате — от нее.

— Я могу повидаться с ней?

— Конечно, мой дорогой. Ты свободный человек. Но, думаю, сначала нам надо поговорить об Эде Хофмане.

Феррис откинулся на спинку кресла в изумлении. Череду событий, произошедших с ним, настолько его изменила, что с того момента, как он очнулся на больничной койке, он ни разу не подумал про Хофмана.

— Он знает, что произошло?

— О да. Отчасти. Он в Аммане. Вот почему я отвез тебя сюда, если честно. Кроме того что здесь земля твоих предков, это место, где тебя никто не найдет, пока ты сам не решишь встретиться с Эдом.

— Должно быть, он взбешен. Это уничтожит его.

— Вовсе нет. Это может стать самым лучшим временем его жизни. По крайней мере, так может подумать его многочисленное начальство в Вашингтоне. Вместе мы сможем использовать полученную через Сулеймана информацию в Пакистане, Ираке, Сирии и Европе. Не сочти за хвастовство, но я считаю, что это наш самый большой успех в борьбе с «Аль-Каедой». Сулейман был в центре всего. Теперь, когда мы его уничтожили, у «Аль-Каеды» уйдут годы на то, чтобы оправиться от такого удара.

— И во всем мире будут думать, что это — результат операции Хофмана?

— Конечно. Настоящие операции разведки навсегда остаются тайной. Вы, американцы, не способны понять этого. Вы не способны хранить тайну, из-за вашей демократии. А у нас нет таких проблем. Что касается славы, *алан ва салан*, она вся твоя. Или, скажем так, Эда. С тобой проблем немного побольше.

— И почему же со мной проблемы? Я тот человек, благодаря которому это произошло. Безусловно, при вашей помощи, Хани-паша.

— Подумай, мой дорогой. Эд Хофман будет думать, что ты все время работал на меня. Может, ты и был моим виртуальным агентом, но он-то думает, что все по-настоящему. Есть и другие неудобные подробности. Ты из мусульманского рода, твой дед родился в суннитской общине Триполи, в Ливане, и ты не сообщил в ЦРУ насчет этого. Боюсь, ты оказался в неловкой ситуации.

— Но я сам не знал об этом. Все это выяснили вы.

— Да. Но, честно говоря, поверит ли тебе Эд Хофман? Даже если поверит, поверит ли в это отдел контрразведки в ЦРУ, главный инспектор, председатель комиссии сената и палаты представителей по разведке? У них возникнет слишком много вопросов. И эти вопросы вряд ли позволят тебе остаться на работе в ЦРУ. Люди так и будут считать тебя моим агентом. И будут правы.

Феррис закрыл глаза и потер виски здоровой рукой. Надо подумать. В самом деле, куда он попал? И куда он хочет отправиться потом? Он прошел огромный путь, но не для того, чтобы сидеть с пашой в этой солнечной комнате в Триполи.

Хани последний раз затянулся сигарой и отложил ее в сторону. Он выкурил ее почти целиком.

— С твоей точки зрения, ты не веришь, что ты — агент иорданской разведки. Но, говоря объективно, ты в самом деле был моим агентом. Я контролировал тебя, выдавал тебе цели, работал с тобой. То, что ты этого не осознавал, — вопрос второстепенный, как я понимаю. Вне зависимости от того, что ты скажешь и сколько тестов на детекторе лжи ты пройдешь, Хофман и его друзья всегда будут подозревать тебя. Извини, но ситуация именно такова.

— Все это чушь, Хани. Но допустим, это правда. Что тогда мне делать, как вы думаете?

— Суть в том, что ты победил. И можешь делать все, что тебе вздумается.

Феррис смотрел на свет, проникающий в комнату сквозь широкие окна. Этот чистый свет озарил столько темных мест в его жизни. Сказанное Хани — правда, по крайней мере отчасти. Феррис прошел сквозь врата, и обратной дороги у него не было. Но оставалось ощущение незавершенности. Он выжил, но слишком много людей погибло. Слишком много убийц осталось на свободе. Он чувствовал себя марионеткой. Он играл хорошо, но пьеса еще не закончена. Он знает это лучше, чем кто-либо другой. Он первым узнал о существовании Сулеймана, тогда, в убогой хижине на юге от Тикрита, от иракского агента. Это его дело. Оно принадлежит ему, а не Хофману и даже не Хани. И оно не завершено. Хани не прав. Он еще не победил. Пока.

Феррис закрыл глаза, представив себе своего противника. Вспомнил комнату в Алеппо, стул, свои пальцы, примотанные к доске, видеокамеру у противоположной стены, дьявольскую уверенность в глазах Сулеймана. Уверенность в том, что он контролирует ситуацию. Они снимают фильм, сказал он. Фильм, который покажет «Аль-Джазира». Но будет ли это фильм, поставленный Сулейманом? Внезапно Феррис понял, что надо сделать. Он повернулся и посмотрел на иорданца, безупречного в своей одежде и своем обмане.

— О'кей, Хани. Будь по-вашему. Я — ваш агент. «Говоря объективно». Никто не поверит, что это не так. Тогда, раз я — ваш человек, давайте мне последнее задание.

— Что такое, дорогой Роджер? — спросил Хани, удовлетворенно улыбаясь. Он считал, что спектакль закончен, и не понимал, что Феррис решил сам написать последний акт.

— Я хочу уничтожить сеть Сулеймана, — сказал Феррис.

Хани рассмеялся. Он, наверное, решил, что Феррис шутит.

— Не жадничай, друг мой. Это еще один недостаток у вас, американцев. Мы поймали Сулеймана. Скоро мы поймаем многих его людей. Этого мало? Что нам еще надо?

— Нам надо уничтожить саму идею. Мы поймали его и часть его людей, но найдутся другие, такие же умные и злобные. Черт, они найдут в Ираке сколько угодно добровольцев. Мы еще не закончили. Когда я работал с Хофманом, мы решили создать яд, который разрушит все, к чему прикоснется Сулейман. Заразит его, его идеи, его людей. Сделает их радиоактивными на сотню лет. И нам все еще это нужно. Сделайте ядовитую пилюлю. И ядом стану я.

— О чем ты говоришь, Роджер? Ты забинтован, нетвердо держишься на ногах. Едва можешь ходить.

— Я могу думать. Могу перестать быть глупым и постараться быть сообразительным. И вы можете помочь мне, Хани-паша. Вот что я прошу в обмен на то, что отдал вам. Я хочу закончить это дело.

Хани поежился, сидя в кресле. Он понял, что Феррис говорит всерьез.

— А Алиса? — спросил он.

— Она не станет любить меня, пока все это не закончится. Поэтому я и должен завершить дело.

— Очень хорошо. Я слушаю, мой дорогой Роджер. Если, конечно, ты не собираешься уничтожить все то, чего мы уже достигли.

— Задам только один вопрос. Вы нашли видеокамеру на конспиративной квартире Сулеймана в Алеппо?

— Да, конечно. Она была в той комнате, где тебя допрашивали. Мои люди вывезли ее оттуда, на всякий случай. Думаю, она в соседней комнате.

— Хорошо. Тогда займемся делом, *устаз* Хани. Вы учитель, я — ученик. Но у меня для вас есть идея.

Хани выслушал Ферриса. Разве он мог поступить по-другому, подумал Феррис.

Он принялся соединять все нити, ведущие от Хофмана, Хани и даже Сулеймана, составляя план. Наконец у него получилось что-то связное. Иорданец посмотрел на него с недоверием. Он не азартный игрок. Он узнал достаточно, чтобы собрать выигрыш и встать из-за стола. Но ставка Ферриса в этом казино была слишком велика. Хани не стал его отговаривать. Он знал, что Феррис попытается сделать это, вне зависимости от его мнения. В каком-то смысле сейчас власть была в руках Ферриса. Может быть, «объективно говоря», Феррис и являлся его агентом, но теперь эта операция принадлежала ему.

Глава 36

Никосия, Дамаск

Сквозь толстое стекло окошка в двери камеры можно было разглядеть лицо Сулеймана. Мешки под глазами, следы стресса и бессонных ночей. Но даже в плену, в тайной тюрьме на Кипре, в которую Хани упрятал его после проведенного налета, он выглядел как человек, контролирующий ситуацию. Они забрали у него его безупречно связанную молитвенную шапочку и изящный халат, которые были на нем в Алеппо, и одели в тюремную одежду. Не в оранжевый комбинезон, а в обычную серую хлопчатобумажную тунику и штаны, как простого киприота. Но даже эту одежду он носил со своеобразным, исполненным ярости достоинством. Сломать его будет нелегко. Пришлось бы смешать ему кровь с костями, прежде чем он заговорил бы, но даже если бы Хани и хотел сделать это, стоит ли живьем потрошить человека, который может выдать столь важные тайны? Хани приготовился ждать. Достаточно долго, чтобы найти стержень этого человека, убрав который он получит нужный эффект. Но это будет очень трудно.

— Пусть он сломается сам, — сказал Феррис еще в Триполи. Тогда Хани понял, что Феррис действительно стал другим человеком. Понимающим, что нельзя сломать камень другим камнем. Камень должен треснуть сам, вдоль трещин, которые уже присутствуют в нем самом. Найдя их, будет достаточно едва надавить в нужных местах. С этой точки зрения Феррис окончательно превратился в восточного человека, освоив искусство, которое скрывалось в его крови.

Сразу же после разговора Хани и Феррис сели в вертолет и отправились из Триполи на Кипр, чтобы не терять времени. Хофман продолжал ждать их в Аммане, не имея ни малейшего понятия о происходящем и наслаждаясь своей незаслуженной славой. Алиса ждала Ферриса в Ливане. Феррис не хотел встречаться с ней до тех пор, пока не сможет полностью принадлежать ей, свободный от ига лжи, лежащего на его плечах. Только он и Хани. Круг замкнулся, начавшись в той грязной квартирке в Берлине. Теперь они снова стояли у дверей камеры, где сидел их враг, недостижимые для его ума.

Хани отвел Ферриса в пустую камеру рядом. Американец был одет в ту же грязную и потрепанную одежду, в которой он появился в Хаме. Штаны из грубой ткани, рубашка, пропитанная потом. Красные полосы на лице. Он настоял на том, чтобы его так раскрасили, словно побитого уличного шпика. Сняли повязку с изуродованного пальца, чтобы был виден краснеющий обрубок, все еще гноящийся. Феррис сказал, что готов к началу допроса. Но сейчас должны были допрашивать не Сулеймана, а Роджера Ферриса.

Феррис сел на грубо сколоченный деревянный стул, и люди Хани принялись привязывать его к нему. Комната для допросов была плохо освещена и захламлена, со стен капала вода, пахло гнилью. Напротив стояла видеокамера Сулеймана, на том же самом тренажере, на котором она стояла в Алеппо. Надев черную маску, Хани сел рядом с ней.

— Включайте, — сказал Феррис.

Хани включил видеокамеру, и Феррис заговорил прерывающимся, гортанным голосом человека, которого долго били и вынудили подчиниться:

— Меня зовут Роджер Феррис.

Слова звучали нечетко и бесформенно, словно исходя из его живота.

— Я работаю на Центральное разведывательное управление.

Феррис посмотрел в пол, придерживая здоровой рукой обрубок искалеченного пальца, словно боясь, что кто-то отрубит ему еще один. Хани грубо приказал ему говорить по-арабски и побыстрее заканчивать с этим. Феррис снова заговорил, медленно, на неуверенном, словно у школьника, арабском:

— Я Роджер Феррис. Я работаю на ЦРУ. Я признаюсь в этом. Многие годы я участвовал в операции по проникновению в «Аль-Каеду». Мы пытались обмануть мусульман, чтобы они последовали за нашим агентом. Мы просим прощения у всех мусульман.

Феррис запнулся, испуганно посмотрев на Хани. Иорданец отвесил ему жесткую пощечину. Феррис застонал, по-настоящему. Хани ударил его достаточно сильно, и его щека начала краснеть от удара.

— Скажи имя! — крикнул Хани. — Кто был вашим агентом?

Феррис с трудом попытался подобрать слова. Его глаза бегали, и он прижал искалеченную руку к лицу.

— Наш агент — сириец. Его зовут Карим аль-Шамс. Он называет себя Сулейманом Великолепным. Говорит, что руководит планированием всех операций «Аль-Каеды». Но все это время он работал на ЦРУ. Мы просим прощения у всех мусульман. Мы совершили дьявольское дело. Мы просим прощения у всех мусульман.

Рука снова взлетела к лицу Ферриса. На этот раз Хани ударил столь сильно, что опрокинул Ферриса на пол вместе со стулом. Феррис лежал на полу и стонал, пока Хани не выключил видеокамеру.

— Иисусе, — сказал Феррис, потирая щеку, после того как Хани развязал ему руки и усадил обратно. — Это было круто, мать его так.

Вызвали доктора-киприота, чтобы оказать помощь Феррису. Хани сам настоял на этом. Он понимал, что съемка должна произвести впечатление жестокости, но очень расстроился, что ударил Ферриса так сильно, до крови. Хани предложил Феррису сделать перерыв на час и покормил его кебабом и рисом. Предложил арак, но Феррис отказался. Им предстояло выполнить самую важную часть плана, и голова у него должна оставаться ясной.

Феррис переоделся в тюремную одежду: простые серые штаны и тунику. Затем он пошел вместе с Хани в большую комнату для допросов, где стояло три стула. Феррис сел на один из них и терпеливо ждал, пока его снова свяжут по рукам и ногам. Затем его оставили одного. Он не видел видеокамеры, но знал, что она наведена в комнату, через два зеркала, на стул, стоящий перед ним.

Через десять минут привели Сулеймана. Его вели два охранника, на руках и ногах его были кандалы. Охранники грубо толкнули его, усаживая на стул перед Феррисом. Сначала он не узнал американца, а когда узнал, пробормотал проклятие. Феррис поднял взгляд. Его лицо было куда более побитым, чем у Сулеймана.

— Ты Фариз, человек из ЦРУ, — сказал Сулейман. — Что ты здесь делаешь, собака?

Феррис вздрогнул от его слов, как от удара. Нужно всего пару фраз Сулеймана, пара десятков слов, и все будет готово.

— Ты был не прав насчет меня, — прохрипел он. И уронил голову, словно в изнеможении.

Больше он не говорил ничего, только время от времени тихо стонал, ожидая, что Сулейман заговорит снова. Прошло тридцать секунд, минута. Феррис уже забеспокоился, что Сулейман не клюнет на приманку, но тот наконец заговорил.

— Почему ты здесь? — снова спросил Сулейман.

— Они меня поймали, — ответил Феррис. — Заставили сознаться.

— Так, значит, это правда? Ты мусульманин? Ты действительно работал с нами?

— Что? — переспросил Феррис, вздрогнув, словно от боли.

— Ты из ЦРУ, но ты работал с нами?

— Вместе? — простонал Феррис. Это выглядело как вопрос.

— Да. Вместе. Ты работал с нами, Фариз?

— Да. Все это время.

— И все доклады из ЦРУ — правда?

— Чистая правда. Вы были внутри ЦРУ.

— *Уолла!* — воскликнул Сулейман. — Я был внутри ЦРУ. Это меня радует. Слава Аллаху.

— Слава Аллаху, — повторил Феррис.

— Мы могли столько сделать вместе, для *уммы*. Так много.

Феррис застонал и уронил голову на грудь. Достаточно, не надо переигрывать. Сулейман снова спросил его о чем-то, но в ответ он только застонал.

Спустя десять минут в комнату вошел Хани, в маске. Он крикнул Сулейману и Феррису, чтобы они приготовились, и сел на третий стул.

Хани говорил на резком диалекте арабского, а не своим обычным приятным тоном. Так, как оперативник «Аль-Каеды» мог бы допрашивать своего бывшего шефа, предавшего их дело.

— Смотри мне в глаза, Карим аль-Шамс, Сулейман Великолепный. Где ты получал информацию от Роджера Ферриса, сотрудника ЦРУ?

Сулейман засмеялся. Шоу началось. Хани влепил ему пощечину, куда сильнее, чем Феррису. Потом ударил ногой по голени, по колену и по бедру. Скрытая камера сняла его ногу, но не его лицо.

— Ты получал информацию от Роджера Ферриса, человека из ЦРУ? — повторил вопрос Хани.

— Да, — простонал Сулейман. — И рад этому. Слава Аллаху. Это была наша победа.

— Почему ты совершил столь ужасный поступок? — прорычал Хани.

— Мы гордимся этим. Мы гордимся своей операцией с американцем.

— Ты позор для мусульман. Я заткну тебе рот моим ботинком. Ты опозорил всю *умму*.

— Я никого не позорил. Я горжусь сделанным. Эта операция с американцем — великое благо для всех мусульман. Она показала, что мы можем сделать все, что угодно.

Хани со всей силы ударил Сулеймана кулаком по лицу, словно он был не в состоянии контролировать свой гнев. У Сулеймана пошла кровь из носа. Хани выкрикнул проклятие, встал и вышел. Оператор щелкнул камерой, выключая ее. Теперь у них было все необходимое.

Пришел один из людей Хани, чтобы развязать Ферриса. Когда его руки и ноги стали свободны, Феррис встал и посмотрел на Сулеймана, улыбаясь. Сулейману хватило этого, чтобы понять, что произошло. На его лице появилось отчаяние. Он внезапно все понял.

— Ты проиграл, — сказал ему Феррис.

Сулейман в отчаянии закричал, это было завывание человека, чей дух был сломлен. Они взяли его. Он работал с человеком из ЦРУ. Это еще хуже, чем просто смерть.

В Бейруте Феррис остановил такси. Он сказал водителю, что ему нужно в Дамаск. Три часа езды от подножия горы Ливан. Это была «субару», вполне удобная машина. Сначала он хотел поехать на маршрутном такси *сервиси*, но Хани отговорил его. Будет странно, если американец сядет в одну машину с турецкими рабочими и суданскими горничными. Нужно просто найти хорошую машину и сесть на заднее сиденье. Как настоящий американец. Говоря по правде, Хани вообще не хотел, чтобы Феррис ехал в Дамаск. Доставить пленку в «Аль-Джазиру» может и кто-нибудь другой. Но Феррис настоял на своем. Если что-то пойдет не так, он единственный, кто может все объяснить. Само его присутствие доказывает подлинность записи. Хани понимал, что это так, но все равно протестовал. Он предложил послать вслед за ним группу спецназа в качестве телохранителей, но Феррис отказался. От этого поездка станет лишь более опасной. Хани согласился с ним, но все равно происходящее его не радовало. Он не хотел, чтобы бомба, которую вез Феррис, взорвалась в его руках.

«Субару» отъехала от прибрежного Бейрута и начала забираться в гору, мимо стоящих на склонах холмов городов Алей и Бхамдун. На вершине горы Ливан лежала толстая шапка снегов, а дороги на перевале были покрыты коркой льда, несмотря на солнечный день. Они миновали перевал, блок-посты ливанской армии и покатились вниз, к городу Хтаура и долине Бекаа. Приближаясь к сирийской границе, Феррис почувствовал, как в его животе растет комок страха. Каждый раз, попадая на Ближний Восток, он со страхом думал об этой границе. Это было место, откуда не возвращаются. Пересекая ее, ты отдавал себя на милость незримых рук.

Хани дал ему иорданский дипломатический паспорт. Теоретически это должно было сильно упростить дело. Но сирийцы заинтересовались. Зачем этот человек, «Фариз», едет сюда, представляя Иорданию? Их информационные системы были слишком примитивны, чтобы провести серьезную проверку, но они все равно заинтересовались. Они спросили Ферриса, сколько времени он намерен провести в Сирии. Пару часов, ответил Феррис. Ему надо доставить почту, и потом он сразу вернется в Ливан. Похоже, это успокоило капитана пограничников. Может, это и неприятность, но недолгая.

Машина поехала по траверсу горы Ливан, вдоль сирийской границы, и через полчаса они уже были в пригороде Дамаска. Город растянулся на многие километры вдоль Сирийской равнины, жемчужины Востока, давно утратившей свой былой блеск. Феррис сказал водителю адрес отделения «Аль-Джазиры», на Абу-Румманех, рядом с французским посольством. Оно располагалось в простом, ничем не украшенном бетонном здании. Как и большинство других домов в Дамаске, оно словно перенеслось сюда из шестидесятых годов двадцатого века на машине времени. Когда они приехали, Феррис сказал водителю, чтобы он подождал его пару минут. Потом он вернется, и они поедут обратно в Бейрут.

Феррис сжимал в руках завернутый в коричневую бумагу оригинал видеокассеты. В кармане пальто лежала ее копия. Нажав кнопку звонка с надписью «Аль-Джазира», он дождался, когда секретарь откроет дверь. Он попросил позвать офис-менеджера. Вышел коренастый мужчина в двубортном пиджаке от Джорджа Рафта и цветном галстуке. Он с сомнением оглядел Ферриса.

Феррис прокашлялся. Он не хотел выглядеть нервным, но ничего не мог поделать с этим. Сейчас он оказался в конце очень долгого пути.

— У меня для вас запись, от Рауфа, — сказал он.

— Кого? — переспросил менеджер, отшатнувшись.

— От Рауфа. Он так себя называет. Он сказал, что вы будете ждать эту запись. Особую запись, представляющую интерес для всех ваших зрителей.

Лицо менеджера побледнело. Он бегом вернулся в офис, и Феррис услышал,

как он с кем-то говорит по телефону. Смиренным голосом. Несколько раз прозвучало имя «Рауф», остального Феррис не разобрал. Через некоторое время менеджер вернулся. На лице его было написано облегчение, и вскоре стало понятно, по какой причине. Он получил возможность избавиться от гостя, чей визит был чреват неприятностями. Менеджер дал Феррису листок бумаги, на котором был написан адрес в Старом городе.

— Если у вас запись от Рауфа, отправляйтесь к Хасану, — сказал он. — А не сюда. Вот адрес.

Он махнул рукой, словно отгоняя Ферриса от двери.

— Тогда позвольте оставить вам копию, — сказал Феррис, доставая кассету из кармана пальто и выкладывая ее на стол. — На случай, если со мной что-то случится и я не смогу доставить вам оригинал, у вас будет копия. Возможно, вы захотите просмотреть ее. Это очень важно для всех арабов. Это особый подарок от Рауфа.

Менеджер выглядел встревоженным оттого, что у него остался столь опасный и важный подарок. Но отдать его назад не попытался.

Адрес привел Ферриса в Баб-Тума, христианский квартал Старого города. Единственный во всем городе. Вот она, еще одна форма *такии*. Водитель долго лавировал среди плотного движения и бибиканья улицы Багдад, прежде чем свернул на Баб-Тума. Они медленно поехали по старой улице, вдоль развалин древней городской стены. Наконец затормозили у мощенного булыжником переулка, слишком узкого, чтобы в него заехала машина такси. Водитель махнул рукой. Нужно было пройти чуть дальше, среди запряженных в повозки ослов и прилавок уличных торговцев. Феррис сказал водителю, чтобы он снова подождал пару минут, и вышел из машины.

Изнаненная осколками нога болела, но он пошел, преодолевая боль. По улице ходило множество сирийцев. Они что-то покупали. Мясник рубил большой кусок ягнятины прямо на улице. Через дверь стояли два молодых сирийца, разглядывая местный журнал с девочками и ожидая своей очереди к цирюльнику, чтобы постричься. Парочка покупала обручальные кольца в ювелирной лавке. С детской площадки в армянской школе, расположенной дальше по улице, выходили дети. Феррис почувствовал, что с легкостью теряется в этой толчее арабского города, но он знал, что это не так. Он выделяется, как шрам на здоровой коже. В каждом окне виднелась икона с задумчивым ликом Христа, темноликого восточного Христа, единственного, кто на самом деле знает, что значит страдать.

Он увидел табличку с нужным адресом прямо перед собой. На первом этаже небольшой магазинчик, торгующий аудио- и видеокассетами в ярких обложках. Рядом — вход в квартиру, наверх по лестнице. Там, над магазином, горел слабый свет. Феррис остановился и огляделся. Шумная толпа, похоже, потихоньку редела. Люди возвращались кто в свои лавки, кто — домой. Возможно, они догадываются. Так всегда бывает в этих городах, таких как Дамаск. Есть какой-то тайный язык. В тот момент, когда что-то случается или вот-вот должно случиться, все уже знают об этом. Вот так и выживают эти люди.

Феррис заглянул внутрь. Там было темно, и он нажал на кнопку, зажигая в коридоре свет. Стоявшая в дверях в конце коридора женщина отошла в тень.

— Где живет Хасан? — спросил Феррис.

Женщина мотнула головой, показывая взглядом наверх, и закрыла дверь. Феррис принялся взбираться по скрипучим ступенькам. Доски едва не уходили из-под ног, перила шатались. Наверху было темно, а где включить свет, Феррис не нашел. Он принялся ощупывать стену в поисках кнопки, и тут открылась дверь. За ней стоял бородатый мужчина. Его лицо было немного освещено светом из комнаты.

— Вы Хасан? — спросил Феррис. — У меня кое-что для Хасана.

Бородатый мужчина не ответил, но жестом позвал Ферриса внутрь. Они вошли в едва освещенную комнату. Феррису здесь не нравилось, но теперь у него уже нет выбора. Все шло именно к этому. Он должен был доставить посылку, вот и все. А запись на пленке довершит дело. Бородатый мужчина закрыл за ним дверь.

Внутри квартиры стоял другой человек. С такой же густой бородой, как и у того, что открыл дверь. На голове у него была вязаная молитвенная шапочка. Судя по напряженному взгляду холодных глаз, это и был брат Сулеймана.

— Я Хасан, — сказал он. — А ты кто?

— У меня для вас запись, от Рауфа, — сказал Феррис. — Рауф сказал мне, чтобы я передал ее вам, для «Аль-Джазире». Это была его последняя воля. Он сказал, что я должен отдать ее вам и что вы будете ждать меня.

— Ты американец? Тот, которого ждал Рауф?

— Да, — ответил Феррис. Он увязал все глубже, но это не важно. Главное, чтобы они взяли эту запись.

Хасан кивнул. Он знал, кто такой Феррис. Поэтому и открыл дверь. Но вряд ли он был этому рад.

— Мы ждали эту запись пару дней назад. Но потом потеряли связь с ним. Где Рауф? Почему мы ничего не слышим о нем?

— Не знаю, — ответил Феррис. — Только знаю, что он хотел, чтобы это оказалось у вас.

Он передал хозяину квартиры коричневый бумажный сверток. Хасан аккуратно развернул его и посмотрел на кассету. Прочитал надпись на арабском на ее ярлыке. Должно быть, это кодовые слова. Хасан дважды прочел их и кивнул.

— Слава Аллаху, — сказал он.

— Слава Аллаху, — повторил за ним Феррис. — А теперь я ухожу. Рауф сказал, что я должен уйти, когда отдам запись.

— Нет, — ответил Хасан. — Сначала мы ее посмотрим.

Ферриса словно залило жидким огнем. Очертания комнаты поплыли у него перед глазами. Ему захотелось оттолкнуть стены комнаты, прежде чем они сожмут его.

— Я должен уйти, — повторил Феррис, пятясь к двери. — Когда вы посмотрите запись, то поймете почему. Это должны показать по «Аль-Джазире».

— Мы сами решим, — сказал Хасан.

Он отдал кассету второму мужчине, и тот включил небольшой телевизор, стоявший в крошечной гостиной. В нем был встроенный кассетный видеоплеер. Через пару секунд они вставят кассету в плеер, и на экране появится изображение. Феррис понял, что у него больше нет времени.

— Я должен уйти, — повторил он. — Сейчас.

Хасан встал позади Ферриса, загородив собою дверь. Вот оно, подумал Феррис. Он украдкой глянул на окно. Внизу магазин, вспомнил он. Вроде бы там есть тент над входом.

— Включай, — сказал Хасан.

Помощник вставил кассету в плеер, и на экране появилось дрожащее изображение.

Феррис побежал, повинувшись инстинкту. Не обращая внимания на израненную ногу, изувеченные мышцы и страх, кольцами боли сжимающий его конечности и суставы. Развернувшись спиной к окну, он с размаху прыгнул спиной вперед, стараясь прикрыть голову руками. Оконная рама затрещала и сломалась, Ферриса осыпал дождь осколков стекла, тысячами игл впиваясь в его кожу. Мгновение он словно плыл в воздухе, не зная, ударится его тело о булыжник мостовой или о мягкую ткань тента. Мгновение. В следующее мгновение он почувствовал пружинящий удар о раму тента, достаточный, чтобы смягчить падение. И оказался на земле.

Стоящие на улице люди кричали, показывая на него пальцами. Феррис не понимал почему, пока не коснулся рукой затылка, а потом посмотрел на руку. Она была в крови. У него еще пара секунд, а потом Хасан и его помощник выскочат на улицу в погоне за ним. Он попытался встать, пошатнулся, но удержал равновесие. И побежал по улице настолько быстро, насколько это позволяла ему искалеченная нога. Люди продолжали кричать, но ему было плевать на это. Самое лучшее, что может с ним произойти, — это если его арестует сирийская полиция. Но ее не было.

Подбегая к воротам Баб-Тума, Феррис вдруг понял, что Хасан и его помощник не гонятся за ним. Где же они? И тут он понял. Когда Феррис прыгнул, они только начали смотреть запись. Их загипнотизировал вид Сулеймана: потрясенного, оглушенного и парализованного. Ядовитая пилюля коснулась первого узла. Теперь яд продолжит распространяться по всем нервам и сосудам, пока не достигнет центра. А затем огни начнут гаснуть, система даст задний ход и зачахнет.

Водитель ждал Ферриса на том же самом месте. В багажнике у него нашлось полотенце, и Феррис стер кровь. Инстинкт подсказал ему, что надо держаться подальше от сирийских госпиталей, как и от американского посольства. Он приказал водителю ехать во французское посольство, самое красивое и современное во всем городе. На входе в посольство он объяснил французскому офицеру, что ему надо встретиться с начальником отделения Генерального Управления внешней безопасности. Может, вид крови, а может, исполненный абсолютной решительности взгляд Ферриса заставил француза впустить его внутрь, за массивную дверь посольства. Он связался с начальством. Спустя минуту пришел человек из ГУВБ, вместе с медсестрой. Они отвели его в посольский госпиталь, промыли ему раны и вызвали врача. При падении Феррис сломал два ребра, а еще пришлось наложить больше сорока швов на порезы. На самом деле ему повезло. Феррис отчасти объяснил, что с ним произошло. Не слишком много, но достаточно для того, чтобы начальник ГУВБ не выглядел глупо, заполняя свой отчет. Француз спросил его, почему он не обратился в американское посольство.

— Я в отставке, — с улыбкой ответил Феррис.

Француз понимающе улыбнулся.

Они предоставили ему машину с дипломатическими номерами и водителя для обратной дороги в Бейрут. Феррис с радостью согласился. Все кончено. Теперь у него только одна цель. Найти Алису.

Спустя сутки «Аль-Джазира» показала эту запись. Комментатор назвал ее «признанием предателя». Она смотрелась как публичная казнь через повешение. Может, и ужасающе, но глаз не отведешь.

К этому времени Феррис уже снова был у Хани, окруженный заботой и под защитой. Он даже не стал смотреть трансляцию. Пусть «признание» Сулеймана сделает свое дело. Пусть позор и чувство вины пронзят весь мусульманский мир, пусть звучат оправдания и контробвинения, пусть говорящие раздражаются громкими тирадами, злорадствуют или просто ищут, куда спрятаться. Это займет не один день и даже не одну неделю. Пройдут годы, прежде чем террористическая сеть оправится от воздействия этого яда. Потому что если движение не может верить Сулейману, возвышенному архитектору джихада, то оно не может верить никому.

Глава 37

Первые дни они чувствовали себя неловко. Оба не хотели говорить слишком много из страха, что это вызовет бурю чувств и разрушит всякий шанс на счастливую жизнь. Они были очень деликатны друг с другом, как хорошая семейная пара,

которая имеет чувство такта, достаточное, чтобы не расспрашивать друг друга о прошлых влюбленностях. Феррис пообещал, что развенчает всю ложь и будет жить, полагаясь только на правду, но это оказалось нелегко. Он прожил жизнь, в которой почти все оказалось ложью. Речь была скорее о том, чтобы начать все сначала, а не переписывать прошлое. Похоже, Алиса это понимала. У нее тоже хватало секретов, загадок, наполнявших ее жизнь в Иордании, таких, в которых она не могла окончательно признаться не только Феррису, но даже себе самой.

Они встретились в госпитале в Триполи. Алиса ждала там Ферриса все то время, что он отсутствовал. Когда она в первый раз вошла к нему в палату, Феррис разрыдался. Он не собирался вести себя подобным образом, но ничего не мог с собой поделать. Он попытался объяснить Алисе, что произошло, но потом сдался. В ответ она просто крепко обняла его. Она увидела синяки на лице и на шее. Взяла в руки его искалеченную ладонь и увидела, что на ней нет одного пальца, а другой забинтован. Все остальное она и сама могла хорошо представить. Феррис не стал рассказывать ей про последнюю схватку в Дамаске. Расскажет позднее, если расскажет вообще.

Хани предоставил им машину с водителем, и они вышли наружу, в сияние зимнего ливанского солнца. На горе у них за спиной лежал снег, а впереди искрилась чистейшая голубая вода. Эта чистота солнца и воды, казалось, смыла с них часть грязи в то же мгновение, как они вышли на улицу. Феррис решил отправиться в мечеть в Триполи, где, по словам Хани, его прадед был шейхом. Он хотел увидеть ее. Он показал Алисе каменный дом, где родился его дед, и она просто улыбнулась, будто уже знала, что он тоже был мусульманином.

После полудня они поехали на юг, обратно в закопченный изумруд Бейрута. Хани забронировал им номер в «Финикии» с видом на залив и заснеженную гору позади него. Алиса повесила на дверь табличку «Не беспокоить». Они начали медленно раздевать друг друга. Алиса изо всех сил старалась не касаться его ран. Она отвела его к кровати, и они легли. Они долго лежали, не начиная заниматься любовью, просто касаясь друг друга и вспоминая, позволяя любви и желанию вернуться к ним. Он ждал ее. Начать должен был не он. Пусть она сама возьмет его. И она сделала это.

Они провели в постели всю ночь и весь следующий день, заказывая прислуге еду, а потом уселись на балконе, выходившем к морю. Время растянулось до бесконечности. Им не надо было никуда спешить, не надо было ни о чем лгать. К вечеру Феррис начал засыпать и услышал, как Алиса поет ему колыбельную. Когда он проснулся, она перестала петь, а потом запела снова, касаясь спутанных черных волос на его голове. Феррис позволил своим мыслям медленно вернуться в прошлое. В своем роде, он проживал все в обратном направлении, но, может, это направление было прямым? Может, и так.

— Ты была частью этого, — сказал он.

— В конце — да, — ответила она, перестав петь, но продолжая гладить его волосы. — Я уже бывала в Сирии. И знала, что я делаю.

— Для Хани?

— Да. Он помогал мне оставаться в Иордании, и я иногда помогала ему. Но в последний раз я делала это ради тебя. Он сказал, что ты будешь в безопасности. Иначе ты никогда не стал бы свободен.

— Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

Она надолго задумалась.

— Нет, — наконец сказала она. Коснувшись его лица, она улыбнулась и скоро заснула рядом с ним.

Они полетели обратно в Амман на личном самолете Хани. Хофман ждал их;

возможно, он злился, но смог не показать этого. Как и предсказывал Хани, он присвоил себе всю славу, даже за операцию с «Аль-Джазирой». Хофман хотел получить полный отчет, и Феррис все ему рассказал, ничего не скрывая. Рассказ занял часа три, не прерываясь ни на минуту.

— Я хочу уйти в отставку, — сказал Феррис, закончив свой рассказ.

Хофман не стал его отговаривать. Только пробормотал, что целиком и полностью понимает его. Конечно, он мог вздохнуть с облегчением. Феррис был единственным американцем, который знал всю правду. И с этой точки зрения Хофман хотел бы в последнюю очередь видеть его на работе в ЦРУ.

Он предложил Феррису внушительное выходное пособие, не то чтобы золотое, но вполне серебряное. Пожизненные выплаты за утрату трудоспособности плюс особое пособие, поскольку он был ранен при исполнении. И особая премия из директорского фонда, «За отличную работу». Выплата за неиспользованные отпуска, премии за переработку и работу в опасных условиях. Не то чтобы настоящий подарок судьбы, но весьма немало. Хофман сказал, что они хотели тайно вручить Феррису медаль, и директор вручит ее ему, если он приедет в штаб-квартиру. Феррис отказался, и его медаль отправилась в сейф. К предыдущей, за Ирак.

Роджер Фариз и Алиса Мелвилл поженились в Аммане, в июне. Он слегка скрыл шрамы, отрастив волосы и бороду. Алиса сказала, что таким он ей нравится даже больше. Церемония была простой. Феррис не принял ислам, но на свадьбе были шейх-суннит и священник англиканской церкви, который и произносил все необходимые слова. На свадьбу прилетели родственники Алисы и мать Ферриса. Сначала Феррис не хотел приглашать шафера, но потом решил пригласить Хани. Тот очень обрадовался, поняв, что ему прощены все те манипуляции, которыми он занимался. После свадьбы Алиса продолжила работать с палестинскими детьми в лагерях беженцев. Феррис присоединился к ней, и люди в лагерях были рады ему. Он говорил на их языке, выслушивал их. Они проработали так до осени, живя в квартире Алисы в старом квартале города и уча друг друга поварскому искусству.

Но в сентябре, почти через год после того, как они встретились, их посетил Хани. Сначала он хотел поговорить с Феррисом наедине, но тот отказался, сказав, что с этим покончено навсегда. Тогда Хани изложил ситуацию им обоим. К нему обратился некий британский журналист, ведущий собственное расследование перестрелки в Алеппо, в которой был замешан недавно ушедший в отставку американский дипломат по имени Роджер Феррис, работавший тогда в Аммане. Хани сказал, что может спустить дело на тормозах, благо у него хватает друзей в Лондоне, Бейруте, Париже и Тель-Авиве, если утечка произошла где-то там. Но слухи уже пошли. Это означает, что Феррису и Алисе небезопасно оставаться в Аммане. Хани обещал защитить их, но сказал, что счел своим долгом сообщить об этом.

И в начале октября они переехали в другой арабский город, где тоже было Агентство по делам беженцев, которому тоже требовались добровольцы. Они не сообщили об этом даже друзьям. Перед отправлением из Аммана выяснилось, что Алиса беременна. У них родился ребенок, родился в арабском мире. Роджер и Алиса окончательно породнились с этой землей, став ее частью, влившись в ее кровоток. Они не избежали печального очарования этой культуры, принявшей их в свои руки. Да и не пытались. Так они и жили.